

12+

Елена (Лён) Луговская

о чем думает море...

dystopian novel

Елена Григорьевна Луговская

О чем думает море...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35969720

SelfPub; 2018

Аннотация

Художественное произведение в жанре антиутопии. Автор размышляет о том, как информационные технологии меняют мир и к чему может привести феминизация общества. История героев повести уходит далеко в будущее: мир середины третьего тысячелетия удивителен и необычен, но изменилась ли природа человеческая? Что выберет человек будущего – знания или свободу, власть или любовь, решит ли он изменить мир или захочет покоя? Да и что такое человек в бесконечности сущего.

Содержание

Часть 1	5
Главы 1 нет	6
Глава 2	33
В саду Гефсиманском	39
Начало	44
Чудо	54
День седьмой	66
Проблема	72
Небесное воинство	81
Бытие	87
Исход	94
Апокалипсис	98
Глава 3	117
Кодекс Новой Жизни	120
Новый мир	128
Глава 4	131
Ячейка	133
Тайное местечко	159
Прометей прикованный	169
И в хрустальном гробе том	180
Искушение	185
Хождение по мукам	200
Глава 5	208

Совет Матерей	226
Глава 6	235
Посвящение	263
Решение	306
Глава 7	347
Море	354
Часть 2	380
Изгнание	416
Небытие	426
Чужие	431
Возвращение	445
Встань и иди	451
Огонек в ночи	467
Глава 8	485
Прозрение	493
Третье пришествие	499
О чем думает море	514
Вместо эпилога	516

Часть 1

– Ты его собираешься есть или пить? – та, к кому была обращено это язвительное замечание, удивленно вскинула брови:

– Да что с тобой сегодня? Я всегда пью такой кофе... Каждое утро, – Грета говорила медленно, словно предлагая собеседнице себя перебить, – И у тебя никогда это не вызывало никаких отрицательных эмоций... кроме непосредственного отвращения к кофе... – уловка, однако, не удалась: Брита, обычно уравновешенная и благодушно улыбчивая, всплыв неожиданно даже для самой себя, молчала, насупившись и уставившись на чашку, в которую Грета вытряхивала из бумажного пакета черно-коричневое нечто.

– Что-то случилось?... снова пауза, и снова никакой реакции. – В любом случае, не стоит на меня шипеть, а то яд аж капает, пол прожжет, – Грета, в привычном для их общения тоне, пыталась поймать взгляд Бриты, но та упорно тарасилась в чашку. Грета налила воды в чашку, на треть заполненную молотым кофе, и отвернулась от Бриты.

Главы 1 нет

Так кофе уже не пили, наверное, пару веков... Во всех жилых помещениях, кварталах и даже в транспорте были установлены автоматы для напитков. И все привычно пили любую бурду, которая проистекала из них. В больших планетарных центрах еще можно было найти элитные бары, где подавали кофе, свежеприготовленный по разным рецептам – это было настоящее таинство, по содержанию ритуала перепутанное, как писали историки, с чайной церемонией древнейшего и нового Китая. Но желающих платить невероятные деньги за сомнительно горькое удовольствие становилось все меньше и меньше. О том, чтобы найти в свободной продаже молотый кофе или кофе в зернах – вообще и говорить было нечего – для этого нужно было знать места.

Производство миллионов ароматизаторов с удивительными вкусами и яркими запахами было поставлено на поток, и никто не соблазнялся желанием тратить время на приготовление питья из естественного оригинального сырья, которого, к тому же, становилось все меньше и меньше. Растительные продукты выращивали теперь разве что только в исследовательских агроцентрах. Животных, или как говорили пару веков назад, домашний скот и птицу, держали только в зооконгломератах, а словом «Фермер» по названию мирового

производителя теперь называли всякую питательную массу.

После того, как в жизнь вошли ароматизаторы, самым прибыльным делом оказалось производство питательной массы. Приготовлением, если это можно так назвать, пищи занимались автоматы, владельцы которых просто вводили задачу со сведениями о цвете, плотности, форме, структуре, вкусе и запахе продукта, и машина выдавала им искомое. Первые автоматы, появившиеся на закате 21 века, критиковали, как помнится, за скудость меню – разнообразие форм, плотности очень уступало возможностям изменения остальных критериев, еще соотносимых первыми пользователями с характеристиками естественной пищи.

Однако прошли века, очень быстро человечество наигралось новой игрушкой, и теперь автоматы даже не имели опций процентной корректировки плотности или градуировки температуры пищи. Управляющая панель автомата представляла собой экран, на котором пользователь выбирал иконки с простейшими геометрическими фигурами – для выбора формы пищи, три температурные иконки – холодный, теплый, горячий, выбор вкуса-запаха. Эти иконки теперь, когда все давно забыли естественный вкус каких бы то ни было продуктов, именовались – «мясо», «рыба», «птица», «овощи», «бакалея», «макаронны», «комби», а иконки приготовления – вареное, жареное, сырое, печеное, паровое.

Это раньше была градация по вкусам мяса и разной птицы, рыба различалась по такому невероятному количеству

оттенков, что составлением программы для простейших пищевых машин занимались целые города программеров, были учтены аспекты использования разного количества соли, специй, масел, смешать можно было определенные овощи, если вы еще помнили их названия, и это могло быть салатом, рагу или супом... Теперь и слова, называющие эти блюда, уходили в прошлое, и сами блюда никто никогда не пробовал. Автоматы, на которых разнообразие продуктов для приготовления сложных блюд было отображено на кнопках в виде рисунков, давно не производились, и мало кто мог теперь по внешнему виду такой кнопки определить само блюдо.

На первых порах после появления пищевых автоматов энтузиасты экспериментировали с закладыванием в программу машины разных запаха и вкуса, например, любители могли заказать клубничный запах у продукта в форме рыбы со вкусом мяса... Но и это всем быстро надоело. Для нынешнего едока слова «мясо» или «рыба» могли значить только тот вкус и запах, который был им предписан машиной, или не значить ничего вообще, потому что в новейших машинах были опции для приготовления без вкуса, без запаха, и все больше людей находило свою прелесть в потреблении таких блюд.

Да... производителям машин было сложно удивить покупателя и заставить их купить новую машину взамен все еще работающей старой. Последним шиком считалось наличие опции – расположение пищи относительно тарелки... чем-то

напоминало старинную программу Ворд, была такая... – ок-но документа можно было располагать относительно экрана в процентном соотношении слева, справа, во весь экран, на 10 % и так далее. Форму пищи на тарелке можно было задать координатами в 3D формате, но форма рыбы, птицы теперь никому не была интересна, в моде были, помимо простей-ших геометрических фигур, в основном, цветы и звезды.

Такое полное пренебрежение культурой питания не яви-лось чем-то особенным и из ряда вон выходящим в свете всех остальных изменений, случившихся на планете. Чело-вечество, а с некоторых пор оно было представлено только его женскими представительницами, точно с таким же пре-небрежением стало относиться и ко всему остальному. Кра-сота была не в цене. Упор делался на удобство: удобно было не готовить еду – придумали автомат, удобно было не мыть посуду – посуда была только одноразовая (кажется, однора-зовая посуда – это очень древнее изобретение, но как гово-рят историки, раньше одноразовая посуда конкурировала с посудой многоразового использования, теперь даже понятия многоразового использования чего бы то ни было не стало), удобно было не стирать, не гладить, не мыть и не чистить: одежда, обувь, всевозможные ковры, покрывала, постельное белье, сумки, даже матрасы – все теперь было сделано так, чтобы при первых же признаках негодности для эксплуата-ции быть утилизированными.

Когда в 2213 году выведенные на орбите космических

станций мир специальные мусороперерабатывающие бактерии расправились со всем мусором, накопившимся за тысячелетия человеческой истории, некоторые псевдоученые начали кликушествовать, что, мол, оголодают бактерии, да и давай нас жрать! Этого, к счастью не произошло, ведь наука на то и наука, чтобы, изобретая решение проблемы, учитывать нюансы возможных последствий. Впрочем, как ни прискорбно это признавать, но сегодня о науке так сказать уже было нельзя.

Давно уже было нельзя. С тех самых пор, как в науке остались представители доминировавшего теперь человеческого вида – женщины.

Если на заре своего появления феминизм как идеология мыслился чем-то революционным, то развившаяся в рамках такой идеологии культура общественного поведения и мироустройства оказалась удивительно деструктивным феноменом. Вместо декларируемого на заре появления феминизма равенства между мужчинами и женщинами, человечество пришло к торжеству маскулинно-феминного гендерного типа, проявленного в биологическом женском виде.

Даже период нового средневековья, памятный расцветом трансгендерной идентичности, не смог противостоять феминизации мира. Сначала женщины проникли в чисто мужские сферы деятельности и доказали, что способны не хуже мужчин выполнять любую физическую и интеллектуальную работу, потом женщины проникли в управление, властные

структуры и со свойственной только женщине уверенностью в собственной непогрешимости переиначили все устоявшиеся правила и обычаи, полностью изменили приоритеты мирового развития, принципы сотрудничества и общежития. Навязываемые человеческому сообществу идеи со временем сложились в целое религиозное учение, так называемый Кодекс Новой Жизни. Деструктивность политики общественного переустройства не была самоцелью, даже не так – деструктивность вообще не предполагалась, – все изменения были настолько несущественны, что даже их непредсказуемость, необусловленность текущей ситуацией, и зачастую откровенный идиотизм не принимались обществом всерьез. Просто в какой-то момент вдруг оказалось, что все уже не так, что все настолько иначе, что исправить или вернуть назад уже ничего невозможно.

Структура нового феминного общества требовала феминности от всех независимо от пола и возраста, при этом само понимание феминности кардинально трансформировалось и по сути представляло собой культ маскулинно-феминного типа, в котором к мужскому началу условно отнести можно было только требования физической выносливости, высокого интеллектуального потенциала и непрременной харизматичности. Сразу после периода Нового средневековья был небольшой период, когда казалось, что произошла инверсия гендеров – женщины прочно обосновались на тех социальных позициях, которые несколькими веками ранее тра-

диционно занимали мужчины, а мужчины соответственно заняли освободившиеся ниши в социальной иерархии, уже упоминавшийся трансгендерный всплеск ничего не изменил в этом раскладе, и даже, как считают, некоторые ученые, способствовал инверсии социальных полов. Мечта некоторых теоретиков того времени о рождении нового «андрогинного» социального пола в реальности воплотилась весьма односторонне – женщина приняла на себя все социальные функции и мужчине просто не осталось места в таком мире.

Женщины были везде – их интересовало абсолютно все, все было неправильно и требовало реструктуризации, перепланировки, изменения, исправления и улучшения – даже природа не устраивала женщину. Смешные лозунги нового времени о гармонии с природой были выброшены на помойку истории – актуальными стали революционные призывы обуздать природу, а если это невозможно – обойтись без нее... Как? Исключить природу из своего мира, спрятаться от ее проявлений и не зависеть от ее даров.

Надо сказать, что в эту идею на первых порах поверили все безоговорочно, потому как климат изменялся стремительно и непредсказуемо – миллионы людей гибли от природных катаклизмов: жара, наводнения, оледенения, неизвестные и давно забытые болезни, – все это во многом способствовало тому, чтобы человек начал обороняться, воспринимая проявления природы как нападение на него. Слабые голоса ученых, пытавшихся объяснить изменения кли-

мата разрушительной деятельностью человека, услышаны не были – слишком банальна была высказываемая ими мысль и слишком недоказуемы причинно-следственные связи.

Религиозное сообщество, вначале поддержавшее ученых, затем резко сменило курс. Идея гнева Божьего, так органично легшая в обоснование необходимости нового мироустройства, перестала удовлетворять критериям новой религии, в которой не было места непредсказуемости – и благость и кара должны были быть управляемыми, своевременными и строго дозированными. А то, что происходило с природой не укладывалось ни в какую систему, не поддавалось никаким рациональным объяснениям: за несколько десятков лет, несмотря на нечеловеческие усилия ученых-селекционеров и генетиков, пшеница деградировала в несъедобный мусорный злак, в связи с чем изменение рациона питания повлекло за собой появление новых заболеваний, не говоря уже о том, что какая-то часть населения, все еще проживающего вне городов и обеспечивающая себя питанием самостоятельно, из-за употребления в пищу мутировавшего злака, чуть не вымерла. Те, кто остался жить, стали переносчиками вирусной паранойи – паранойеподобного состояния, сопровождающегося повышением температуры тела, давления и увеличением пульса, которое сохраняется до тех пор, пока человек не будет травмирован в той или иной степени. Инфицированные люди собирались группами и в состоянии параноидального бреда совершали массовые самоубий-

ства – выжившие на какое-то время казались вполне здоровыми, но оставались носителями и разносчиками вируса – ряды несчастных пополнялись теми, кто помогал им выздоравливать. Найти медицинское решение этой проблемы так и не смогли, зараженные стали изгоями, они убегали от карантинных отрядов в дикую природу, и со временем на планете забыли о такой болезни.

Не успели вздохнуть с облегчением, как появилась новая напасть – избирательные вирусные патологии: сначала выявилась закономерность по летальным исходам среди больных определенным типом диабета, потом по всему миру прокатилась череда смертей однойцевых близнецов; сложнее всего было обнаружить закономерности летальных исходов заболеваний невыявленной этиологии, обусловленные наличием у человека того или иного доминантного или рецессивного признака.

Прорывом было открытие семьи вирусов, так называемого направленного действия – оказалось, что некоторые вирусы приспособились к избирательному внедрению в те части ДНК, которые ранее были «подкорректированы» их собратьями. Однако знать, как работает не значит знать как исправить...

То, что некоторые вирусные заболевания в недавние исторические времена стали специализироваться на том или ином виде человека, заметили не сразу. Поначалу считалось, что такие гендерные эпидемии вызваны привычками пита-

ния, навязываемыми медийной рекламой или обусловлены образом жизни, тем более что, как правило, эпидемии были всегда локально ограничены тем или иным городом, максимум областью. Когда же оказалось, что даже и такие локальные эпидемии сильнее ударяют по мужской части населения земли, и в экстренном порядке пришлось более тщательно исследовать причины летальных исходов, наоткрывали такую прорву новых вирусов и их модификаций, что в определенный момент оказалось, что известных вирусов, которые предположительно могут внедриться в организм, больше, чем вообще людей на земле.

В какой-то момент мужчины просто стали вымирать. Все новые и новые мутации вируса, названного вирусом Захария, выкашивали мужское население целых континентов. Предугадать штамм вируса, который вдруг окажется патогенным именно для мужчин в той или иной части света было невозможно, а успеть сделать вакцину было крайне сложно. Пока ее делали, а потом доставляли тем, кому она была предназначена, часто случалось, лечить уже было некого, либо вирус мутировал так, что вакцина в лучшем случае оказывалась бесполезной.

Сначала гендерные эпидемии практически начисто выкосили мужское население самых цивилизованных стран, при этом было замечено, что в развивающихся странах мужчины более стойки к штаммам вируса Захария – началось всемирное переселение мужчин – цивилизация принимала но-

вую мужскую кровь. Новоприбывшие ассимилировались и уже третье, а в некоторых случаях и второе поколение вновь прибывших точно также было истреблено неуловимыми вирусами.

При этом вирус Захария в основном поражал особей от 14 лет и выше, так что перед человечеством явственно проступила перспектива семенного голода. Был создан Вселенский (они так его называли) Институт Семени, где сначала просто хранили собранное семя, проводя анализы на его чистоту от вирусов и прочих неприятностей, а потом, когда пришлось ездить не просто за здоровыми, а хотя бы просто живыми мужчинами в такие уголки земли, где сохранились островки полудивилизованных образований, и самих мужчин стали содержать в этом Институте.

Площадь Института с тех пор увеличилась в несколько десятков раз и на момент, о котором мы ведем наше повествование, занимала уже целый современный полис. Но даже такие беспрецедентные меры не могли остановить последовательное вымирание мужской особи человека, поэтому и рождающихся детей мужского пола теперь также содержали в этом институте, чтобы с максимальной вероятностью обеспечить их выживаемость хотя бы до семенной зрелости. За младшими детьми ухаживали старшие и, таким образом, в скором времени корпус Института, где проживали мужчины, превратился в своего рода инкубатор, где основной обязанностью и умением достигших половой зрелости мужчин

считалось воспитание детей. Это было так естественно, что в какой-то момент решили, что всех детей до пятилетнего возраста, независимо от пола будет очень удобно воспитывать в Инкубаторе (и его теперь так и называли).

Воспитатели мужчины все равно то и дело заболевали странными, непонятно откуда бравшимися в практически стерильной обстановке инкубатора вирусами и летальных исходов было не избежать. Поначалу, когда заболевал кто-то из воспитателей, детей, особенно мальчиков, переводили в другие корпуса или даже блоки, но потом было замечено, что вирус, от которого умирает половозрелый индивид, не затрагивает младшее поколение. Таким образом, в процесс воспитания от инкубатора, в котором выращивались младенцы, и до того момента, когда женские особи направлялись для обучения в линии, а мужские особи переводились в отсек для воспитателей и там учили воспитательской нехитрой премудрости, не было никакого вмешательства извне. Линиями обучения теперь назывались условные ступени образования обитателей полисов, каждая линия занимала от полутора до пяти лет обучения по двум-трем, всегда разным, научным направлениям в зависимости от текущей потребности экономики в тех или иных работниках и индивидуальных способностей самих ячеек к освоению материала.

Отчасти это делалось для того, чтобы предупредить любую возможность нарушения микроклимата, отчасти воспитание детей было самым последним делом, которым хотела

бы заниматься оставшаяся часть человечества, на чьи плечи теперь были возложены все обязанности построения государства, развития науки, урегулирования конфликтов, освоения космоса, решения кризиса перепроизводства... Надо сказать, что именно последнее и было то, с чем женский ум справился легко и навсегда.

Как?

А в чем была проблема? Много товаров? Ну, много – не мало. Товары некому покупать? Почему некому, а мы? Ах, не за что... Так в этом проблема!

Сформулируем еще раз. Соотношение потребности – возможности всегда было не в пользу второго, особенно у женской части человечества, а так как теперь только она и осталась, эта самая часть, то она же и решила: мне надо – я беру, надоело – выбрасываю и снова беру... Количество товаров уменьшается! Вы говорите, что не учтен аспект доходов? Нет, не учтен. Но это работает!

В 2135 году удивительный ученый-экономист в своей лаборатории, состоящей из 12 неглупых женщин и 15 современных на тот момент компьютеров, подсчитала, что если все население земли распределить по полисам (специальным городским конгломератам, включающим в себя блоки для учебы, научной деятельности, производства товаров и продуктовой массы, последняя уже была изобретена), каждому жителю полиса обеспечить свободный доступ к товарам и услугам в обмен на соблюдение им Основ (об этом чуть

позже), то объем производимого будет соотносим с объемом потребляемого.

Такая простая формула стала возможной только с появлением Основ. Для новых полисов и планетарных центров Основы теперь были всем – руководством о том, как жить, где жить, с кем жить, сколько жить и даже зачем жить. Согласно Основам цивилизация абсолютно по-новому обустроила пространство вокруг себя – старинные названия городов еще использовались, но то, что теперь называлось Москвой или Парижем, Лондоном или Амстердамом более походило на огромные торговые центры, в которых теперь, впрочем, никто ничего не продавал и не покупал, здесь теперь жили, учились, потребляли и работали.

В начале 22 века в научной моде оказалась идея так называемой молекулярной цивилизации, основатели которой абсолютно бездоказательно, но, тем не менее, удивительно легко навязали всему миру идею о том, что раз сама природа уже придумала максимально устойчивую форму существования жиров, белков и аминокислот в виде молекулы ДНК, то нет ничего естественнее, чем использовать данную модель, метафорически переосмыслив ее форму и содержание. Результатом этой теории стали бесконечные, оплетающие планету цепочки цилиндрических соцветий полисов. Поначалу пытались строить, полностью соблюдая достоверность модели, круглые корпуса, но уже вошедшие к тому времени в привычку сезонные цунами и тайфуны заставили

апологетов этой теории несколько отойти от поспешно принятой за каноническую сферической формы корпусов существования.

Корпуса существования представляли из себя высокие цилиндрические строения, из соображений устойчивости на пару десятков метров вкопанные в землю, – сплошные стены, бетон и толстое пуленепробиваемое стекло. Окон, в этимологическом понимании этого слова, в Корпусах существования не было, просто стены из бетона чередовались со стенами из стекла. На заре возведения таких строений архитекторы и строители еще придерживались эстетических и этических норм сочетания блоков, но со временем все перестали обращать внимание на такие мелочи, как асимметрия или прозрачная стена жилого корпуса, через которую можно наблюдать жизнь его обитательниц.

Слово красота, за пару веков претерпев несколько семантических трансформаций, теперь обозначало что-то вроде добротности и верности намеченному курсу, остальные его значения, а означало оно и отменное здоровье, и силу, и даже какое-то недолгое время ум, ушли безвозвратно. Впрочем, и само слово-то было не в чести, главным критерием и мерилом всего и всех было слово – оснОвный, что означало полное соблюдение Нового Кодекса Жизни. Это было и наилучшей похвалой, и высшей степенью качества, но трепать это слово без надобности категорически запрещалось. Так вот, в соответствии с параметрами строительства Новой жизни,

закрепленными в Новом Кодексе Жизни – читай Основах – корпусы существования представляли собой достаточно высокие – до 75 метров в высоту, и достаточно вместительные – до километра в сечении «бочки» из стекла и бетона. Перемещаться с этажа на этаж можно было с помощью системы лифтов, расположенных строго в центре такого цилиндра, или по лестницам, опоясывающим тремя огромными спиралями все жилые помещения по внешней стороне «бочки».

Боксы для жилья, как они назывались, только обладая большим воображением можно было назвать боксом, так как по форме эти помещения больше напоминали трапеции с выпуклой широкой стороной и вогнутой более узкой. В каждом таком боксе обычно жили от двух до пяти индивидов, связанными основными узлами – не было теперь ни родственных, ни любовных уз, были узлы Основ, которые и определяли общежитие индивидов как ячейку (эта такая форма существования группы женщин.... Что-то вроде семьи). Каждая ячейка формировалась с учетом результатов комплексного отбора индивидов еще в дородовой период – наследственно-генетического, психолого-математического и социально-профессионального.

Каждый зачатый индивид подвергался унифицированной операции генетической корректировки, число изменений в которой постепенно дошло до 27 и не отражало уже реальной необходимости генетической корректировки, так как многие генетические поправки со временем стали передаваться по

наследству, а некоторые ровным счетом ни на что не влияли, ну, или хотя бы в первом поколении. Кроме того, иногда автомат генетической корректировки волевым решением своего искусственного интеллекта проводил не все 27 генетических коррекции, да и природа не стояла в стороне – во время вынашивания плода генетические изменения частенько нивелировались. Несмотря на это практика генетической корректировки, записанная в Основах, не пересматривалась и ни в коем случае не подвергалась критике.

Здесь нужно пояснить, что вынашивание плода по-прежнему было обязанностью женщины, то есть в современном мире, эту миссию, выполнение которой курировал центр социально-профессионального контроля рождаемости, должен был выполнить каждый индивид. Однако время для миссии рассчитывалось центром психолого-математических расчетов, а сам процесс оплодотворения и вынашивания контролировал центр наследственного генетического планирования.

Почетную и трудную обязанность вынашивания и рождения новых индивидов оставили женщинам по двум причинам – официальной и истинной. Официальная причина гласила, что каждый индивид не может считаться основным, если не прошел в труде и боли Миссию. Истинная причина же заключалась в том, что на заре новейшего вынужденного матриархата, когда новое человечество с нескрываемой радостью и чрезвычайным облегчением перешло к вы-

ращиванию своих новых поколений в пробирках и инкубаторах, человеческий вид постепенно стал вырождаться, слабеть; смертность младенцев, несмотря на величайшие достижения медицины за все время существования этой ветки человечества, выросла до критических показателей – человечество оказалось под угрозой вымирания. Проанализировав создавшуюся ситуацию, ученые умы пришли к простому, но неприятному выводу – редактировать природу можно только с определенными оговорками. На описываемом момент выросло уже пятое поколение родившихся естественным способом индивидов, только оплодотворение по-прежнему было медицинской процедурой, но это было связано с тем, что, во-первых, Основы не позволяли рожать кого попало – любой родившийся был генетически скорректированным еще на уровне яйцеклетки, а во-вторых, другого способа выполнить миссию продления рода уже поколений семь ныне живущих себе просто не представляли.

Мужчины были объявлены Основами побочной веткой человекообразных, а то, что их все еще выращивали и содержали в Институтах продления рода объяснялось только тем, что современная наука безуспешно билась над решением проблемы продления рода человеческого, потому что любой другой способ – как то клонирование, инкубация, стволовое – оказывался много хуже уже придуманного и внедренного природой: искусственные человеки оказывались искусственными во всем.

Новоявленные гомункулы были болезненными, огромный процент смертности еще в детском возрасте сводил на нет титанические усилия обслуживающего персонала. Небольшой процент выживших получал самый лучший уход и обучение, но в период полового созревания или чуть позже, иногда в самый непредсказуемый момент у этих элитных особей вдруг начинались необъяснимые изменения в психике, физиология давала такой сбой, что даже привыкших ко всему медиков опускались руки.

Теперь процесс продления рода был записан трудной, но почетной миссией в Основах и предписан каждому индивиду. Однако равноправие распространялось только на уровень самой обязанности, количество произведенных индивидов варьировалось в зависимости от индекса производителя и уровня его социализации.

В новом обществе было принято пять основных индексов, которые предопределяли направление социализации того или иного индивида – Genius, Individual, Humanitarian, Mathematic, Various, - которые указывались в наименовании индивида сразу после года выпуска ячейки и непосредственно перед индивидуальным названием.

Слово «имя» не совсем подходит к этим составным наименованиям индивидов и, тем не менее, имя не просто влияло на судьбу, оно и было самой судьбой. Индексы G или I обещали сложный, но достойный путь к вершинам современного общества, в его руководящую и интеллектуальную

элиту, индексы Н и М обеспечивали размеренное, регламентированное Основами, существование, и только индекс V, который давали при рождении условно неудавшимся индивидам, которые, скорее всего, не проявят себя ни на поприще наук, ни как общественные лидеры, именно этот индекс обеспечивал его обладателю перспективу безостановочного выполнения миссии продления рода.

Сама миссия отнюдь не означала только вынашивание и рождение, индивиды индекса V постоянно сдавали материал для миссии, постепенно утрачивали интерес к социально-обусловленному существованию и, начиная, таким образом, представлять угрозу здоровью общества Основ, они покидали свои ячейки и продолжали существование в специальных блоках Института продления рода, низведенные до уровня мужской особи – без прав, без свобод, без будущего.

Надо отдать должное гибкости индексной системы – если вопреки прогнозам генетиков социально-профессиональный анализ индивида содержал показатели, достойные другого, более высокого или, наоборот, более низкого положения в общественном существовании, индивиду было не избежать изменений в судьбе, вот только индекс в имени оставался неизменным.

Во многом именно из-за таких корректировок индивидуального существования, а также из-за небольшой вариативности индексации, ну и строго охраняемой секретности индексирования подавляющее большинство индивидов не по-

нимало судьбоносности индекса в своем наименовании, да и не задумывалось, честно говоря, об этом. Таким образом, в разных отраслях производства или науки на фоне большинства с тем или иным индексом всегда можно было встретить индивидов с другими буквами в наименовании, которые воспринимались как редко встречающиеся и не более.

Год, стоящий в наименовании перед индексом, не обозначал года появления индивида на свет, он указывал на год формирования ячейки, и возраст индивидов в ячейке мог варьироваться в пределах 5 лет. Собственные имена, составляющие последнюю часть наименования, подбирались случайным выбором для основного участника ячейки, вокруг которой она формировалась (обычно таковыми были индивиды индексов G или I) и по фонетическому созвучию для остальных участников ячейки. Количество индивидов в ячейке зависело от многих факторов – и от общего, существующего на момент формирования ячейки, количества индивидов, и от психолого-математических данных совместимости, и от социально-профессионального запроса на перспективу 7-20 лет, но, в целом, все было подчинено принципу максимальной комфортности индивидов уже указанных индексов (G, I).

Несмотря на то, что ячейку составляли индивиды, ничего индивидуального у них изначально не было, индивидуальные проявления поощрялись только на уровне материальном, хорошо отслеживаемом уровне предпочтений в еде, в

еде и... в еде. Иногда, в очень редких случаях, индивидуальность находила выход в странной привязанности некоторых индивидов к мелким предметам не всегда ясного назначения и этимологии. Это могли быть как предметы природы – небольшие щепочки, камушки, засушенные листочки, собранные во время плановых контрольно-воспитательных мероприятий на живой природе, так и предметы искусственного происхождения, давно утратившие свое утилитарное значение – их тоже чаще всего находили во время испытательных поездок – выцветшие, потертые и сточенные дождями и ветром осколки уже давно не выпускаемых материалов – цветной хрупкой пластмассы, фаянса, фарфора, бутылочного стекла, керамики... К таким чудачествам относились более внимательно и строго следили за тем, чтобы количество талисманов ограничивалось одной единицей, и чтобы эта самая единица ни при каких условиях не передавалась, как говорится «по наследству».

С древнейших времен безуспешно внушаемая человечеству мысль о том, что отдельно взятому человеку не нужно никакой собственности, в самом естественном виде наконец-то была воплощена в новой системе мироустройства Нового матриархата. У обитателей новых полисов и планетарных центров, оплетающих поверхность земли причудливо изгибающимся рисунком разноцветных цилиндров, тесными группами вырастающими на все новых и новых пространствах, не было ничего своего, и одновременно было

всё, что нужно для существования, в любом количестве, в любое время и абсолютно бесплатно. Хотя было бы не совсем верно применять понятие платы для описания отношений в обществе, где все подчинялось главному, удивительно простому и естественному, закреплённому в Основах как жизнеутверждающему и жизнеустанавливающему принципу Необходимости.

Необходимость была мерилom всего – начиная от насущных потребностей существования и оканчивая нуждами жизнеобеспечения новой цивилизации. Те пространства, которые не были заняты новыми полисами и более крупными образованиями – планетарными центрами, тщательно расчищали, освобождая от устаревшей архитектуры, на чем благоустройство межполисного пространства и ограничивалось. Впрочем, природа была только благодарна новым властителям мира за такое наплевательское отношение – мир словно разделился на две части – благоустроенные нанополимерные полисы, в которых живая природа была представлена только генетически измененными растениями и животными, и естественная, действительно живая природа, буйствующая в своем диком великолепии, со своими собственными законами чередования пожаров и наводнений, дождей и засухи, с жестокими нравами диких и одичавших животных.

Эти два мира существовали, даже не сказать чтоб гармонично, а просто параллельно – один мир словно бы не имел значения для другого. Конечно, случались эксцессы, когда

в полисы попадали животные из внешней зоны – чаще всего это были потомки так называемых домашних животных – неясные обрывки тысячелетних инстинктов, сложившихся у их предков за время проживания рядом с человеком, время от времени загоняли их снова к людям. Или особо разросшиеся растения прорывались сквозь защитную раму внутренней зоны, которая в основном призвана была охранять жителей цилиндров от всякой мелкой пакости типа насекомых, грызунов и немодифицированных птиц. Кроме того, полисы абсолютно не были застрахованы от капризов погоды – снег, дождь, ураган – все это, как и миллионы лет назад, неизменно совершалось как таинственный ритуал, который состоится в любом случае – будет это нравиться человеку или нет, будет человек на планете или нет.

Ответным видом нарушения границ чужого ареала обитания были достаточно регулярные высадки десанта ячеек разных линий обучения – эти плановые мероприятия имели экзаменационно-воспитательный характер и всегда заканчивались более или менее благополучно для тестируемых – укусы насекомых, змей, отравления травами и ягодами не в счет.

На период такой экстремальной проверки знаний и навыков индивидов высаживали на любом участке внешней зоны, разрешая иметь при себе только одну Необходимую вещь – одежду, еду, воду или оружие защиты. Чаще всего ячейки распределяли мелкие необходимости таким образом, чтобы оставить себе одежду, еду и воду, что потом делили поров-

ну уже на месте. Этот обряд посвящения в Основы (закрепление основного постулата учения – Необходимости) выявлял такие глубинные проблемы в характерах индивидов и психологическом здоровье ячеек, которые разглядеть даже с помощью каждодневного, очень тщательного мониторинга, было нельзя.

Лучше всех преуспевали ячейки-пятерки, сложнее приходилось редким двойкам, основное правило состояло в том, что нет никаких правил, кроме Основ, при этом индивидам было достаточно сложно понять, каким образом можно применить Основы в условиях дикой природы, рассредоточенности ячеек в пространстве и полной социальной неорганизованности условий временного существования. Так как осуществить полное наблюдение за индивидами во внешней зоне было абсолютно невозможно (в отличие от внутренней зоны, где существование ячеек и каждого индивида буквально на виду у всех ни у кого не вызывала каких бы то ни было эмоций), во внешней зоне были предусмотрены так называемые модусы Необходимости, через которые при необходимости же осуществлялась связь между тестируемыми и их кураторами.

Модусы Необходимости практически ничем не отличались от индивидуальных инфомодусов, которые были положены каждому индивиду в боксе и в линии: в них транслировалась информация, которая была положена для усвоения данному индивиду в тот или иной момент его обучения или

отдыха. В старое время, говорят, были подобия таких модусов – они назывались компьютерами – в них нужно было необходимую тебе информацию искать самостоятельно среди множества ненужного и даже вредного сетевого шума.

Инфомодусы последнего поколения представляли собой большой мультиэкран, управление которым могло осуществляться как с клавиатуры, реагирующей только на прикосновения определенного индивида, так и голосом этого же индивида. В жилых боксах использовались твердые вогнутые экраны, - так словно ограничивалось личное пространство учебного места каждого индивида, в местах общего пользования, как правило, использовались виртуальные экраны, чаще всего спроецированные на стену, а в рабочих, и отчасти учебных, помещениях использовались голографические экраны-инфомодусы, следовавшие за своим пользователем в любую точку рабочей зоны.

Информация, поступающая в каждый инфомодус, была максимально индивидуальна в том смысле, что новое знание давалось только в том объеме и в том виде, в каком оно могло быть адекватно воспринято обучающимся. Откуда бралась эта информация и куда она потом девалась – этим вопросом никто, по крайней мере, вслух, не задавался – получая каждый день новую или старую в разных вариантах представления информацию, как новую книгу, обычный индивид воспринимал это как данность, а точнее Необходимость. Используя главный принцип учения, называемого Основы,

можно было если не объяснить, то оправдать всё.

Глава 2

Основы как чудо религиозно-философской мысли возникли еще до того, как в мире началась гендерная эпидемия. Началось все банальней не придумаешь – человечество сотворило себе кумира. Надо сказать, что сам кумир, являя собой более чем привычное явление ученого мира Америки тех лет, с ничем не примечательной фамилией Джонсон, абсолютно не претендовал на столь почетное звание. Более того, его научная работа, объявленная теперь краеугольным камнем новой жизни, ничего общего с теми постулатами и законами, которые были известны теперь как Основы, не имела, да и не могла иметь хотя бы просто в силу того, что Джонсон был мужчиной, а новейшие Основы были написаны женщиной, с ее женской логикой и специфически гендерной непоколебимой уверенностью в собственной правоте.

Какое-то время после трагической, но мученической кончины Джонсона, память о том, что первый пророк был мужчиной, еще теплилась в умах людей, но... прошло несколько десятков лет, и был следующий пророк, еще лет через пятьдесят появился второй, потом третий... Все они носили имя Джонсон и при этом были женщинами, потому что с мужчинами к тому времени на планете Земля была явная напряженка.

Основным и ОснОвным принципом учения была провозглашена Необходимость, которая регулировала все отношения внутри цепочек полисов и между всеми их обитателями. При этом необходимость ни в коем случае не навязывалась извне – необходимость не могла быть обязанностью, необходимость есть, пить, учиться рассматривались как естественные потребности индивида. С другой стороны, необходимость дать, например, новой экономике больше специалистов той или иной отрасли тоже рассматривалась как осознаваемая необходимость всех и каждого – у обывателя и среднего индивида создавалось впечатление, что все необходимости возникают сами по себе, возникая в сознании каждого как его собственная надобность.

Такое понимание социального устройства, история становления которого прошла от собственнического «я хочу» через обтекаемое «мне нужно» к четкому, но абсолютно абстрактному «есть необходимость», позволяло немногочисленной группе никому неизвестных лиц осуществлять скрытое регулирование социально-экономических и научно-информационных процессов в новой цепочечной цивилизации.

Задумывавшихся о более глубоком смысле принципа Необходимости, как правило, перевоспитывали, неперевоспитавшихся – ломали, несломанных – обращали, необращенных – ликвидировали. Именно из вновь обращенных формировался слой так называемых Наблюдателей. Они ру-

ководили подразделениями службы наблюдения и безопасности, они следили за работой Совета кураторов, они имели право вето в высшем органе власти нового общества – Совете Матерей. Обращенных на каждое поколение ячеек было не более одного-двух индивидов, лишившихся в процессе ломки своих ячеек, обозленных и жестоких, жаждущих власти и контроля, лишенных сочувствия и сострадания по отношению к тем, кого они вели к обращению, как когда-то вели их, – такое количество наблюдателей вполне удовлетворяло потребностям этой цивилизации, и она процветала вот уже пять столетий.

Достижения этой цивилизации в науке, технике, медицине были столь же выдающимися, сколько и неупорядоченными. Необходимость расставляла приоритеты и определяла области исследований.

Определив главные, Основные, области приложений необходимостей, такие как математика, физика, информатика, существа, в давние времена олицетворявшие все поэтически нежное, страстное, красивое, хрупкое, жертвенное, полностью вынесли за рамки изучения философию, поэзию, музыку, танец, архитектуру, объявив эти отрасли знания недостойными изучения и приложения усилий. Суррогаты этих дисциплин теперь были уделом искусственного интеллекта – разнообразные модусные аппараты могли в считанные секунды составить любую – верную или курьезную логическую цепочку или разрешить любой спор, запросив

необходимые данные темы дискуссии, зарифмовать стих на любую тему, предложить мелодию сразу с любой аранжировкой, исходя из параметров запроса; танец вообще был объявлен почти ересью и презирался как действие более свойственное животным, нежели высшей человеческой расе. Зато пение поощрялось, поощрялось по медицинским показателям, считалось, что пение помогает индивиду сосредоточиться и отринуть ненужные мысли, упорядочить полученные знания, наладить систему дыхания... Пели, соответственно, все, но так как правильно петь уже давно не умел никто, да и вряд ли вообще хоть кому-нибудь могло прийти в голову, что пению надо учиться – ведь поют же птицы! – то случилось так, что современное пение больше походило на истошный вопль, целью которого было как можно громче и дольше тянуть звук.

Математика и физика почитались основами мира, информатика, - а теперь эта область знаний носила название форматика или еще короче – форма, имела мало общего с зачатками науки, в давние времена носившей такое же название, – форматика была вторым языком после естественного, на котором учились мыслить все индивиды. Первый же, естественный язык, данный природой, был сведен к информационному коду, который пытались расшифровать так же, как в свое время раскрыли генетический, в его общем виде. Хотя с каждым годом, а иногда даже месяцем, современная наука продвигалась все глубже и глубже в генные структуры,

по мере такого погружения она часто приходила не только к корректировке базовых постулатов этой науки, но и нередко к полному их отрицанию.

Но так как в Основах уже успели записать, что генетический код полностью раскрыт и совершенствование индивида теперь дело не только самого индивида, сколько всей цепочечной цивилизации, то получаемые знания и результаты экспериментов (а в новом мире к экспериментам относились легко и допускали эксперименты над людьми) переосмыслились как глубокое постижение тайны существования живого существа, всячески поощрялись и предписывались самими Основами.

То, что еще несколько веков назад показалось бы чудовищным и преступным не только по отношению к конкретным человеческим существам, но к человечеству в целом, сейчас воспринималось как нечто естественное, единственно целесообразное, ну... и вообще, а как иначе?! Если генная инженерия не давала ожидаемого результата, или природа вносила свои поправки в дело рук человеческих, и на свет появлялись неполноценные особи, новая цивилизация легко отправляла этот животный материал на исследования, эксперименты... и другие нужды.

Когда сама земля подает пример разборчивости в восстановлении физических и психических функций независимо от пола и возраста, накопленных грехов и совершенных благодетельств, новое человечество пересматривает свои взгляды

на терпимость, толерантность, человеколюбие, милосердие и жертвенность.

А начиналось всё с надежды на всеобщее счастье и рай на земле...

В саду Гефсиманском

С тех пор как эта земля явила человечеству чудеса исцеления и воскрешения мертвых, территорию неподалеку от Золотых ворот Гефсиманского сада, где, собственно, все и началось, быстренько огородили по решению ООН как священное место, «нарушение границ которого влечет за собой разрушение баланса и гармонии мира». В первое время, понятное дело, это вызвало бурный протест всех и каждого, все хотели исцелиться или воскресить своих родных. Тогда создали сеть комиссий, рассматривающих прошения и устанавливающие очередь в получении чуда. Это мало чем помогло, в мире назревал бунт. Все транспортные средства, да и вообще, все, что могло передвигаться, устремилось к Гефсиманскому саду. Сдерживать волну страждущих и просто любопытствующих уже было невозможно... и тут сама природа как всегда расставила все по своим местам.

Это случилось на глазах у миллиардов сетезрителей, которые наблюдали через свои информационные модусы экстрапопулярнейшую развлекательную программу «в саду Гефсиманском», благодаря которой, в общем-то, и оказалось возможным то состояние мира, в котором мы находим его сейчас. Именно в этой программе впервые были представлены вниманию любопытствующей публики чудеса воскрешения и исцеления, которые в конечном итоге так обесценили че-

ловеческую жизнь, лишив ее чуда непознаваемости рождения и смерти, искоренив из умов людей тысячелетиями волновавшее лучшие умы человечества стремление к самосовершенствованию в познании себя и того вечного, незыблемого и непознаваемого, что хранило человека и указывало ему путь во грехе его.

Но вернемся к истокам.

Все было поначалу хорошо.

Какой-то, хотя почему какой-то, весьма уважаемый в определенных кинематографических кругах и широко когда-то известный скучающей публике режиссер-шоумен, путешествуя по миру в поисках идей для нового гениального сюжета своего будущего культового фильма, в числе прочих всемирно признанных курортно-музейных мест посетил Гефсиманский сад на Священной земле.

Как человек необычный и оригинальный в каждой своей черточке, оплатив для себя личного экскурсовода по священным местам, он оставил на него свою малочисленную охрану и сопровождающих, и принялся бродить между одиноко стоящими деревьями, с задумчивым видом созерцая изгибы веток и внимательно всматриваясь в рисунок коры деревьев. Со стороны, как он думал, такое поведение должно было бы выглядеть в высшей степени оригинально и загадочно.

Так бродил он, в тайне надеясь, что за ним наблюдают не только зоркие глаза его охраны, но и тайные почитатели его

таланта. В какой-то момент, он в экстатическом самолюбании вдруг представил себе, как один из его поклонников вдруг случайно, совершенно случайно, натывается в сети на онлайн-поток со спутника, узнает в маленьком, в задумчивости одиноко стоящем на священной земле, человечке своего кумира, то есть - его! Режиссер представлял себе, как этот самый поклонник, пребывая в состоянии неопишуемого восторга и благоговения, замирает перед экраном, но потом, словно опомнившись – как же он один только может быть обладателем такого чуда! (здесь нужно крупный план и ...растерянность...да, лучше всего растерянность, можно немного влажные глаза...) – сообщает вначале своим собратям по фанклубу режиссера (здесь были бы неплохи несколько кадров о том, как разновозрастная аудитория с самозабвением, затаив дыхание смотрит его, режиссера и кумира, последнюю ленту ...да... сначала камера на лица, крупный план...хорошо, потом пару узнаваемых кадров из моей гениальной ленты...какие..mmm... ну...подберем...не страшно...А, потом чей-то восторженный вскрик, о, это будет эффектно! И снова на аудиторию, панорамная съемка аудитории, сидящих и стоящих, теснящихся у дверей, все, только ради того, что бы иметь возможность еще раз увидеть его гениальное произведение..эээ...в кругу...единомышленников, да...). Да. Сообщение тут же тиражируется по всей сети (наверное лучше показать не сеть, они мне так и не заплатили по последней ленте, где их дерьмовые ссылки висели на

моем экране целых 48 секунд! Нет, сеть показывать не будем... разве много я запросил? Они сказали, что ленту никто не смотрит... идиоты...).

Неприятное воспоминание чуть-чуть не вернуло мечтателя на бrenную землю, но слишком приятен был придуманный эпизод его придуманной жизни! (да, покажем счастливые лица, получивших сообщение поклонников... пятерых... н-н-н-нет... мало... но если больше... динамики не будет... н-ну... семерых, да... семерых), сообщение тиражируется и вот уже миллионы, нет, десятки, сотни миллионов счастливых глаз смотрят на его изображение, передаваемое по спутнику и почти молятся о том, чтобы поймать любое движение, даже поворот головы... и вот он поднимает глаза вверх, к небу (это будет эффектно! Надо будет снова сказать Джинни, чтобы написала приятную музыку для этого момента, в прошлый раз у нее довольно неплохо получилось... а на вид такая... идиотка...) – ллля-ля-ля-лллялля – запиликало у него в голове ... Так, а! он поднимает голову, чувствует изливаемые на него потоки любви и восхищенного благоговения тех, кто сейчас смотрит на него, и помахивает им рукой... Слезы умиления и радости потекли по глупо улыбающейся физиономии мастера, и в самый последний момент он поймал себя на том, что в этой, другой, реальности он стоит задрав голову посреди редко посаженных деревьев и действительно собирается помахать небу рукой.

Из забвения его выдернуло небольшое происшествие, ко-

торое имело большие последствия не только для самого режиссера, так редко в последнее время спускавшегося с облаков на брэнную землю, но и для всего человечества.

Начало

Режиссер вообще человек был не злой и, не сказать, чтоб очень глупый. Для своего окружения он был весьма неплох в том смысле, что знал цену и себе, и другим, и абсолютно адекватно оценивая беспросветную тупость большинства своих собратьев по цеху, понимал, что и он недалеко ушел от них в познании мира.

В свое время он окончил неплохой колледж по... неважно какой специальности – прошли годы, и он благополучно об этом забыл – и теперь оценивал происходящее в мире не только с точки зрения того, что на сей счет говорится в средствах массовой информации, но и частенько имел свое собственное мнение. Впрочем, мнение это никого не интересовало, и единственными слушателями его глубокомысленных, и иногда весьма ироничных откровений на этот счет были его охранники, которых он нанял после ошеломительного успеха его дебютной картины, потом оставил для поддержания имиджа, а когда уже никого не интересовали ни он, ни его картины, ни даже его имидж, просто оставил этих простых ребят, как он их называл, для компании.

Компания, надо сказать, подобралась неплохая. То есть, с точки зрения профессиональных качеств, охранники с них были некудышние. Неопытный молодой режиссер, каким он тогда был, получивший гонорар астрономической суммой,

но еще не привыкший не экономить на всем, нанял тогда самую дешевую, но импозантную тройку, продававшую себя на рынке охранных услуг ни много ни мало как «тройка лучших». Жизнь сложилась так, что применить свои профессиональные умения, если бы таковые даже предполагались у тройки, им так и не пришлось, но никто, как вы понимаете, по этому поводу особо и не переживал.

Со временем охранники переселились в просторное жилище своего хозяина, а так как никто из них не был обременен ни семьей, ни какими-либо другими обязательствами, то большую часть времени вся эта компания проводила вместе. Было бы неверным утверждать, что они сдружились, скорее это были люди, привыкшие терпеть друг друга изо дня в день. И они терпели. Искания, метания и заламывания рук режиссера, время от времени демонстрируемые им в периоды острого осознания бесполезности своего существования, вносили некоторую живость в однообразие их повседневности, но, в основном, жили они скучно и лениво.

В обязанности охранников по-прежнему входило сопровождение режиссера, перспективная проверка маршрута его следования и помещений, в которые он будет заходить; а теперь еще и помощь по хозяйству, как то стирка, уборка, готовка – горничных режиссер не держал во избежание так модных в то время скандалов о сексуальных домогательствах... ну и выслушивание горестных излияний неудачника, в которые пускался режиссер в минуты меланхолии. А

так как состояние меланхолии в последнее время было естественным и привычным для режиссера, то самой важной обязанностью охраны теперь было именно невозмутимое и вдумчивое выслушивание шефа.

Вдумчивость и невозмутимость лучше всего удавалась самому крупному из охранников – Джеку, он-то и подбил, по большому счету, двоих своих соседей по комнате в общежитии, Фрица и Бабу, на то, чтобы поместить объявление об услугах охранников на сайте охранных услуг. В счастливый час согласились это сделать они, и с тех пор с глубоким удовлетворением позволили себе забыть и колледж, и оставших от жизни родителей, считавших, что главное в жизни – учеба и ратный труд.

Джек обладал необыкновенным умением – он мог спать при любом положении тела и при этом никогда не храпел, а так как охраннику положены черные очки, за которыми никогда не видно глаз, то спать Джек мог практически целыми сутками, что, в общем-то, и делал.

Когда режиссеру в очередной раз приходило на ум пофилософствовать о жизни, Джек надевал очки, пиджак, принимал устойчивую позу с широко расставленными ногами и замком сложенными за спиной руками, и позволял шефу выговориться. Шеф мог говорить часами, сам спрашивая и сам же отвечая, никогда не требуя ответа. Начинались такие приступы, как правило, с того, что режиссер со скорбной физиономией непринятого гения начинал собирать вещи, все ва-

лилось у него из рук, но он мужественно повторял попытки и на участливые расспросы своих охранников отвечал, что уйдет в отшельники...

Охрана от скуки однажды решила не останавливать его, как они обычно это делали, переводя сборы в монотонное, полное вздохов и чуть ли не зубовного скрежета разглагольствование в адрес мужественно переносившего невзгоды тяжелого сна на посту Джека. И надо отдать должное режиссеру, он чуть действительно не ушел, в чем был, бросив глупое занятие перебирания вещей, в коем был так беспомощен и неумел, что не только не знал, какие вещи могут ему пригодиться в пути, но даже имел очень слабое представление о том, где они, собственно говоря, лежат. Он даже хотел оставить распоряжение о том, что охране, как и прежде, будет выплачиваться жалование, но в последний момент охрана все-таки удержала его. Нет, не потому, что они пожалели его, - такая опция поведения в их существование не входила, они просто решили, что без этого малохольного совсем помрут от скуки. А так как режиссер был личностью неуспокоенной и самотерзающейся, то заскучать совсем им никогда не удавалось.

Вот и теперь, шефу было откровение, что путешествие в Святую землю вернет ему утраченный (варианты: украденный завистниками, невостребованный современной пошлостью) дар. На подготовку этого путешествия режиссер потратил немало сил, времени и денег – на какое время пред

взорами своих охранников предстал прежний, деятельный, неуспокоенный, суевающийся и улыбающийся шеф, тот самый, который легко, заливаясь от хохота, одной фразой «нанять для охраны Фрица и Бабу – это бесподобно» изменил судьбу этих трех непримечательных людей.

Гениальный режиссер решил напомнить о себе напрочь забывшему о нем обществу, и устроил себе настоящую пиар компанию: он покупал статьи о себе и о своих никому не известных лентах, платил журналистам за то, чтобы они брали у него интервью, напросился (тоже за немалые деньги) на пару развлекательных программ, и везде заявлял о том, что его поездка, неизбежная и неотвратимая как рука судьбы, призвана помочь ему явить миру новый шедевр.

В конце концов, Джон Блю (при рождении Слава Щербаков) добился того, что его не только вспомнили, но и распиарили так, что снова стало возможным зарабатывать на использовании его имени как бренда. Огромный ком возвращившейся популярности рос и рос, рискуя подмять под себя самого Джона, потому что ненасытная утроба популярности требовала все новых и новых заявлений и сенсаций, а Джон уже отработал все известные в пиаре возможности. Он даже взял с собой в поездку маленькую дочку своей забытой кузины Джинни, которая в дни их общей молодости подавала надежды как неплохой составитель музыки и аранжировщик, но после первого успеха ее музыки, написанной к шедевру Джона, пустилась во все тяжкие, и теперь не занималась ни-

чем и никем – ни собой, ни дочкой, ни музыкой.

Тема внебрачного ребенка, бедной сиротки, невинной жертвы развращенного славой и деньгами прожигателя жизни, новой звезды заявленной ленты и, наконец, музы гениального мастера (Джону ничего не пришлось ни выдумывать, ни объяснять – журналисты все сделали сами) достаточно долго бередила умы обывателей и удерживала интерес к путешествующему.

Малышка была премиленьким, шустрым, несмотря на физический недостаток – ее левая нога была короче другой и несколько вывернута внутрь стопы, - и очень любознательным ребенком. Она создавала немало проблем путешествующей группе, но зато уж что-что, а скучать с ней не приходилось. Ее курносый любопытствующий носик находил возможность просунуться в любую щель, а неостановимый поток «почему?» настолько утомил и ее гениального дядю, и всю охрану, что Джон мечтательно задумывался о том, чтобы отправить ее к ее матери, но пока не мог придумать какого-нибудь красивого объяснения такому своему поступку.

Ребенок, вначале всячески опекаемый и нежно выслушиваемый (особенно под прицелом объективов и даже просто под блуждающими взглядами празднующей публики), теперь был полностью предоставлен самому себе. Джон даже как-то раз примечтал целую историю о похищении горячо любимой крохи, но, как и всем остальным мечтам, возникающим в беспокойной, но крайне несосредоточенной го-

лове Джона, этому сюжету тоже не суждено было воплотиться в жизнь.

А девочка эта все-таки сыграла свою роль в резком изменении жизни не только самого Джона, но и всего мира. Первым эпизодом ее роли стало счастливое исцеление от того недуга, который мог стать ее проклятием на всю жизнь – пока она не придавала значения своему уродству, которое несколько не мешало ей осваивать окружающий мир, но кто знает, что могло бы случиться дальше, ведь девочка росла, взрослела и умнела...

Краем глаза размечтавшийся Джон увидел, что черное пятно охранника направляется в его сторону. Чем ближе подходил Фриц, тем понятнее становилось Джону, что не он сам является целью пути своего охранника, и на его уже жеманного скорчившемся от раздражения и досады лице (ах, оставьте меня, но неужели нельзя гению уединиться для общения с прекрасным и тайным!) появилось выражение удивления и любопытства. Его охранники так редко проявляли себя как объекты, обладающие самостоятельным интеллектом, а не просто как управляемые движущиеся предметы, что их шефу стало даже интересно, что могло прийти в одну из трех голов странного шестирукого и шестиногого существа его охраны, отпустившего одно из тел для самостоятельных действий.

Оказалось, неугомонная юная спутница солидной сверх всякой меры компании, оббежав все дорожки, облазив все

развалины и повисев на всем, на чем только можно было повисеть, будь то ветки дерева или несгибаемый торс Джека, вдруг угомонилась. И все бы ничего, только порадоваться всем тому, что грядут несколько счастливых минут тишины и покоя! Но охрана забеспокоилась оттого, что девочка, до этого зигзагами перемещавшаяся по Гефсиманскому саду и его окрестностям и способом своего передвижения наводящая ужас на квочкообразных мамаш и папаш, выгуливавших там свои многочисленные семейства, вдруг очень резко остановилась, потом села на землю и продолжала сидеть так уже не менее получаса, что было абсолютно нехарактерно для ее неутомимой натуры.

Она несколько раз поворачивала голову и смотрела на охранников, и они звали ее вернуться, махая руками и даже грозили пальцем, но она только улыбалась и продолжала преспокойно сидеть на одном месте. Все это поведал нашему гениальному режиссеру Фриц, в конечном итоге все-таки изменивший траекторию своего самостоятельного путешествия, когда заметил, что его шеф вышел из мира грез и вполне способен на реакции, свойственные миру реальному.

После такой тривиальной развязки заинтересовавшего поначалу Джона возможного сюжета (покушение, верный телохранитель спасает своего шефа, жертвуя жизнью...ннет, жизнью не надо...пусть бы ему просто оторвало ногу...или нет, руку, да... руку...без руки тоже...можно...а как бы оторвало?...ампутация...ну...да...да....) он готов был по-

что развеется от досады. Ну что за жизнь!... И тоска, снедающая его все более и более по мере того, как шли недели и популярность его падала, а даже намек на что-то сенсационное, хотя бы мыслишку, идеечку, малюю-у-у-сенькую такую, пускай глупую, но чтоб просто было, чем заинтриговать журналистов (а уж они ты постараются дальше сами, мало они на мне заработали?!), не было и, скорее всего, так и не предвиделось, – тоска эта отравляла Джону даже самые приятные его мечтания, и он все реже мог вот так, весь, целиком, уйти из этого мира в другой мир его фантазий и желаний, где он был кумиром миллиардов.

Джон, проклиная тот день и час, когда решил связаться с этим маленьким чудовищем, устало побрел по направлению, где по объяснению Фрица сидела девочка – с того места, где стоял в театральной задумчивости Джон, ее видно не было. Фриц на почтительном расстоянии семенил позади – он был некрупным, но исключительно длинноногим представителем человеческого вида, и, если он неспешно шел, с ним рядом можно было разве что только бежать, такой величины шагами перемещался он по поверхности земли. Остальные охранники тоже было стали подтягиваться, но уже подходя к поднявшейся ему навстречу Мири, и еще не вполне осознавая, что так необычно ему в привычном облике девочки, Джон интуитивно жестом приказал охране не приближаться. Те, как по команде, застыли черными неподвижными истуканами посреди обожженной солнцем пустыни и древних

развалин, где сейчас не было ни души – туристы предпочитали пережить самую жару в комфортных условиях и температурах отелей и ресторанов – все давно ушли, а воспавший мечтами Джон просто не заметил исчезновения потенциального зрителя.

Чудо

Необычность, осознание которой молнией озарило пребывающее в тумане фантазий сознание Джона, состояла в том, что девочка стояла абсолютно ровно, не выворачивая ногу таким неестественным образом, что на это больно было смотреть. Теперь она даже казалась выше. Джон присмотрелся внимательней, да, так и есть – никаких следов увечья. Он посмотрел вокруг, сам не зная для чего, на всякий случай позвал:

– Мири? – тон был несколько сомневающийся, но в общем и целом, Джон не растерялся, его мечтательность и жажда чуда (правда, для себя, но... что ж поделаться...), сейчас очень выручили его. Девочка, поднявшаяся с земли навстречу Джону, остановилась, как бы вслушиваясь в новые ощущения своего тела, и стояла так все время, пока Джон шел к ней, и потом, когда он расспрашивал охранника о том, точно ли тот видел, что никто не приближался к Мири, и что, может, какие-нибудь птицы или звери, или, может, что-то непонятное самому Джеку, а может, он видел, что поднималась буря или может был дождь... После таких расспросов охрана всерьез обеспокоилась душевным состоянием своего шефа, тем более, что никто из них или не заметил перемен в Мири, или посчитал, что это так и положено. Джон был весьма озадачен и несколько раздосадован бестолковыми ответа-

ми охранника и своей беспечностью, из-за которой он не мог теперь точно знать, что именно произошло с ногой Мири.

Девочка энергично махнула головой и тут же бросилась, по своему обыкновению бежать, но побежала не к Джону, к нему она никогда не питала каких-либо чувств, а к отставшему от него Джеку, на котором и повисла, визжа и хохоча. Джон понял это по радостным крикам Мири и нечленораздельным звукам, издаваемым Джеком, пытающимся сохранить подобающее охраннику знаменитости пристойное лицо и положение тела.

Джон даже не обернулся, все внимание его было сосредоточено на том небольшом пятачке пыльной земли, откуда поднялась ему навстречу Мири. Как человек, по природе своей все-таки любознательный и неглупый, Джон совершил некоторые осмысленные, но еще больше напугавшие охранника, который, впрочем, счел это очередной придурью своего шефа, действия. А именно, Джон потребовал у Фрица салфетку, набрал в нее пыли и камушков, какие мог наскрести на том месте, где сидела девочка, и заставил Бабу определить GPS координаты этой точки пространства. При этом он очень внимательно следил за тем, чтобы не наступать туда, где Мири оставила следы мятой одежды и причудливых узоров, которые она, видимо, выводила в задумчивости пальцами по пыли. После этого случилась еще небольшая фотосессия этого места с разных ракурсов и разными участниками – с Джоном и без него, с Мири, без Мири, с охранниками,

без них, с каждым по одному, против солнца, по солнцу, издалека, вблизи... Под конец этой истории все так умаялись, что готовы были расхныкаться, как и поступила их маленькая спутница, которая захотела спать и теперь терла глаза с таким ожесточением, что Джон поймал себя на мысли о том, что она легко может снова стать увечной, только теперь увечьем будет вытекший от оказываемого на него давления глаз.

Когда все вернулись в отель, то как по команде свалились спать, осоловев от жары и усталости. Только Джон, прежде чем улечься спать, потому что усталость не оставила и его своим вниманием, тщательно перекопировал фотографии и координаты места на несколько разных дисков. Сделав несколько непонятных звонков, потом еще долго искал в сети фотографии Мири и громко чертыхался, поминая журналистов такими словами, что даже слыхавший от своего деда и не такое, невозмутимый и самый тихий из охранников Бабу приподнимал сонную голову и цокал языком то ли от недоумения, то ли от восхищения.

Джон искал такую фотографию девочки, на которой бы было хорошо видно ее увечье, он почти отчаялся – журналисты были так политкорректны, что снимали всегда только ровно столько от Мири, сколько призвано было умилять публику, а не расстраивать ее по пустякам. Он решился было даже попросить фотографию у ее мамы, и даже набрал ее номер, но вовремя сообразил, что эта идиотка может подумать бог знает что, что девочку украли, например, ведь

он сам пытался подкинуть ей эту идею... или еще чего похуже... да... с ней еще придется повозиться... В конце концов, Джон все-таки выудил из сети фото девочки во весь рост с подписью «Извращенец и педофил издевался над пятилетней девочкой на протяжении семи лет». Нелепость заголовка почти не задела его сознания, все его мысли были сейчас сосредоточены на двух вопросах – что случилось, и как это можно использовать. Только какой-то смутный образ всплыл в его сознании, он вспомнил, что именно семь лет назад уже бывал на Священной земле, но тогда, всеми позабытый, никем не узнаваемый и отчаявшийся, он был у Стены плача, хм... интересно, что он тогда засунул в эту стену... Чего он хотел?

Чего он мог хотеть? Только славы! Даже не признания, временами он переставал обманывать себя и в эти моменты осознавал себя посредственностью и бесталанным выскочкой, которому однажды удалось поймать за хвост удачу. Ему, конечно, очень льстило, что его охрана считала его непризнанным гением, но он знал, что если и удастся еще раз прогреметь на весь мир, то это может быть только слава, мимолетная и яркая, желанная и упоительная... Джон снова отдался мечтам и так и уснул, в лавровом венке проходящим через Золотые ворота... на большом полупрозрачном слоне, уши которого колыхались от ветра и издавали приятный мелодичный звук китайских колокольчиков...

Звонил телефон. Звонил, наверное, уже достаточно дав-

но, потому что, когда Джон открыл глаза, его неразлучная тройца охраны стояла перед ним, заканчивая натягивать форму и очень недоброжелательно вглядываясь в телефон.

Джон, спросонья еще плохо соображая, схватил трубку, которая удивительно неприятным визгливым и одновременно хриплым женским голосом на чудовищном английском осведомилась все ли в порядке у господина, и не дождавшись никаких членораздельных звуков с другой стороны, объяснила причину своего утреннего звонка:

– Дело в том, господин Блю, вы всегда заказываете ужин в номер, а сейчас уже время завтрака, а никто из вас не вышел до сих пор из номера, а ужин, привезенный еще вчера из ресторана, так и стоит у вас под дверью. Это нехорошо, господин, ничего страшного, конечно, но это неправильно, они волновались, то есть не то, чтоб... а еще господин Блю, с раннего утра в отель рвутся какие-то подозрительные личности, уверяющие, что пришли именно к вам, и что, если эти действительно к Вам, то лучше было бы... а то... полиция.... Джон отставил трубку от уха, и гостиничный номер огласился капризным повизгиванием – слов было почти не разобрать, а только складывалось ощущение, что здоровая взрослая собака силится гавкнуть стянутым ремнями намордника ртом.

Было утро, они проспали чуть не до обеда следующего дня, нельзя было терять ни минуты, и Джон, полупривстав на кровати и, так и держа трубку в вытянутой руке, стал отда-

вать распоряжения непривычным резким, твердым, уверенным голосом. Охранники, давным-давно отвыкшие от такого обращения, поначалу недоумевали и, путаясь у шефа и друг у друга под ногами, создавали такую суматоху, что Джону пришлось раз или два даже прикрикнуть на них. Это их привело, наконец-таки в чувство, память об энергичном деятельном парне, который нанял их для охраны собственной персоны, потихоньку возвращала их отяжелевшим телам былую стремительность и точность движений. Потом они все четверо в компании трех, отобранных Джоном из группы семи-восьми действительно ожидавших его неподалеку от отеля инвалидов, ездили снова в Гефсиманский сад.

Джон отобрал из группы инвалидов, о прибытии которой за круглую сумму он договорился вчера по телефону с неприятным, но весьма полезным в подобного рода делах работника отеля, молодого, все время бормотавшего извинения, мужчину с вытекшим глазом, маленькую сухонькую пожилую уже женщину в инвалидной коляске и совсем юную девчушку с проявлениями церебрального паралича. Когда эта компания добралась до Гефсиманского сада, Джон волновался так, как в своей жизни волновался только один единственный раз – на первом свидании, которое, впрочем, так и не состоялось – нет, девушка пришла, но у Джона случилась медвежья болезнь от волнения. Джон с помощью своих охранников нашел искомую точку пространства, на которой вчера случилось чудо и предложил каждому из отобранных

им калек вступить на нее. Сначала добрые взрослые втокнули на обозначенный участок перегретой земли девчущку с церебральным параличом. Она бы упала, так энергично дама в коляске подталкивала ее в спину в направлении указанной точки, но как только девчущка оказалась на месте, она вдруг с непривычной ей легкостью и ловкостью выпрямилась и смогла удержаться от падения. В первую секунду ни она сама, ни окружающие не отметили ничего необычного, но, когда девушка грациозно и изящно развернулась в сторону зрителей, все оцепенели. Это было ... невероятно... Дама в коляске пронзительно завизжала, суча руками и пытаясь убраться подальше отсюда, мужчина без глаза же, напротив, замешкавшись на пару секунд, храбро ступил на чудесный пяточок... Зажмурился и застыл, ну, может, секунд на десять от силы, но окружающим они показались вечностью. Когда он открыл глаза, дама в коляске все еще верезжала, хотя уже без чувства, так, для проформы, хоть уже и не пыталась сбежать. Обнаружив, что молодой человек смотрит на нее не только одним, но и вторым, неизвестно откуда появившимся глазом, дама вдруг резко замолчала с остановившимся взглядом, вытаращенными глазами и раскрытым ртом глядя куда-то в небытие, - так что охранникам пришлось подкатить ее к месту исцеления и потом осторожно подтолкнуть – это было сделано довольно неловко и дама просто проехала сквозь обозначенную точку...

Эта великолепная восьмерка представляла сейчас со сто-

роны довольно нелепое зрелище. Джон принял стойку бойца дзюдо, готового в любой момент дать отпор кому бы то ни было, Фриц и Баба, толкавшие коляску, застыли, опасно отстраняясь от чудесного места всем телом и закрывшись руками, девушка пребывала в состоянии глубокого шока и стояла ровно, чуть разведя руки, с вытянутым то ли от ужаса, то ли от удивления лицом, молодой мужчина, так счастливо обретший снова свой навсегда потерянный глаз, видимо, тестируя приобретение, беззвучно рыдал, аккуратно, бережно вытирая слезы. А дама, медленно катясь по сухой земле, продолжала взвизгивать.

Из оцепенения эту замечательную группу вывела тишина - дама вдруг перестала визжать, медленно поднялась с коляски и, ощупывая себя с таким неистовством, будто пытается покалечить снова, начала заливисто хохотать и направилась к Джону с распростёртыми объятиями. Двое других исцеленных тоже словно очнулись и последовали ее примеру. У охранников сработали профессиональные привычки и они оттеснили благодарных поклонников, как это было в давно забытые времена. Слезы вперемешку с истерическими взрывами хохота, словами благодарности и клятв неизвестно в чем достались стойким Джеку, Фрицу и Бабе. Их невозмутимость, впрочем не была такой абсолютно безразличной как обычно, они тоже были в замешательстве от происшедшего и в глубине души наделись, что этот фокус, устроенный их шефом, имеет иное объяснение, чем то, что приходило им

на ум, а именно – что произошло чудо.

Джона все это начало раздражать не на шутку. Самое удивительное, что он теперь уже почти не волновался. Сейчас волнение Джона выражалось только в том, как колотилось его сердце, и все-таки крутил, крутил предательски живот! Из-за этой такой тривиальной неприятности он постоянно корчил такие рожи, что нежданно негаданно получившие в подарок ценнейший дар – здоровое тело и ясный ум – бывшие калеки с большим облегчением распрощались с Джоном, и с такой готовностью обещали никому не рассказывать о том, что, где и как с ними сегодня случилось, что даже охранники начали беспокоиться об их психическом состоянии.

Следующая неделя прошла в круговороте телефонных звонков, поездок, яростного чертыхания Джона, который то и дело искал что-то в сети и, судя по комментариям, слышимым даже в коридоре, где почти все время теперь приходилось проводить охране, встречая и провожая бесконечных посетителей, находил очень мало или совсем ничего: «ну, не то, не то, разве я это спросил??!!»

Джон теперь разделил охрану и один из неразлучной троицы теперь обязательно состоял при маленькой Мири со строгим наказом всячески ей потакать и выполнять любые ее капризы. Мири, жизнь которой при дяде Джоне и до этого была полна подарков и прочих детских радостей, теперь, смекнув, что почему-то теперь дяде, больше чем раньше,

нужно, чтобы Мири оставалась с ним и ни за что не хотела возвращаться к маме, которая, впрочем, тоже не слишком горела желанием увидеть свою дочь и пока еще ничего не знала о чудесах, случившихся с ее кровиночкой (слезы умиления и дрожащие от слез губы тоже предусматривались в этом сценарии, но несколько позже). Так вот, Мири буквально изводила своих сменяющихся нянек поневоле капризами такого масштаба, что в один прекрасный момент ее и выглядевшего как побитая собака нескладного Фрица доставили в номер под охраной пары полицейских за то, что юная дама развлекалась тем, что не нашла ничего веселее, чем, вырядившись в костюм какого-то морского гада, купленного по ее требованию в сувенирной лавке, пугала мирно прогуливающих прохожих.

Пользуясь тем, что костюм был достаточно объемным и бесформенным, а сама Мири достаточно щупленькой и гибкой, она заставила Фрица нести ее, перекинув через руку так, как будто бы это была просто гора тряпья и непонятно чего еще. Сама же из-под объемного капюшона следила за прохожими, и как только замечала, что кто-то более внимательно, чем это следовало бы по отношению к чужим вещам, начал разглядывать, что же это такое необычное несет серьезный мужчина в темных очках и черном, не по сезону наглухо застегнутом костюме, как она соскакивала с руки Фрица и бросалась на засмотревшегося прохожего с диким визгом, а потом истерически хохоча и улюлюкая вслед растерявшимся

и неловко улепетывающим от нее жертвам собственной любознательности, била в ладоши, подпрыгивала от радости и, дергая Фрица за рукав, требовала от него соучастия.

По правде сказать, со стороны это действительно было смешно, но когда какой-то ребенок, чуть старше самой Мири, пал жертвой своего любопытства и от испуга завопил так, что переплюнул даже полицейскую сирену, подъехавшую как раз к месту происшествия, а сочувствующие мамаше вопящего гражданские и не только лица обступили Мири таким плотным кольцом, что не стоило и думать о том, чтобы ретироваться незамеченными, стало очень-очень грустно, но еще не страшно. Что такое страшно Мири поняла в тот момент, когда их с Фрицем вернули в гостиницу. Вернули с условием, что опекун девочки оградит общество, так гостеприимно принимающего его и юную леди, от несдержанности, невоспитанности и некоторой ненормальности поведения последней. Джон, ругаясь так, что проходящие мимо дверей их номера горничные, шарахались и напуганные бежали к своему начальству с твердым убеждением, что там будет убийство, пообещал:

– Все!..... плевать!.... домой!....., к матери!..... к этой ...идiotке, – последнее слово было самым приятным из того, что изрыгал Джон, и что абсолютно неприлично говорить при детях или печатать в книжке.

Надо сказать, на Мири такая речь произвела неизгладимое впечатление и с того самого дня с ней больше не было

никаких проблем.

А Джон, тем временем, все наращивал и наращивал темпы работы. Он так загнал и себя, и свою охрану, что, если те еще хоть что-то понимали в начале его бурной деятельности в том, что, собственно говоря, от них требуется, то теперь, запуганные непривычно решительным и властным, постоянно срывающимся на крик, шефом, и не имеющие никакого представления о конечной цели прилагаемых усилий, потеряли всякое соображение и ориентацию во времени и пространстве...

День седьмой

– Почему мне никто не сказал!!! – громыхал Джон, – неужели я требую невыполнимого?! – криком, конечно, уже ничего поправить было нельзя, да и надо ли было? Пришла суббота и почти все его новые деловые партнеры, которых всю неделю привозили и провожали в его номер охранники, или к которым Джон ездил сам для уточнения деталей контрактов, закрыли офисы, отключили телефоны, установили автоответчики на факс и отправились со своими многочисленными семействами на природу, вкушать куриный шашлык. Буря по поводу того, что уже суббота, бушевала не долго – Джон и сам понимал бесполезность и бессмысленность своих претензий, но то нечеловеческое напряжение, которое помогло ему за каких-то шесть дней полностью подготовить всю юридическую, материальную базу и даже набрать персонал для организации нового телевизионного шоу, не находя выхода в деятельности – все как будто остановилось – выплескивалось криком.

Наоравшись, Джон рывком уселся за рабочий стол и с каким-то ожесточением уставился в монитор, несколько десятков секунд он, тяжело дыша и непроизвольно сжимая кулаки, просидел так, потом резко развернулся на офисном стуле, окинув взглядом стоявшую на вытяжку верную троицу, которая, казалось, вытянулась еще сильнее, так же резко по-

дошел к зеркалу шкафа, всмотрелся в свое отражение. На него глядело изможденное, с темными кругами под глазами вдохновенно-безумное лицо, недельная щетина, сгорбленные плечи, измятая несвежая одежда дополняли этот и без того достаточно отталкивающий образ. Джон распрямился, пригладил волосы, задумчиво потер подбородок – его движения становились мягче, замедленнее, спокойнее, – снова повернулся к охране и каким-то даже жалобным тоном попросил: – Полотенце дайте, мне бы ванну... Все снова засуетились, но теперь эта суета утомляла Джона; напряжение этих дней постепенно оставляло его.

Пока он ждал, что его верные охранники, секретари, водители и домработницы в одном лице (а точнее в трех) приготовят все для того, чтобы он смог принять ванну, он пытался очистить сознание от то и дело вспыхивающих идей, рассуждений, воспоминаний, которые сейчас только досаждали ему. Он одновременно силился собрать в точку фокуса всё, что он сделал за последние дни, чтобы затем одним окончательным на сегодня усилием воли отбросить все сомнения и переживания и просто отдохнуть, уснуть, только не так, как он спал все эту неделю – редко, в полглаза, урывками, с кошмарными сновидениями, полными шума, льстивых улыбок новых партнеров с нехорошим блеском в глазах округляющихся от сумм, которыми разбрасывался Джон направо и налево – все было подчинено главной цели: успеть, успеть, пока никто не знает, успеть, пока никто не опередил...

Уснувшего прямо в ванной Джона верная охрана перенесла в кровать, где он благополучно проспал весь субботний день. Под вечер, часов в пять, подосланная охранниками Мири, до смерти перепуганная поручением, пыталась разбудить Джона. Джон вполне осмысленно открыл глаза и сел на кровати, погладил остолбеневшую от ужаса Мири по голове, сказал, чтоб она не боялась, что это всего лишь сон, взглянул на настенные часы и, укладываясь снова, сказал, что еще есть пару часов, чтобы поспать...

В воскресенье, с которого в этой земле начиналась рабочая неделя, Джон полностью отрицал какую-либо возможность такого поступка, был по-прежнему решителен и деятелен, но гораздо более вменяем – на крик больше не срывался, и если что-то кому-то было непонятно (а непонятно было довольно часто – трудно выполнять поручения, когда не знаешь, какого именно результата добивается тот, кто тебе его дал), Джон терпеливо повторял снова, ничего, правда, не проясняя в ситуации, но четче артикулируя и как-то вкрадчивее проговаривая слова.

Благодаря тому, что работа кипела с самого утра, а утро для всех, кто подвязался в эту неделю работать с Джоном, началось, когда солнце еще пряталось за горизонтом, только принаравливаясь к тому, как бы посильнее и нещаднее изжарить сегодняшний день, после полудня все, наконец, увидели, ради чего же они, собственно говоря не щадили ни головы, ни живота своего. Можно сказать, что Джон, в ка-

ком-то смысле, был солидарен с планами солнца и, вероятно, не только на сегодня – он задал такой нечеловеческий темп работы, что местные наемные работники, даже не представлявшие себе, что можно не только двигаться с такой стремительностью, но еще и успевать соображать при этом. Привыкшие к по-южному неспешным и слегка ленивым теломыследвижениям, нанятые за очень (даже очень-очень!) приличное вознаграждение операторы, ассистенты режиссера, декораторы, звукорежиссеры, координаторы и распределители, рабочие сцены и охрана, численность которой была определена Джоном как «стена, через которую даже мышь не проскочит, по всему периметру условной сцены в 30 квадратных метров», – все они к концу первого рабочего дня спеклись, как уши Омана, и даже, кажется, пригорели – то ли от ритма, заданного их новым работодателем, то ли от нестерпимой жары – и в первый раз в своей жизни, к удивлению своему, вдруг прониклись глубоким значением слова РАБОТАТЬ.

С результатом своей работы они могли бы ознакомиться в тот же вечер, когда в ночном эфире пары местных каналов, нескольких международных и в сети (отвратительное качество, блогеры хреновы... откуда только руки у них растут...) было показано, пока в записи и в несколько урезанном виде, новое шоу с неприятным названием «Гефсиманский сад», но, к сожалению, все они спали крепким сном мертвецки уставших людей. Из всех, имевших хоть какое-то отно-

шение к шоу, его смотрел только сам Джон – это была его работа – оставшиеся часы ночного отдыха он посвятил исправлению ошибок. Да, здесь неудачный угол... оператора переставим... здесь... нет... нет... здесь! Здесь и здесь – два оператора! Так, этого уволить... сюда и сюда надо мониторы для крупного плана... оттт... чертов декоратор... цветочки-ленточки... Через три часа тихое бурчание под нос смолкло, и Джон позволил себе пару часов вздремнуть. Следующий день отличался от предыдущего только тем, что работать пришлось еще быстрее, нанятый персонал, по-прежнему, мало понимал, что же, собственно говоря, они призваны совершить все вместе, уволенные – впервые в своей жизни, да и, наверное, в истории трудового права – были довольны как самим фактом своего увольнения, так и тем, как это самое увольнение было осуществлено.

Джон сделал это элегантно: тех, в чьих услугах он больше не нуждался, а также некоторых из тех, кто безбожно опоздал, не услышав звонка будильника и не вняв истерическим воплям очарованных невиданными гонорарами домочадцев, просто не пропускала та самая охрана-стена. А небольшой человек с цепким взглядом и непроницаемым выражением лица, появившийся в окружении Джона в первый день его неожиданного преображения, и с тех пор постоянно оказывавшийся как раз там, где Джону вдруг оказывалось нужным о чем-то спросить своего главного финансиста, выдавал ошалевшему то ли от счастья, потому что сегодня к вечеру он

останется жив и не будет валиться с ног от нечеловеческой усталости, то ли от неожиданности, потому что небеса так быстро услышали его вчерашние молитвы, то ли и от того, и от другого сразу, конверт, в котором находилось увольнительное письмо с благодарностью за труд, какая-то непонятная финансовая бумага с циферками и буквочками, а также весьма внушительная сумма наличными.

К концу второй недели работы все, кто смог удержаться на этой сумасшедшей работе, наконец-то, поняли, какое одно большое дело они делают, и даже смогли найти в себе силы посмотреть на результат своего ратного подвига в сети. Шоу «Гефсиманский сад» являло миру чудеса священной земли, которая на крохотном участке, величиной примерно с ладонь крупного взрослого человека, дарила больному – исцеление, увечному – исправление, бесноватому освобождение.

Проблема

Вообще, даже сам Джон до конца не осознавал, какую редкую удачу повезло ухватить ему за хвост – крохотный кусочек земли, обладающий необъяснимыми, ненаучными свойствами, затерявшийся среди пыли и развалин, вполне вероятно многие столетия дарил свои благодеяния только птицам, да заплутавшим кошкам, водившимся на этой земле в несметных количествах в самых неожиданных местах. Он не переставал благословлять тот день и час, когда в его все-таки чертовски гениальную голову пришла идея взять с собой эту несносную девчонку... а, может, это доброта его поступка... бедная девочка... или тогда у стены... что же я все-таки тогда просил... что-то писал на бумажке... плакал... наверное.... В общем... спасибо?! Да, спасибо! Конечно, спасибо... Гм... Я – рука провидения, теперь все страждущие будут... благодаря мне... я ...новый пророк...

– Кх..кх...гм... – несвязный поток сладких грез, так давно не уносивший Джона в тот мир, где ему не нужно лезть из кожи вон, чтобы хотя бы десятая часть жителей планеты обратила внимание на те чудеса, которые совершаются в его шоу, был деликатно прерван вездесущим финансистом. Йо-си Гросс крайне редко беспокоил Джона и никогда по пустякам, потому сейчас Джон в ту же секунду, как только первое покашливание достигло его сознания, обратился в внимание

и слух.

– Гм... – откашлялся Гросс еще раз, – понимаете ли, – Йоси был сухим и жилистым старичком, и его голос, низкий, бархатистый, совсем не вязался с его внешним обликом. Надо сказать, что Джон почти влюбился в этот голос, когда впервые разговаривал с его обладателем по телефону, назначая встречу для собеседования о вакантной должности главного финансиста проекта. Жизнь показала, что с таким главным финансистом с легкостью можно было ограничиться одним только главным финансистом.

– Понимаете ли, Джон, вы имеете сейчас некоторую проблему, которая не относится к моей компетенции, но так как ваши люди обратились ко мне, чтоб я ... – Йоси, – они сказали, – Джон разумный человек и он выслушает тебя, ты тоже разумный человек и ты сможешь объяснить ему всё правильно – так вот, чтобы именно я рассказал Вам, какая сейчас есть проблема, и что ее нужно решить. Если Вы, Джон, – Йоси говорил тихо, глубоко и медленно, немного смягчая согласные, оттого Джон в его устах звучало как Джён, – такая манера, а также необычный порядок слов, который всегда завораживал Джона, как бы отвлекали слушавшего от процесса восприятия звучащих слов, но само понимания сказанного вдруг проявлялось в сознании четким и понятным фреймом, и почти против своей воли внимавший этому волшебному голосу оставался спокойным и удивительно рассудительным вне зависимости от того, какую новость ему со-

общили только что... – но хотите послушать моего совета, я могу Вам его сказать. Вас интересует проблема?

– Проблема? – Пока Йоси говорил, Джон не только успел примириться с мыслью о том, что у него есть проблема, но и уверить себя в том, что проблема решаема, и что чем дольше он будет слушать этот дивный очаровывающий голос, тем быстрее и проще разрешатся любые проблемы, а то и не возникнут вовсе, – Дда, да, Йоси, я слушаю, Вы говорите проблема не в финансах?

– Нет, нет, что Вы, что Вы, Вы такой хороший директор, а я скромный финансист, но мы хорошо делаем каждый свое дело, и с финансами у нас всё в порядке, – Джон хотел уже перебить степенную речь Йоси, но тот вдруг самым неожиданным образом быстро и максимально четко изложив суть проблемы, закончил реплику, – только очень нехорошо стало с одним спонсором, он пожелал сам проверить запрещенное место и умер. – Йоси спокойно проговорил все слова, не меняя интонации, не выделяя ни буквы, потом сделал паузу, пережидая пока Джон, почти поперхнувшись словами, которыми хотел поторопить Йоси, и не находя пока никаких других, чтобы отреагировать на сказанное, перестанет вращать глазами и ловить ртом воздух, и продолжил: – вы будете слушать, что я могу Вам сказать?

Джон понял полную безнадежность справиться со своим артикуляционным аппаратом, просто махнул головой в знак согласия.

– Я скажу. Вы говорите – есть проблема, а я скажу проблемы уже нет. Уже никто не захочет без разрешения лезть, куда не следует. А вдова будет только рада, что то, что этот неугомонный человек хотел пожертвовать на Вашу программу, останется вдове.

С Джоном случился приступ заикания: – Ккаккк... вв..вввд...ккк... – Йоси терпеливо ждал, пока дар речи снова вернется в его директору. Наконец, Джон выговорил – вдова?! – думать он пока не успевал, – Вдова... – еще раз повторил он, почти справившись с собой.

– Вы меня извините, господин директор, но я спросил того шустрого молодого человека, который так быстро управляется со всеми Вашими компьютерами, что у меня, старого человека, просто начинается головокружение, что он скажет за семью этого спонсора, и он через пятнадцать секунд нам все сказал! Он сказал, что есть жена, а я скажу так, что если Вы, господин директор теперь позвоните вдове и принесете соболезнования, к которым присокупите тот чек, который выписал для Вашей программы этот добрый человек, то через пять минут мы все даже уже не будем помнить о том, что вы называли проблемой.

– Я... нне называл, – начал было Джон, но тут Йоси открыл вместительную и весьма увесистую старую кожаную папку, с которой он никогда не расставался, и извлек оттуда два заполненных чека. Джон взял чеки с некоторым недоумением – речь шла об одном чеке.

– Как распорядится господин директор? – без тени иронии или усмешки осведомился финансист, когда Джон, разглядывая оба поданных чека, понял, почему их два – первый чек был выписан рукою погибшего спонсора и содержал в себе цифру с семью нолями, а второй был стандартным чеком, которыми обычно расплачивался Джон, но сумма была на один ноль поменьше.

Не позволяя Джону растеряться и предупреждая его восторженный взгляд, финансист сказал чуть быстрее, чем обычно: – Наверное, господин директор сможет взять на себя все расходы и хлопоты по организации похорон этого достойного человека, тем более что вдова так еще молода и совсем неопытна как в делах такого рода, так и в финансовых вопросах бизнеса своего покойного мужа...

Джону не нужно было повторять два раза, он уже пришел в себя и, лаконично кивнув, вернул Йоси чек спонсора, стремительно вышел из кабинета со вторым... и чуть не налетел на выстроившуюся как на парад всю команду, немногочисленную, но состоящую из самых стойких и преданных делу.

Уговаривая старого финансиста пойти к Джону с заведомо скандальной новостью, они преследовали две цели: во-первых, в гневе Джон был страшен, невменяем и непредсказуем, и его боялись все, а во-вторых, никто из них не представлял себе, что можно сделать в такой ситуации, какая сложилась сейчас в их шоу, поэтому всеобщим обсуждением решили, что хоть немного остудить неизбежное проявление не самых

приятных эмоций Джона может только тот, на кого, как было всеми подмечено, Джон ни разу не повысил голоса, и к чьим советам, как тоже было подмечено, директор всегда прислушивался.

Пять минут, которые прошли с момента, когда финансист зашел к Джону и до того, как последний выскочил из-за двери, показались команде шоуменов поистине бесконечными, и когда Джон резко и потому неожиданно появился в дверях, все вздохнули с облегчением, несмотря на трепетный ужас перед своим начальником. Вопреки ожиданиям команды, Джон не стал отчитывать их, он сосредоточенно обвел всех глазами, остановил взгляд на специалисте по связям с общественностью, отозвал его в сторону, негромко, но четко дал ему какие-то указания и вручил ему чек, после чего указанный специалист озабоченно направился в сторону инфобокса, где находились все компьютеры шоу. Повернувшись к остальным, так и стоявшим в ожидании, Джон сказал: – Показывайте, – и сам зашагал вперед.

Когда все они подошли к месту происшествия, Джону сделалось нехорошо от того, что он увидел там, ноги подкосились, руки задрожали, мысли запрыгали... все столпились чуть поодаль и с надеждой ждали от Джона правильных слов и действий, а он все свои силы употреблял на то, чтобы с дикими криками ужаса не убежать куда глаза глядят. Вид сморщенного и какого-то словно выгоревшего изнутри ненормально маленького и скрюченного того, что осталось

от пышущего здоровьем и самоуверенностью здоровяка, каким был упомянутый спонсор при жизни, мог кого угодно свести с ума.

– Кх...кх.. – господин директор, – воистину Йоси был добрым ангелом Джона! – Джон получил возможность отвернуться от этого нечеловеческого зрелища, чем и воспользовался с огромным облегчением. Когда он повернулся, сотрудники отметили, что их железный директор бледен несколько сильнее, чем это было позволительно человеку такой высоты положения.

– Да? – Джон посмотрел на Йоси и понял, что впервые в жизни решил проблему еще до того, как вообще смог оценить ее масштабы и, ужаснувшись, впасть в истерику или отчаяния опустить руки. Он готов был броситься на шею Йоси, его чудесному избавителю...

Однако Йоси не разделял его теплых чувств, он аккуратно остановил уже раскрывавшего объятия Джона, и взяв его под локоть, отвел в сторону настолько далеко, чтобы не было слышно, о чем они говорят. Своим низким, бархатным, завораживающим голосом бывший финансист шоу поставил Джона в известность: – Вы знаете, господин директор, та разница, которую вы заметили на финансовых документах, она может покрыть и мое выходное пособие. И я думаю, что вы не станете возражать, что моё участие во всем этом деле, – финансист чуть качнул головой и круговым движением глаз обвел павильон шоу, – может быть рассмотрено как состояв-

шеся. – не давая Джону возразить, Йоси продолжил – Молодой человек, мы с вами смогли помочь другу другу, но поверьте мне, что такие впечатления, – тут Йоси едва заметным движением всего тела указал на то, что осталось у них за спинами, и Джона снова передернуло лишь от одной только мысли об этом, – это не то, что хочется иметь в моем возрасте.

Джон не посмел возражать или уговаривать, но ему было безысходно жаль терять этого удивительного специалиста:

– Но-о, – все-таки начал Джон...

– Я Вам пришлю очень хорошего мальчика, он сможет и дальше вести ваши финансовые бумаги так, что вы не будете иметь никакой головной боли, – бывший главный финансист, как всегда, опередил господина директора и мыслью и делом.

После слов о головной боли, Джон, и вправду, вдруг почувствовал, что у него нестерпимо раскалывается голова и к горлу подкатывается тошнота. Не попрощавшись с финансистом и почти на бегу показав жестом, что на сегодня все свободны все еще толпившимся в отдалении работникам, Джон влетел в свой вагончик, где его желудок вывернул весь организм наизнанку. Между приступами удушающих спазмов, Джон слышал, как низкий приятный голос финансиста делал ему последнее одолжение – успокаивал команду шоу и отправлял всех домой.

Джон принял слоновью дозу лекарств – сразу от головной

боли, от стресса и от усталости – и, упав на постель, почти сразу провалился в липкий наркотический сон. Спал он тяжело и беспокойно, то и дело просыпался, потом снова забывался даже не сном, а каким-то полным абсурдных видений, от которых он с ног до головы покрывался холодной испариной, состоянием, похожим на транс. Иногда ему казалось, что он видит будущее, и он силился проснуться, чтобы не заспать это знание, но только еще глубже погружался на самое дно своих тревожных видений, и только они, ужасающие и пугающие выталкивали его в реальность, которая встречала его скомканной мокрой от пота постелью. Утро тоже наступало тягуче и влажно, солнце никак не могло выпутаться из молочных рыхлых облаков, но часа через два все-таки восторжествовало на небе и земле, обесцвечивая успокаивающую синь вокруг себя и нещадно выжигая все, куда доставали его лучи.

Что именно вчера сказал Йоси команде Джона, так и осталось для Джона загадкой, но сегодня, и во все последующие дни, даже в те, когда случаи, подобные прецеденту со спонсором, повторялись, команда, постепенно уменьшившаяся до восьми человек, включая Джона и нового финансового директора, продолжала выполнять свои рабочие обязанности спокойно, без истерик и суеты, четко, решительно и хладнокровно.

Небесное воинство

Пришло время представить команду, с которой Джон входил в период своей мировой славы, предмета вожделенных мечтаний всей его жизни.

С самим господином директором и его охраной мы уже знакомы – Фриц, Джек и Бабу так и остались верны своей привычке по имени Джон. Когда для нужд шоу была нанята другая, во много раз более многочисленная и, несомненно, более профессиональная группа охранников, неразлучная троица безропотно приняла опалу и довольствовалась мелкими поручениями курьеров и чернорабочих.

Для Мири была нанята гувернантка, потому что курица, несущая золотые яйца требует особого ухода, как верно подметил только один раз первый финансовый директор шоу Йоси Гросс. Гувернантка Ривка Каиц была единственной, кроме Мири, особой женского пола в команде Джона, но если бы кто-нибудь спросил любого как из самой команды, так и тех, кто имел с ними опыт работы или общения, каждый, не задумываясь и ни секунды не сомневаясь, ответил бы, что команда исключительно мужская. Сама Ривка называла себя педагог Каиц и ревниво следила за тем, чтобы ее называли только так и не иначе. Это была абсолютно необъятных размеров дама, весьма проворная для своего телосложения, берущаяся за любое дело без сомнений и раздумий, громо-

гласная в изречении простых, но чрезвычайно верных, а в ее исполнении еще и удивительно понятных и доходчивых, истин вроде: «Сейчас девочка идет спать, а все вопросы, маленькие они или большие, меня это не интересует, вы сможете задать ей завтра. И не в пять часов утра, уважаемый директор, а в девять часов девочка после завтрака выйдет к Вам и Вашим вопросам».

Очень быстро она взяла на себя все работы по обустройству холостяцкой жизни Джона, предварительно прочитав не длинную, но полную презрения к тому, что и как делали Джек, Фриц и Бабу, думая, что они занимаются устройством быта, лекцию о том, что «если ты руки у тебя не предположены ни для чего, кроме как держать ...», в общем, в выражениях Каиц, в отсутствие девочки, не стеснялась. Ее праведный гнев по вопросам уборки, стирки и приготовления еды держался еще на протяжении нескольких дней, за которые она сумела наладить дело так, что Джон сам удивлялся, как это раньше он умел обходиться без Каиц.

Наладив быт Мири и Джона, Педагог Каиц несколько потеплела к впавшей в немилость по всем статьям троице и также поставила их на довольствие. Большую часть времени Каиц (так ее называли чаще всего и со временем она смирилась с тем, что самая главная, по ее мнению, часть ее имени – Педагог – воспринимается не иначе как должность, а не звание, и посему не упоминается) проводила, занимаясь с Мири. Сложно сказать, каким она была педагогом, но терпе-

ния и старания ей было не занимать, и Мири, поначалу бунтовавшая и пытавшаяся известить воспитательницу, сдалась и даже находила некоторое удовольствие в обществе этого Педагога, – дамой ее называть, конечно, можно было только с большой натяжкой.

В то время, в которое мы оставили нашу команду, чтобы поближе познакомиться с каждым из ее участников, Каиц обихаживала уже все семь вагончиков, в которых жили и работали шоумены, а также в специально заказанном по ее же слову, даже не требованию, вагоне-столовой, готовила завтраки, обеды и ужины для всей честной компании.

Джон занимал самый просторный и комфортабельный вагончик, который стоял несколько поодаль от павильона шоу. Неподалеку от него, с одной стороны располагался тоже достаточно просторный, ну, может, менее комфортабельный вагончик, где поселилась троица. С другой стороны от вагончика Джона располагались два, составленных стенка к стенке, вагончика, в которых помещались Мири и Каиц.

Рядом с павильоном стояло два вагончика, в одном из которых жил Икс, как он отрекомендовался в первый же день своего участия в этом проекте, и это был единственный вагончик, куда доступ вездесущей Каиц был закрыт категорически и бесповоротно. Неприкасаемый вагончик был соединен с той частью павильона, где располагалась вся компьютерная техника, необходимая для нормального функционирования всех систем шоу и доступ кому бы то ни было в

святая святых Икса был закрыт раз и навсегда, после единственного случая в первые дни работы шоу, когда сам Джон, ворвавшись к Иксу с каким-то поручением, случайно зацепил ногой провод, коих было разбросано по полу, висело на стенах и торчало из ящичков шкафов и столов, бесчисленное множество. В результате этого происшествия произошел какой-то сбой в трансляции шоу, и уже Икс орал на Джона, чего на тот момент не мог себе даже позволить ни один из только начинавших свой путь в шоу-бизнесе работников. После этого доступ кому бы то ни было в этот отсек павильона был закрыт окончательно. Правда с Иксом жила кошка, обыкновенная полудикая кошка цвета пустыни, которая гуляла сама по себе и по павильону, – на нее табу на посещение рабочей комнаты Икса не распространялось, она даже имела особое право спать, где ей вздумается, и только сам Икс, ну, еще кошка, могли свободно передвигаться по этой комнате, не рискуя что-нибудь свалить, перевернуть или выдернуть.

Во втором вагончике жил небольшого ростика крепкий, подвижный человечек с удивительно кривыми, колесом, ногами и длинными не по росту руками. Но этими руками человечек умел делать все – техник, электрик, сантехник, ассенизатор, плотник, слесарь, – наверное, проще было бы сказать, чего не умели эти руки, хотя, какое там! – еще до того, как Джон нашел для Мири Педагога Каиц, Ахмад – так звали человечка, время от времени выполнял обязанности шеф-повара и помогал костюмерам подгонять костюмы для

ведущих шоу.

Кстати сказать, Ахмад был единственным человеком во всей компании, который опознал в Каиц особь женского пола и первое время даже пытался за ней поухаживать, что, впрочем, могло бы закончиться весьма плачевно для Ахмада, если бы не его природная веселость и неисправимый оптимизм. Закончилась история с ухаживаниями совместным распитием почти ящика пива и состязанием по армрестлингу, в котором, впрочем, победил все-таки Ахмад. После этого Каиц пересмотрела свое пренебрежительное отношение к этому коротышке, даже прониклась к нему чем-то вроде уважения и иногда, под настроение, даже допускала его, единственного из всех, в кухню для помощи в готовке. Для неквалифицированных кухонных работ Каиц привлекала троицу Джека, Фрица и Бабу, которые на кухню не допускались, а довольствовались только тем, что могли вдыхать манящие ароматы, работая в пристройке рядом.

Между вагончиком директора и столовой стоял не такой шикарный как у Джона, но уж точно получше, чем у остальных членов команды, вагончик финансиста.

Новый финансовый директор представлял собой моложавого, но уже довольно тучного, краснолицего, светловолосого, с широким, каким-то бабьим лицом и высоким женским же смехом, балагура, который, где бы он не появлялся, казалось, ставил себе целью всех рассмешить и развеселить. В отличие от своего предшественника, который никогда не по-

падался на глаза, но всегда появлялся там, где он был сейчас нужен больше всего, незаметно и вовремя, этот «мальчик», действительно появившийся на следующий день после оригинального увольнения предыдущего финансиста, и весьма напыщенно и не без самодовольства заявивший, что он от Йоси Гросса, – этот ни на минуту не замолкающий весельчак, всегда оказывался там, где его никто не ждал и меньше всего хотел сейчас видеть.

Он совал свой небольшой, но тоже красный от полнокровия нос во все мелочи, он знал всё обо всех, и на все у него всегда была поучительная история, неизменно заканчивавшаяся анекдотом и его заливистым, пронзительным смехом. Хотя к его смеху так и не смогли привыкнуть, шутил он, действительно, неплохо и к месту, да и работу свою знал – у Джона, как и прежде, не было никаких проблем с финансами, кредитами, спонсорами, жертвователями, банками... Всем этим занимался исключительно Серж, самое удивительное, никто не мог понять, только когда? когда он всем этим занимался, если с утра до вечера только и делал, что бегал по павильону или по вагончикам, в которых и жили, и работали члены команды Джона.

Бытие

Первый год шоу пролетел удивительно быстро. Правда, по прошествии этого срока каждый из восьми шоуменов отметил для себя, что внутреннее ощущение пережитого заставляет оценивать прошедшие двенадцать месяцев, как, возможно, самые значимые дни своей жизни и оставляют обманчивую, но твердую убежденность в том, что с тех пор, как каждый из них впервые увидел в сети объявление о срочном приеме на сложную и высокооплачиваемую работу – звонить по телефону... писать на мэйл... – до того момента, когда Джон собрал всех в вагоне-столовой и сдержанно, но с видимым удовлетворением объявил всем, что за прошедший и самый первый год трансляции шоу им удалось добиться высоких рейтингов, сравнимых с рейтингами самых популярных программ, увеличить количество трансляций, время показа программы и количество каналов и сайтов, транслирующих их шоу, прошло, как минимум пару десятков лет. Со временем к бешеному темпу работы привыкли, да и отлаженная машина шоу катилась теперь намного легче, чем это было в самом начале.

Сейчас как раз было такое время в жизненном цикле любой популярной программы, когда растущая популярность уже помогает корректировать, улучшать программу и продвигать ее по рейтингам и трансляциям, но еще не меша-

ет спокойно работать. Еще не было нашествия обезумевшей публики, согласной на любые условия, лишь бы попасть на шоу, в любом качестве – как основного героя, как зрителя или просто ночующего прямо на территории музейного комплекса под открытым небом фанатика с мутным взглядом и беспокойной улыбкой, которому достаточно время от времени в периоды прояснения рассудка осознавать себя пребывающим рядом с ШОУ! Пока еще троица охранников снова самостоятельно справлялась с задачей охраны порядка на территории импровизированного поселения и безопасности его обитателей. Пока еще было так. И так было еще несколько лет, которые незаметно подошли к десятилетнему юбилею.

Джон сделал верную ставку на природную тягу человеческих существ к чудесам и веру в возможность моментального исцеления без обращения к ненавистным врачам, длительным периодам лечения и восстановления. Его программу смотрело все больше и больше людей по всему миру, сайт их программы был одним из самых посещаемых в сети и отбоя не было от желающих исцелиться на глазах у всего мира. Нужно сказать, что к вопросу отбора кандидатов на роль исцеляемого Джон с первого дня относился максимально серьезно, всегда сам проверял все сведения о несчастных, никому не доверяя и ни на кого не перекладывая этой непростой миссии – руки провидения в судьбе обращающихся к нему увечных телом.

Интуитивно Джон с самого начала отдавал предпочтение

не обремененным семьями и родственными связями, а также другими благами цивилизации типа собственного жилья, калекам, с ярко выраженными физическими недостатками. А уж после происшествия с одним из спонсоров, который в своей тупой самоуверенности решил проверить, как работает это чудесное место на собственной шкуре, за что ею же и поплатился, Джон не только стал еще придирчивее отбирать подходящих, но и старался отследить их последующую судьбу.

Как правило, привычный образ жизни калек брал свое и они, оставаясь такими же непритязательными в своих предпочтениях и потребностях существования, не доставляли ни Джону, ни шоу каких-либо неудобств. Но с каждым днем искать кандидатов на исцеление, которые бы вполне удовлетворяли критериям, предъявляемым к ним Джоном, становилось все сложнее. Количество желающих побывать на шоу и стать звездой увеличивалось, а вот процент действительно увечных среди них стремительно сокращался, потому что какой-то общественный деятель, живущий распределением пожертвованиями среди сирых и убогих, правильно отследив тенденцию и испугавшись возможных последствий, выступил в средствах массовой информации, а потом еще и конференцию организовал (кстати, все на те же жертвования) по вопросу, сформулированному им в весьма двусмысленной формулировке «Исцеление и страждущие: что для чего?».

Его путанная речь, внешне изобилующая восхвалениями «нашему общему делу помощи несчастным», в конечном итоге свелась к тому, что он сумел запугать этих самых несчастных, обрисовав самыми черными красками их ближайшее будущее: – Перед этими несчастными, которые не могли даже надеяться на лучшую жизнь, теперь забрезжил слабый лучик надежды. Но на что надеются они? На то, что когда, избавившись от того, что с рождения постоянно и неотступно было с ними, что формировало их отношение к обществу и обуславливало бескорыстную, пробуждающую лучшие чувства помощи ближнему общественную заботу о них, что теперь они смогут прокормить себя, не имея ничего за душой, не умея ничего, кроме того, чтобы вызывать высокие чувства жалости и сострадания в тех, кому в этой жизни повезло больше!?

Договорился этот оратор, почувствовавший, как его теплое место и сытная кормушка с неуклонной неизбежностью теряют плотность структуры и четкость очертаний, до того, что обвинил Шоу в том, что оно способствует распространению жестокосердия в мире, выжигает светом своих софитов способность человечества к сочувствию и жертвенности. Плохо прикрытое лицемерие этого и подобных ему вещателей, размножившихся как жабы на болоте перед дождем, тем не менее, очень многих заставило серьезно поразмышлять над реальностью возможных сложностей и проблем, вытекающих из самого факта существования шоу. Эти размыш-

ления вылились для шоу в крупные денежные вложения на покупку некоторой недвижимости, предметов искусства и в другие абсолютно альтруистские действия в пользу неназванных лиц, о которых Серж в свойственной ему манере, многословно, но остроумно, пронзительно хохоча, сообщил Джону.

Шоу приносило весьма убедительный доход, и Джон смог уже полностью вернуть не только то, что было вложено в экстремально быструю организацию всего мероприятия, но и все, что он потратил со дня получения баснословного гонорара за свою гениальную, первую и последнюю в своем роде, ленту.

Как человек творческий и не жадный, Джон намеревался со временем свернуть шоу, не привлекая дополнительного внимания, твердо зная, что популярность – дама весьма забывчивая, и то, что сегодня занимает умы миллионов, заставляя их, оставив дела, забывая о проблемах и заботах, устремляться к экранам и мониторам, завтра может также легко канет в лету полностью и бесповоротно – так, будто никогда и не существовало ничего подобного, так что даже не о чем и говорить. Рейтинги программы после первых трех лет решительного роста потом замедлились в своем стремлении вверх и Джон предсказывал шоу не более трех-пяти лет до того времени, когда количество желающих смотреть шоу начнет медленно уменьшаться, а потом резко упадет до такого минимума, когда красиво уйти, раздавая автографы и

интервью, и выбирая, какой рекламный контракт достойнее твоего внимания, уже будет невозможно.

Команда шоу работала как прежде четко, быстро и слажено, но в полном соответствии с этим прогнозом каждый из них задумывался о том, чем он займется потом. Все они были счастливыми владельцами весьма внушительных материальных средств, для того чтобы ни дня не работать после окончания шоу, но не всем такая перспектива казалась достойным завершением карьеры успешных людей. Икс, например, просто бредил идеей создания искусственного интеллекта для управления государствами и собирался употребить заработанное на организацию инициативной группы лучших специалистов мира в области компьютерных технологий.

Громогласная Каиц объявила всем, что она организует специализированную школу, в которую соберет тех детей, на которых их родителям плевать, и сможет воспитать их настоящими людьми, которые не будут заиклены на половых различиях, а просто вместе будут делать то, на что природа дала им умений и здоровья.

Неразлучная тройца -Джек, Фриц и Бабу – не строила никаких планов, надеясь, что после бурного периода работы на износ придет прежнее размеренное, несколько скучноватое, но спокойное и благополучное существование под руководством Джона.

Ахмад, судя по всему, не оставил надежды покорить ка-

менное сердце Каиц, и потому и словами и поступками не уставал доказывать Педагогу, что без него, Ахмада, ей все равно никак не обойтись, а уж для такого дела как школа и воспитание детей, он вообще человек абсолютно незаменимый.

И только Серж не распространялся о том, как собирается использовать капитал, а на все расспросы отшучивался, заливаясь своим удивительно неприятным смехом.

Так, по плану, достаточно слаженно и дружно, насыщено, с удачами и мелкими неприятностями пролетало отведенное прогнозом Джона время. Команда просто делала свою работу, стараясь не слишком расстраиваться по поводу участвовавших в последнее время случаев, подобных тому, что произошло в свое время с одним спонсором. Эти эпизоды уже не так сильно выбивали коллектив из колеи, наоборот, команда все больше и больше спланивалась в противостоянии любым попыткам обвинить шоу в исчезновении людей. Эти досадные недоразумения, как называл их Джон, ведущий шоу в прямой трансляции, всегда случались неожиданно и каждый раз по-новому, но виртуозные пальцы Икса успевали чем-то щелкнуть, что-то нажать... и на экраны никогда не попадало ничего, что можно было бы инкриминировать программе, а саму программу оценили бы как очередное разводилово, хотя она почти честно показывала настоящие чудеса, случающиеся с настоящими людьми.

Исход

Но вот на новой волне всплеска интереса к программе, когда она с большой помпой праздновала свой первый серьезный юбилей – 10 лет в Гефсиманском саду – какой-то сумасшедший профессор на весь мир обстоятельно доказал истинность этих самых чудес...

Въедливый книжный червь не поленился разыскать несколько десятков исцеленных, собрать подробнейшую информацию о каждом из них, об историях их увечий, накопал заключения врачей, а кое-где ему так повезло, что и целых врачебных консилиумов, сделанных до чудесного исцеления. Организуя лечебные экспертизы состояния здоровья исцеленных, он искал следы их былых физических увечий, но находил только следы глубокой психологической травмы, теперь еще и сказывающейся на мировосприятии и самооценке этих людей.

В общем, профессор сделал всё по науке – теория, эксперимент, доказательство, гипотеза. Его бы, тем не менее, никто не услышал, но он так здорово подвел факты исцеления и воскрешения под теорию существования бога, что папа римский не удержался от искушения на весь мир перед всей своей паствой признать ученого праведником и святым еще при жизни. Потом еще пришлось признавать мучеником, потому что разъяренная толпа, желая причаститься к живому свято-

му разорвала его на мелкие сувениры. Говорят, что и они тоже обладают исцеляющей силой, но судя по тому, что мощи, лоскуты одежды, зубы и другие пикантности ученого продаются во всяком уважающем себя поселении мира и по сей день, человек этот поистине был удивителен по размерам, количеству зубов, костей, а главное, голов – череп святого можно купить, правда, только в самых больших полисах, и каждый продавец утверждает, что это тот самый череп, но, так или иначе, количество их было более одного и даже десяти.

Так вот, после такого феерического взлета и падения ученого мужа с весьма прозаической фамилией Джонсон, имя которого утеряно навечно, программу Джона стали смотреть более внимательно, а самые сообразительные потянулись в сад.

Шоу не закончилось ни через двадцать лет, ни через пятьдесят, ни даже через сто. На третий юбилей, безуспешно пытавшиеся бороться с существованием шоу ораторы, о которых мы уже упоминали чуть раньше, рисковавшие остаться без теплых местечек в благотворительных организациях, сообразили, что, если ты не можешь победить своего врага, сделайся его лучшим другом.

Все тот же наш оратор стал инициатором нового мирового движения «Гефсиманский сад – страждущим», которое взяло на себя тяжелую, но необходимую в наше тяжелое и радостное время чудес, обязанность и необходимость выбрать

достойнейших из достойнейших, которые были лишены простых человеческих радостей, потому что нелепая насмешка природы привела к несправедливости, которую теперь можно устранить. Но мы, люди – венцы творения природы, только мы можем поступить справедливо – и мы сделаем это. Мы направим стопы незрячих и обратим слух неслышащих в сторону сада Гефсиманского и поможем им исцелиться!

Это случилось одновременно с тяжелым, но необходимым решением Джона и всей его команды продать шоу, вместе со всеми на него правами, обусловленного тем, что шоу больше не могло существовать в том формате, с которого они начинали, а то, что теперь не просто предлагали им, а чего беззастенчиво требовали от них, было абсолютно неприемлемо даже для таких прожженных шоуменов как Джон. О том же, чтобы свернуть шоу, истерия по поводу которого стала приобретать характер стойкого и всеобщего помешательства, никто и слышать не хотел.

Команда Джона, еле справлялась с навалившимся после выступления папы римского объемом работы – приезжали всевозможные делегации, через выстроенное за эти годы высокое и крепкое ограждение постоянно пытались пробраться какие-то пророки, мессии и просто придурки, которым захотелось вечной жизни и власти над миром. Местные власти давно взяли и само шоу, и команду Джона под свою защиту, но восьмерка энтузиастов, решивших заработать миллиарды, так устала, что когда Джон объявил им о том, что они,

видимо, остаются безработными, так как все права на шоу проданы Израилю, России и Индии, все, от нечеловеческой усталости не сумев даже обрадоваться, только вздохнули от облегчения, и никто не спросил о сумме контракта.

Серж, как всегда, легко и быстро оформил все необходимые документы по купле-продаже сам, и каждый из восьми членов команды, а также Мири, к тому времени оставшаяся сиротой, так как ее мамаша – и это был ее выбор – была одним из тех технических недоразумений, которые иногда случались на шоу, оказались очень усталыми и измученными владельцами не только крупных счетов в нескольких надежных банках мира, но и домо–судо– и заводовладельцами. Серж был не просто хорошим финансистом, он был далеко не дурак..

Апокалипсис

Права на шоу «Сад Гефсиманский» в денежном выражении не ограничивались теперь какими-то шестью нулями, это был баснословно дорогой проект, поэтому его купили вкладчину телекомпании трех государств. И так как шоу смотрел весь мир – люди всех возрастов, полов, рас, религиозных убеждений три раза в день не могли оторвать восхищенных глаз от экранов и мониторов, то теперь эти самые державы могли править миром. Это слишком поздно поняли занятые друг другом Китай и Америка, которые думали, что простым отключением трансляций и всякого рода антипропагандой можно остановить бум человеческого помешательства.

На планете каждый день появлялось не менее десяти новых мест, которые вдруг обнаруживали чудесные свойства исцеления, продления жизни, а то и просто похудения (это все еще было актуально и модно). Маги и пророки всех мастей за весьма скромную по меркам действий такого рода цену без всякого предварительного отбора претендентов облапошивали всех желающих за их деньги.

При новых владельцах количество кормящихся от шоу очень сильно разрослось, каждый из кожи вон лез, чтобы придумать что-нибудь эдакое для шоу или его рекламы, хотя уж в чем – чем, а в рекламе-то шоу точно не нуждалось уже

очень давно. Рейтинги шоу были такими, что каналы, не сумевшие купить право на показ программы просто выключали вещание на то время, когда по другим, более удачливым в отношении материальной обеспеченности каналах шла программа «в саду Гефсиманском» – все смотрели шоу, а шоумены каждый раз выдумывали все новые и новые чудеса. Сетезрители видели как оживают умершие, как выходят из комы безнадежно больные, как отрастают отрезанные и оторванные пальцы, руки и ноги, – простое исправление физических недостатков какого-нибудь убогого больше не заводило публику, – публика хотела познать настоящее чудо и ей предоставлялась такая возможность.

Но очень многого, гораздо больше, чем во времена восьмерки Джона, публика не знала и не видела. Шоумены проявляли удивительную изобретательность в выдумывании сюжетов исцеления, но еще большую – в зарабатывании денег на тех, кто рвался на шоу вопреки здравому смыслу и рассудку...

Проходили десятилетия, шоу давно потеряло свой прежний облик, но не потеряло своей популярности. На праздновании столетия Великого дня (то есть того, когда Джон обнаружил Мири, сидящую на этом самом месте) – эта дата теперь была отмечена как первый день празднования недели Гефсиманского сада и украшала календари всех стран мира - шоу было признано международным, а его правообладателями, кто в большей, а кто в меньшей степени, стали теперь

правительства всех стран мира.

Где-то в первой половине столетнего срока существования шоу круг правообладателей пополнился представителями Америки, прогнозы которых о скором затухании интереса к шоу так и не оправдались, а чуть позже, ближе к середине века Шоу к ним присоединился и официальный Китай, и жителями поднебесной тут же пополнились первые ряды страждущих.

Из-за немислимого количества владельцев и постоянно меняющихся продюсеров, режиссеров, менеджеров, сценаристов, не говоря уже об остальных, благодаря полученной специальности, допускаемых к работе в шоу, в программе наступила такая неразбериха, что то и дело случались накладки и неожиданности, незапланированные организаторами. Это сначала было обеспокоило правообладателей, но они быстро сообразили, что для зрителей все эти эксцессы сами по себе тоже представляют новый вид аттракции, и все продолжало разваливаться, хотя доход приносило исправно и регулярно, да и народ, одурманенный шоу, не отвлекался на всякие глупости вроде улучшения условий жизни или повышения зарплаты. Что-то нужно еще?

На одно из представлений одна выжившая из ума миллиардерша, которой, как вы понимаете, отказать было невозможно, притащила свою любимейшую собачку, умершую еще во время молодости этой самой миллиардерши и теперь явленную миру в виде чучела, – был ужасный скандал, кото-

рый, впрочем, еще сильнее поднял рейтинги и доходы шоу.

Что с собачкой? А... Она таки ожила, хотя говорят, что прохвост продюсер просто нашел такую же, но живую, которую и подсунули старушке... увидев, как ожила ее любимая собачка, бабуля пришла в твердый ум и ясную память, изрекла – «это же чучело» и отдала богу душу. Но так как ее воскрешения никто не заказывал, то бабулю быстренько оттащили в сторону и шоу продолжилось.

Этот эпизод дал возможность особо ярким активистам движения «Гефсиманский сад – страждущим», уже третье поколение которых ратовало за то, чтобы пускать на сеанс исцеления только общественно полезные элементы, а не кого попало, в связи с чем и было в оппозиции к официальным комиссиям отбора желающих исцелиться, громче заявить о себе и о своих притязаниях на истину в последней инстанции, которая только и способна волею народной отобрать достойных от недостойных.. Себя они, понятное дело, мыслили в первых рядах достойных.

Их деятельность по продвижению себя в исцеляемые, может, и окончилась бы полюбовным соглашением между ними и держателями шоу, если бы не фанатичность одного из активистов. Активист, уверовав в альтруистские намерения своей организации, при этом обладая пытливым умом и немного сдвинутым рассудком, досконально проверяя и перепроверя каждый шаг, который приводил счастливых обладателей разрешения на исцеление, к этому самому исце-

лению, вдруг обнаружил, что количество получивших исцеление и количество получивших разрешение не совпадает, причем не совпадает в разы!

Отследив судьбы получивших разрешение, он обнаружил, что все они по свидетельству родных, знакомых и сведений транспортных конгломератов, прибыли в Гефсиманский сад, но дальше след как минимум половины из них был утерян. Родственников это беспокоило не особо, большинство из них злорадствовали, другие просто пожимали плечами и предполагали, что исцеленный не пожелал расстаться с местом своего исцеления и «пусть ему будет хорошо». То, что некоторые из них, смотревшие все программы шоу, не видели своего родственника, объяснялось ими довольно просто – ну не каждого же будут показывать, не такая большая птица наш дядя Адам, чтоб его еще и в шоу показывать. Ему и так повезло – он разрешение получил.

Тогда активист решил любопытствовать, почему это исцеленные не возвращаются обратно, надеясь сделать сенсационное разоблачение вроде того, что исцеление не работает при отдалении от места или что оно лишает памяти и родственных чувств... Он очень хотел сенсации и он ее получил...

Все оказалось гораздо страшнее. Секретность, сопровождавшая чудесное шоу, уже давно дала большую трещину, через которую почти сразу после продажи программы восьмеркой первооткрывателей шоу потекла такая преотвратнейшая

правда, что охотников сделать из нее сенсацию не находилось. И, кто знает, может, так и продолжалось бы это шоу, загребая миллиарды и миллиарды миллиардов, несмотря на постоянную утечку страшной информации о том, что Джон в свое время называл досадными недоразумениями, если бы не въедливый адепт ставшего к тому времени почти новой религией движения «Гефсиманский сад – страждущим»...

Основы

Прежде чем все-таки объяснить читателю, в чем же, наконец, заключалась страшная и отвратительная истина чудеса сада Гефсиманского, скажем немного об этом движении подробнее. Тем более, что отцы-основатели этого чудо-учения сыграли не последнюю роль в том, что правда о чудесах так долго оставалась лишь слухом, нелепой выдумкой, страшилкой на ночь, от которой все отмахивались.

Такое свое легкомысленное отношение к дыму слухов, которого, как известно, без огня не бывает, адепты нового знания, а вслед за ними и обыватели аргументировали тем, что «выслушивание и передача беспочвенных и абсолютно абсурдных слухов» как они значились в программных скрижалях нового учения (было уже и такое!) может воспрепятствовать совершению чуда и тогда «да падет на соблазнившегося сплетнею потеря очереди и всеобщее осуждение».

Что придумали эти умники? Тем, кто не успел пристроиться к кормушке, в которую шоу сыпало миллиарды и мил-

лиарды, было отчаянно и безысходно тоскливо, злоба и зависть терзали убогие подобия их душ. Но они, сообразив, что чудеса – это золотая жила и беспроигрышный бизнес, пристроились подбирать то, что не успевала сожрать ненасытная утроба Шоу и размножившиеся по миру комиссии и подкомиссии по «востребованности чудесной помощи» – так они назывались. Надо отметить, что комитеты эти были организованы ООН.

Все чиновники этой некогда достаточно могущественной, а в последние пару веков растерявшей свое бывшее величие, организации и составили, впрочем, эти самые комиссии и подкомитеты. Нельзя было сказать, что они ничего не делали – они принимали заявления, они проверяли достоверность представленных документов, разрабатывали инструкции и памятки для граждан, формы бланков заявлений и апелляций, они буквально работали на износ... Но ни очередь желающих получить исцеление не уменьшалась, ни сама суть процесса исцеления не становилась понятнее.

Несколько инициативных групп ученых пытались выбить себе право на изучение данного феномена, но никто не поверил их познавательному интересу и им отказывали на всех уровнях. А уж после того, как одной группе все же удалось выбить для себя право присутствия при совершении чуда, но один из ученых этой команды не устоял перед искушением и «в качестве эксперимента на себе – все великие ученые проводили на себе эксперименты» вместо исцеления, потому

как никакие недуги его, слава господу, не тяготили, вдруг получил красивое мускулистое вместо скрюченного и тщедушного, никогда не наблюдавшегося в спортзале, тело и шикарную шевелюру на рано полысевшую свою ученую голову... Уж после такого святотатства всех ученых объявили «поборниками лжи и несправедливости», а слово ученый, равно как и все другие поименования людей неглупых и не всегда корыстных, стало страшным ругательством. Чуть-чуть не дошли до сжигания книг и аутодафе.

Так вот, проворные дельцы, пристроили к действию небольшую (поначалу небольшую и простенькую) теоретическую базу, на основании постулатов которой, собственно говоря, и кормились все от тех же обывателей, наставляя последних, как нужно жить, чтобы получить право на исцеление.

В начале разработки теоретических оснований и привлечения адептов в лоно нового движения идеологи и маркетологи этого движения были весьма обеспокоены истерикой, которая окружала шоу, и даже пророчили очень скорое полное охлаждение аудитории к развлечениям такого рода. На основании чего подгоняли и себя, и высшее руководство движения поскорее выходить на широкую аудиторию.

Они не опустились до мошеннического обмана за минимальные деньги каждому обеспечить попадание в сад без очереди. Нет. Они не уподобились средневековым продавцам индульгенций. Они были хитры и осмотрительны, жадны и завистливы. И хотя пока они кормились от даров Шоу

и всем своим учением поддерживали ажиотажный интерес к этому весьма сомнительному мероприятию, в глубине души они не просто надеялись, а можно сказать, точно знали, были уверены, что рано или поздно пузырь Шоу должен лопнуть.

Но непонятно, впрочем, почему, как и многие другие, озадачивавшиеся вопросом дальнейшей судьбы шоу, они ошиблись... хотя и ошиблись не вполне: предрекалось скорое и постепенное затухание интереса, а получилось с точностью до наоборот.

Шоу умерло. Да здравствуют Основы!

Интерес к шоу пропал как-то в одночасье и причем, исчез, как не бывал. Случилось невероятное – то, что буквально вчера вечером занимало умы всех, всех без исключения людей, населяющих планету, вдруг подверглось полному и окончательному забвению. Где небывалые рейтинги? Где фанатствующие зрители? Где рвущие друг друга на части телеканалы и рекламодатели, желающие за любые деньги получить хотя бы крошечку от лакомого пирога?

Первые пару дней после знаменательного вечера в истории не только телевидения, но и планеты вообще, руководство шоу жило как обычно – хорошо отлаженный механизм работал по инерции, но плавная остановка ему не была суждена: вначале с экранов телевизоров пропала реклама шоу – пропала резко – со всех и сразу, потом все города украсились новехонькими плакатами и объявлениями совершенно разнообразного содержания, потому как их целью было

не сообщить скучающему обывателю о том, чем можно себя развлечь и порадовать, нет, основной целью миллионов тонн печатной продукции было закрыть собой доминирующие последнее время на всех свободных поверхностях рекламу шоу.

Последним гвоздем в крышку гроба шоу явился презабавнейший случай – в сад Гефсиманский снова стали пускать туристов, которые будто не видели декораций шоу, они смотрели сквозь них. Они не просто не рвались больше в вожаемую точку магического пространства, они весьма аккуратно обходили это место, а от последних, еще не сбегавших, но уже собирающихся это сделать, работников шоу, которых все еще можно было отличить по серебристо-золотистым комбинезонам с логотипом шоу, шарахались как от чумных.

А случилось вот что.

Шоу шло своим чередом, плотная стена из охранников, подобранных так, будто все они являются клоном одного первоохранника на земле, стойко выдерживала неистовый натиск визжаще-рыдающей в экстатическом упоении толпы зрителей. Ликующий счастливчик с красным от напряжения и от болезненной природы всего тела, худой, высокий, и, как говорили в старину, кривой на одну сторону, вышел под свет софитов. Нервно и нетерпеливо покрутился на месте, демонстрируя жадным взглядам толпы свои, мучавшие его с детства, увечья, и шагнул в магическое место...

После этого шага события развивались с такой поистине космической быстротой, что будто стерли какую-то часть памяти всего населения земли, а именно ту ее часть, в которой хранились завистливо-вожделенные мечтания о чудесной точке.

Произошедшее было настолько невероятно, что очередной оператор (оператор здесь сменялись с завидным постоянством – уж слишком нервная была работенка), давно привыкший вовремя выключать камеру, если исцеления пошло не по плану, и человек вместо того, чтобы вскочить с инвалидной коляски, на которой туда привозили самых немощных, вдруг поникал и будто сдувался или начинал бесноваться, что уже случалось и раньше, теперь смотрел как замороженный на многочисленные экраны своих камер. А объективы этих камер в этот момент были направлены в одну точку – на счастливика – и, соответственно, то же видели со своих экранов сетезрители всего мира.

Миллионы жителей планеты пережили самые ужасные секунды своих жизней, а возможно, и всех своих перевоплощений, после чего все как один выключили канал и ... как ни в чем не бывало стали жить дальше.

Память каждого представителя человечества о своем существовании теперь простиралась от момента рождения до начала шоу, и затем с момента последнего шоу, без подробностей последнего, и далее на каждый день. Все связанное с шоу просто стерлось из памяти человечества, и если вдруг

еще что-то напоминало о подробностях этого мероприятия, то мыслилось как страшный сон, непонятно каким способом воплотивший обрывки кошмара в яви.

Сведений о том, что же именно случилось, не осталось, все ушло в предание о том, что в Гефсиманском саду есть проклятое место, куда ни в коем случае нельзя попасть человеку.

Нужно сказать, что в проекте была хорошо отработана цензурная часть и для того, чтобы стереть запись, могущую хоть чем-то скомпрометировать шоу или подорвать его авторитет, нужно было только сказать «Изыди!» – это была, как тогда казалось всем, циничная и весьма остроумная шутка гения из группы программистов. Они же состряпали эксклюзивную программу, позволявшую транслировать все программы шоу прямо из студии Гефсиманского сада круглосуточно по нескольким каналам и одновременно, и в разбросанном порядке, что помогало в экстренных случаях, когда вместо искомого исцеления, человека начинало крючить, когда вместо счастливых просветленных глаз исцеляемого в объектив оператору смотрели вдруг абсолютно обезумевшие или вдруг резко ставшие пустыми и безжизненными глаза.

Один из пары десятков безнадежно неизлечимых сумасшедших, оказавшихся в клинике практически сразу после падения шоу с классическим диагнозом «шизофрения» и странной припиской в скобках (изыди), в редкие минуты возвращения в свой сумеречный рассудок рассказывал, что

этот самый программист, наблюдавший на экранах студии последнее шоу, столько раз сказал это самое заветное слово, что с лихвой хватило на то, чтобы стереть всю базу программ, хранившуюся, во избежание копирования и нелегальной трансляции только в этой студии. После этого рассказа больной как правило садился лицом к одной из стен своего безопасного бокса и, смотря куда-то внутрь стены, полными нечеловеческой печали и страха глазами, начинал повторять это самое заветное слово. После чего начинал волноваться, метаться, пытаться убить себя, подпрыгивая и кидая своё тело и голову о стену или о пол, в общем, бесноваться, что свидетельствовало о том, что временное улучшение не закрепилось, и болезнь вновь одержала верх.

Врачи и медбратья качали головами, вкалывали ему нечеловеческие дозы успокоительного, отправляя больного в неизведанный мир страшных снов, которые, по-видимому, и были причиной того, что даже после уколов больной продолжал метаться, и, пытаясь выговорить заветное слово, утробно мычал, не умея справиться с отяжелевшим и непослушным языком. И врачи, и персонал клиники, и даже сами сумасшедшие, искренне желали этому больному счастливо уснуть и больше никогда не просыпаться, так страшно, безысходно и глубоко было его страдание, и каждый раз, когда он затихал больше, чем на минутку, тихая старушка, прижившаяся в больнице непонятно когда и по какому праву, постоянно дежурившая возле бокса этого больного, по ста-

ринке крестилась и начинала что-то шептать.

Это все, что осталось в исторических хрониках и памяти народной о периоде шоу, который потом был назван некоторыми историками как период информационной амнезии. Эта самая амнезия позволила новому религиозному движению, сильно смахивающему на самого низкого пошиба секту, но изо всех сил открещивающаяся от такого поименования, историю своего возникновения отнести к послеамнезийному времени, а основной причиной своего появления декларировать высшую волю гефсиманскую, «изрыгнувшую ужас из сердец наших и поселившую покой и мир в тела наши».

Именно так – тело – назывался теперь главный объект официально признанной мировой религии, которая победно шагала по планете, постепенно сливаясь с государственными аппаратами стран обоих полушарий.

Десять по десять

На самом деле, этот раскинувший по планете свои цепкие щупальца сектантский спрут был ни чем иным как тем самым чудо-учением «гефсиманский сад – страждущим», который когда-то бедным родственником приживал успехами шоу. Название тоже осталось прежним, но смысл его теперь был полностью противоположным.

Основной задачей своего существования учение считало – очищение планеты от «страждущих чуд». Инквизиции

средних веков не снились те методы работы с населением, которые были придуманы и претворены в жизнь первоотцами этого чудо-учения.

С рассвета следующего за днем падения шоу знаменательного дня непревзойденные по своей расторопности и бесстыдству учителя нового учения, так долго и терпеливо сносившие тяготы вынужденного существования на вторых ролях, так вожделевшие абсолютной власти, получили ее.

Образовавшаяся пустота в том месте мировой организации общества, которую занимало шоу, была настолько огромной, что заполнить ее могло только что-то столь же вездесущее и невероятное, как само шоу. Чудо-учение, распространившееся по всей планете и в отличие от шоу, существовавшего только виртуально, вполне реальное пустило плотно материальные корни в виде сект и их «Домов Чуда», где собирались адепты на ежедневные наставления учителей о том, как нужно планировать свое существование, чтобы обрести чудо внутри себя, не стремиться в сад Гефсиманский, но впустить его в сердце свое и ощутить благодать его телом своим.

После долгожданной, но, тем не менее, все равно неожиданной катастрофы шоу, пока все, в том числе руководство сетевидения разных стран еще пребывали в шоке и замешательстве, близком к панике, потому как они понятия не имели, чем заполнять эфир (последние лет сто так избаловали их постоянством программы, в которой почти половину со-

ставляли репортажи и он-лайн включения из Гефсиманского сада), чудо-учителя со свойственными им лицемерием и чувством собственной важности великодушно спасли сетевидение.

Ни словом ни полусловом не обмолвившись о страшном, они сразу стали поучать, умиротворяя взбудораженное человечество спокойствием монотонной речи своих учителей и упорядоченностью и простотой правил существования, не забыв, однако, подписать соглашение на предоставление им всего освободившегося сетевремени с растерянными и ошалевшими от молниеносности происходящего ответственными лицами мировой сети.

День после падения шоу сразу же был объявлен праздником, и теперь им начиналась декада Великого очищения Земли от страдания, на протяжении которой каждый адепт учения должен был обратить в свою веру «десять по десять». Каждый день декады адепт был обязан привести под сень чудо-учения десять новообращенных, которые тут же автоматически становились адептами и, соответственно, в оставшиеся дни также должны были привести каждый по десять... ну и так далее. Благодаря этой декаде, введенной уже в первую же годовщину учения, на настоящий момент, а шел уже сто тридцать пятый год существования этой религии (не считая лет, проведенных под игом шоу), на земле не было практически ни одного человека, который не являлся бы адептом этого учения.

Однако декаду продолжали праздновать, требование по обращению тоже не отменили, невозможность его выполнения не смущала ни основателей религии, ни обычных адептов, потому что все те же (или может уже другие, но ничуть не лучше прежних) объявили, что «настоящий адепт» всегда сможет выполнить основное требование учения. Спасались тем, что обращали только что родившихся младенцев, но и их, понятное дело, не хватало. Тем, кто не мог претендовать на звание «настоящего адепта», было предписано требование в течение всей декады в качестве очистительной жертвы встречая любого человека, произносить вместе с ним десять раз основные десять правил учения. За всю декаду это нужно было сделать не менее чем «десять по десять», то есть... тысячу раз. Да, математика у отцов учения была своя.

...Если ты повстречал своего друга по учению, остановись с ним и поведай ему основы и пусть и он поведаёт тебе их. Но неправильно будет, если оставите вы знание это только между собой, потому должны вы пойти и встретить ещё одного друга по учению и сказать ему основы и пусть он скажет его вам, но неправильно, чтобы учение звучало тогда не десятью священными голосами, потому Вам требуется снова пойти и повторять основы друзьям учения до тех пор, пока не станет вас друзей десятеро, а основы не будет произнесены десять по десять раз. Но другими словами не оскверняй рта тела своего в этот раз.

В первые пару дней декады, когда только ввели это прави-

ло как *действие страдание искупляющее*, по планете слонялись огромные толпы народа, случайно попавшиеся неистовым адептам на улице, и вынужденные теперь вместе с другими счастливыми повторять некороткий список основ. На третий день вымершие поначалу улицы снова наполнились доверчивыми гражданами, которые желая отсидеться дома, беззаботно открыли дверь, постучавшим в нее адептам и теперь хором повторяли основы. В дальнейшем слишком большого столпотворения не замечалось, однако, десять дней безвылазно дома не отсидишься... Кроме того, неистовые адепты, которые, как вы понимаете, входили в состав местных, областных и государственных органов власти изобретали все новые и новые ухищрения. Заметив, что народ стал заблаговременно готовиться к декаде и закупаться продуктами, чтобы не нужно было выходить на улицу, они то повышали перед декадой цены так, что впору было зубы на полку класть, а не впрок закупаться, то в течение самой декады проводили такие снижения цен, что самый нежадный не мог не соблазниться, то действовали старым проверенным способом – отключали электричество, газ, воду. Рассказывали, что однажды, а декада приходилась на самые жаркие летние месяцы первой половины июля, власти северных стран включили своим гражданам отопительную систему, якобы в рамках подготовки к зиме... Или, предписывали студентам-актерам устраивать представления на улице в спальных кварталах – заскучавшая публика, особенно дети, не выдер-

живала испытания любопытством, за что и расплачивалась
многократным повторением основ.

Глава 3

Так и не добившись от Бреты ни объяснений, ни даже взгляда, Грета прямо с напитком ушла за свое учебное место и занялась привычным и надо сказать любимым ею делом – поглощением информации. Брета так и не вернулась к своему инфомодусу, и Грета в относительной тишине попробовала сосредоточиться. Дверей в их боксах не было и все шумы общего пространства, рекреационной зоны и звуки, рождавшиеся в недрах других боксов, сопровождали их существование от того момента, когда она начинали себя осознавать.

Сделав очередной глоток кофе, она на минутку отвлеклась от инфомодуса. Процессы осмысления информации вдруг будто свернулись и раскатились как бусины, и тяжелым неповоротливым квадратом в самом центре восприятия обнажилось досадное удивление: «И чего она взъелась! Никогда не придиралась, даже бравировала перед другими ячейками такой моей оригинальностью... Чего вдруг?!...»

Грета и Брита были тщательно подобраны друг другу специальной психологической программой, которая практически не ошибалась в том, какие индивиды неконфликтно смогут жить бок о бок. Программа и правда работала прекрасно, особенно ей удавались группы из трех и пяти человек. До последнего времени у них была тройца, но пару месяцев на-

зад их третья – Света - получила назначение на миссию продолжения рода, причем ее тело было признано максимально подходящим для вынашивания особи мужского вида человека, поэтому практически сразу после первичной диагностики плода, ее изолировали в специальном учреждении.

Новые технологии и научные достижения давно могли заменить женский организм как место вынашивания новой жизни, и несколько поколений нового общества были как раз пробирочными... Но вдруг у третьего-четвертого таких поколений было отмечено новое свойство – они неспособны были вырабатывать донорские яйцеклетки, природа просто убирала этот механизм. В этом случае человечество спасла только инертность и запасливость, а именно то, что в рамках других медицинских проектов, во-первых, продолжались эксперименты на плоде в естественных природных условиях, а во-вторых, то что существовал банк яйцеклеток, созданный для того, чтобы с одной стороны, регулировать уровень рождаемости, а с другой, иметь любое количество научного материала для все новых и новых исследований. Потому, с трудом восстановив необходимый уровень рождаемости за счет замороженных клеток самых ранних поколений, человечество уяснило для себя одно непреложное правило: *Возложена на каждого индивида миссия продолжения рода и основная она...* Удивительно, но факт, правило это неизвестно каким образом вдруг оказалось прописанным в Основах, а если кто и задался вопросом, где ж вы раньше

были с мудростью вашей, на этот счет учителя задумчиво и укоризненно вещали: «... не увидели слепые мудрости Гефсиманской».

Кодекс Новой Жизни

Основы как ответ природной потребности человека в том, чтобы кто-то им руководил и совершал чудеса для него, настолько вошли в плоть и кровь каждого на планете, что любое слово, сказанное секстантами, истолкованное адептами, растиражированное сетевизорами и переданное из уст в уста, в конечном итоге мыслилось истинным, хотя и оставалось только словом – непонятным, необъяснимым и оттого чудесным.

Учение развивалось по каноническим законам становления любой религии. Вначале существовало только в виде идей, затем имели хождение приписываемые неизвестным никому и потому загадочно мистическим основателям верования глубокомысленные высказывания типа «не сетевизором единым живо тело человека».

Так, после исторического высказывания о слепоте случился всплеск исследований... зрения, в результате чего генетически была исправлена возможность возникновения чуть ли не всех заболеваний глаза, вплоть до старческой близорукости, глаукомы и тому подобного, ну или, по крайней мере, так утверждали изобретатели этой дородовой генной процедуры.

Так как ждать сорок лет для того, чтобы проверить верность утверждения никому не хотелось, процедуру ввели в

список других подобных породовых исправлений генома, да и забыли какая процедура для чего. Так «генная процедура совершенствования» оказалась записанной в основах. Вначале ее там нашли в зашифрованном виде толкователи, а потом просто включили в сам текст.

Чуть позже появились рассказы об жизни основателей и творимых ими чудесах, передаваемые из уст в уста и по мере продвижение во времени и пространстве обрастающие такими невероятными подробностями и перипетиями сюжета, что даже если бы основателям нового вероучения хватило ума нанять группу пиарщиков-профессионалов самого высшего уровня, то и они бы не сумели так лихо закрутить сюжет, так красочно проработать детали, так заинтриговать население и искусно овладеть вниманием буквально каждого на планете Земля.

Через какое-то время чудо-учение вступило в ту закономерно наступающую фазу в развитии любой религии, когда беснующаяся часть фанатичных адептов, то закатывая глаза в экстатическом трансе, то насупливая брови в праведном гневе на всех ныне и присно живущих, металась по миру, разыскивала еще не обращенных, а основная часть адептов без всякой надежды пересидеть Декаду, готовилась к ней целый год, изобретая все новые и новые способы выживания и пытаясь предугадать и предупредить действия властей.

Впрочем, истоки своего чудо-учения, а также и сопутствующие сведения по истории его возникновения и философии

его знания, благополучно забыли и те и другие.

Помимо основной цели каждого жителя планеты Земля, заключающегося, как гласили Основы, *в соблюдении Тела своего*, делом жизни считалось выведение многочисленного потомства. Так сложилось, что во время повального помешательства на Шоу, все остальные мировые проблемы отошли за задний план, и когда в мире увеличилась смертность мужчин репродуктивного возраста, то прежде чем, наконец-то, забили тревогу и открыли вирус Захария, болезнь превратилась в пандемию и остановить ее стало невозможно. Прошло несколько веков, вирус Захария не считался больше болезнью или напастью, теперь официально было признано, что это часть генома мужчины, потому с болезнью никто не боролся, а родиться мужчиной означало жить в специальном блоке, под наблюдением и контролем.

Когда в какой-то момент истории человечества человеческий вид мужчин стал вдруг максимально подверженным разным патологическим воздействиям, что приводило к тому, что редкие индивиды доживали до 40-50 лет, было принято решение на уровне мировых правительств, а, как вы помните, теперь там сидели сплошь женщины, – мужчин как вид сохранить, для чего изолировать от влияния патогенных факторов, коими считались: во-первых, существование в естественных природных условиях в компаниях и сообществах, а во-вторых, общение с другим человеческим видом – женщиной – если только по медицинским показаниям для

продолжения человеческого рода и наконец, категорическое противопоказание любого вида занятий кроме воспитания детей от 0 до 5 лет.

Так сложилось, что еще в начале далекого двадцать первого века, в обязанности мужчин стала все прочнее и прочнее входить обязанность воспитания детей, история дает смутные упоминания о том, что когда-то (сейчас в это просто не верится) воспитанием детей занимались женщины. В это тем более сложно поверить, что женщины в том виде, в котором они существуют сейчас, могли заниматься этими хилыми, постоянно орущими и воняющими существами, и при этом не поубивать их нарочно или нечаянно просто в силу решительности, экспансивности и жестокости своего женского характера. Прошло много веков, теперь мужчин выращивали в специальных изоляторах специально для ухода за потомством и продолжения человеческого рода.

Все виды работ по жизнеобеспечению планеты теперь совершали женщины.

Некоторые слаборазвитые государства, не успевшие сохранить своих мужчин от полного вымирания просто по той причине, что никто там не умирал до того момента, пока этим феноменом не заинтересовывались цивилизованные высокоразвитые медики, прекратили свое существование как самостоятельные единицы. После приезда научно-исследовательских делегаций даже в самые непроходимые уголки земного шара, где безмятежно существовали естественные

племена, в которых мужчины ходили на охоту, а женщины воспитывали детей и занимались сельским хозяйством, вирус Захария выкашивал полностью все мужское население репродуктивного возраста.

В далекие времена, на заре двадцать второго века даже была выдвинута безумная теория ученого вымирающего вида мужчин о том, что появление вируса спровоцировано социально-поведенческими изменениями и современным распределением ролей между мужчинами и женщинами. Однако наши блестящие умы женской академии наук опровергли это идиотическое заявление.

Теория социолога некогда мирового значения была развенчана самым пошлым образом – с помощью его же работ более раннего периода, в которых он утверждал, что феминизация общества – неизбежный и благостный процесс, который приведет к спокойному и мирному существованию и чуть ли не всеобщей любви, что уравнивание в правах и свободах в социальном плане ведет к улучшению генотипа человека и появлению более универсального человека, женские и мужские признаки которого не являются основополагающими для его социализации. За работу «Тело нового времени», в которой он обосновывал существование тела как автономно существующего «божественного дома для внутренних органов», ученый в свое время получил премию от чудо-учения с таким количеством нулей, что смог обеспечить себе и двоим своим сыновьям изолированное существование

в течение нескольких десятков лет после начала пандемии.

Все начало медленно скатываться к неизбежному для него концу в тот момент, когда сыновья подросли и стали мечтать о воспитании детей. Используя свои связи в медицинских кругах, ученый нашел специально обследованную на предмет носителя вируса Захария женщину, которая стала матерью детей его обоих сыновей и жила в изоляции вместе с ними. Это семейство прожило еще года три, потом уже после рождения второго ребенка (первый появился через 9 месяцев после окончания карантина для приглашенной), вдруг заболел и скончался сначала один из его сыновей, потом второй, а потом даже и один из родившихся младенцев... ученый не помнил какой именно.

Сам он так и не заболел, но держать при себе женщину ему было ни к чему, он сдал всех родившихся от нее детей в специализированное учреждение, как и было принято тогда. Женщина получила компенсацию за вынужденное изолированное существование и вернулась в полис, ученый остался один и с горя ударился снова в свою науку, и, видимо, двинулся рассудком, потому что результаты его научных исследований оказались абсолютно бредовыми. Распиаренный труд несчастного как мудрость последнего мужчины на планете, опубликованный крупнейшими мировыми изданиями, вызвал разве только недоумение. Идеи, высказанные им в последнем его исследовании «Патология социализации в свете исторического развития человеческого вида», в ко-

тором он доказывал, что с точки зрения эволюции мужчина и женщина – это не разные виды человека, но просто самец и самка одного вида, как и у большинства животных и всех известных млекопитающих, и что с точки зрения социально-исторического развития изменение ролевого поведения мужчин и женщин заместительного типа обусловлено феминистическим движением древнейших времен конца 19 начала 20 веков, были просто абсурдны! Мало того, в своей научной работе, ученый договорился до того, что предлагал женщинам заняться воспитанием детей, а мужчинам заниматься физической тяжелой работой. Только в этом случае, по его словам, возможно выживание человечества как вида вообще и мужчины, как самца, без участия которого невозможно продолжение рода.

Эти неслыханные заявления возмутили общественность, состоявшую на тот момент уже целиком только из женщин, которые не могли считаться ни прекрасной половиной человечества, ни слабым полом. Ученый приготовился к борьбе и отстаиванию своих идей, рассчитывая тем самым достучаться до сердец и умов образованной части планеты, но просчитался. Женская логика, теперь господствовавшая на планете, сыграла со все еще рационально и математически точно рассуждавшим мужским умом дурную шутку: его не стали объявлять еретиком, его просто окрестили сумасшедшим и обрекли на забвение. Его никто не слышал – он потратил все оставшиеся деньги на то, чтобы напечатать свои иссле-

дования и распространить по миру... его журналы и листовки были почти в каждом доме, их даже иногда читали, но не иначе как пример абсолютного абсурда и классического примера набравшего в те годы популярность прозаического жанра «датышто».

Новый жанр развился из попыток письменной фиксации безумных историй, бытовавших в народе, содержащих описание жизни основателей новой религии, и из сборников их изречений, тиражируемых в многочисленных вариациях в сети.

Новый мир

Мир изменился до неузнаваемости. И, к сожалению, такое заключение о состоянии мира можно было делать практически каждые десять-двадцать лет, с каждым новым поколением воинствующих, экспансивных, категоричных истин в последней инстанции мир объявлялся то одним, то другим, но обязательно отличным от того, что было, хотя мало кто помнил, что же все-таки было, а главное когда, в какой последовательности и по какой причине.

Причины, впрочем, часто указывались, но каждый раз такие удивительные и противоречивые, что ни те, кто эти причины искал, ни те, кто их требовал, уже не понимали ни причин, ни следствий...

Нельзя однако сказать, что мир рушился, вовсе нет – цивилизация вышла на новый и весьма успешный уровень – прикладная наука была в большом почете, исследованиям и экспериментам была дан зеленый свет, многие исключительно моральные запреты на научный поиск были легко сняты – материала для разного рода экспериментов и тестирования было более чем достаточно. Занимались генной инженерией, клонированием, пытались все проблемы взрослого человека, возникающие у него по мере приобретения вредных привычек, решить не путем работы с вредными привычками и изменением образа жизни, а воздействием на гены, которые

объявлялись виновными во всех этих грехах. Много получалось, но часто результаты были абсолютно непредсказуемыми и неожиданными: пытаясь справиться с одним недостатком, нечаянно попадали в необходимость решения более кардинальных проблем. Было написано несчетное количество научных работ по следам уже полученных результатов, которые, в свою очередь, также были поначалу описаны и обоснованы.

Складывалась удивительная ситуация: на один и тот же практический факт могло быть написано несколько работ на абсолютно разные темы и с абсолютно разным отношением к описываемому факту, его причинам, последствиям, которые очень редко угадывались сразу. Так, одной из первых работ по стандартизации тела человека было исследование так называемого гена похудения. Группа ученых провела серию экспериментов по генному регулированию массы тела, результаты были потрясающими – плоды эксперимента проследили до 20-летнего возраста испытуемых – стандартизация была налицо. На весь мир прогремел успех этой группы, все как-то очень легко согласилось с тем, что подобные генные изменения нужно ввести в систему дородовых процедур для каждого новорожденного.

Сказано – сделано (нужно отметить, что чем-чем, но быстротой воплощения идей в жизнь новое общество могло похвастать: принцип «они так, а мы вот эдак, они еще, а мы уже» срабатывал безотказно). Процедуру внедрили, поста-

вили на поток... Несколько позже выяснилось, что генная модификация во втором поколении исправленных индивидов дает своеобразный побочный эффект – потомство второго и далее за ним поколений таких индивидов теряет способность к вариативности своего типа. Все особи рождаются похожими друг на друга, и даже если при скрещивании прогнозировалось рождение особи другого генного типа, по необъяснимым причинам верх одерживал модифицированный тип. И все бы ничего, если бы все эти стройные красавицы не оказывались все глупее и глупее с каждым поколением. Не сумев объяснить или как-то исправить получившийся эффект, ученые просто исключили данную модификацию из списка обязательных. Тем временем отношение к полному – основовному, как говорили теперь – телу в обществе изменилось, да и сам образ жизни и питания стал другим. Толстых особей стало значительно меньше и модификацию, вписанную в Основы, но снятую с использования по-прежнему считали успешной - ее механизм, наряду с остальными 27 механизмами других модификаций изучали в новой системе образования.

Глава 4

«Да чего она взъелась!» – снова упало в голове и снова мысли рассыпались бусинами. Грета чувствовала, что раздражение Бриты не было наигранным, Брита действительно за что-то обижалась на нее и она решила пойти поговорить.

Они – Грета, Света и Брита – жили вместе с тех самых пор, когда заботу о растущем организме уже можно переложить на автоматические роботизированные системы, а то, что они будут жить вместе было известно еще до их появления на свет – специальная программа анализа генных особенностей просчитала их жизни задолго до того, как сами индивиды стали осознавать себя таковыми.

Вот и время, когда троицу можно было разделить, отправив одну из них на процедуру продления рода (так она называлась) тоже было просчитано. Проблем с общением у оставшихся вместе не должно было возникнуть.

Странно. Вообще, после того, как Свету забрали в центр продления рода, Брита пару раз ходила к ней, это тоже было просчитано компьютерной системой – свидания были нужны и той, и другой, и не предполагались для третьей из них – Греты. Но, как показывало кураторское наблюдение, она не особо и рвалась, а точнее сказать, совсем не имела никакого интереса ни к своей троице, ни к тому что, собственно говоря, с ними происходит.

В принципе, обстоятельство, так задевшее ее сейчас, а именно то, что всегда мило улыбающаяся Брита вдруг проявила невозможное для себя умение иронизировать задело Грету не той эмоцией, которая угадывалась за раздражением Бриты, но сам факт ничем не обусловленного раздражения.

Ячейка

Троицы, а также другие ячейки, в которых могло быть от 2 до 5 индивидов, надо сказать, составлялись с таким учетом, чтобы дать возможность каждой ячейке иметь все необходимые качества индивида для социализации в обществе. Другими словами, только как часть своей ячейки индивид был полноценной частью общества, если один из индивидов ячейки по тем или иным причинам больше не мог функционировать (заболевания, несчастные случаи, непредсказуемое развитие ячейки в целом или одного из индивидов), ячейка просто переставала существовать. Куда девались члены группы в этом случае не просто никому не было любопытно, это никого не интересовало – так было естественно, что ячейка – это организм, и если в организме проблема, то и решать надо ее на уровне всего организма.

Вообще, система воспитания ячейками не была косной – стандартизирующие факторы уравнивались факторами оригинальности, как подчеркивающие многогранность ячейки. Оригинальность поощрялась на уровне внешних проявлений, стандартизованность – на уровне характера и развития. В ячейке Греты, скомпонованной как и большинство других ячеек-троиц на основании комплексного компьютерного анализа, оригинальность была подчеркнута уже подбором по внешнему виду – Света была белокожей круп-

ной блондинкой, Брита – рыжей розовощекой, усыпанной веснушками худышкой, а Грета была брюнеткой. Нельзя было сказать про нее, была ли она худая или полная, была ли она красавицей или просто симпатичной, – в новом мире красота не имела значения, – но она была умной.

Все девушки в новом мире изначально планировались с относительно правильными чертами лица и более или менее стандартизованными данными фигур. Разнообразие носов, разрезов глаз, строения фигур и так далее поддерживалось на уровне мировой программы продолжения рода человеческого, потому что, как оказалось, если несколько поколений подряд будут удивительно красивыми и правильными, то потомство их, оставаясь внешне достаточно привлекательным, почему-то резко теряет в умственном и физическом развитии, и вообще, интерес к существованию проявляет весьма слабый. Потому, изначально выдвинутое Основами правило Одного тела со временем стали трактовать несколько иначе.

Изначально Одно тело декларировалось как стандарт – образец человека будущего – одинаковость такого рода, по мнению матерей-основателей, призвано было искоренить пагубное пристрастие индивидов к украшательству своего тела, что было объявлено рудиментом прошлого. Забота о теле была определена как забота о его благости, в которую входили понятия – сохранности, не причинения намеренного вреда, а также потакание его желаниям. Как это все мог-

ло сочетаться, объяснялось в многотомных комментариях к Основам.

На практике же выходило, что до детородного возраста индивиды умудрялись из милых взлохмаченных подвижных и веселых детишек превратиться в бесформенных, всклокоченных, не стесняющихся естественных проявлений переедания и малоподвижного образа существования индивидов. Спорт еще во времена шоу был объявлен вредным и рудиментарным занятием человека, а архаичные аэробика или фитнес сошли на нет вместе с исчезновением мужчин как важного стимула поддержания своей привлекательности.

Женщине как практически единственной форме разумной жизни на планете теперь не было смысла приукрашивать себя в борьбе за лучшего самца и партнера, да и что-то они там, в генах, снова поправили... Женщины не захотели семьи, не захотели воспитывать детей, но не выводимая никакими генными изменениями невозможность одиночества и постоянная потребность в общении подтолкнули их к созданию новой формы социальной организации сожителства – ячейки.

Система ячеек замечательно вписалась в основную концепцию одного тела, потому что теперь Одним телом объявлялось абстрактное тело ячейки, а индивидуальные тела рассматривались только своеобразными проявлениями разных сторон многосторонней природы ячейки. С этой же точки зрения объяснялось и то, что в ячейку распределяли индивидов

с разным умственным и физическим развитием. Нередко встречались ячейки с разновозрастными индивидами, особенно в дуалиях и пентатах.

Дуалия, троица, квадриа и пентата – обязательный индекс, входивший в сведения об индивиде. Имя, а точнее наименование, индивида записывалось как код, состоящий из указания названия ячейки, цифрового кода года образования ячейки, латинской буквы, обозначающей тип индивида внутри ячейки и имени собственного. Одно время пытались отказаться от имен собственных и перейти только на буквенно-цифровой код, но не прижилось, тогда нашли другой выход – стали называть девочек внутри группы похожими именами.

Троица 2371 G Грета

Так и жила на свете Троица 2371 G Грета. Буква индекса в ее имени для посвященных означала – genius и говорила о том, что у этого тела непревзойденные умственные способности. Такие дети время от времени появлялись, и в том случае, если способности просчитывались компьютерной программой еще до рождения, проводилась определенная генная коррекция (было несколько случаев, когда нескорректированные дети такого уровня, повзрослев, чуть не разрушили отлаженный механизм государства и Основ, руководствуясь какой-то одним им известной и понятной правдой: так, например они утверждали, что мужчина – это не другой вид человечества, который на данный момент был занесен в

красную книгу как исчезающий животный вид, а просто самец животного вида человека женщины!

Теория Дарвина на тот момент, надо сказать, претерпела такие изменения, что даже и само название стало рассматриваться как теория, которую придумала Дарвина (с ударением на И), это имя использовалось в ячейках наряду с Галиной, Мальвиной, Кариной... ну и так далее.

После такой встряски Основ мироустройства, стали внимательнее относиться к способности высокого умственного развития, просчитываемого для некоторых детей, выходить за рамки коррекции. Их стали корректировать на более средний уровень, но, на всякий случай, помечали специальным индексом. Если несмотря на все предосторожности непредвиденные ситуации все же случались, индивида с индексом гениальности изымали из ячейки, и либо отправляли на постоянное продолжение рода (гениальные способности передавались по наследству крайне редко), либо использовали для экспериментов, но об этом никто толком ничего не знал.

Ячейка Грета была не совсем обычной. Во-первых, она уже успела подметить, что индекс G встречается очень редко. В школе (теперь это назвалось линия, линия обучения), где она проходила обучение уже в седьмой линии, вместо того, чтобы перейти в спецификариум еще в шестой линии, она не знала больше никого с таким индексом. А в ее ячейке индивидов с индексом G было два – и она и Брита были им помечены, у третьей был индекс V, встречавшийся практи-

чески в каждой ячейке.

После завершения шестой линии все прошли квалификационный тест и каждого, в соответствии с их способностями и наклонностями распределили в разные спецификариумы для дальнейшего обучения определенному профессиональному или научному действию. Однако Грету, Бриту и еще несколько десятков индивидов распределили в седьмую линию. Туда попали те, чьи предпочтения и наклонности выявить не удалось, чаще потому, что они не были сформированы. Остаться в седьмой линии, которая в отличие от предыдущих шести линий длилась два года, а не один, было непрестижно. Потому обычно уже после первого года седьмой линии, а очень часто и намного раньше, в срочном порядке сформировавшие в себе умения и навыки для определенной специальности индивиды, воссоединялись со своими ячейками в спецификариумах.

Очень редко бывало, что индивиды ячейки продолжали обучение в спецификариумах разных направлений – программа подбора индивидов для ячейки не предполагала этого, но иногда это все-таки происходило. Если направления, определенные тестом для индивидов были близкими, ячейку оставляли как она есть, переводя ее на другой режим существования, так называемое универсум-существование, что обозначало только то, что теперь, обучаясь или работая на своем рабочем месте, индивидам приходилось привыкать к одиночеству. Им подбирали работы, требующие индивиду-

ального подхода. Остальные же ячейки и жили, и работали, как правило, вместе.

Когда Грета и Брита остались в седьмой линии, они с удивлением обнаружили, что в седьмой линии частота индекса G просто неприлична. Такое открытие поначалу повергло в уныние обоих, они почувствовала себя ущербными, а тут еще их третью забрали на продолжение рода. Причем забрали в прямом смысле этого действия.

Обычно после процедуры оплодотворения индивиды продолжали жить в своих ячейках, правда, поговаривали, что это были не они, а подсылали в ячейку их двойников – так непохожи были эти пузатые индивиды на себя прежних, но доказать или прояснить что-либо в этом случае не представлялось возможным, да и на специальных курсах пытались убедить ячейки, что изменения в характере обусловлены тяжестью миссии продления рода. Такие несерьезные утверждения (что может быть такого тяжелого в миссии, предписанной Основами?) еще больше убеждали индивидов, что миссия наверняка проходит в секретных условиях, и они просто не помнят, где были, а может и вовсе спят все это время... Кроме того, никто из ячеек уже на протяжении, как минимум трех поколений, не видел детей до четырехлетнего возраста, соответственно сложилось впечатление, что именно взрослыми они и появляются на свет. О том, как все это происходит на самом деле, знали только посвященные.

Так вот их третью, Свету, после процедуры оплодотворе-

ния сначала отпустили обратно в ячейку, но спустя несколько недель прямо в спецификариум за ней явился медицинский патруль и она снова оказалась изолированной от своих ячеек, хотя им и разрешили свидания с ней по определенному расписанию.

Одна из линий обучения, в отличие от принятого для всех остальных группово-тематического расположения по пять-семь тематически близких спецификариумов, была выведена за пределы Университета, а попадавшие туда, больше никогда не возвращались. Это была последняя десятая линия обучения в рамках линейки обучения, так как считалось, что есть еще одна форма обучения – профессорий. Но точно никто сказать об этом ничего не мог, да и не стремились ячейки к знаниям и ступеням обучения – пределом мечтания и показателям максимальной благостности ячейки как в рамках государства, так и для чудо-учения было благополучное достижение спецификариума, работа по специальности и своевременное исполнение своей мисси по продолжению рода.

«Наверное, все еще злится, что мы остались в седьмой линии, – думала Грета, – но я-то чем виновата? Мы обе остались... Света прошла... а её в миссию... рановато в общем-то... может, там осложнения?» – Грета откуда-то знала о редких случаях невозможности исполнения миссии или возникающих при выполнении проблемах, это случалось, несмотря на тотальный компьютерный контроль протекания

миссии. «Еще и не для ячейки взяли...»

Грета аж подскочила... Нет, не потому, что сам факт того, что твоя ячейка будет выполнять миссию по продлению рода не высшей ячейки, а только инструментального, как называли мужской вид человека, индивида, вызывала, нет должна была вызвать в ней отвращение, досаду, а может, злость, нет, наверное, стыд... Но почему стыд?... Грета, глянув внутрь своих эмоций, не нашла там ни одного из этих чувств, над ее разумом и чувствами властвовало только любопытство! Ей было любопытно, даже любознательно увидеть мм...ужч...ину... какой он...как они без ячейки, как это так, что индивид без ячейки?! Да, они не индивиды... но...без ячейки...ведь ячейка... ну, вот нет сейчас Светы, я ж не умерла... Грета испугалась пляшущим мыслям и изо всех сил старалась привести логические доводы в подтверждение того, почему она абсолютно не чувствует неполноты своей ячейки, и в то же время не могла справиться с нахлынувшими на нее мыслями, догадками, рассуждениями и вопросами-вопросами-вопросами....

К ней почти неслышно подошла Брита, ей тоже был неприятен и самой несколько непонятен ее утренний эмоциональный всплеск, но так как она была очень эмпатичной натурой, она решила, что слишком часто посещает их ячейку, выполняющую миссию, и истеричное состояние той, просто отразилось на ее настроении. Об этом-то и она подошла рассказать Грете.

Их ячейка жила в большой абсолютно круглой комнате – боксе, без каких бы то ни было комнат или других перегородок – так жили все ячейки – ничего индивидуального – все общее, все доступное, никаких секретов. Индивидуальность каждый из ячейки мог проявлять только в рамках своих материализованных предпочтений – еда, одежда, всякие технические мелочи... насколько это было возможно в абсолютно стандартизованном мире.

Наиболее распространенным проявлением индивидуальности было наличие любимого блюда, особо поощрялось общественным мнением стремление привнести в свой рацион какую-нибудь трудно доступную изюминку – специи, фрукт, особый вид питья, что-нибудь в таком роде... Те усилия, которые прилагались потом ячейками для счастливого обладания искомым с лихвой покрывали невыводимое никакими генетическими манипуляциями чисто женское стремление переплюнуть всех, потому Основы поддерживали такую «индивидуальность».

Лозунг «Ячейка – Индивидуальность индивида, индивид индивидуальностей» был не просто руководством, но смыслом жизни. Хотя не всем индивидам удавалось придумать для себя что-то необычное, возжеленно добываемое и с удовольствием потребляемое, и чаще всего изюминка была одна на всю ячейку одна. В троице Греты таким изюмом индивидуальных предпочтений была блажь приготовления горячих

напитков самостоятельно, в ячейке (никто уже давным-давно не говорил «дома», говорили «в ячейке»). Для этого Света, Грета и Брита раздобыли старинный аппарат для нагревания небольшого количества воды, помнится, старуха, его отдававшая, называла его шайнег или щайнек, не важно. Этот прибор нагревал воду. Однако на этом «изюм» троицы не заканчивался – предпочтения разветвлялись по видам горячих напитков.

Брита пила чай, ради чего не только прочесывала всю сеть на предмет разных его видов, но даже однажды, будучи в миссии любви к природе (была и такая – раз в год всех вывозили из ячеек на природу, забирали все привычные мелочи и даже одежду, не оставляли ни воды, ни пищи, и через три дня забирали обратно. Для чего это делалось, никто толком сказать не мог, но это считалось обязательной для прохождения каждой линии обучения миссией), так вот однажды в такой миссии Брита сорвала и увезла с собой какие-то листики с дерева, да и за неимением в какой-то момент в ячейке чая заварила их, потому что они показались ей похожими на то, что находилось в пакетиках для чая, которые она доставала для индивидуального пользования.

Света любила какао, однако, она была не так привередлива, как две остальные, и довольствовалась слитым из автомата напитков концентратом какао, который просто разводила в ячейке горячей водой.

Грета любила крепкий кофе – такой крепкий, что, навер-

ное, никто не пил уже пару веков. Мало того, когда она начала пить кофе из автоматов напитков, она вначале проявила свою индивидуальность тем, что пила его без сахара, а потом выяснила все о том, как, из чего, какими способами делают этот самый напиток, а выяснив отличия между растворимым и черным кофе не только теоретически, но и оценив разницу во вкусе и запахе, нашла способ приобретения молотого кофе для индивидуального использования.

Чай, как и кофе и другие напитки в специальных автоматах в свободном доступе были в любой точке перемещения ячеек, потому, из чего приготавливались эти напитки никто не знал, да и не заморачивался узнать.

Так как такое поведение вполне укладывалось в принятую Матрицу проявления индивидуальности, то никого не встретило такое настойчивое проявление предпочтений, и даже когда Грета раздобыла где-то кофемолку, причем даже не автоматическую, а ручную, и теперь покупала кофе в зернах, а ритуал перемалывания и заваривания кофе возвела чуть ли не в священный обряд, это не насторожило куратора их ячейки.

Но насторожило Бриту. Особенно насторожило ее то, каким образом Грета делала себе этот противный и на вкус и на запах напиток. Грета просто высыпала плохо перемолотый (вручную же) кофе в чашку и заливала его кипятком, потом, отплеываясь, потому что кусочки зерен не желали опускаться на дно, пила это маленькими громкими глотка-

ми. При этом лицо ее выражало некоторое непонятное Брите чувство – это не было удовлетворением. Это не было радостью... только однажды Брите довелось наблюдать похожее выражение лица у Светы, в тот момент, когда они с Бритой нашли ее в тайном месте. Тогда Брита тоже не поняла, что собственно делала там Света, и что заставило ее так глупо улыбаться.

Брита была очень правильной и маниакально справедливой ячейкой. Такое качество вполне соотносилось с предпочтительностью выбора ею спецификариума юриспруденции, однако, когда она не прошла тест и была оставлена в седьмой линии, что-то внутри нее сломалось. Ее уверенность в себе и своей правоте, раньше постоянно отражавшаяся на лице благостно-снисходительной улыбкой, теперь редко посещала милое личико, и только ее умение держать свои эмоции в узде позволяла ей скрывать тот ураган размышлений, сомнений, которые одолевали ее последнее время...

И вот в тот самый момент, когда она в очередной раз более менее успешно справилась с эмоциями и восстановила равновесие рассудка, она вдруг как в зеркале, на лице Греты увидела отражение таких же размышлений и сомнений! Когда Брита подходила к кровати Греты, на которой та, как правило, проводила большую часть своего свободного времени – на ней она спала, ела, пила, мечтала, училась, бездельничала, Грета вдруг вскочила, глаза ее были устремлены туда, где ничего увидеть невозможно, глаза были почти

безумными, она то хмурила брови, то непонятно чему начинала почти улыбаться, разлаживая складку между бровей, то вновь начинала задумываться и чуть мотала головой, как бы отгоняя от себя какие-то сомнения, плечи подергивались, как будто их обладательница так и не решит – пожимать ими или нет... в конце концов, она снова присела на самый краешек кровати, и наконец-то, осмысленно взглянула на Бриту.

Она вздохнула и, продлевая выдох, успокоила свои мысли, эмоции, вернулось ее обычное выражение лица, за которое ее постоянно критиковала Света. Она говорила, что если Грета хочет сделать вид, что она не такая умная, как определил компьютер, пусть заработает себе косоглазие (о таком виде ущерба новому поколению все еще было известно благодаря жанру мульты и кинофикации), потому что с таким взглядом, все потуги Греты выглядеть простушкой просто пугают и отбивают всякую охоту продолжать с ней знакомство. На этой почве у ячейки нередко были стычки, потому что Света, будучи уникально общительной особой, переносила потребность в общении, постоянном знакомстве и постоянном же общении и на остальных из троицы, они же, не в пример третьей, абсолютно не страдали от одиночества и тишины.

– Ты... ты о чем сейчас думала?! – почти закричала Брита, глядя на Грету огромными зелеными глазами, искрящимися плохо скрываемой радостью от того, что она не одна в своих сомнениях и догадках. Быстро успокоившись, она уже прак-

тически спокойно, со вспыхивающими огоньками надежды в глазах, переспросила: – ты... ты?...ну...Грета... – Брита легонько толкнула ее в плечо, выдергивая из задумчивости. Грета подняла совсем спокойные, умные, но какие-то пустые глаза на Бриту и, совершенно владея собой, сказала – Да, я тоже подумала, что твоя утренняя неуравновешенность обусловлена тем, что ты ходишь к Свете сама.

У них как-то сразу повелось, что Грета ни разу не навестила Свету – кураторы поощряли такие отношения, хотя Брита говорила, да Грета и сама понимала, что это проявление безразличия... Нет, не безразличия... Грета знала, что кураторы видели в этом жесткость и даже жестокость... и им почему-то это именно это и нравилось....

Брита от изумления распахнула глаза еще шире, и когда Грета небрежно и, будто между прочим, сказала: Знаешь, давай ходить вместе, можно прямо сейчас пойти... – Брита чуть всё не испортила длинной паузой обдумывания сказанного. Но вдруг как очнулась, замотала головой и, еле справляясь с эмоциями, запинаясь, ответила:

– Д-дда, конечно, сейчас – хорошо, я... я... именно... я... тоже хотела тебе это и сказать – доковыляв до конца фразы Брита, наконец-то справилась с собой окончательно, о чем свидетельствовал и удовлетворенно разгладившийся от напряжения лоб Греты.

Ячейки и так никогда много друг с другом не разговаривали, разве что обсуждали научную информацию, в одно из та-

ких обсуждений им нечаянно открылся один небольшой секрет, спрятанный лучше не придумаешь – в самом очевидном месте, потому так долго и недоступный пониманию – секрет состоял в том, что их ячейки, помимо того, что представляют собой абсолютно просматриваемое жизненное пространство, точно так же абсолютно прослушиваемы и направляемы в рамках рационально-логического пространства своих мыслей и чувств.

Грета и Брита очень быстро собрались, им не терпелось вырваться из ячейки, все в которых было устроено таким образом, чтобы собирать максимум доступной информации о каждом из индивидов. Это было известно всем – все знали, что можно даже получить сведения о своем здоровье, благодаря способности бокса собирать анализы, проверять давление и пульс. Однако никто не связывал такого наблюдения с тем, что тематика ежедневного домашнего информирования (вместо домашних заданий каждой ячейке предлагалась дома порция информации, которую они не получали и не могли получить в линии обучения) очень органично всегда содержала в себе ответы на те вопросы, которые возникали за день-два до этого у обитательниц ячейки в их разговорах, как правило, на ночь.

Брита, Грета и Света часто разговаривали на ночь: Света вообще не могла помолчать больше трех минут и была рада любым, даже научным разговорам со своими ячейками, а Брите и Грете именно на ночь глядя приходили всякие ин-

тересные, а иногда и провокационные размышления ...

Как правило, на другой день, находя ответы на волновавшие их вчера вечером вопросы, любая ячейка воспринимала такое положение вещей как должное, впитывала информацию и преспокойно существовала дальше. Грета и Брита обладали слишком пытливыми умами, чтобы, во-первых, не заметить, что даже с учетом того, что их ночные бдения были вызваны тематикой изученного днем в линии, чисто статистически частота совпадения направленности вопросов и ответов просто зашкаливает. Ну и, в силу пытливости ума, пару раз поговорив на такие темы, которые никак не были связаны с тематикой обучения, и все равно получив ответы, сделали простой, но нелицеприятный вывод – все их беседы отслеживаются и анализируются. После чего стали чаще бывать вне ячейки, а их ночные пересуды больше теперь сводились к тому, что они давали полную свободу речи Свете, и она с несказанным блаженством обрисовывала им все нюансы существования огромного количества их знакомых и не очень знакомых ячеек.

Грета, Брита и Света, подобранные в ячейку по максимальной схожести интересов, все-таки умудрились со временем несколько разойтись в предпочтениях, так иногда случалось. Света очень сильно отстала в изучении наук вообще, ее коэффициент познавательной активности был нулевым, что исключало возможность ее продвижения в науке, максимум на что она могла рассчитывать – это спецификариум, но туда

направляли только полные ячейки, а Грета и Брита продвинулись в науке и со временем могли образовать дуалию, так что Свету, по всей видимости ждала участь продолжательницы рода. Вообще, Света была не глупа, но удивительно доверчива, она могла поверить одновременно трем абсолютно различным точкам зрения на один и тот же вопрос, при этом ее совершенно не заботили несовпадения и противоречивость утверждений, как это все спокойно существовало в его светлой голове, было непонятно, но в разное время и в приложении к разным ситуациям она применяла именно ту точку зрения, которая потом оказывалась максимально вписывающейся в контекст.

Брита, несмотря на свою правдивость, а может быть именно благодаря своему гипертрофированному чувству справедливости, была очень неосторожна и открыта для разного рода хитрецов и манипуляторов. До сих пор, если она и высказывала где-то некие крамольные мысли, никто не воспринимал их в качестве серьезной угрозы существующему миропорядку, потому что никто не мог предположить такой опрометчивой доверчивости в этом индивидууме с одним из самых высоких коэффициентов научной лабильности. Грета была более осторожной и с некоторых пор вдруг стала выдавать меньший, чем у Бриты коэффициент, хотя до этого они развивались почти одинаково. За снижение коэффициента научной лабильности ее никто не осуждал, тем более, что он каким-то непонятным образом всегда оставался на

единицу-две чуть выше того уровня, ниже которого этот коэффициент больше не проверяли, отправляли в спецификариум и понижали уровень доступа к информации до общепринятого, третьего.

Никто не знал, какая еще информация сможет открыться перед ними, и одно время обе ячейки из кожи вон лезли, чтобы повысить свой коэффициент, думая, что это даст другой уровень информационного потока, но случилось как раз наоборот.

Брита, добившись невиданного повышения коэффициента и страшно гордясь этим, вдруг обнаружила, что ее уровень доступа к информации понизился до 4, так и не поняв, в чем дело, она решила, что проблема в ее характере, что она плохо справляется с желанием поучать всех, кто не так умен, как она, и стала работать над собой, ударила в разные техники и тренинги, в результате чего так расплыла сферу своих учебных предпочтений, что коэффициент понизился, и уровень доступа к информации снова вернулся к пятому.

Грета, как говорилось уже, более осторожная и закрытая, что-то смекнула после этой истории с Бритой и теперь, держась на минимальном уровне коэффициента научной лабильности, добралась уже до 8 уровня доступности информации. Однако, пока основным достижением в разгадывании тайн устройства общества, не тех, с которыми их знакомили в третьей линии обучения, а других, по которым на самом деле живет общество, было то, что Грета выяснила, что

для достижения самого высокого уровня доступа к информации, десятого, нужно доказать обществу свою преданность; а после присвоения этого уровня, коэффициент лабильности, как и всякие другие тесты больше не проводятся. И такие индивиды могут даже жить как ячейка-индивид, то есть самостоятельно, сами могут назначать себе время выполнения миссии продолжения рода вплоть до никогда и, главное, могут получать любую неадаптированную информацию!

После этого открытия планомерное повышение уровня научной лабильности было последовательным и предсказуемым у обеих ячеек.

Сейчас, даже на 8 уровне некоторые виды информации были адаптированы к тому способу восприятия мира, к которому приучали всех с рождения в новом обществе. Грета научилась различать информацию «чистую», купированную или просто переписанную, такую она вначале даже не читала, но потом поняла, что если угадать, какие именно исправления внесены в оригинальный информационный поток, можно попробовать догадаться о том, что именно было там написано изначально. Ей нравилась такая игра, хотя она редко в ней выигрывала. А когда куратор похвалила Грету перед ее ячейкой именно за работу с этой информацией, Грета снова смекнула, что кураторам спокойнее, когда их подопечные все-таки не хватают звезд с неба и не выходят за рамки существующей социально-религиозной парадигмы.

С тех пор Грета преуспела в лицедействе, прикидываясь

серой системной ячейкой и на днях ей должны были повысить уровень информационного доступа до 9. Ей намекнули, что такой уровень доступа необходим для того, чтобы она смогла понять, какое тяжелое, но ответственное будущее может ее ждать, если она поступит правильно (она не поняла, почему куратор упирала на слово правильно, было ощущение, что это было совсем не то слово, которое слышала Грета, а какое-то совсем другое, неприятное слово), так вот в том, случае, если она поступит ПРАВИЛЬНО, то на ее плечи ляжет высокая почетная, но тяжелая обязанность. Какая, правда, тоже почему-то умалчивалось. Но было так неприятно от взглядов куратора, после разговора с ней Грете было противно, и, когда на экране ее инфомодуса потухло изображение лица куратора, она даже приняла душ.

Раньше Грета ждала от нового уровня доступа больших открытий и мистических тайн, но после разговора с куратором очень сильно задумалась о том, что же именно может ей открыться в новом информационном поле. Она прошла уже несколько переходов информационного доступа и давно привыкла к тому, что то, что было абсолютно *так* на одном уровне вполне могло быть абсолютно *так же наоборот* на другом. И если до 7 уровня составители информационных структур еще как-то пытались объяснять такое несоответствие и их логические доводы поначалу даже удовлетворяли Грету, то перейдя на 8 уровень Грета обнаружила, что очень многое из того, что она знала и почитала за истинное

знание оказывалось полной ерундой и намеренным введением в заблуждение, и уже никакие доводы не были нужны, да и не помогли бы. Видимо, считалось, что допущенный до такого уровня доступа индивид вполне способен уже понять, как и почему информация искажена, а главное понять это *правильно*. Она ненавидела это слово....

Вообще, после стресса, вызванного несправедливостью, как вначале им показалось, общества к их знаниям умениям, а значит и степени полезности обществу, когда им отказали в спецификариуме, и их бывшие знакомые ячейки прекратили с ними всякое общение, Грета, Брита и даже всегда беззаботная Света очень серьезно задумались. Но не над тем, как быть полезными обществу – этому их и так учили с детства и долдонили кураторы при каждом удобном случае, а над тем, как именно устроено это самое общество, и почему декларируемые Основы каждый раз получают абсолютно противоречивые толкование одних и тех же постулатов.

Известие же о том, что Света направлена на миссию продолжения рода, чтобы, как надеялись кураторы, окончательно искоренить любознательность и стремление к истине в оставшихся индивидах ячейки, наоборот словно разбудило Грету и Бриту. Они стали подозрительными, недоверчивыми, и еще сильнее невзлюбили существующую систему, теперь – саму по себе, а не в отталкивающем лице своих кураторов.

Мыслительные способности Греты и Бриты, огромное ко-

личество накопленных знаний, непонятное чувство некоторой сопричастности друг другу, которое у других ячеек им приходилось наблюдать крайне редко, позволили им сделать определенные выводы. Потребность обмениваться информацией, которая заведомо не понравится кураторам, заставила их изощряться в лицедействе, они методом проб и ошибок изобрели своеобразный тайный код, когда несовпадение мимики и жестов со словами и их интонированием заменяло нормальный обмен мнениями.

Даже несмотря на то, что с тех пор как они помнили себя были вместе, учились одному и тому же, говорили об одном и том же, делали одно и то же, им не всегда удавалось постичь ход мысли друг друга. Грета была больше аналитиком – такого проникновения в суть вещей иногда просто невозможно было представить – она просто расщепляла любой объект или явление на молекулы. Брита, напротив, была склонна к оперированию глобальными объектами, прекрасно справлялась с любыми логическими построениями и казусами, но пасовала перед Гретиной способностью к детализации.

С некоторых пор они даже договорились не вести научных споров, так как именно в тот момент, когда Брита заканчивала разворачивание широкомасштабной картины заданной научной проблемы, Грета одним-двумя мелкими несоответствиями в деталях разрушала стройный удивительный мир логических рассуждений. Как ни странно, именно за это ее недолюбливала Света. Зато она обожала Бриту: когда Бри-

та говорила, Света глядела на нее замороженным взглядом, и даже пару раз просто разревелась, когда Грета вероломно (это Светино слово) разрушила такой удивительный мир (про удивительный мир логических рассуждений тоже Светино).

После того, как стало известно, что Света больше не сможет каждый вечер наполнять эфир своей бестолковой болтовней, Грета и Брита стали больше общаться между собой – это отметили кураторы. Однако тональность их общения, то и дело сбивающаяся с научного обсуждения на взаимные оскорбления, заставила куратора провести беседу о терпимости и уважении, основности и правильности (о нет, опять это слово!). Хотя на самом деле плохие отношения внутри ячейки, претендующей на профессоркум, вполне входили в планы кураторов. Однако, когда взаимная неприязнь стала влиять на успехи ячейки, в их инфомодусы как бы невзначай стала попадаться информация более высоких уровней и даже отчеты неопытных кураторов. Сам факт такой «утечки», его причина, а особенно содержание будто бы несанкционированной информации, на многое открыли глаза Грете и Брите. Они даже пару раз отлучились в их тайное местечко, чтобы обсудить открывшиеся им истины.

Последний раз они обсуждали попавшийся им на глаза инфосет с пометкой профессоркума о технической системе информационных модусов учебных и рабочих блоков, из которого явствовало, что обратная связь системы наблюдения

за ячейками представляет собой хорошо отлаженную и, главное, действенную модель манипулирования обществом. До этого они с круглыми глазами, вылезшими на лоб и у той, и у другой, перебивая друг друга, делились впечатлениями в натренированной памяти пунктами прав и свобод высших кураторов, которым можно было жить отдельно, иметь личные вещи, покидать полис в любое время и любом направлении, и даже не выполнять миссию продолжения рода, хоть и по медицинским показаниям. Был еще отчет об асоциальных поселениях в дикой зоне – из этого отчета они не поняли почти ничего, им сложно было представить себе, что кто-то по своей воле захочет, а главное сможет жить вне комфортной области ДНК-полисов. Больше всего в этом докладе их удивило засевшее в голове удивительно приятное слово «девушки», которым именовали друг друга незаконные поселенцы, а также наличие некоего юноши, который вроде как получалось, был особью мужского пола, но при этом жил наравне с «девушками».

Эта информация, подкинутаая кураторами для устрашения и соблазнения, подействовала совершенно иначе – Грета и Брита вдруг поняли, что тот образ жизни, который казался им единственно возможным, на самом деле просто навязан им кем-то. Что можно, или даже нужно жить по-другому, потому что существующая иерархия, возможно спасающая в свое время человечество от вымирания, теперь сама насквозь прогнила и вот-вот завалится, рискуя похоронить

под своими обломками то, что еще можно использовать для построения новой жизни.

Еще из всего этого индивиды сделали свои индивидуальные выводы. Грета вдруг окончательно поняла, что мужчина – тоже человек (ей давно была близка теория о том, что мужчина и женщина являются просто самцом и самкой одного животного вида). А Брита поняла, что дикая природа на самом деле не враг, и с ней не надо бороться, от нее не надо прятаться, надо пытаться с ней сосуществовать. Но этими выводами им суждено будет поделиться еще очень не скоро. И кто знает, может, именно благодаря тому, что сейчас им не пришлось убеждать друг друга в нелепости таких умозаключений, они и смогли столько вместе пройти.

Тайное местечко

Девушки вышли, еле удерживаясь от того, чтобы побыстрее добежать до одним им известного местечка, где они однажды засиделись дольше, чем это было позволительно ячейке, потому что Света уснула под их умные разговоры, а они с Бритой заговорились... Тот случай принес им немало огорчений и переживаний, связанных с тем, что они повели себя неправильно и асоциально – эту сакральную истину им поведала куратор, считалось, что ячейка может быть полноценной только в обществе таких же других ячеек, а подобные уединения (странное слово для ячейки) непозволительны и аморальны!

Света ничего не помнила, потому что спала, и когда ее спрашивали, где же они все-таки прятались, только хлопала ресницами. Брита очень переживала, но от волнения и самобичевания тоже не могла ничего вразумительного ответить по поводу того, что же это было за место. Грета отнеслась к проповеди куратора равнодушно, на вопрос о месте прикинулась топографическим кретином и сказала, что не помнит, но выводы сделала, как и отметила куратор в своем отчете.

Но как ошибалась куратор насчет содержания этих выводов! Грета поняла, что то место, куда они попали совершенно случайно, не контролируется кураторами! Она тщательно

хранила эту тайну, хотя ее распирало от желания поделиться с ячейкой. Каково же было ее удивление, когда однажды, когда она все-таки поведала это откровение Брите и встретила с ее стороны точно такое же знание и распиравшее поделиться секретом желание! Они вместе решили рассказать об этом Свете. Но для проверки собственных выводов решив еще раз посетить это место, они нашли там... Свету, которая, как она сама призналась, все поняла почти сразу и время от времени сбегала сюда... Ну, для чего, она объяснила весьма сбивчиво, да и на тот момент Грету и Бриту это не так заинтересовало, как то, что способности к аналитическому мышлению их ячейки достаточно высоки, а главное характеризуют каждого индивидуума! Они галдели, перебивая друг друга, и насилу успокоились, прежде чем снова выйти отсюда. Света оказалась не так проста и не так глупа.

Надо сказать, что именно в те пятнадцать-двадцать минут, которые девушки проводили вместе в этом, спрятанном от всеслышающего уха кураторов, месте позволяли им осмыслить на порядок больше, чем бесконечные занятия и информационный поиск в их привычном виде. Возможность обсудить ту или иную проблему, не задумываясь о том, что вырвется что-то неосновное, неправильное (ужасное слово!), поднимала их умственные способности на невероятно высокий уровень. После таких мозговых штурмов девушкам, как правило, ужасно хотелось спать, а голова просто пухла от осмысленной информации. Но боясь, чтобы наблюдение не

выявило взаимосвязи их выпадения из системы прослушивания с их необычно сонным состоянием, так и храбрились до самого вечера, бездумно бродя по инфосети и честно пытаясь запомнить хоть что-нибудь.

Спали обычно потом очень беспокойно, но глубоко и долго, а проснувшись на следующий день, чувствовали себя повзрослевшими и даже постаревшими от всех тех невеселых размышлений, на которые их подталкивало совместное обсуждение недетских проблем общественного устройства мира, в котором им довелось жить.

С тех пор они несколько раз использовали этот кусочек свободы для решения каких-нибудь очень важных проблем. В одно из таких посещений Грета объяснила Брите, почему нельзя слишком повышать уровень научной лабильности, и как пользоваться разными видами информации, а в другой раз Света поведала им одну физиологическую тайну, чем повергла девушек в шок, зато и задала направление информационного поиска, благо все это вписывалось в рамки основного набора наук, для освоения которых изначально была составлена их ячейка.

Самый последний их разговор уже был без Светы. Тогда они чуть не поссорились, споря о смысле существования индивида. Очень сложно оказывалось даже для таких умных и всесторонне образованных девушек, взращенных в рамках устойчивой социально-экономической системы нового мира, поставить под сомнение эту самую систему, да еще и по-

дойти к этому вопросу, как говорится, с другой стороны – со стороны индивида. Именно права и обязанности индивида в обществе и вне его и стали камнем преткновения для Греты и Бриты. Тогда, в своих рассуждениях о человеке и обществе, они так или иначе исходили из того понимания индивида, которое насаждалось как единственно верное в рамках существующей системы. Наверное, оттого-то их попытки увидеть, что же нужно сделать, чтобы дать возможность человеку раскрыться, полнее использовать его потенциал, всякий раз наталкивались на непреодолимые противоречия, обусловленные привычным образом жизни, а в большей степени тем, что человека в этой самой системе-то и не было! Это может показаться невероятным, но мысль о том, что говоря о человеке, необходимо иметь ввиду именно человека, не ячейку, не двоих, не троих, не пятерых, а лично каждого их всех этих неестественных образований, не сразу пришла в голову девушкам. Но попав однажды в поле их интересов и раздумий, полностью перевернула и их мировоззрение, и отношение друг к другу.

Тайное место как место озарений и споров выполняло и еще одну немаловажную функцию. Здесь девушки обменивались знаниями и хвастались умениями, иногда получая что-то вроде заказов друг от друга на разработку какого-нибудь вопроса или даже инструмента, что категорически воспрещалось внутри ячеек (ведь у ячейки все общее).

Именно тайное место помогло им разобраться и со своими

собственными предпочтениями. Так, оказалось, что Брита более склонна к теоретической медицине в самом широчайшем значении этого слова, а Грета, хотя тоже отлично разбиралась в этой области знаний, непревзойденным экспертом была по части прикладной анатомии человека и некоторых животных. Света поразила обеих своими абсолютно эмпирическими выкладками как в области анатомии и медицины, так и в области психосоциальных отношений.

Вторая составляющая их специализации – социопсихоинформика – тоже была словно поделена между Гретой и Бритой. Первая обожала глобальные информационные системы, знала о них всё, даже то, чего невозможно пока было найти в инфомодусе – Грета логически предполагала такие инфопостроения, догадайся кураторы о которых, не видать бы Грете и Брите никаких тайных местечек. Брита, напротив, обожала информационные инструменты, а главное, она очень любила собирать их сама. Такое умение Бриты очень пригодилось всей троице, а мелкие технические решения для личных инфоинструментов обсуждались именно в тайном местечке. Света и в этом случае смогла удивить оригинальным взглядом и довольно смелыми решениями в вопросах нарушения существующего системного распорядка. Света была просто кладзем житейской мудрости в вопросах хранения личных вещей, запрещенных в системе, безнаказанности нарушения учебно-рабочего распорядка, введения в заблуждение систем наблюдения, благодаря чему могла абсолютно

незаметно и очень быстро добраться в тайное место.

Вот туда-то Грета и Брита сейчас и направились. Эта дорога была, наверное, самой длинной в их жизни, потому что желание поделиться своим пониманием тем острее, чем ярче вдруг открывшееся знание на фоне всего другого, изученного и осмысленного, того, к чему приходишь постепенно, по частичкам складывая замысловатую мозаику истины.

Сейчас это было совсем не так, знание пришло не постепенно, не так, как их учили в линии, не так, как объяснялось в науке о науке – накопление знания зонтичным способом, – а как вспышка, внезапно, ярко, нелогично и необъяснимо, но абсолютно! Абсолютно, потому что каждая из них теперь именно *знала*, а не просто понимала, что то, что сейчас открылось ей – это так! это верно.

Не забывая о предосторожностях, оговоренных в одно из первых возвращений в это место, ячейки, наконец-то, оказались абсолютно одни.

– Ты поняла тоже? – Грета не смогла удержаться от вопроса.

– Ты поняла? – почти в один голос с ней охрипшим от волнения и плохо сдерживаемого нетерпения выдохнула Брита.

Не находя больше слов и словно разом выбившись из сил, девушки медленно и как-то неловко опустились на пол. Некоторое время они просидели так, смотря в пустоту перед собой, не говоря не слова, в какой-то момент Брита взяла за руку Грету и пожала её, не поворачивая лица. Грета в ответ

пожатию просто улыбнулась, не выходя из легкого оцепенения и даже какого-то очарования, но Брита знала, что Грета ответила ей улыбкой.

Девушки сидели, боясь спугнуть новое для них ощущение. Они были вместе как всегда, они были единым целым как всегда, но теперь каждая из них была отдельным миром чувств и переживаний, мыслей и озарений, и при этом обе были слиты, но не друг с другом как раньше, но с чем-то большим, с чем-то всеобъемлющим, непознанным и манящим, и, принадлежа этому огромному чему-то, они как никогда ощущали свое единение друг с другом через это еще неведомое что-то.

Первой вернулась в реальность Грета. Она дернулась, нахмурились брови, взгляд стал привычно колючим, за ним она в последнее время старательно прятала пронизательность своих карих глаз, вскочила и подала руку Брите. Брита со вздохом, достойным тибетских техник сосредоточения, выпрямилась, вернула своему лицу привычное блаженно-умиротворенное выражение лица, мельком взглянула на Грету, отметив про себя, как органично вписывались жестокость и цинизм взгляда девушки в ее образ.

– Ячейка, – проговорила она твердым и каким-то глухим голосом.

На секунду в глазах Греты мелькнули озорные искорки, она наклонилась к уху Бриты и тихо и словно неумело ответила: – Девушка, – и тут же шагнула в открытое простран-

ство так, будто боялась, что Брита может неверным словом или взглядом подвергнуть сомнению ее твердость и решительность.

С того дня внешне в жизни девушек практически ничего не изменилось, они исправно исполняли свои обязанности, держали все возможные коэффициенты на должном уровне, который бы не вызывал у кураторов никаких нареканий, навещали Свету – теперь часто вместе и, как и прежде, вели вечерние беседы. Только теперь внешне безобидные темы их разговоров были построены таким образом, чтобы на следующий день получать пусть даже купированную или отредактированную, но информацию (!) именно по тем вопросам, которые могли у них возникать в этом возрасте. О том, что такие вопросы возникать могли, Грета узнала, случайно натолкнувшись на попавший в информационный доступ 9 уровня отчет какой-то начинающей из кураторов. Обычно кураторы пользовались 10 уровнем доступа, но в последнее время нескольких новеньких назначили кураторами еще на уровне доступа 9, Грета еще не вполне поняла, с чем связано такое нарушение незыблемых правил назначения кураторов, но замечала, что вся эта система то там, то сям дает сбои.

Так, например, в течение почти месяца в открытом доступе находилась историческая и, как поняла Грета, оригинальная и даже некупированная информация об эпохе Шоу и начала Основ. Внимание Греты привлек этот материал не только своим содержанием, но еще и тем, что это был един-

ственный за все время пользования инфомодусом информационный поток, который не имел пометок уровня доступа (она никогда прежде такого не видела, любой поток имел указание уровня доступа, и если в модус, не рассчитанный на трансляцию информации данного уровня доступа попадала такая информация, модус автоматически отключался). В этом случае модус просто не отследил эту информацию, потому что она не имела ни указаний на уровень доступа, ни на источник информационного потока. Кроме того, ничего похожего не встретилось Брите, как она не пыталась найти что-либо подобное в потоках своего модуса.

Сначала Грета подумала, что это проверка, что ее лояльность Основам поставлена под сомнение и ее проверяют. Уже решившись доложить куратору о нарушении порядка предоставления информации в модусе, по пути к модусу отчетов и благодарностей, она совершенно случайно услышала как пентатия и троица с более низкими, чем у Греты, уровнями доступа обсуждают появление в инфомодусе немаркированной информации. Они галдели, перебивая друг друга и не приходя к общему решению не только между ячейками, но и внутри каждой из них. Грете было и смешно и неприятно смотреть на них, но такое их поведение было ей на руку. Грета соображая на ходу, как можно более спокойно вернулась к своему модусу, достала из одного из многочисленных карманов и кармашков своей не слишком женственной одежды отколотую ручку от старинной чашки, так, по край-

ней мере это выглядело, задумчиво покрутила ее в руках, и будто по рассеянности прижала руку с этим предметом к экрану модуса, отвлекшись на все усиливающийся гул спорящей толпы. В какой-то момент спор вдруг утих и Грете показалось, что ячейки стали расходиться – на доли секунды ее охватило смятение, но тут экран мигнул, Грета оторвала от него руку и чуть не бегом побежала туда, где стояли ячейки. Как она боялась не успеть!

Прометей прикованный

Громко и бестолково обсуждавшие ту информацию, которую одна из ячеек увидела в модусе, относились к шестой линии и имели от четвертого до шестого уровня доступа. Эти ячейки много времени проводили вместе.

Несмотря на тщательный подбор индивидов в ячейки, на определенных этапах существования ячейки частенько возникали проблемы с переносимостью друг друга внутри ячейки, с взаимопониманием и общностью интересов, в результате чего некоторые индивиды находили более близких им по духу в других ячейках.

Как правило, такое случалось, если в ячейке были индивиды с индексом I. Чаще всего именно эти индивиды пробивались в кураторы, потому налаживание контактов с индивидами из других ячеек сходило с рук этим индивидуалистам. Для остальных такое поведение было предосудительным и караемым, контактировать было можно только на уровне ячеек. Потому остальные члены ячейки, в которой случилось быть индивиду с индексом I, покорно принимали необходимость общения с теми индивидами другой ячейки, которые не удостоились внимания потенциального куратора.

В дальнейшем индивиды с индексом I практически всегда, благополучно добравшись до шестой линии, уходили сами или всей ячейкой в педагогический спецификариум, а

после восьмой линии автоматически получали 10 уровень доступа и становились кураторами. Поговаривали еще о каком-то то ли ритуале, то ли экзамене посвящения в кураторы, но точно никто ничего сказать не мог: те, кто по каким-то причинам не прошел экзамена и не стал куратором, просто переставали появляться в учебном блоке, и считалось, что они выбрали миссию продления рода, а те, кто куратором все же стал, ни за что на свете не рассказал бы никому о том, какая цена заплачена за это.

Кураторы имели ряд привилегий. Они могли жить индивидуально, получать неограниченный доступ к любой информации и, главное, они имели право беспрепятственно попадать в любые жилые и учебные блоки, и даже покидать полис на собственном средстве передвижения. Нельзя сказать, что все желали такой жизни, напротив, многие, очень многие не могли помыслить себя без своей ячейки и потому смотрели на кураторов с уважением и ужасом, не умея представить себе такой нерегламентированной жизни. Вообще, кроме этих достаточно схематичных сведений о жизни кураторов, остальным ячейкам не было известно ничего, кроме того, что говорилось в уставе полиса о руководящей, направляющей, утешающей и вдохновляющей их роли.

Индивиды с другими индексами редко становились кураторами, Грете это было известно, но ради обретения таких привилегий в перемещениях и информационной свободы, она была готова стать куратором. Хотя она далеко не все зна-

ла на тот момент, потому решение идти до конца далось ей достаточно легко. Конечно, она не мыслила себя без своей ячейки, или, по крайней мере, Бриты, но ее она пока не посчитала нужным посвящать в свои планы. Грета была великолепным психологом, и прекрасно понимала, что амбициозность Бриты может только навредить им обоим в претворении в жизнь плана стать куратором не ради власти, но ради свободы.

Грете была неприятна сама мысль о том, что она будет обязана следить за ячейками и анализировать их поведение, выискивая нарушения и недостатки, но она считала это равновесным обменом на свободу. Тогда, когда она рассматривала свою дальнейшую судьбу, ей и в голову не могло прийти, каким хитроумным способом те, кто стоят выше кураторов и никому никогда не видны, ломают всех, кто потом служит им, и как им потом просто не нужна свобода.

Грета подросла как раз к тому моменту, когда одна из толпы, решив взять на себя смелость принятия решения, разворачивалась в направлении модуса отчетов и благодарностей. Грете повезло в том, что Пентатия Кити I была попросту душой, считавшей себя, как, впрочем, все представительницы этого многочисленного племени индивидов, экстравагантной и недооцененной. Кити увидела направляющуюся в их сторону Грету и справедливо заключила, что Грета является неизвестным Кити куратором – ведь Грета была одна, потому Кити довольно вальяжно, в расчете на зрителей

ячейки, но достаточно почтенно и даже заискивающе, заглядывая в глаза Грете спросила:

– Может ли пентатия спросить – тут она замялась, потому что карточка, на которой было выбито имя Греты завернулась от быстрого передвижения Греты.

Грета была и умней, и старше и много опытней, чем эта выскочка, которая, вне всяких сомнений станет куратором в свой час. . . . Кроме того, у Греты была цель:

– Ячейки, – громко позвала Грета.

Ячейки замолчали и чуть не строем быстро переместились к беседующим. Грета коснулась взглядом закусившую губу Кити – для последней это был значимый промах, индивид в присутствии своей ячейки не имел права обращаться к куратору самостоятельно. Выразив на лице полнейшее удовлетворение восстановленным порядком, Грета хоть и обратилась ко всем сразу, однако с последними звуками сказанного вернула свой колючий, недоброжелательный взгляд на Кити:

– Итак. . .

Перетрусившая Кити вцепилась в направленный на нее взгляд, как падающий с горы хватается за траву, растущую на ее склонах. Не отрывая преданных глаз от Греты, и не слыша робких попыток ее ячеек поправить те неточности, которые она допускала, объясняя суть проблемы, Кити оттараторила уже то, что Грета слышала раньше, а именно то, что ячейки случайно в модусе обнаружили немаркированную информа-

цию, в которой написано что-то абсолютно невообразимое (Кити сочла возможным так обозначить характер информации). Грета мягко пожурила ячейки, потом сменив гнев на милость похвалила, что не стали верить немаркированному мусору (она так назвала это), который попал в модус и заверила, что их самая главная задача в том, чтобы сейчас же доложить об этом своему куратору, и что она, Грета, очень рада, что смогла дать совет своим младшим ячейкам (в этом месте Кити снова закусила губу – два промаха за один день!!! Грета не была куратором! Кити почти ненавидела ее). И как старшая ячейка Грета также доложит своему куратору о происшествии, но предпочитает, чтобы сначала ее младшие ячейки совершили этот достойный и исключительно правильный поступок (Тут Кити немного остыла, глаза ее забегали, придумывая следующую комбинацию на предмет выставить свою ячейку в выгодном свете перед собственным куратором).

Как уже говорилось, Кити была глупа, потому и тот факт, что при разговоре ячеек Грета была одна не всплыл, а Грета, докладывая своему куратору о происшедшем и нервно потирая один из многочисленных кармашков комбинезона, представила все так, будто они были вместе с Бритой.

Теперь расскажем немного о том, где в это время все-таки была Брита, и что Грета хранила у себя в кармашке.

После того, как девушки осознали себя таковыми и, что много важнее, поняли, что могут полностью доверять друг

другу, они несколько раз наведывались в укромное место и узнали друг о друге столько нового, что чуть снова не рассорились. Им было отчаянно жаль того времени и усилий, которые обе потратили на осознание одного и того же. Как часто раньше они использовали слово *цель* и, видимо, полностью были уверены в том, что, во-первых, каждая из них абсолютно точно понимает, в чем состоит эта цель, во-вторых, отдает себе отчет в том, какие жертвы может предполагать эта цель, и, в-третьих, что понимание того, что было во-первых и во-вторых абсолютно идентично у обеих. На самом деле, если бы кто-то третий задал им все эти вопросы, они не смогли бы ответить ни на один из них. Но самое главное, в чем они могли бы поклясться, это то, что никогда не предадут друг друга, и сейчас этого было вполне достаточно.

В одно из откровений Брита поведала о том, что помимо изучения того, что давал ей ее модус, играючи разобралась и с тем материалом, который постоянно подсовывали кураторы Свете, предполагая, что ее спецификацией должна стать самая востребованная, но и самая неинтересная и нудная – сбор информационных материализаторов. Грета призналась, что и она тоже не пропускала мимо ни те материалы, которые были предназначены для Бриты, ни те, что навязывались Свете, но не так хорошо разобралась в технологии, как в теории по этому вопросу. Света показала Грете опытный образец информационного материализатора, собранного Бритой. На вид это была обычная заколка для волос (это было

мудрым житейским решением Светы), которыми пользовались некоторые индивиды, скорость роста волос у которых доставляла им немало проблем: понятия парикмахер в полисе не было, а изменять длину волос самостоятельно можно было только раз в полгода – в полисе не поощрялось внимание к своему внешнему виду. Эта «заколка», небрежно приставленная к монитору инфомодуса, могла считывать тот объем информации, который бежал в этот момент на экране и точно также приставленная к любому другому монитору, могла воспроизводить эту информацию. Брита сделала это приспособление без какой-либо конкретной цели, ей просто было интересно сделать это, заколку она почти не использовала, разве что только раз или два, когда зная, что информационный блок по последней теме перед экзаменом исчезает из модуса, таким образом скопировала его, и когда нужно было проходить тест, смогла запросто снова просмотреть информацию. Она сделала это больше для самоудовлетворения, ей не нужно было списывать.

Грета очень воодушевилась изобретением (Брита скромно отговорилась, что в далекие времена такие устройства уже были придуманы, ну, почти такие, они, наверняка и сейчас есть, просто нет необходимости хранить информацию, если она всегда бежит в модусе). Тут девушки задумались и пришли к такому очевидному выводу, что даже попервоначально расстроились из-за собственной близорукости. Такой очевидный вопрос ни разу за все время пользования моду-

сами не возник ни у кого! А вопрос в том, откуда берется информация, где она хранится и как попадает в модусы.

Ведь если модусы напрямую связаны с местом ее основного хранения, я же наверное, смогу по тому, что бежит на экране ... Брита мотнула головой... погоди...дай подумать... Но Грета не дала ей думать, она заказала ей такое же устройство для хранения информации, только в виде отломанной ручки ее старой чашки.

Когда Грета стала заваривать кофе в ячейке, вместе с кофемолкой она притащила старую чашку, ее в нагрузку к кофемолке ей отдала старуха, как и Грета получавшаяся кофе в зернах у распределителя продуктов.

Чашка была непривычной формы и абсолютно диковинного материала. Сейчас все пользовались пластмассовой посудой, часто сделанной под стекло, тонкой и легкой, которую выбрасывали после употребления, а эта чашка была из чего-то тяжелого, плотного, гладкого и холодного материала, и она не была небьющейся. Грета вспомнила о том, что старуха предупреждала ее об этом только в тот момент, когда однажды чашка, которую Грета пыталась очистить от остатков кофе, выскользнула из рук и разделилась на две неравные части. Отлетевшая ручка не навредила функциональности чашки, Грета по-прежнему пила из нее кофе, но показала, что материал, из которого сделана чашка, внутри совсем не блестящий и гладкий, как снаружи, а шершавый и зернистый.

Грета не смогла выбросить эту ненужную деталь, хотя такой фетишизм строго порицался в ячейках, а когда Света ей однажды указала на это, справедливо отметила, что несмотря на то, что чашка из такого необычного материала может функционировать и с отделенной от нее ручкой, совсем неизвестно, останется ли неизменным функционал, если ручка будет утилизирована. Этот ответ тогда очень удивил Бриту, но она сочла лучшим держать свое удивление при себе, и вполне удовлетворило Свету, впрочем, как и кураторов, которым такая абсурдная логика пришлась по вкусу. Вообще, кураторы всегда поощряли всякое заблуждение в своих ячейках.

На самом деле Грета даже сама себе боялась признаться в том, что не смогла выбросить эту ручку из-за какого-то непонятного ей чувства, которое вызывала у нее та самая старуха. Старуху эту Грета самый первый раз встретила во время одного из природных тестов, когда их троица в ожидании окончания теста разбрелась в разные стороны, каждый со своим интересом: Брита собирала листья и травы на чай, Света просто валялась на травке под солнышком, Грета обследовала деревья, пытаясь понять, как можно построить на ветвях место для ночлега. О том, что в ветвях можно такое соорудить, она прочла в какой-то старинной книге, это был отрывок, случайно попавший в модус и исчезнувший уже через час после того как Грета начала читать. И теперь она пыталась понять, как без привычных ей инструментов для лю-

бого действия можно было устроить это на дереве.

Грета как раз рассматривала дерево, высоко задрав голову, когда услышала чье-то тяжелое сиплое дыхание. Обернувшись на звук, Грета наткнулась на прозорливо-любопытный взгляд старой женщины. Грета только успела поймать отблеск угольков колючих глаз старухи, как взгляд последней потух и стал безразлично-рассеянным. Старуха тащила на себе мешок, в котором что-то гулко постукивало, но угадать, что было внутри не было никакой возможности. Грета так и стояла, пока старуха, проходя мимо, пару раз за чем-то наклонилась, затем, отойдя достаточно далеко от Греты для того, чтобы та могла что-либо рассмотреть, скинула мешок с плеча, развязала его, сначала положила туда то, что поднимала до этого, потом достала из него питьевой цилиндр – Грета видела такие в полисе– и тут обернувшись к Грете громко и неожиданно звонко спросила:

– Кофе пьешь? – и протянула ей цилиндр. Грета как замороженная приняла его и сделала пару глотков, пытаюсь понять, что это за испытание и правильно ли она себя сейчас ведет.

– Понравилось? – почти строго спросила старуха и не пережидая ответа сказала, как отчитала – Захочешь еще, придешь к распределителю на окраине. Завязала мешок и пошла дальше. Тут послышался клич кураторов и обескураженная такой встречей и перепуганная, что осталась впервые одна без ячейки, Грета ветром полетела к Свете и Брите.

Именно с того дня изюминкой Греты и стал кофе, но не тот, который можно было набрать в автомате напитков в любом месте полиса, а такой, каким угостила ее в тот раз старуха.

Неделю спустя Грета все-таки решилась навестить распределитель продуктов на окраине, для чего уговорила Свету и Бриту погулять в полисе. Обычно они получали все необходимое в расположенном непосредственно рядом с их цилиндром распределителе, и в том месте, которое указала старуха, самой ее не оказалось, но зато оказался автоматизированный склад, на котором можно было разжиться зернами или молотым кофе, что Грета и сделала незамедлительно.

Разочарование по поводу того, что старухи тут нет, чуть не испортило ей радости приобретения – ячейки редко приобретали что-либо самостоятельно, все было предусмотрено как в жилых, так и в учебных блоках – но тут Света обнаружила в перекрестье между полисными блоками небольшую щель, достаточную для того, чтобы протиснуться в нее, которая вела в небольшую, чуть сумеречную из-за того, что свет в нее мог проникнуть только через щель, нишу.

И в хрустальном гробе том

Нужно еще чуть подробнее остановиться на том, что представлял из себя полис. Цилиндрические сооружения прилегли друг к другу так плотно, что иногда внутренние стены не возводились, и тогда внутри такие конгломераты представляли собой огромную площадку, кое-где пересекаемую лестничными пролетами, на которой располагались и жилые ячейки, и потребительские блоки, в которых индивиды брали необходимые вещи, и пищевые блоки.

Однако цилиндр, в котором проходило обучение линий, а также цилиндр, в котором жили кураторы и находились лаборатории, как правило, были огорожены лучше, и чтобы пройти в эти сооружения, нужно было спуститься на первый уровень – уровень улицы. Вот на этом уровне, где модифицированные деревья, кусты, птицы и причудливые животные – неагрессивные, стерильные – абсолютно непохожие на дикую природу за пределами полисов, архитектурные излишества округлых стен образовывали небольшие укромные местечки, не просматриваемые вездесущими камерами.

Камеры и микрофоны были везде, по большому счету, на них никто не обращал внимания, точнее даже так: к ним так все привыкли, что если бы в один прекрасный день все камеры пропали, думаю, это вызвало бы недоумение и даже некоторую растерянность обитателей полисов. Эти камеры поз-

воляли кураторам полностью контролировать перемещение, поведение и, как догадались Грета и Брита, разговоры подопечных. Но контроль передвижений велся не постоянно, а речeanализатор реагировал только на определенные слова и конструкции, а также шепот.

Кроме того, иногда ячейки выходили из своего цилиндра в так называемый ветулий – обычно это был первый уровень одного из цилиндров – там жили ячейки, которые уже были невостребованны в работе и уже неспособны к выполнению миссии продления рода.

По большей части такие ячейки просто существовали в своих блоках, проявляя возбуждение, когда к ним забредали ячейки из линии, но тут же теряя интерес к юным индивидам, если вдруг последним приходило в голову о чем-нибудь спросить обитательниц ветулия. Им вполне было комфортно в их дуалиях и троицах, они настолько привыкали друг к другу за долгий срок своего существования, настолько привыкали делать то, что предписано, что их потухшие глаза не выдерживали вида молодых, еще беззаботно безрассудных (насколько это было возможно в рамках существующей системы) ячеек.

Обычно, еще издали завидев посетителей своего ветулия, старухи начинали суетливо перебираться поглубже внутрь боксов, туда, куда не принято было заходить без приглашения. В ветулиях камер наблюдения практически не было, да и стен было почему-то больше, чем в других цилиндрах.

драх, растений и животных здесь было несколько больше, чем все привыкли видеть на первых уровнях, а замысловатая архитектура иногда устраивала своеобразные ловушки, которые никуда не вели.

Вот одна из таких ловушек теперь и была их укромным местечком, а тогда, в первый раз, они втроем просто уснули там, оказавшись в прохладном тихом полумраке. Звуки полиса попадали внутрь ниши в каком-то приглушенном, нерезком виде. Непривычная тишина очаровала их, кроме того, они достаточно долго бродили по разным уровням полиса в поисках указанного старухой блока, и, привалившись к стене, все трое сладко задремали.

Проснулись от страшного скрежета снаружи. Грета вскочила и, выглянув из щели, увидела как ее знакомая старуха удаляется за поворотом, волоча за собой что-то бесформенное и, по-видимому, тяжелое, по крайней мере, звук наводил на такие мысли. Она хотела догнать старуху, но проснувшиеся Брита и Света торопили ее, паникуя от того, что вот уже пятый час как они ушли на прогулку и что им влетит от куратора.

В один из приходов ее ячейки за кофе Грета все-таки встретила старуху и так искренне ей тогда обрадовалась, что и старуха не стала прятать хитрых маленьких старушечьих глаз, а показала Грете зерна кофе и даже обещала в следующий раз принести ей кофемолку. Следующего раза Грета еле дождалась, старуха, как и обещала, принесла ей ручную

кофемолку, научила, как ею пользоваться, и еще подарила чашку на память, при этом долго ворчала, объясняя что чашку надо чистить, а современнные все даже не знают, что это значит... Встречи со старухой проходили без участия ячеек, потому что они в это время отсиживались в укромном местечке, радуясь тишине и необычному ощущению защищенности, которое давали стены вокруг такого небольшого участка полиса.

Кто эта старуха, и почему она одна, Грета не спрашивала, она боялась обидеть ее, нет, она боялась, что больше не сможет встретиться с ней. Старуха тоже не выказывала ни малейшего интереса к делам Греты, только однажды она спросила Грету о ее индексе. Грета даже растерялась поначалу от того, что старуху заинтересовало не имя, а индекс Греты, она замешкалась, отвечая, тогда старуха сказала сама: – Небось, G? И по своему обыкновению, не пережидая ответа, продолжила, все мы... гениальные... пока нам хребет не переломают... Грета растерянно хлопала глазами. Старуха внимательно всмотрелась в нее и добавила: «Пей кофе-то, пей, к горчи-то, глядишь, и попривыкнешь», – сказала и ушла. А после того раза Грета ее больше не встречала, она даже пробовала приходить туда в разное время, сбегала туда одна без ячейки (и как потом оказалось, не она одна, Светка тоже бегала в укромное место, но старуху Гретину не видала).

Потому-то и оставила Грета отломавшуюся ручку от чашки, даже сама себе боясь признаться, – на память о стару-

хе. Грета не пыталась проанализировать свои чувства к этой неизвестной, она просто принимала их такими, как они есть – приятными и волнительными, немного грустными, но все равно приятными. Теперь, У Греты появилась идея о том, как можно использовать эту ее глупую, с точки зрения кураторов, привычку всюду таскать с собой обломанную ручку от чашки. Она дала задание Брите сделать на основании этой ручки точно такое же приспособление, какое представляла из себя заколка Бриты, но с учетом того, чтобы считанную с нее информацию можно было бы не только просмотреть на любом мониторе модуса, но и оставить ее на этом самом модусе. Брита немедленно задумалась, даже не удосужившись спросить Грету, для чего ей могло понадобиться такое безрассудство. Бриту поглотила задача, решение которой должно было стать элегантным, оригинальным и простым до гениальности – нужно было держать марку!

Искушение

А между тем безрассудство Греты предполагало далеко идущие планы, хотя, честно говоря, она не могла сказать наверняка, для чего именно ей нужна такая возможность – оставить на модусе информацию, модусом не предполагаемую.

Грета и Брита продолжали научную деятельность, им уже поручали первые сложные проекты и последние пару раз в их подчинении оказывались другие ячейки с чуть меньшим уровнем доступа, девушки чувствовали, что их проверяют и к чему-то готовят, но точно знать они не могли. Грета была почти уверена, что ее готовят к кураторству, и она думала, что вполне к нему готова и сама. Брита чувствовала, что ее, скорее всего не поставят куратором, отчасти оттого, что индекс у нее неподходящий, как и у Греты, но в большей степени оттого, что нет в ней той жесткости, которую девушки наблюдали у всех без исключения кураторов, с которыми сталкивала их жизнь.

Это беспокоило ее, потому что в случае, если Грета станет куратором, а Брита не сможет, ей придется принять миссию продолжения рода, а это было невыносимо даже в виде предположения. Грету тоже беспокоили такие мысли и именно поэтому она время от времени позволяла себе совершать мелкие промахи, которые отдаляли тот день, когда, посмотр-

рев в свой модус, Грета увидит маркировку – уровень доступа 10.

Все шло своим чередом, если бы не этот случай с немаркированной информацией. Правильный во всех отношениях поступок ячейки Грета-Брита, которая, во-первых, оказалась способной понять причину беспокойства младшей ячейки (проще говоря, оказалась способной подслушать), во-вторых, разъяснила младшей ячейке ситуацию и указала единственно верный путь (проще говоря, поглумилась над малолетками), и, в-третьих, своевременно сигнализировала о нарушении порядка (тут уж проще не скажешь, пошла и настучала). Кстати сказать, стучали они уже вместе с Бритой, вторая как раз вернулась с новым хитрым приспособлением из своей лаборатории.

Девушки поняли, что отслеживание ячеек происходит только по одному из индивидов, потому что, если вдруг один индивид отстанет от ячейки, свои же сразу тревогу и забьют, вариант сговора тоже не предусматривался, потому что звук отслеживался, практически, по всему полису, дешифровался и фильтровался на ключевые слова и фразы. Такую систему контроля предположила Брита, как наиболее вероятную, а потом Грета, благодаря своим уникальным аналитическим способностям нашла тому подтверждения в модусах от шестого уровня информационного доступа.

Вначале Грета обратила внимание на то, что полную информацию о занимающем ее на тот момент строении челове-

ческого генотипа, причем обоих видов, которая теперь на 9 уровне доступа была открыта и практически не купирована, можно было почерпнуть из разрозненных сведений предыдущего уровня. Но информация была подана таким образом, что предлагаясь в качестве разрозненных фрагментов, только запутывала и дезинформировала обучающегося, и в том случае, если такой обучающийся не проходил на следующий уровень, собрать разрозненные сведения в более или менее стройную систему было почти невозможно. Только доступ к информации следующего уровня содержал в себе словно некий код, который аккуратно систематизировал уже заложенные сведения таким образом, что то, что помыслилось бы как дезинформация, теперь оказывалось просто неверно понятым знанием.

В таком случае обучающийся не должен был заподозрить, что его намеренно вводили в заблуждение, а мог апеллировать только к собственной несообразительности. Этот хитрый способ Грета наблюдала и потом, изучая основы управления – цикл наук, составляющих введение в кураторство, а также постаралась очевидные нелепости и несоответствия тому, что в реальности составляло деятельность куратора, хотя бы из того, что они с Бритой смогли подметить за годы существования, переосмыслить и систематизировать. В результате чего пришла к выводу, что, чисто технически обоснованное Бритой, предположение, вероятно, очень близко к истине.

Используя полученное знание, девушки теперь частенько работали одновременно в разных местах, что позволяло Брите, в одиночестве и сосредоточении преуспевать в изобретении все новых и новых приспособлений. Правда, сказать *изобретений* не совсем верно, потому что Брита, в основном, использовала сведения из открытых исторических источников, просто перерабатывала идеи, которые были положены в основу этих дословных штук. Их она трансформировала с учетом достижений современной инфотехники. В то время как Брита колдовала над приборами, Грета создавала видимость суеты и работы, разговаривая сама с собой, спрашивая и отвечая – программе было все равно, сколько голосов она слышит, программа искала ключевые слова!

Для ситуации срочного воссоединения ячейки Брита сделала небольшое усовершенствование в обычных наушниках, с которыми почти никогда не расставались почти все жители полиса – в наушниках всегда был информационный модульный поток – они с Гретой договорились о кодовом слове, и теперь, мало того, что, находясь друг от друга на приличном расстоянии, они могли слышать все, что воспринималось встроенным микрофоном, так еще и умудрялись обмениваться кодовыми фразами.

Брита рассказывала, что раньше что-то похожее называлось телефон и было у каждого жителя земли, но ни в полисе, ни в учебных блоках ничего подобного не было. Здесь поощрялось непосредственное общение большими группами,

а если нужно было что-то кому-то передать, то для этого существовали модусы отчетов и благодарностей и кое-где модусы жалоб и предложений. Модус предполагал, что отчет, благодарность, жалоба, ну и так далее, будут наговорены заявителем и собственноручно подписаны, что исключит возможность ошибки или отказа от заявления.

Когда Грета закончила свою отповедь младшим ячейкам по поводу правил поведения в случае появления несанкционированной информации в модусе, Брита уже ждала ее возле рабочего модуса, безо всякого кодового слова поняв, что дело пахнет керосином, и как только группа малолеток развернулась, чтобы уйти, подлетела к Грете и как ни в чем не бывало спросила:

– Не слишком ли мы мягки к этим ячейкам? Они должны были сразу, безо всякого обсуждения сигнализировать о проблеме.

Что ответила Грета, уже не имело никакого значения, потому что кураторы Греты, Бриты и Светы ждали именно такого удобного момента для того, чтобы перевести их на уровень кураторства, и именно таких жестких и рациональных суждений от слишком мягкой Бриты для того, чтобы иметь возможность обосновать свое решение перед Советом матерей.

Через несколько дней, когда Брита и Грета собрались, как обычно, навестить Свету, которая выполнила первую мис-

сию продления рода и теперь ждала дальнейших распоряжений по своей судьбе, сама Света вдруг появилась в их блоке. Выглядела она, надо сказать, неважно...

Девушки и обрадовались, и растерялись одновременно, они были рады увидеть свою ячейку здесь, где столько прожили вместе, но растерялись оттого, что им казалось, что их судьбы теперь не соединятся больше, Света останется на миссии продления рода, как это не противно и не прискорбно, а они пойдут выше... и тут вот так...

Света заметила неловкость и, не давая им рта раскрыть, ни с места сдвинуться, жестом показывая им садиться, присела на свою кровать, машинально погладила ее рукой:

– Меня отпустили попр... Повидаться, Вас – на кураторов, ну и... вот... отпустили... – она помолчала

Девушки молчали, они еще сами не знали, что их переводят на вожаемое кураторство, конечно, ждали этого, но чтоб вот так... от Светы, да и просто страшно было это самое кураторство. Неизвестно и страшно.

– Воооот, – потянула Света. Ну, вы как, вообще, – вдруг, будто повеселев, сказала она с какой-то странной, утвердительной интонацией.

Девушки переглянулись.

– Ничего, – сказала Грета, – что с тобой, Света?

– А что со мной? – громко и радостно и глядя куда-то в сторону удивилась Света, – бледная, так это нормально, нормаааально. Она с надеждой смотрела то на Бриту, то на Гре-

ту умоляющим взглядом и, поглаживая одеяло рукой, будто что-то стряхивала с него... Грету осенило:

– Ой, хорошо, так и хорошо, а мы вот к тебе собирались – затараторила она, стараясь говорить как можно более буднично, – а по дороге еще мне кофе надо было купить, а теперь вот и не знаю, когда попаду, работы много ведь, а уж если кураторами... ой...

– Ты уж нам не завидуй, Света, хорошо, что отпустили тебя к нам, а то ведь все-таки ты ячейка наша. А мы и не знали про кураторов, неужели правда? – подключилась Брита, смутно понимая, что нужно говорить, пока Грета судорожно анализирует создавшуюся ситуацию.

– Ой, ну что вы, ячейки! – Свете аж полегчало, она поняла, что Грета и Брита сейчас что-нибудь придумают, и она сможет им все рассказать. Все рассказать... до недавнего времени ей бы и в голову такое не пришло. Она не доверяла никому, особенно Грете, Грета казалась Свете скользкой и себе на уме, и когда поначалу Грета не приходила к Свете в блок ее миссии, она абсолютно не расстраивалась по этому поводу, а скорей наоборот; с Бритой ей было легко и просто.

Теперь, не то, чтобы ее отношение к Грете резко переменялось, нет, она по-прежнему была более склонна довериться Брите, но несколько последних посещений закрепили в ней уверенность в том, что Грета и Брита теперь что-то большее, чем ячейка, что между ними есть какая-то странная связь, она даже начала улавливать между ними некое сход-

ство... в том, как они говорили, в том, как двигались, смотрели... Конечно, ей было грустно и даже обидно, но Света была патологически добродушным индивидом и всегда могла найти тысячу оправданий не самым лицеприятным поступкам других. Вот и теперь в ней нашлось столько доброты, чтобы порадоваться за них.

Меж тем, Грета вдруг поднялась и жестким безразличным голосом спросила, не обращаясь ни к кому конкретно:

– Так мы идем за кофе? Раз все в порядке?

Брита слегка ошалела от такого поворота событий, но привычка последнего времени доверять Грете в любых ситуациях и теперь не подвела:

– Идем, – подыграла она Грете. Точно знаю, что с такой миссией как твоя нужно чаще гулять, – тоже ровным, бесцветно-поучительным тоном обратилась она к Свете. Только глаза Бриты выдавали обеспокоенность – сможет ли Света идти? Насколько хорошо она чувствует себя?

– Пойдем, – встала и Света. Вы...

– Проводим тебя и пойдем за кофе, перебила ее Грета. У нас нет времени на пустые прогулки, – она сказала это очень обидно, но тоже опасливо вглядывалась в Светины глаза, стараясь догадаться, понимает ли Света их игру.

Света согласно кивнула, подтверждая, что понимает, и вслух сказала: – Хорошо.

Они втроем покинули блок. Грета старалась идти быстро и энергично, но не так как они привыкли ходить, боясь на-

вредить Свете, которая в свою очередь изо всех сил старалась выглядеть совершенно здоровой и бодрой. Они направлялись, конечно, в укромное место.

Первой зашла Брита, за ней исчезла Света и, протискиваясь сквозь щель последней, Грета увидела выворачивающую из-за поворота старуху, медленно бредущую с мешком за плечами. Эх, не до нее было сейчас!

Света села и отдышалась. Все молчали. Потом заговорили тоже все сразу, но Света жестом попросила выслушать ее.

– Мне приятно, что вы все-таки не считаете меня абсолютной дурой, несмотря на все мои коэффициенты, – чуть кривовато улыбнулась она и, опережая любые возражения, снова подняла ладонь – это так, заради вступления. Теперь главное, вы не думайте, что моя миссия – это самое страшное, что может быть, это не так, самое страшное там – это только невероятное количество глупейших ячеек, с утра до вечера причитающих о своей миссии, – она попыталась пошутить, – я даже уже не люблю поболтать ... Ладно... Ой, сколько всего сказать бы вам, – она резко отвернулась, шмыгнула носом, потом решительно повернулась и больше ни на секундочку не останавливаясь и не черточкой лица не выдавая всего того, что творилось внутри у нее, выпалила:

– Что я поняла – слушайте, верно не верно – потом решите, но знайте просто, что может и такое есть. Первое – генные модификации есть не у всех и не все – там у них все время такие-то машины ломаются, они орут друг на друга,

не стесняясь, да и думают, что те, кто на миссии – дуры беспросветные, не понимают ничего... всего модификаций не 27 как в основах, около 18 действующих всего, остальные утеряны, делают реально сейчас около 25 только, остальные побочных много дают... Иногда выпускают партии, которые вообще модификациям не подвергаются – машина ломается, а им вовремя надо, план давать. Вы проверьте себя сами, не дожидайтесь кураторского текста, проверьте сегодня прямо. Вот, – она вытащила откуда-то из-под одежды известные девушкам блистеры анализов на идентичность. Это модифицированные. Там медицинская информация на всех вообще хранится, так я вашу посмотрела – эти подойдут, дуры две, – она ухмыльнулась.

Грета и Брита ошалело смотрели на Светку, веря и не веря тому, что она говорит.

Если немодифицированные – в кураторы не возьмут – объяснила Света, - на миссию отправят. Мы с вами одной партии, я немодифицированная, может и вы. Немодифицированных как материал для экспериментов используют. Меня взяли вот тоже... только они ошиблись, думали... а я и наоборот... Она сбилась, но девушки ее не перебивали. Ладно, потом, может когда и об этом ...

Так... что еще, а... все Матери Основ – немодифицированные и они своих младенцев сами делают, немодифицированных. Это я тоже по информации посмотрела.

Тут она не удержалась, – рассмеялась, как в былые време-

на, звонко, заливисто и заразительно, – нет, ну вы представьте, какие они... каких они туда идиоток берут, что даже не боятся в модусах информацию 10 уровня транслировать... – смех внезапно оборвался и глаза чуть повлажнели, – а я с ними...там... – она снова резко прервала себя, не давая ни секунды на участие и жалость, продолжила:

– Еще, мужчины эти, которых для ухода за младенцами держат, овощи уже практически все, а какие нет, тех куда-то увозят, а когда привозят, то потом только на семя. Неясное тут что-то. В общем, все, что в Основах – не так все. Берегите себя.

Она поднялась и направилась к выходу. Обернулась у щели и сказала: – Да, выпустили-то меня – вас проверяют, спросят, что говорила, скажите просила вас отказаться от кураторства и одной ячейкой быть, а то меня, мол, на супермиссию пошлют. А вы отказали – тогда экзамен пройден.

И ушла.

Брита сидела бледная, растерянная и только бормотала: – ужас, ужас, супермиссия...ужас...

Грета, успевшая встать вслед за Светой, сжимала в руках блистеры, и ее нахмуренное лицо отражало титаническую работу мысли. Вдруг она резко обернулась к Брите: – Идем, куратор, кофе купим – зло и безжалостно сказала, как отрезала.

Они подошли к автомату, Грету успокоили привычные действия – нажать, ввести код, взять пакет, раскрыть, под-

ставить под воронку, снова нажать... Пока она совершала привычную процедуру, возле автомата незаметно появилась старуха, и если бы раньше Грета пришла бы в неописуемый восторг от того, что снова видит ее и может перекинуться с ней словечком, сейчас ей было неприятно ее присутствие, она зыркнула в ее сторону и мгновенно в голове пронеслось «авось к горечи-то и попривыкнешь...».

Грета хотела разозлиться на старуху, нагрубить ей, но все сработало наоборот, у Греты затряслись руки, так, что Брита, понемногу приходявшая в себя была вынуждена отобрать у нее пакет с кофе, и заплясал подбородок. Грета с трудом удерживала крик отчаяния и безысходности, но все же нашла в себе силы посмотреть на старуху, ожидая встретить или хитро насмешливый или безразлично-пустой взгляд. Но на нее посмотрели совсем другие глаза – соперечающие и какие-то... решительные что ли... Это сбilo Грету с толку и вывело из предыстерического состояния. Она заметила, что и Брита смотрит на старуху с удивлением. Меж тем, старуха, сделала шаг в сторону, как будто пропуская их, хотя им нужно было идти в другую сторону и проговорила:

– А и ничего, идите, идите, главное не потеряйте,– при этом она упирала на слово *главное*, хотя показывала при этом на пакет с кофе, который по-прежнему немного неловко с непривычки держала Брита, – идите.

Девушки как зачарованные прошли несколько метров в ту сторону, в которую их пропустила старуха, прежде чем по-

няли, что идут в противоположную от нужного направления сторону. В ячейку они не вернулись. В полном молчании, но абсолютно осмысленно и согласованно пришли в научный блок. Здесь, также молча, разделились – Брита осталась у информационного модуля отчитывать информацию вслух и с комментариями, а Грета тем временем пробралась в медицинскую лабораторию, там она взяла свою пробу ДНК и в точно таком же блистере, какие им принесла Света, унесла обрабатываемый анализ. Со словами: – Теперь я, – она начала вычитывать информацию, а Брита брала на анализ свою ДНК. Затем какое-то время они еще сидели и по очереди обрабатывали информацию, и привычная аналитическая деятельность постепенно привела их в более или менее уравновешенное состояние.

Часа через три-четыре, анализы были готовы и девушки вместе направились в анализ-блок. Однако там их ожидал один пренеприятнейший сюрприз – прямо возле входа в блок стояла их куратор. Нисколько не удивившись тому, что встретила их здесь, она сказала:

– Я так и думала, что ваша добрячка, – вложив в это слово как можно больше презрения и небрежности говорила куратор, – поведает вам о своей беде. Немодифицированная, – казалось, что больше презрения, чем было вложено в слово *добрячка* уже быть не может, но куратору удалось и это, – сочувствую, – она сделала паузу и окинув с ног до головы обеих продолжила, – вы умная ячейка, мы в вас не сомневались,

потому вы и сделали уже анализ.

Я даже не стану смотреть, что там у вас получилось, – она снова сделала упор на слове получилось, вкладывая в него всю ироничность, на какую была способна. А во избежание кривотолков, вы прямо сейчас сделаете еще один анализ и отдадите блистеры мне. Завтра с утра они уже будут готовы и совет кураторов примет окончательное решение о вашей дальнейшей... – тут она сделала паузу, легкую, не театральную, но достаточную для того, что бы обе девушки успели подумать «Вот стерва!», – дальнейшей карьеры, – закончила куратор и картинным жестом пригласила их в блок.

Сама же, во всем своем презрении и высокомерии осталась стоять почти спиной к ним, не снисходя до наблюдения за низшими чинами. В общем, это их и спасло. Нет, спасло их, конечно же то, что большинство кураторов были плохо образованными самодовольными ячейками индекса I, которые даже не удосужились проверить совпадение ДНК в анализе с ДНК самих Греты и Бриты, а просто с огромным тщанием проверяли процентные соотношения модификаций в анализах, которые для них вынесла из миссии Света. И это было именно то, что спасло их в тот раз.

Итак, первый экзамен переступания через ячейку девушки прошли, но теперь было понятно, что этим дело не ограничится, и хотя вожденная свобода замаячила на горизонте, они прекрасно понимали, что прежде чем они доберутся до такого статуса, когда никто за тобой не наблюдает, слу-

чится еще много мерзкого и отвратительного.

Хождение по мукам

Первая мерзость, впрочем, заставила себя ждать достаточно долго. Грета и Брита уже успели узнать достаточно для того, чтобы не просто убедиться в справедливости своих критических размышлений о несовершенстве и порочности того общества, в котором они живут, но и для того, чтобы в мельчайших деталях изучить сугубо специальные медицинские, информационные и исторические детали процесса создания ячеек, как это именовалось в специальной литературе.

Девушки еще и раньше замечали, что кураторы очень сильно недолюбливают друг друга, если не сказать больше ненавидят и никогда не ходят парами. В составе трех и более индивидов они замечены были, но, как правило, в такие моменты они принимали какие-то не терпящие отлагательства решения по поводу проблем, случившихся с той или иной ячейкой или линией. Причины такой нелюбви друг к другу были интуитивно понятны, но даже свободное от моральных запретов воображение не могло представить себе ту картину, которая нарисовалась перед Бритой в один из самых обыкновенных утренних часов.

Накануне они с Гретой, как обычно, хоть и старались теперь не слишком часто появляться пред очи других кураторов вместе, но из-за того, что работа, которую им поручили

все же предполагала участие двоих, вдвоем ставили эксперимент, связанный с поиском лекарства от вируса, который в последнее время чаще других оказывался причиной летального исхода заболеваний мужчин и выкашивал их популяцию раньше, чем успевали отобрать материал на семя. Они получили промежуточный результат и теперь должны были из лабораторных условий перенести апробирование лекарства на специально подготовленных уже белых мышей, с тем, чтобы отследить некоторые побочные действия, и, поправив их, закончить вакцину.

Надо сказать, что кураторы, которые бы сами занимались настолько серьезными исследованиями, попадались крайне редко, мы уже упоминали о невысоком интеллектуальном уровне основной массы этого класса надзирателей. Однако это отнюдь не помешало этим тупым бездушным тварям выдумать для новой кураторской пары изощреннейшее испытание.

Брита проснулась от того, что в наушнике, над которыми Брита когда-то поколдовала, а они продолжали ими пользоваться, послышался жесткий натужный кашель. Несмотря на то, что они позиционировали свое исследование как совместное, жили они теперь самостоятельно, каждая в отдельном боксе, однако все еще недалеко друг от друга, в одном крыле. Брита вскочила и хотела сразу побежать к Грете, кашель которой не утихал, она просто захлебывалась им, но вовремя сообразила, что она не должна была знать о том,

что Грета кашляет, она не может это слышать. Быстро одевшись и изобразив рабочую озабоченность, она со словами: – Я теперь знаю, что нужно внести в вакцину, – направилась к боксу Греты.

Бокс, однако был пуст, на полу валялась чашка, из нее пролилась какая-то жидкость. Брита удивилась, Грета никогда не пила из своей чашки ничего кроме кофе. Заподозрив неладное, ничего не трогая, будто в замешательстве переминаясь с ноги на ногу на входе, Брита достаточно громко, но ни к кому как будто не обращаясь, сказала: – Ну и где же Грета?

В наушнике вперемешку с кашлем еле разобрала: – Вирус... вакцина... чашка... И снова жесточайший кашель. Брита никогда не слышала, да и не видела, как болеют ячейки. Если вдруг такое случалось, ячейку изолировали и через время либо на их месте появлялась новая ячейка, либо возвращались на свое место прежние жители. Никому ничего не объясняли, да и по большому счету никого не заботило, что случилось с другими.

Другая бы, наверняка, растерялась бы на ее месте, но Грета и Брита давно ждали чего-то подобному. Хотя, конечно, невозможно было предугадать, как именно будут ломать новоиспеченных кураторов.

Брита, с трудом сдерживая злость, волнение и слезы, привычным движением извлекла из одного из карманов комбинезона стерильный пакет, аккуратно, стараясь, чтобы капель-

ки жидкости еще остававшиеся на стенках чашки так и остались в ней, закрыла чашку в пакете, и стремительным шагом пошла по направлению анализ-бокса. На полдороги с ней хотела завести неспешную беседу одна из старших кураторов, но Брита так на нее посмотрела, что та отшатнулась и промолчала.

Кураторы верно рассудили, что Брита как более нерешительное и добродушно-спокойное звено их ячейки будет более управляемой, если не сможет спасти свою ячейку от смерти. А то, что Грета умрет, никто не сомневался – история заражения была выдумана пребанальнейшая – Грета, якобы, в попытке самостоятельно разработать вакцину и отделиться от Бриты, решила испробовать вакцину на себе и тем снискать себе лавры великого ученого. Ячеек, проявлявших индивидуалистские наклонности и допустивших ошибки, приведших к нарушениям тела, несовместимым с жизнью, обычно не спасали, оставляя решение об их жизни или смерти на совести остальных индивидов ячейки.

То, что в древнейшие времена порицалось как гордыня, теперь называлось индивидуализмом и, даже непроизносимое вслух, настолько это понятие не вписывалось в Основы, делало индивида персоной нон грата, за чью жизнь никто больше не поручится.

Грета и Брита в последнее время своими уловками настолько запутали наблюдавших за ними, что сама версия несчастного случая с Гретой, так красиво укладываемаяся

в придуманную ими же самими версию совместной работы, оказалась абсолютно бессмысленной для Бриты. Девушки, создавая иллюзию постоянной совместной работы благодаря онлайн связи из хитроумных наушников, использовали каждую возможность, чтобы получать информацию из любых доступных им источников. В результате чего частенько оказывались в разных местах, не переставая симулировать совместные исследования, и за последнее время смогли многого добиться в научном поиске. Они впитывали нецензурированную информацию как высохшая земля пустыни впитывает долгожданную влагу, при этом не забывая об анализе способов цензурирования, которые сами по себе были отдельной наукой и весьма познавательным материалом для обдумывания.

Кроме того, сумев убедить кураторов в том, что ячейка неразлучна, девушки могли теперь больше времени уделять именно тому, что было интересно каждой из них конкретно. Теперь они могли узнавать вдвое больше, каждая отдельно и все равно обе вместе, благодаря хитроумным изобретениям Бриты. Уже давно для каждой из них складывался свой круг проблем, решение которых удавалось одной лучше, чем другой, и в конечном итоге, так выходило, что Брита стала специализироваться в трех основных областях – инфоэлектроника, анатомия, медицина и... микробиология, тогда как Грета, имея достаточно глубокое, но глобально общее представление об этих отраслях знания, была просто магом и вол-

шебником по части психологии, анализа и статистики, истории и философии.

Брита заперлась в анализ-боксе, заблокировав вход одной из своих электронных штук, что было весьма рискованно, но сейчас важнее было то, что никто не сможет помешать ей сосредоточиться на решении загадки природы вируса, от которого сейчас умирала Грета. Они все еще находились на связи, поддерживая друг друга... Грета даже сквозь помраченное сознание понимала, что Брите нельзя отвлекаться на то, чтобы еще и удерживать ее на поверхности то и дело пропадающей реальности. Сейчас она боролась не только за свою жизнь, но и за жизнь своей... подруги, нет, сестры.

Теперь их близость стала даже более тесной, чем тогда, когда это было обусловлено лишь совместным нарушением запретов. Их многоумные кураторы сами подтолкнули девушек к такому пониманию единения душ, о котором Грета лишь читала в старинных книгах докомпьютерной эры и которые вместе с Бритой они пытались осмыслить. Осмыслить... именно радость чувствования, полностью проникшего в существо Греты, не удовлетворенность интеллектуальным познанием, но внутреннее знание чего-то более глубокого, непонятного и одновременно абсолютно естественного, настолько неотделимого от нее самой, что даже скрупулезный анализ и изошренная логика отступали за ненужностью, именно это новое удерживало ее сейчас на зыбкой гла-

ди горячечного сознания.

Брита, наверняка, чувствовала что-то похожее, но именно в этот момент счастливого прозрения ей нельзя было отпустить ни мысли, ни эмоции – всё было направлено на решение неразрешимого: Брита должна была убить одно живое существо и не навредить при этом другому. То, что вирусы – это особая форма живых существ, со своей особой реальностью, со специфическим способом познания мира, своеобразным сознанием, Брита убедилась некоторое время назад.

Последнее время все ее мысли были заняты попыткой понять то, что в самых современных исследованиях так и оставалось необъясненным: почему модифицированные самим человеком вирусы, приспособленные к выполнению необходимых человеку функций в его организме или других живых организмах, вдруг начинали вести себя абсолютно непредсказуемо, но удивительно логично и... разумно. Именно разумно – Брита помнила, как впервые поняла это, – неопишное чувство восхищения и ужаса, восхищения мудростью природы и ужаса понимания того, что человечество, так долго искавшее другую разумную жизнь в закоулках вселенной, не разглядело этот разум буквально у себя под носом!

И вот теперь, сроднившись с мыслью о том, что в лице вирусов (если, конечно, можно так выразиться) она имеет дело с другой живой разумностью, научившись почти уважать эту форму разумной жизни, когда лишь забрезжили первые

признаки своеобразного взаимопонимания между нею и вирусами, именно теперь ей нужно было пойти на убийство того живого существа, которое почти доверилось ей.

К счастью, Грета еще не была посвящена в удивительное открытие Бриты и терзания нелегкого, хотя и вполне однозначного выбора последней не утяжеляли ее и без того отвратительное состояние души и тела. Грета попросила Бриту «работать вслух», комментируя все свои действия так, будто они были вдвоем. Конечно, это было рискованно, кураторы, с недоумением и злорадством наблюдавшие за Бритой, могли догадаться, что такой способ уж слишком естественен и привычен ячейке, но можно было понадеяться на то, что степень удивления будет достаточно высокой, чтобы отодвинуть логический анализ деталей поведения индивидов Греты и Бриты на задний план кураторского сознания.

Привычка рассуждать вслух достаточно быстро помогла Брите сосредоточиться и в какой-то степени умиротвориться. Она окунулась в привычный для нее мир микроскопов, пробирок, растворов и компьютерных программ. Грете очень сложно было следить за ходом мысли Бриты, но она упрямо вслушивалась в знакомые, но непонятные слова – это позволяло ей не потерять сознание. То, что она находилась в сознании, было важно не только и не столько для нее самой, сколько для Бриты, для ее спокойной работы.

.....

Глава 5

Агата с раздражением откинулась в кресле и приглушила звук спайера. Вот уже несколько часов ей приходится слушать немыслимый терминологический поток, который спай-система фиксирует в анализ-блоке. Хорошо еще, что там нет камеры, – подумалось Агате. Агата была куратором уже так давно, что та часть ее жизни, когда существующая система жизни в их ДНК-полисах казалась ей совершенной и протекающей гармоничной как будто сама по себе, поблекла и почти стерлась из ее памяти. Агата могла бы с полным на то основанием заявить, что она никогда не вспоминает свою ячейку, вернее четырех ячеек... да, Агате не так повезло, как этой Брите... Для того, чтобы стать куратором, Агате пришлось пережить четырех своих ... кого... кем они были для нее? Не больше, чем кто-либо другой в этой системе жизни, не меньше, чем то было предписано Основами – ее ячейки были для нее ... Были. А она есть. На секунду в памяти Агаты забрезжило смутное, размытое годами упорного замалчивания самой с собой, воспоминание. Нет, даже не воспоминание, ей показалось, что кто-то просто показывает ей старые, испорченные голографии...

Среди индивидов своей пятерки Агата ничем особым не выделялась – ее успехи в изучении наук, способности к анализу всегда были среднестатистическими – достаточными

для того, чтобы переходить со ступени на ступень, но не выдающимися для того, чтобы заслужить удовлетворенный взгляд их куратора, которым последняя награждала двух других в их пентате. Агата ненавидела их, ненавидела их и куратора, но если ей и не доставало ума, то ей вполне хватало хитрости и терпения.

Хитрость и терпение – да, эти качества, в конечном итоге, оказались более конкурентно способными в этом мире, нежели гениальный ум и беспрецедентная ОснОвная добродетель – качеств, которыми обладали Ада и Марата. Их прямой и открытый ум в конечном счете сыграл с ними злую шутку: в какой-то момент одна из них задумалась о несовершенстве мирового устройства, да еще и решила поделиться этим с куратором... дура... Вторая оказалась настолько привязанной к ячейке, что пыталась подговорить остальных к попытке выкрасть напарницу, о чем Агата и предупредила куратора... Впрочем, куратор, уже был в курсе – тогда это не было понятно Агате... Не сразу... О том, что вся жизнь ячеек прослушивается, а частично и просматривается, она узнала только тогда, когда сама стала куратором.

Именно с тех пор Агата была абсолютно уверена в том, что догадаться о спай-системе невозможно – раз уж она не смогла. Все-таки самомнение Агаты было воистину небывалым! Потому, когда недавно одна из новеньких кураторов предположила, что, возможно, некоторым ячейкам известно о том, что даже самые интимные их тайны отнюдь не явля-

ются тайной для кураторов, Агата на Совете кураторов настояла на том, чтобы эту горе-куратора отправить на выполнение миссии продолжения рода.

Агата была одной из старейших в Совете, несколько раз достаивалась приема Матерей, потому даже такое беспрецедентное предложение – никогда раньше кураторов не посылали в миссию продолжения рода наперекор их желаниям, прозвучавшее из ее уст, было принято единогласно и безропотно. Так, как кураторы ненавидели и опасались друг друга, так, как они могли радоваться промахам коллеги и неистовствовать, видя успех другого, так как они умели презирать и бояться, наверное, не умел никто за всю долгую историю человечества.

Эту идиотку... несчастную... Агата даже не помнила ее имени – отправили на вечное выполнение миссии – как Аду и Марату...

– Надо же, но меня никогда не интересовало, живы ли они... – сама с собой хмыкнула Агата, и тут же отмахнулась от подкрадывавшегося любопытства – какая разница! да и не живут они так долго... самки – она с презрением фыркнула и снова попыталась вслушаться в набор малопонятных ей терминов, монотонно-отрывисто несущихся из динамика, но только смогла отметить, что говорящая осипла... Агата не смогла сосредоточиться на прослушке. Анализировать поведение Бриты, по мнению Агаты, было рано, надо дождаться окончания этого *мероприятия*.

Да, действия по ломке кандидатов в кураторы, как и то, что предпринимали сами испытуемые, называли в среде кураторов *мероприятиями*, а любые несоответствия ожидаемому поведению называли *номерами*. Допустимым считалось количество номеров, не превышающее пяти в эмоциональной сфере и трех в логической. Пока у Бриты было только по одному номеру в обеих сферах: тот взгляд, которым она одарила Агату, пытавшуюся преградить ей путь к анализ-боксу, и само решение туда прийти.

Чтобы не уснуть окончательно под абракадабру слов, звучащих все более хрипло и неразборчиво, Агата попыталась составить отчет для совета кураторов, но запнулась на описании взгляда, которым одарила ее Брита – с одной стороны, Агата должна была доказать, почему этот взгляд может быть расценен как номер, ведь обычно номерами считались более яркие проявления эмоционального несоответствия основному поведению – слезы, жалобы, иногда злорадство и безудержная радость, что конкурента больше нет. Несколько раз бракованные индивиды почему-то давали суицид... им и не мешали – самоустраняющийся брак ...

Так поступила и Салавата, когда из их пятерки удалили Марату и Аду, – она сделала это так спокойно, размеренно и тихо, что никто, даже Агата долгое время не могли осознать того, что случилось. Никаких истерик, никаких депрессий и непредсказуемых действий – ничего – Салавата совершила суицид как ритуал: предварительно со всеми попроща-

лась, тщательно подготовила все таким образом, чтобы никого не беспокоить своим поступком. Она сумела повидаться с отправленными на миссию продления рода и, как говорят, была с ними благожелательна и приветлива, она поговорила и самой Агатой, объяснив ей, что если не может жить вся пентата, то никто не должен существовать, как не может существовать рука или нога без всего тела. Она говорила это так просто, и так убежденно, не уговаривая, не настаивая на своем, просто транслируя данное ей знание, что Агата не на шутку испугалась. Но не самой Салаваты, не ее речей, а своего малоконтролируемого желания прямо сейчас, вот в этот самый момент, когда ее пентата в нечеловеческом спокойствии и твердой уверенности призывала ее расстаться с жизнью.

Страх сковывал Агату, но хитрость и терпение заставили ее затаиться и выжидать.

Агата и сейчас помнила этот зловеще отстраненный взгляд, эту фанатичную убежденность в своей неполноте без своей пентаты. В конечном итоге, для Агаты все сложилось удачно, но этот момент своей жизни она прятала особенно глубоко и безуспешно пыталась забыть.

А Салаваты просто однажды не стало. О том, что она самовольно в нарушение основ прекратила свое существование куратор объявила безразлично и презрительно. Никаких дополнительных сведений о том, когда и как произошло это событие, не нашлось даже в новостной ленте.

Пятая из них, Нада, после, как казалось самой Агате, исключительно хитро продуманного разговора об отношении к Салавате и ее поступку, просто и, как до сих пор кажется Агате, с какой-то брезгливостью бросила:

– Ты ведь была рада ее решению, да? Да, хитросплетенная сеть Агаты, пытающейся найти в Наде сочувствие образу мыслей Салаваты, ради чего собственно и был затеян этот разговор, тогда накрыла ее саму с головой – причинение или непредотвращение смерти жестоко каралось Кодексом Новой Жизни – сильные мира сего остальвляли, как всегда, прерогативу таких решений исключительно за собой.

Какое-то время они были дуалией... Потом с ними было проведено *мероприятие*. Точно так же, как теперь Грета, Агата была заражена какой-то бактерией, не вирусом, нет, бактерией – ее можно было вылечить, но проводящих мероприятие интересовало только то, станет ли Нада спасать свою ячейку.

Отношения в дуалии были весьма и весьма прохладными, и отстраненность индивидов друг от друга даже в какой-то мере пугала наблюдавших за кандидатами в кураторы – слишком зловещей была эта отстраненность у одной из них. Нада вела себя с Агатой так, как если бы та была какой-то имеющейся в наличии, но в принципе абсолютно ненужной и бесполезной вещью, которую, тем не менее, нужно содержать в порядке, так как она завещана основами... Агата бесилась, истерила, пытаясь и Наду вывести из себя,

но не могла добиться никакого другого кроме вежливого, почти ласкового, чуть снисходительного и такого безразлично-презрительного отношения к себе.

Когда Агата поняла, что испытывают не ее, еще до того момента, когда она потеряла сознание, она перестала бороться. Примерив на себя настоящее положение Нади, она поняла, что со всех сторон правильным в этой ситуации будет ничегонеделание – Агата попыталась представить, что это Нада умирает в мероприятии, а она, Агата, наконец-то получает вожеленное кураторство, и с этой счастливой дрёмой потеряла сознание.

Когда она вернулась в сознание и поняла, что жива, то первой ее мыслью была не благодарность другому за спасение, а злорадство и жгучая ненависть: Агата торжествовала – теперь она куратор, и отчаянно ненавидела ту, которая была настолько лучше Агаты, глубже и чище, что могла не хотеть той власти, которую давало кураторство... Что ж каждый из них получил то, чего хотел – Агата стала куратором, Нада не стала им – они помогли друг другу и больше были ничего друг другу не должны. Но всю свою последующую жизнь Агата помнила, как она ненавидит сделавшую ей одолжение...

Долгие годы Агата хотела и боялась найти Наду, теперь наделенная властью и доступом к информации самого высокого уровня, Агата могла бы с легкостью и почти сладострастием уничтожить свою бывшую ячейку. Эта возможность

так долго грызла Агату, что в конце концов она не выдержала. По последней информации, которую Агата скрупулезно выуживала в инфопотоке отчетов заседаний различных комиссий и временных советов, Агата поступила в миссию продолжения рода.

Разобраться в бедламе инфокаталогов миссии было непросто, кроме того, примерно в этот же период в одном из цилиндров был зафиксирован сбой инфосистемы, из-за чего небольшой фрагмент информации слежения и контроля был утерян и восстановлению не подлежал. Последнее очень раздражало Агату, потому что это мешало ей насладиться перечнем тех унижительных процедур, которым должны были подвергнуть Наду.

Однако Агата получила достоверные сведения о факте утилизации своей пентаты-дуалии: Нада $G \setminus M + b$ – индекс M означал пожизненное исполнение миссии, знак плюс указывал на то, что она была признана годной для вынашивания мужской особи, но конечный знак b говорил о том, что миссия не была закончена и Нада была утилизирована вместе с плодом.

Эта информация долгое время согревала злорадством мелкую душонку Агаты, если бы однажды ей не примерещилась повзрослевшая, будто постаревшая Нада. В поле обзора камер спайсистемы, установленных на территориях дикой природы, часто попадали бежавшие из ДНК-полисов индивиды, их не ловили: вернуться было невозможно – защит-

ные экраны вокруг полисов были безукоризненной гарантией от любого вторжения на ДНК-территорию – даже дикие растения не могли пробраться через хитроумный забор, но выйти за пределы ДНК-полиса было легко, и это мог сделать каждый, почти беспрепятственно – все равно, за пределами охраняемого и упорядоченного полиса цивилизации индивида могла ждать только смерть. Буйная растительность и дикие, непредсказуемые животные вместо привычных представителей флоры и фауны, модифицированных таким образом, чтобы уравнивать человеческую цивилизационную систему, отсутствие привычного комфорта, абсолютная неспособность сделать что-нибудь без помощи умных машин, – вот те причины, которые позволяли кураторам не беспокоиться о том, что на территориях дикой природы может снова развиваться сообщество индивидов, которое может покуситься на устои Основ. Со временем однако более пристальное наблюдение и внедрение вглубь диких территорий показало, что сбежавшие сбиваются в группы и существуют достаточно устойчивыми образованиями. Однако признать это, означало бы поставить под сомнение благость системы полисов, декларируемую в Основах, и расписаться в собственной беспомощности перед всесильностью природы, которая, несмотря на все ухищрения нового человечества – генные модификации, направленное обучение, религиозное манипулирование и тому подобное – снова и снова возрождала в некоторых индивидах несочетающиеся с точки зрения

новой идеологии базовые человеческие качества – стремление к свободе от общества и потребность компании.

Агате были чужды оба эти стремления. Она всем телом ненавидела и тех, кто был рядом с ней, и тех, кто зависел от нее, и даже тех, кто был наверху, куда она еще не попала. Правда для каждой группы этих самых тех у Агаты был свой оттенок ненависти – первым она завидовала, вторых презирала и третьих боялась. Но особый ужас вызывала в ней невероятная мысль о том, что Нада жива.

Однажды, когда Агата наблюдала за триадой Бриты в одном из испытаний на диких территориях, на секунду ей показалось, что на заднем плане пункта сбора она увидела несанкционированный силуэт. Это было сначала просто лишней информацией – новая ДНК цивилизация так до конца и не смогла справиться с сюрпризами, которые продолжала преподносить человеческая психика, и иногда, особенно на старости лет, индивиды совершали абсолютно непредсказуемые поступки, как например, побег на дикие территории. Потом что-то в моторике и внешнем виде этого силуэта вдруг неожиданно разозлило Агату, и она даже оставила на какой-то момент без наблюдения вверенную ей ячейку – что-то показалось смутно знакомым в том, как степенно, с чувством собственного достоинства передвигалась фигура.

Агата в тот раз справилась с раздражением и вернулась к наблюдению, а силуэт пропал из поля зрения – на диких территориях просматривались только пункты сбора, но что-

то гадкое, леденящее душу после этого случая время от времени накатывало на нее, заставляло цепенеть от удушающего ужаса и безысходности. В такие моменты Агате казалось, что, если бы она смогла своими собственными руками нажать кнопку утилизатора, наблюдая за тем как машина пожирает Наду, ей было бы намного легче теперь жить. Этот случай разрушил ее благополучие и успокоенность: хотя она и понимала, что даже если инфосистема дала недостоверную информацию, то шансы на побег из миссии минимальны, а вероятность выживания на диких территориях еще более прозрачна.

Ненависть заполнила все ее существо, она была через край и захлестнула ту самую ячейку, наблюдая за которой Агата потеряла уверенность в своей полной и окончательной победе, - Агата возненавидела Грету, Бриту, Свету... Самую слабую из них она уже смогла упрятать в миссию продолжения рода, но две другие были непросты... Агату, возможно, даже забавляло то, что те, кого она назначила своими врагами, были достойными ее усилий по их уничтожению, и, имея тысячи возможностей низвергнуть их на пути к кураторству, она не делала этого. С одной стороны, ощущение власти миловать и власти казнить, пьянило ее, с другой стороны, ей хотелось, чтобы победа, которую она обязательно одержит, была ценна для нее – для этого ей нужен был сильный враг, и она возвращала себе этого врага. Надо сказать, что долгие годы кураторства, за которые Агата слишком привыкла быть

истиной в последней инстанции, сыграли с ней злую шутку – ее и так изначально невысокий интеллектуальный потенциал ни мог идти ни в какое сравнение с уровнем умственного развития Бриты и Греты, но Агата не видела этого – ненависть и жажда власти пьянили ее рассудок и затуманивали сознание.

Ей не нравилась Брита – слишком мягкая, слишком благодущная, другое дело Грета – жесткая, даже жестокая, Грета напоминала Агате ее саму, и она еще больше ненавидела ее. Долгое время изучая Грету, рассматривая ее жизнь как под микроскопом, Агата не заметила сама, как придумала себе Грету, и этот вымышленный образ имел мало общего с той настоящей Гретой, которая представляла нешуточную опасность не только для Агаты, но и для всей системы в целом. Возможно, Агате так и не хватило бы ума и проницательности, чтобы понять это, но какое-то животное, звериное чутье однажды выхватило ее разум из дурмана ненависти и лишь на миг, почувствовав опасность, исходившую от Греты, она накрепко запомнила это чувство. Агата не стала искушать судьбу - на обсуждении мероприятия она настояла на том, чтобы именно Грета оказалась жертвой.

Итак, Грета как индивид, Грета как потенциальная опасность, слишком любознательная и успешная, волевая и абсолютно не сентиментальная, должна была быть устранена. Оставляя Бриту в качестве кандидатуры на роль своего врага, Агата, конечно, хитрила сама с собой, – все-таки Брита

как-то послабее... послабее...но как же она устала за свою долгую, внешне безупречную жизнь... ненависть...ненависть... Ненависть сжигала Агату, но именно этот огонь поддерживал ее существование.

Агата выдержало из полудремы, и в первый момент она не поняла, что именно насторожило ее.

В спайфоне было тихо. Агата четким быстрым движением вывела на экран инфомашины графическую запись трансляции – звук прекратился буквально только что, наверняка это и вывело ее из полудремы. Тишина. Агата напряженно вслушивалась, не понимая, чего ей хочется больше – чтобы снова потекли утомительные часы монотонного сиплого бормотания или... Агата прослушала последние несколько секунд – неразборчивый шепот Бриты, пауза и шумный, со стоном выдох – усталость? Облегчение? Агата ждала чего угодно, только не того, что вдруг заговорит динамик, настроенный на спайфон в вирусном блоке Греты.

Послышался звук открываемого шлюза дверного проема...

– Пить, я х..хочу пп...пить... – интересно, к кому она могла обращаться в изоляционном блоке предутилизационного цилиндра, – подумала Агата и тут же поняла, что Брита с вакциной уже внутри блока и битва проиграна.

Агата никогда не интересовалась биологическими исследованиями, она не переносила вида крови, и не была склонна прекращать страдания живых существ, если в результа-

те неверных предпосылок теоретического исследования результаты его внедрения на практике обрекали это существо на боль и неполноценность существования. Если решение об излечении или при его невозможности – утилизации зависело от Агаты, она никогда не голосовала «за».

Наблюдаемая Агатой ячейка тоже питала болезненную слабость к случаям, неподдающимся лечению или коррективке – исследовательский азарт подстегивал интерес их к наблюдению за подобными существами. Это могли быть и модифицированные животные, и люди... Грета без удовольствия, но со стойкостью и хладнокровием, достойными самых высоких похвал, не пропускала ни одного такого случая. Брита слишком эмоционально относилась к подобным наблюдениям и каждый раз после них была непривычно не улыбочлива и вяло апатична. Грета была много циничнее Бриты, но ей также было нелегко продлевать агонию живых существ до тех пор, пока не будет стопроцентной уверенности в том, что совсем нет надежды на лекарственное излечение.

Ячейки ДНК-полисов болели как давно известными испокон веков болезнями, так и новыми, каждый раз непредсказуемыми, чаще всего случавшимися от неверных генных модификаций или несвоевременных прививок. Если речь шла о полноценном индивиде, то, как правило, при показателях нерезультативности медицинского вмешательства и угрозы существования, индивида перемещали к чудо-месту. Подоб-

ных мест со времени открытия первого – в Гефсиманском саду – было открыто не менее ста. Все они были более или менее действенны и оценивались Советом кураторов по семибалльной шкале. Самый высший седьмой балл был только у места на территории святой земли – там можно было исцелить любую болезнь и любое увечье, однако его использовали для этих целей только в исключительных случаях – хранители Нового Кодекса Жизни предпочитали держать этот вариант исключительно для своих целей.

На памяти Греты был только один такой случай – очередная операция по продлению жизни одной из старейших кураторов не дала ожидаемого результата, и ее тут же на вертолете отправили в Гефсиманский сад. Вечером того же дня эта самая куратор уже трепала нервы тем, кто так опрометчиво пытался продлить ее существование вместо того, чтобы просто вызвать этот чертов вертолет! Неужели это было так сложно? Или, может быть, у вас совершенно высохли мозги? И вам было трудно вспомнить об этом?

Эта выжившая из ума долгожительница, даже после семибалльной процедуры до конца не вернувшаяся в здравый ум и твердую память, первым делом устроила грандиозный скандал в Совете кураторов, потом бушевала в инфосети, а буквально через неделю-полторы умерла, на сей раз полностью и окончательно. Этот случай натолкнул тогда Грету на мысль о том, что святое семибалльное место так строго охраняется не потому, что не каждый смертный достоин та-

кого причащения, а просто из-за того, что место не всегда справлялось с исцелением. Или... – пришло в голову Грете несколько позже, – не на всех это место оказывало именно исцеляющее воздействие...

Сейчас Грета находилась в том блоке, из которого никто не выходил сам – или на вертолете, или в утилизатор. Она очень устала, те несколько часов, в течение которых они с Бритой поддерживали друг друга – Брита рассуждениями вслух, Грета имитацией горячечного бреда, которая удавалась ей все лучше и лучше – казались ей уже даже не месяцами, а годами, которые она провела в этом белом обтекаемом боксе без окон, с двумя входами. Точнее сказать это были вход и выход, так как для этого помещения не могло быть иного направления, кроме направления из цилиндра в утилизатор. Когда она услышала дверь открывающегося шлюза, на какой-то миг она сдалась – ей показалось, что все кончено и они с Бритой проиграли. Любой исход, при котором Грету выносили через шлюз выхода был для них с Бритой поражением, которое означало разделение их дуалии и судьба исполнителя миссии продолжения рода для одной из них. Но ячейка вышла через вход. Брита, сама валясь с ног от усталости, еле удерживая Грету, почти висевшую на ней и то и дело отключавшуюся, поволокла в их рабочий бокс сквозь коридор аплодирующих ячеек, принимавших участие в изготовлении вакцины.

Трансляция течения болезни Греты, по обыкновению, пе-

редавалась в модулы для ячеек двух последних ступеней обучения, потому что все ожидали единственного исхода: заражение и человеколюбивое умерщвление (вирусные заражения чудо-место лечили редко). Но все пошло не так. Уже через полтора часа, когда Брита смогла применить для лечения Греты результаты своих первых опытов с посевом, взятым с чашки, кураторам пришлось включить трансляцию опытов Бриты. Несколько ячеек последней ступени обучения вызвались помочь Брите, и кураторы, не успевая обдумывать свои решения, разрешили. Ведь для науки этот случай заражения и исцеления был неоценим, и информация о случившемся очень скоро просочилась в инфомодулы всех линий обучения – кураторы просто не успевали за развитием событий. Инерция системы, привычная последовательность проведения мероприятий, системность и иерархичность их организации сейчас только мешали.

Ситуация оказалась настолько нештатной, что просчитать ее непредсказуемые развороты на несколько шагов вперед, даже для Совета оказалось делом непростым.

Агата уже связалась с советом кураторов. Ей было неприятно делать это именно сейчас, когда она еще не успела толком обдумать того, что случилось, но нужно было представить свою версию случившегося и сразу, не давая опомниться остальным, предложить дальнейшие шаги Совета. Привычное и отработанное годами мероприятие дало абсолютно неожиданный и непредсказуемый результат – вместо слом-

ленного индивида, которого теперь должны были посвятить в тайны Совета кураторов, перед советом теперь предстанут двое, которых система не сломила. Нельзя сказать, что они победили, но нельзя признать и того, что они не проиграли и не были сломлены.

Совет Матерей

– Но ведь лечение может оказаться неверным, и индивид все равно погибнет, – с особым нажимом на слове *все равно*, спокойно и высокомерно вещала одна из высших кураторов совета, так сказать, последнего вливания – после нескольких случаев, наподобие того, о котором вспомнила Грета, лежа в предугилизационной, Совету оказалось жизненно необходимым восполнить потери, и вместо отошедших в мир иной, уже физически не способных к продолжению существования древнейших членов Совета на место высших кураторов взяли троих старейших.

Одна из них, сухая, тощая старушонка, с такой истонченной подтяжками кожей лица, что казалось, можно разглядеть лицевые мышцы, почти шипела: – Мы открыли это для трансляции, вся последняя линия перепроверяла опыты! Это вы открыли трансляцию! Теперь ничего не поправить!!

Еще одна, полная, с болезненными мешками под глазами и прыгающей головой, то и дело срываясь на визг, тыча пальцем в сторону входа, в котором и появилась Агата, частила:

– А я говорила, а я говорила! Я же говорила! Говорила ведь!!!

Агата, злобно морщась, отвернулась от этого китайского болванчика. Да, на последнем заседании Совета именно Ага-

та настояла на том, чтобы из этой дуалии оставить Бриту. Совет был за то, чтобы куратором стала хладнокровная, безэмоциональная, жесткая и жестокая Грета. У Агаты, конечно, были свои собственные причины настаивать на обратном, но, заранее договариваясь с несколькими членами Совета, чтобы они ее поддержали, она объяснила свой выбор тем, что Грету будет очень сложно сломать, что она может повести себя непредсказуемо. В итоге, в общем-то все так и вышло, только непредсказуемо себя повела и Брита. Пока те, кто поддержал Агату, помалкивали, но Агата знала, они просто выжидают. И если будет выгоднее что называется сдать ее, то ни одна из них ни секунды не уступит своей соседке в том, чтобы первой обличить Агату перед Советом.

– Я предупреждала ... - Агата заговорила и постепенно гул смолк, и вся эта подергивающаяся, засыпающая на ходу дряхлеющая масса вперила свои злобные, презрительные, торжествующие взгляды в Агату, - я предупреждала... некоторых членов совета, - с этими словами Агата решительно подняла глаза на тех, с кем говорила о Брите, – кто так или иначе сталкивался с этой ячейкой – Агата придумала это слабое оправдание, которое, как она надеялась, устроит и тех, о ком она сейчас говорит, - что Грета сильна и непредсказуема. Выдержав паузу ровно такой длины, чтобы у слушающих возникло намерение возмущенно загалдеть и, очень точно поймав этот момент, заставив их поперхнуться рождающимся негодованием, Агата громко и уверенно продолжи-

ла: - Да... Именно поэтому Совет, в конечном счете, и вынес это мудрое – Агата подчеркнула слово мудрое, - решение. Начав говорить достаточно быстро и громко, чтобы закрепить внимание на своих словах, Агата постепенно замедляла речь и говорила все тише и тише, так что некоторым приходилось вслушиваться в то, о чем она говорит максимально внимательно, просто для того, чтобы расслышать ее:

- Да, и я предсказывала это... - снова пауза, долгая настолько, чтобы некоторые все-таки решили возразить ей, что, дескать, речь сейчас идет о Брите, о том, что Брита повела себя непредсказуемо. Резко подняв руку навстречу уже было открывшимся ртам самых молодых и быстрее ориентирующихся в том, о чем идет речь представительниц Совета, Грета властным жестом заставила их проглотить рвущиеся наружу обвинения.

- Да, я знаю, что сейчас речь идет о втором индивиде, более слабом, более эмоциональном и мягком. (Переход на уровень кураторства предполагал посвящение в особый язык, использование которого было позволено только в кругу «своих» и категорически не допускалось даже в виде оговорок в общении с ячейками. Индивид как обозначение частей ячейки как раз было одним из ключевых понятий этого языка). Этот индивид повел себя непредсказуемо. Но в чем состоит непредсказуемость действий этого индивида? В том, что слабое, мягкое и эмоциональное существо решило избавиться себя от мук совести и чувства вины? Именно в си-

ду мягкости и эмоциональности своего характера?? – Агата нашла верный довод, который, как она уже видела, устроит всех, - лица некоторых членов Совета сменили выражение презрительного ожидания на мину озабоченной задумчивости, - И теперь я хочу спросить у вас... Может ли кто-нибудь из присутствующих здесь представить себе то, что могло бы случиться, если бы на месте этого слабого по своей сути индивида оказалась вторая ячейка?? Жестокая, импульсивная, резкая и безжалостная!? – Агата говорила размеренно, четко проговаривая каждое слово. Аудитория слушала ее затаив дыхание, и ее вопросительно-восклицательный возглас высокой звонкой нотой повис в гробовой тишине, - Кто-нибудь может себе это представить? – Агата чувствовала, что речь ей удалась, они практически физически ощущала, как по спинам слушающих поползли мурашки ужаса прозрения.

Совет загалдел. Несколько кураторов, минуту назад мечтавшие испепелить Агату только силой своей мысли о том, насколько они были легковверны и безрассудны, что поддержали эту идиотку, теперь весьма благосклонно взирали на оратора, и воодушевленная их невмешательством Агата продолжила:

- Вряд ли теперь, после стольких поспешных и неосторожных, необдуманных поступков, - Агата снова заговорила тише, при этом еще тщательнее артикулируя, и ее голос звучал зловеще в мгновенно воцарившейся абсолютной тишине зала, - можно еще надеяться на predeterminedность исхода

этого мероприятия. Агата бросила последнее слово прямо в лицо «китайскому болванчику» и резко перестала говорить - тишина будто оглушила всех находящихся в зале. Все присутствующие, как по команде повернулись в сторону «болванчика» - самой древней из находящихся в зале кураторов, но еще не разделившей судьбу замененных недавно; она внезапно захихикала. Все вздрогнули, так это было не к месту и не вовремя, а Агата взглянула на нее уничтожающим взглядом, но глубоко внутри была почти благодарна этой выживающей из ума старушенции – абсолютно сбитые с толку члены Совета были готовы согласиться на все что угодно, лишь бы их больше не заставляли придумывать больше, чем предлагали давно известные и отработанные до мелочей приемы.

Старушка старчески крякнула и умолкла. Агата решила, что Совет вполне созрел и огорошила:

- Я думаю, Совет согласится с тем, что индивиды Брита и Грета достойны введения в Совет кураторов, - с этими словами Агаты на абсолютно каждой голове с выпученными от удивления и страха глазами шестнадцати действующих членов Совета волосы встали дыбом. Но Агата, ничуть не смутившись, продолжила громко и уверенно: - И, как каждый из нас с вами, перед процедурой вступления в Совет будут помещены в карантин. Все шестнадцать ртов ахнуло одновременно – это было простое, лежащее на поверхности решение, но оно пришло в голову только одной Агате. Для самой Агаты это было просто озарение текущего момента, но

очень многие подумали о том, как красиво и дальновидно была разыграна Агатой эта партия и как неосторожно с их стороны было сомневаться в ней и играть против нее.

Здесь нужно немного остановиться на процедуре вступления кураторов в Совет и особо – на карантине, который ему предшествовал. В Совет всегда выбирали уже состоявшихся кураторов, достаточно старых для того, чтобы они не хотели ничего менять в существующем обществе, но и немало потрепавших нервы в свое время своим кураторам для того, чтобы знать, с какой именно стороны можно ждать проявлений недовольства или, хуже того, реформистских идей у подрастающего поколения. Карантин – так, словно в насмешку, называли это мероприятие в совете – представлял собой некий испытательный срок для новых кандидатов. Кандидатам устраивали пышные торжества посвящения в Совете, в результате чего они становились обладателями, во-первых, почти абсолютной власти не только над теми подразделениями ячеек, которые были в их подчинении раньше, но любых ячеек в любой точке мира. А во-вторых, им предоставлялась теперь абсолютная свобода действия, перемещения и получения информации.

Все эти привилегии действительно были особым знаком, осеняющим членов Совета, но ирония мнимой свободы таилась в том, что новоиспеченный полубог уже мог все, но еще не знал ничего. Новеньких таким образом проверяли на крепость их убеждений, не посвящая ни в какие процедуры

и мероприятия совета. Тех, кто не выдерживал такого тяжелого бремени – по разным причинам – кто-то пытался применить власть для сведения личных счетов, кто-то пускался во все тяжкие, забывая основные заповеди, кто-то не выдерживал несоответствия новой информации всему тому, во что верилось все эти годы – причины могли быть разными; тех по традиции отправляли на материал. Выполнение миссии продолжения рода такими индивидами было непродуктивным, а ученым всегда не хватало живого естественного материала для экспериментального подтверждения все новых и новых разработок...

Таким образом, предложив Грету и Бриту в Совет, Агата обрекала их на карантин, которого они, в чем она была уверена, выдержать не могли. Они были слишком, непозволительно молоды! Да, эта дуалия была очень умной ячейкой, но они еще так неопытны, так безрассудно справедливы и катастрофически дезинформированы! Расчет был точным, почувствовав вкус свободы, они обязательно сорвутся и тогда обеих неугодных, непредсказуемых и, безусловно, социально опасных Грету и Бриту пустят на материал.

Все в Совете одобрили это решение, полностью сознавая, что именно стоит за представлением кандидатур в Совет. Кое-кто перекинулся злорадными замечаниями о лютой ненависти Агаты к ее подопечным, некоторые отметили про себя, что, возможно, Агата их боится, третьи задумались о том, как можно использовать такие обстоятельства, и только

одна тихонечко хихикающая старушка в минуты, когда рас-судок становился кристально ясным, четко и отчетливо по-нимала, что уже ничего не может быть как прежде.

В эти минуты в ее старческих, будто припорошенных ве-ковой пылью, глазах загорались огоньки злорадства и нена-висти. Она ненавидела каждого из Совета, кто был в нем или будет потом, она ненавидела эту систему, которая подняла ее к самым вершинам власти, но обрекла ее на абсолютно под-лое и лживое существование, она ненавидела себя, за то, что сломалась сама и ломала других. Но она торжествовала, по-тому что видела в необычном поступке Бриты ту маленькую трещинку в бетонной стене, небольшой пузырек воздуха в закаленном стекле, из-за которых монолит в любой момент может рассыпаться на тысячу кусочков.

Заседание Совета, на котором состоится принятие новых членов, решено было провести через две недели, когда Гре-та окончательно поправится, дабы избежать осложнений или повторного заражения. Кроме того, так как Брита была в контакте со своей ячейкой вплоть до ее заражения, офици-ально было предписано наблюдение и за ней. Ячейку поме-стили в отдельном, достаточно просторном блоке, сплошь стеклянном настолько, что просматривались даже самые ин-тимные помещения нового жилища. Само жилище находи-лось не в жилом цилиндре и даже не в медицинском, блок, как потом словно невзначай проскользнуло в медицинских отчетах сообщениях, находился на территории центра вос-

произведения, в том же цилиндре, где находилась их третья ячейка Света. Когда совет принимал решение о том, где поместить мятежных кандидатов, никто из них, кроме, разумеется, Агаты, даже не вспомнил об этом факте, а если и вспомнил, то счел его незначительным, более важным считая то, что сама атмосфера этого места должна произвести на грядячку Грету и эмоционально восприимчивую Бриту гнетущее впечатление. Но все снова случилось не так.

Глава 6

Грете и Брите объявили, что они помещены в медицинский карантин, по истечении которого они приглашаются на заседание Совета. Таким лаконичным и безэмоциональным сообщением ограничились кураторы, справедливо полагая, что недостаток информации заставит индивидов обсудить услышанное, но девушкам, смертельно уставшим не только за последние часы борьбы с вирусом, но и за все время постоянной оглядки на потенциального наблюдателя, сейчас было абсолютно безразлично, что еще там придумали их кукловоды.

Брита с болью во взгляде смотрела на черное от болезни, постаревшее лицо Греты, воспаленные глаза, запавшие щеки, обезвоженную сморщенную кожу рук, и ничего не могла сказать – она боялась заплакать. Просто расплакаться, как маленькая девочка, от усталости и бессилья, а еще больше от того, что даже после такого нечеловеческого усилия ни ей, ни Грете нет никакой возможности расслабиться, забыть об осторожности, и хотя бы полчаса побыть самими собой. Этот просторный и светлый стеклянный шкаф, в который их поместили, абсолютно не располагал к этому.

- Живая я, живая, - пытаюсь изобразить недовольство и грубость в голосе, проговорила Грета, догадавшись о ходе мыслей Бриты. – Ты не сплеховала, - нарочито издеватель-

ски, но все же из последних сил прохрипела Грета и отвернулась к стене.

Брита от последних слов даже на какое-то мгновение оторопела, но Грета была настолько слаба, что, почти завершив поворот к стене, все же не смогла сдержать стона – ей тяжело дался этот демарш, и Брита все поняла. А она раскисла! А ведь всего-то интенсивно поработала в любимой лаборатории! Брита стряхнула с себя расслабленность и постаралась собраться с мыслями. Она тоже должна сказать что-то такое, что должно понравиться кураторам, но как это было больно! Больше всего на свете ей хотелось бы сейчас расспросить Грету самым подробным образом о том, как та себя чувствует, постараться ее рассмешить, увидеть ее улыбку и улыбнуться ей в ответ, а потом свалиться от усталости с радостью от того, что они снова вместе... Хорошо, что Грета отвернулась к стене, они слишком хорошо знала, что у Бриты не выйдет сыграть злобу и высокомерие, которых сейчас ждали от них наблюдатели.

Брита просто молча легла на свою кровать и тут же провалилась в тяжелый, со сновидениями сон. Всю ночь ей снилось, что совет кураторов поручил ей встретить инопланетную делегацию, но она никак не могла добиться ни от кого ответа на вопрос, кто же эти инопланетяне. А когда, наконец, пришло время принять делегацию, оказалось, что это не инопланетяне, а земные вирусы, Брита была в полной растерянности – они что-то говорили ей, но она ничего не могла

понять. Она металась во сне, скрежетала зубами, так мучительно было ее непонимание, и часа в три ночи проснулась от ужаса – ей приснилось, что вирусы приготовили препарат из Греты и теперь, изучая его под микроскопом, обращались к Брите за консультацией и объяснениями.

Проснувшись, Брита какое-то время лежала, запрокинув голову мимо подушки и тяжело дышала, переводя дух от ночного кошмара и с трудом осознавая реальность, потом встала к питьевому автомату. Напившись, она прислушалась к тому, как спит Грета – та спала на удивление тихо, но дыхание было рваным и очень слабым. Брита посмотрела на часы, на спящую на том же самом боку, лицом к стене Грету, и все-таки решилась. Осторожно, даже нежно она помогла Грете перевернуться на спину, бережно поправила ее подушку и молча вернулась в свою постель. Грета глубоко и с облегчением вздохнула и через минуту ее неслышное дыхание выровнялось – Грета выздоравливала.

Брита еще раз вспомнила свой ночной кошмар, теперь после того как она смогла хоть как-то позаботиться о Грете, он уже не казался ей таким ужасным, скорее даже забавным, она закрыла глаза и еле-еле улыбнулась, лишь обозначив движение в уголках глаз и уснула, спокойно и без сновидений.

На следующий день обе девушки проснулись только ближе к вечеру. Когда Брита открыла глаза и взглянула на часы, то вначале подумала, что еще просто не успела уснуть – в их жилом помещении из-за стеклянных стен и днем и

ночью был светлый сумрак, а на часах снова было три часа – но чувствовала она себя уже гораздо лучше, безразличие и апатия отступили, даже хотелось есть... Брита посмотрела на Грету – та лежала, немного развернувшись от стены, мягко перебирая одеяло пальцами, – Брита видела только ее бледные сухие щеки и нервно пульсирующую жилку на шее. Было непонятно, спит Грета или уже проснулась.

Брите не хотелось тревожить ее сон, да и самой ей тоже было приятно еще немного полежать, она действительно очень сильно устала вчера. Брита шумно вздохнула, вспоминая вчерашний день, и Грета пошевелилась. Она медленно, будто осторожно повернула голову, но приподнять ее, чтобы увидеть Бриту с постели, не смогла, потом сделала несколько неловких движений руками и, попробовав изогнуться, неловко подвинула корпус выше на подушку. Брита почти неслышно подошла к Грете и без слов, быстро и умело, одной рукой поддерживая обессиленное тело, другой устроила подушку таким образом, чтоб Грета могла полулежать на постели. Здоровье Греты было уже вне опасности, но как же она была слаба! Несколько часов борьбы с вирусом, постоянное напряжение от того, что нельзя потерять сознание, нельзя подвести Бриту, вымотали Грету до полного изнеможения.

Грета улыбнулась в ответ Брите одними глазами... если попробовать задействовать остальную мимику, то благодарность выйдет весьма вымученной. Несмотря на крайнюю хилость тела, голова Греты работала как никогда ясно и четко:

Брите нужно сейчас же обработать данные о вчерашних опытах, систематизировать и каталогизировать. Надо отослать ее... Сама не уйдет, побоится рецидивов от наших кураторов...

Рецидивов возвращения болезни Грета не боялась – она понимала, что и как было вчера сделано, – но вот поручиться за то, что кураторы смирились с неудачным исходом мероприятия, все-таки не могла. Брита с беспокойством поглядывала на Грету, Грета, в свою очередь, изо всех сил изображала уверенность и самостоятельность...

Зажегся экран модуля Необходимости. На экране появилось спокойное и даже какое-то торжествующее лицо Агаты, и ее сухой потрескивающий голос посыпался в их помещение словно разваливающаяся старая соломенная циновка.

- Совет кураторов и я лично выражаем удовлетворение тем, что тело и разум вашей ячейки содержится в основном порядке. Совет доволен также тем, как ячейка справилась с вредом, ей причиненным. Тут последовала пауза, достаточно долгая для того, чтобы заставить ячейку нервничать о своей дальнейшей судьбе, но одновременно и не настолько затянутая, чтобы торжественность момента все же могла быть прочувствована. Агата была мастером по части театральных пауз.

- Совет постановил принять ячейку в качестве членов Совета кураторов. И не давая Грете и Брите даже удивиться и перевести дыхание, быстро, скомкано закончила и отключи-

лась: Церемония вступления состоится через две недели, до этого времени любые обязанности индивидов считаются отложенными.

Смысл последней хитроумной формулировки вообще прошел пока мимо сознания девушек, настолько они были огорошены новостью о принятии их в Совет. Ни одна из них не знала, как себя в таком случае следует вести – радоваться? Да, конечно, принятие в Совет – это огромная честь, но и огромная же ответственность для любой ячейки... а для них? Что такое решение может означать для них? Что еще придумали эти исковерканные злобой и ненавистью существа? Обе ни на минуту не усомнились в том, что новое решение Совета – это лишь еще одно испытание, еще одна ломка.

Две недели... Можно ли считать эти две недели небольшой передышкой, или это обман, очередная уловка для того, чтобы оставив их в полной изоляции в этом дальнем блоке, рассматривать как под микроскопом каждое движение, каждое слово, каждый вздох... Грета сразу смекнула, что в такой ситуации привычные им способы получения информации из инфосети сейчас не подойдут, придется ограничиться теми новостями и знаниями, которые окажутся наиболее востребованными в сети... Интересно, как повели бы себя обычные ячейки, окажись они в вынужденном отпуске? Развлекательная информация... да, наверняка, любая ячейка, оказавшись в ситуации, когда обучение временно приостановлено, обра-

тила бы свое внимание на развлекательную информацию... Любая... но, может, все-таки, не та, которая через две недели должна вступать в Совет... Какие чувства должно вызвать в обыкновенной ячейке вступление в Совет? Трепет? Благоговение? Гордость? Страх?... Черт, ничего не подходит... Так, попробуем подумать от обратного... Чего ждут от нас кураторы? Что мы окажемся недостойными Совета... Как можно разочаровать совет?? Вот. Оно. Нужно отнестись к предстоящему посвящению с максимальной ответственностью и ... благоговейно, сомневаясь в себе... достойны ли... Грета улыбнулась и почти сразу сладко уснула.

Брита беглым цепким взглядом уловила движение мысли по выражению лица засыпающей Греты – все это время после инфосеанса Грета полулежала с закрытыми глазами, напряжённо хмурясь и то сжимая, то разжимая губы, но вот – удовлетворение и покой, словно разгладили родное лицо и, успокоившись, Брита с достаточно озабоченностью уселась за информационный модус.

Данных о вчерашней операции и опытах, об анализах было столько, что любой другой на ее месте даже не знал бы, с чего начать, за что хвататься. Но только не Брита! Это был ее мир, в нем она была не королевой, в нем она была демиургом – она не царила, она созидала!

Освещение в блоках регулировалось автоматически, а, не имея возможности никуда выходить, девушки не следили за сменой дня и ночи, потому очень часто о наступлении су-

мерек или приходе утра им напоминали только их желудки: Брита всегда была не прочь съесть чего-нибудь сладенького вечером под разговоры со своей ячейкой, а Грета как всегда с утра обязательно должна была выпить черного крепкого кофе из своей любимой чашки.

Когда девушкам автоматизированные уборщики-роботы принесли еду и одежду – почти сразу сообщения Агаты, Грета снова проснулась. Брита, разбирая принесенное, среди прочих одноразовых вещей и предметов, обнаружила и злополучную чашку Греты. Брита на мгновение даже оцепенела, но все вещи были в индивидуальных пакетах, на которых стоял штамп «стерилизовано», и чашка тоже. Однако Брита, подумав про себя, что чему быть, того не миновать, первым делом, освободив чашку от стерильной упаковки, налила себе в нее воды, выпила, и лишь потом под чутким руководством Греты заварила ей кофе. От Греты не укрылся этот демарш Бриты, разыгранный, впрочем, достаточно убедительно, – так получилось, что личные вещи для ячейки положили сверху, то есть их клали последними, а одноразовая посуда оказалась на самом дне коробки, – вот Брита и прикинулась умирающей от жажды до такой степени, что просто если не напиться воды сейчас, то можно сдохнуть. Прodelала она это все шумно, задорно, весело, но все же с некоторым вызовом комментируя свои действия, что не осталось неслышанным чутким ухом Агаты.

Для Агаты начались беспокойные дни и ночи, она не

должна была пропустить ни звука из карантин-блока. Правда, именно этот вызов Агата интерпретировала на свой лад, в меру своего понимания: она решила, что Брита этим жестом хотела показать, что если чашка по-прежнему заражена, то, мол, мне все нипочем, я этот вирус победила!

О таком возможном понимании Брите поведала Грета, когда они в относительном спокойствии и безопасности однажды ударились в воспоминания о напряженнейших днях своего пути к свободе.

Грета снова уснула и теперь спала достаточно долго, спала глубоко, без сновидений, но проснулась отдохнувшей и ужасно голодной. Интенсивность освещения подсказала Грете, что проспала она целый день. Брита сидела спиной к кровати Греты и была погружена в мир графиков, формул, имитаций и моделей. Рядом с ней медленно исчезали остатки пустой использованной тарелки, – умницы-бактерии делали свою работу – Брита поела, не прекращая работать.

– Брита? – Грета негромко позвала ее, приподнимаясь в постели уже более уверенно, чем утром, – Брита, я хочу есть, ты поможешь мне?

Брита повернулась, и Грета узнала этот взгляд – отрешенно-блаженный, означавший только одно: Брита все еще находится в царстве своих научных изысканий.

– Да, конечно, – Брита абсолютно автоматически, время от времени поглядывая на экран своего модуса, поднялась, подошла к пищевому автомату, который в карантинных бло-

ках находился внутри, а не в коридорах, нажала какие-то кнопки. Автомат помигал лампочками и после секундной задержки выдал тарелку с едой. Брита взяла ее в руки и озадаченно уставилась на ее содержимое. Постояв так несколько секунд и даже ковырнув пальцем содержимое, Брита повернулась к своему модусу, облизала палец, и, ставя тарелку на то место, где только что исчезли остатки предыдущей, другой рукой уже что-то передвигала на экране.

Грета чуть не рассмеялась – так было это привычно и как-то...по-домашнему... будто не было никаких тревог, будто не нужно следить за каждым своим движением, держа в напряжении и себя, и свою ячейку, боясь сболтнуть что-то личное, тайное...

Грета, еле сдерживая улыбку, уже собиралась снова позвать Бриту, когда та, очередной раз обмакивая палец в пищевую массу, вдруг резко обернулась к Грете и удивленно-сконфуженно спросила:

– Ты звала меня?

– Да, еще в прошлом году, – ирония, достаточно злая, если не знать Грету так, как знали ее Брита и Света, всегда удавалась Грете лучше всех. Брита давно уже не обижалась на язвительные замечания Греты, хотя частенько дулась оттого, что самой ей не удавалось отреагировать колкостью на колкость. Вот и сейчас, Брита озадаченно надула губки, силясь придумать что-нибудь в ответ... но так ничего и не придумала. Снова проделала ту же процедуру с пищевым автоматом

и подала Грете небольшой удобный поднос с едой и питьем.

- Это диета, – пояснила она Грете, – этого года. Добавление ей самой понравилось, и она довольно направилась к своему модусу; там она озадаченно уставилась на тарелку с едой, немного постояла, размышляя и пытаясь что-то вспомнить – Грета от души веселилась, наблюдая за ней – потом Брита вздохнула, придвинула тарелку поближе и снова углубилась в царство микробов и вирусов, не забывая облизывать палец, то и дело наведывавшийся в тарелку.

Через какое-то время, когда от трапезы осталась только память, но не осталось и следов, Брита начала удовлетворенно бубнить себе что-то под нос, как подсказывал Грете опыт, – это означало, что Брита закончила работу и в последний раз перепроверяет правильность заполнения всех форм, верность адресов систематизированной информации и ждет заполнения знака необходимости, расположенного в углу экрана. Знак необходимости представлял собой анимированную монограмму из двух кириллических букв Н и О: О символизировала основы и была на экране всегда, а Н вначале увеличиваясь, а затем уменьшаясь, появлялась из центра О и туда же пропадала. Этот знак служил не только постоянным напоминанием об Основах и принципе Необходимости, но и использовался кураторами, следившими за обучением и ходом научных исследований своих подопечных в качестве индикатора эффективности их работы.

Степени качества проведенной работы обозначались се-

мью цветами радужного спектра, и те, у кого в продолжение работы с инфомодусом цвет изменялся с красного до зеленого или голубого, могли считать себя весьма преуспевшими в науках. Брита, как и Грета, никогда не довольствовались голубым, как правило, их работа оценивалась окрашиванием значка в глубокий синий цвет, у Светы же, напротив, преобладала красно-желтая гамма. Как потом узнали Грета и Брита, система была проста и почти гениальна: никакие кураторы, конечно же, их не проверяли, и не ломали себе голову, пытаясь разобраться в том, насколько верно и рационально ячейки справляются со своими заданиями. Все это делала простенькая программа, которая просто сравнивала количество информации, использованной для решения той или иной задачи с общим количеством информации в системе – чем полнее было подобие, тем выше был результат.

Но сегодня девушек ждало открытие. Они давно догадались о том, что система оценки качества обучения привязана к цветам радуги, но как бы хорошо ни делали они свою работу, фиолетовым значок окрашивался только тогда, когда они не только верно применяли уже известное знание, но и предлагали что-либо новое, экспериментальное или теоретическое, но, в любом случае, то, чего они не находили в инфо сети. Однако этим вечером ожидаемый фиолетовый вдруг сменился белым – на экране остался только тонкий черный контур букв. Брита так резко прекратила свое удовлетворенное бормотание, что Грета поневоле вытянула шею, чтобы

получше разглядеть, на что так оторопело уставилась Брита. Отсутствие привычного цвета на значке сразу бросилось ей в глаза – обычно цвет знака сохранялся до тех пор, пока ячейка не приступала к выполнению нового задания, и только тогда он постепенно менялся в зависимости от этапа выполнения.

Белый? Что это может означать? Белый... весь спектр... ну, весь... и что... – Грета озадаченно уставилась на обернувшуюся к ней лицом не менее озадаченную Бриту.

- Может, какие-то неполадки... с модусом... – эта мысль, пришедшая Брите в голову, была почти кощунственна – за идеальным рабочим состоянием индивидуальных модусов следило целое подразделение взрослых ячеек. Это была специальность, обладание которой гарантировало ячейке максимально щадящий режим выполнения миссии продолжения рода – хороших специалистов этой области не отправляли на миссию в молодом возрасте.

Обе молчали, ничего путного не приходило в голову. Не терпелось поговорить об этом, да и вообще, просто поговорить, хоть о чем-нибудь! Вечерело, и Брите все сложнее было молчание.

– Тебе не случалось получать белый индекс? – заинтересованно, но подчеркнуто сухо спросила Брита.

– Что значит белый? – поддержала беседу Грета, одновременно пожимая плечами, показывая Брите, что и она в недоумении.

– Ну, что значит белый – белый... Белый и значит белый! – девушки продолжали мусолить совершенно провальную тему, надеясь, что сработает их старый проверенный способ получения информации – задавать каверзные вопросы вечером, чтобы на завтра получить если не ответ, то хотя бы направление, в котором им следовало бы думать, по мнению кураторов.

– Давай посмотрю? – Грета встала с постели и осторожно направилась к инфомодусу Бриты.

– Если ты не знаешь, что такое белый индекс, потому что никогда его не получала, почему ты думаешь, что, увидев его, сможешь помочь мне с объяснениями? – Брита проговаривала эту тираду словно актер на сцене, когда интонация совершенно не соотносится с содержанием, внимательно следя за тем, как движется выздоравливающая.

Грета уже стояла рядом и напряженно вглядывалась в выводы изысканий Бриты, остававшиеся на экране. Значок ее не интересовал, точнее интересовал, но не сам по себе, а как оценка результатов работы:

– Не знаю, белый... нет, никогда не видела, – Грета продолжала вчитываться в графики и формулы.

Вдруг экран мигнул, и после этого появилась надпись «результаты обработаны» и значок стал привычно фиолетового цвета. – Ну, вот же, фиолетовый! Ты издеваешься надо мной? – Грета с усилием добралась до постели, легла и закрыла глаза. Нужно было вспомнить и осознать все, что бы-

ло на экране.

Брита только фыркнула, но не стала ничего говорить, чтобы не помешать Грете обдумать то, что та успела увидеть. Делать было нечего, она на славу потрудилась сегодня, за анализ неявного у них отвечает Грета, так что Брита улеглась поудобней на своей кровати и уставилась в потолок. В отличие от Греты, которой лучше думалось с закрытыми глазами, а то и вовсе в полудреме, Брита могла размышлять только ясным взором глядя на что-нибудь привычное, потому что как только глаза ее закрывались, она тут же засыпала.

Вот и сейчас Брита не спешила смежить веки, не зная, понадобится ли еще она Грете. Глядя на потолок карантин-блока, в котором им придется провести две недели, Брита невольно сравнивала его с более привычным для размышлений потолком их жилого бокса. С воспоминаний о потолке незаметно перешла к воспоминаниям об их житье-бытье, когда они еще были триадой... Как там Светка...совсем забыли про нее с этими...интересно, а туда дали информацию о моей вакцине... если есть в открытом доступе, Светка найдет... Почему она держалась на желтом индексе, ведь могла же... Миссия... Странно, наверное, но ни разговоры, ни мысли о миссии продолжения рода у Бриты никогда не вызывали отрицательных чувств, и уж точно не было брезгливости, так свойственной в этом вопросе абсолютному большинству ячеек. Да, конечно, и Грету, и Бриту возмущало то, что для выполнения миссии могли забрать вполне успешную

ячейку, и, видимо, делалось это за какие-то нарушения, не всегда явные для взгляда со стороны. Но Брита как блестящий микробиолог и очень неплохой инфогенетик знала, что особи с низкими индексами крайне редко дают умное потомство, а чем старше особь, тем больше вероятность неудачного выполнения миссии... У Светки получится хорошее потомство, – мелькнула мысль в голове Бриты и откуда-то из глубины души слабо шевельнулось странное щемящее чувство, чем-то похожее на то, которое она испытала, увидев зараженную Грету на полу ее бокса. Брита хотела поразмышлять над природой этого чувства, но сама не заметила, как уснула.

На следующее утро девушек разбудили одновременно включившиеся инфомодусы. С двух экранов на них смотрело неопрятное и злое лицо Агаты:

- Для продолжения карантина будете переселены в отдельные блоки. Навещать друг друга раз в день. До последующих распоряжений.

Модус отключился. Откуда-то из глубины коридора слышался легкий шум автоматических уборщиков... Агата – вестник робота, – неизвестно кому из них первой пришло в голову это замечание, но улыбнулись этой мысли обе.

Закончив с переселением, Грета снова легла в постель, она так устала, словно не роботы передвигали и переносили все, а она сама совершала все эти физические движения. Поче-

му бы и нет, – мелькнуло у нее в голове. За всю свою неко-роткую жизнь Грета ни разу не задумалась о том, что очень многое из того, что делают за них автоматы, они легко могли бы делать и самостоятельно, причем это совершенно не обременило бы их, а, может, порадовало бы разнообразием. Нет, нельзя сказать, что ей надоедало постоянно что-то узна-вать, анализировать, учить, читать, слушать... нет.

Она обожала учиться, ей даже не требовалось никаких практических подтверждений своей компетентности в отли-чие от Бриты, которая обязательно должна была иметь об-разцы материально выраженного приложения своих умений. Грете не хватало самодостаточности, ей обязательно нужен был еще кто-то, заинтересованный именно в ней, – навер-ное, впервые этот червячок неполноценности появился то-гда, когда она стала по утрам заваривать себе эту ужасную горькую бурду, а потом, вначале еще сама злясь на свою при-чуду, чистить чашку... Что это? Попытка доказать себе, что тройственность их ячейки - это как раз то, что составляет полноту существования каждой из них? Попытка выделиться? обратить на себя внимание... Она вспоминала как ей иногда нестерпимо хотелось, чтобы кто-то из ее ячеек (луч-ше конечно Брита) вдруг тоже бы начали пить кофе так, как это делает она, чтоб разделили с ней эту блажь... Зачем? за-чем... Грете вдруг вспомнилась старуха, которая подарила ей чашку и те слова, которые она однажды сказала ей: «Пей ко-фе, пей, к горечи, глядишь, и попривыкнешь»... Тогда Гре-

та не вполне осознала глубокий смысл этих слов – и хоть она действительно не всегда была в восторге от хининового вкуса кофе, ее настойчивость в заваривании очень крепкого напитка поддерживалась не только тем, что этим можно было бравировать. Со временем она действительно привыкла, но не к горечи, а к вкусу – она распознала вкус кофе... а к горечи... разве можно привыкнуть к горечи? Грета остро почувствовала желание... увидеть старуху... Странное, неизвестное ей ощущение неполноты своего существования, какая-то непонятная тоска и щемящее чувство... утраты?! одиночества? Грета была не так эмоционально развита как Брита, и любые проявления чувств всегда подвергала рационализации, но сейчас рефлексия не помогала...

Брита появилась неслышно, она подошла к пищевому автомату – после переселения автомат находился не в самом боксе, а снаружи, в огромной рекреации, по периметру которой виднелись неосвещенные пустоты нежилых боксов. Боксы Бриты и Греты были через стенку, поэтому для того, чтобы увидеть друг друга, им пришлось бы каждый раз покидать свои помещения, а это именно то, чего делать не следовало. Потому, по молчаливой договоренности они решили подходить к пищевому автомату по очереди, но не чаще четырех раз в день, чтобы не только обменяться взглядами, но и, возможно, оставить на автомате какой-нибудь зашифрованный знак. Девушкам действительно было достаточно простого взгляда для того, чтобы оценить состояние здоровья и на-

строение друг друга, но поиграть в шпионов и оставить загадку, с удовлетворением разгадать ее – было их любимым развлечением.

Брита краем глаза увидела, что Грета еще в постели, но ее обычный жест накручивания волос на палец, успокоил Бриту. Она взяла небольшой поднос с двумя тарелками и стаканом чего-то очень темного – Грета смотрела внимательно, потому что это могло быть частью загадки, - по-старушечьи охнула, потерев спину и громко зевнула на все 32 зуба.

Грета задумалась... Она буквально только что думала о старушке с кофе... Неужели это привиделось Брите во сне? Хм... горечь существования навеивает одинаковые воспоминания...

Грета тоже встала, насыпала в чашку кофе, отметив, что пакет с кофе был теперь намного полнее, чем тот, что остался у нее до болезни, и что такого количества кофе как раз должно хватить недели на две. Предусмотрительно... Подойдя к автомату, Грета тоже быстрым цепким взглядом окинула бокс Бриты – инфомодус стоял таким образом, чтобы Брита сидела в вполоборота к выходу – экран модуса был немного развернут ко входу... Ага, обратите внимание, - подумала Грета, подождала, пока автомат наполнит чашку кипятком и разворачиваясь для обратного движения, максимально внимательно вгляделась в экран. На экране располагалось несколько картинок старинных оптических приборов – Грета узнала стробоскоп, анертоскоп, таумаскоп и фенакистис-

коп (ее увлечение древнейшими языками не прошло даром – подобные названия она запоминала только благодаря тому, что части этих слов в переводе на древнейший греческий означали вполне конкретные вещи). На долю секунды экран стал абсолютно пустым, а потом на нем появилась заставка. Обычная заставка... Из тех, что есть в стандартном наборе любого инфомодуса...

Грета не пользовалась заставками в виде картинок, ей не нравилось, что кто-то за нее решил, какую именно картину окружающего мира ей будет приятно видеть на экране своего модуса, когда на нем не будет бежать информационный поток, и она оставляла экран темным. Брита, напротив, часто меняла картинки, сообразуясь с тем, какая из них более подходила сейчас ко времени года или просто погоде. Сейчас на заставке Бриты через весь экран висело коромысло радуги в высоком синем небе, а чуть пониже... Радуга! – осенило Грету и вся шарада мигом решилась: Бриту волнует случай с белым индексом и она тоже связала белый цвет, как полное отсутствие цвета вообще, с радужным спектром, на который его можно разложить... Таумаскоп.. да уж.. чудеса, ничего не скажешь...

Грета сидела перед своим инфомодусом и, прихлебывая горячий кофе, машинально следила глазами за бегущим на экране текстом ежедневного информационного блока. Это было расписание работы, отдыха, миссий; сведения об успехах, открытия, происшествиях и, как обычно в конце листа,

так называемая актуальная Основа – одна из оснОвных заповедей, которая по неизвестно чьему хотению, а, скорее всего, по прихоти случая считалась особенно важной для дня сегодняшнего.

Актуальная основа, в каком-то смысле, обуславливала направление мыслей всех ячеек в тот день, на который выпадала. Сегодня это было: *«Как нет различий между телами человеческими, так нет и различий между тем, что каждая часть тела человеческого принуждена делать»*.

Грета по привычке задумалась о том, как можно применить высказывание к текущему моменту, и... мысленно поблагодарила тот счастливый случай, по воле которого она смогла прочесть именно эту заповедь сегодня! Вот именно! Двоякая сущность оснОвных выражений, которые были одновременно и истинными и ложными, смотря с какой точки зрения рассматривать их, уже давно не удивляла Грету, поэтому по привычке, развитой ею в себе с раннего детства, проецировать актуальную основу на то, о чем сейчас думаешь, Грета переосмыслила тела человеческие как неразложимый спектр, спрятанный в белом, а каждую часть тела как отдельный цвет.

Глупость высказывания, вылезаящая при первом же опыте общения одного тела человеческого с другим, которые, будучи одинаковыми, тем не менее не бывали одинаково искусны в одних и тех же занятиях, сейчас навела Грету на очень простую мысль. Если индекс, помеченный цветом спектра,

означает определенную совокупность того или иного количества знаний конкретного индивида, тогда белый цвет указывает на то, что индивид не просто смог усвоить все эти знания, но и синтезировать их в более высокое, новое знание, которое нельзя почерпнуть в инфосети! Логично!... но невозможно! Ведь человек не в состоянии отделить логически выводимое из существующей информации и абсолютно новое, не встречающееся в этом информационном наборе... Человек не может... вот оно... ключевое слово – человек... Конечно! Как она могла подумать, что за тем, как проходит обучение каждого индивида неусыпно следит куратор?! Кураторов немного, да и заняты они... подслушиванием и подглядыванием... Скорее всего, примитивный искусственный интеллект.

Когда-то в почти былинные времена, как узнавали еще на первой ступени обучения ячейки, человечество вплотную подошло к созданию суперкомпьютера невиданной вычислительной мощности. Тогда еще велись бесконечные и, по большей части, бессмысленные споры об этическом аспекте существования искусственного интеллекта, который в своих элементарных проявлениях давно использовался для обработки больших и малых объемов информации. Компьютер все-таки создали, и искусственный интеллект начал свое победное шествие по информационным системам мира, захвата человеческого разума не случилось – умный софт занял свою нишу в деле обеспечения рождения, корректиров-

ки, воспитания, обучения и конечной утилизации человека, а понятие этика вообще стерлось из памяти новых поколений.

Грета задумалась о том, какую шараду составить для Брита, чтобы поведать ей о своем озарении...

Пришло время обедать. Брита вышла к автомату первой. Грета, поджидавшая ее, тут же выскочила следом:

– Что берешь? Не надоело? Не знаю... уже все надоело... Как думаешь, если ему задать сразу все опции, что будет? Получится у него чем-нибудь нас удивить? – Грета со скучающим видом смотрела на то, как Брита вводит заказ. Брита ловила каждое слово, но тоже изо всех сил изображала крайнее безразличие – в холле были установлены модусы наблюдения.

– Ты ставишь на его креативность? – Брита усмехнулась, пристально всматриваясь в Грету.

Грета усмехнулась в ответ: – Вот то-то же, ничего нового, он же автомат... просто сложит всего понемногу...

Брита задумалась, кажется, она уловила мысль, но еще не до конца понимала иносказания Греты: – Ну и что это будет? Полнота еды в самой себе?

– Нет, это будет качественно новое, доселе никем не пробованное блюдо! – Грета добавила патетики и вышло смешно, но Брита еще не поняла, как это связано с разрешением интересующего их вопроса, потому Грете пришлось импровизировать дальше:

- Помнишь, на старых машинах можно было ввести состав блюда, и машины иногда не находили для них названий, - Грета хихикнула, - просто выдавала пустое окно, - последние слова Грета сопровождала жестом, определяющим границы чего-то пустого, но значительно большего, чем окно обработки запроса в пищевой машине. Экран! - осенило Бриту, пустой экран! Умница Грета, молодчина просто! Индекс был не белым, он был пустым!... просто не имел цвета, потому что не нашел в сети соответствия всей информации, которую она ввела в своем отчете... Новое знание... да, конечно... Брита победоносно тряхнула головой, хмыкнула и уже разворачиваясь и унося с собой поднос бросила: - Он хоть интеллект, но все-таки искусственный, сам название не подберет...

Грета удовлетворенно кивнула, закончила со своим заказом и тоже отправилась в бокс. Вяло пережевывая питательную массу со вкусом бакалеи и запивая энергетическим напитком, Грета еще раз перебирала каждое слово, сказанное ими в коридоре, придирчиво анализируя их небольшой разговор со всех сторон. Несомненно, говорить о чем-то своем на виду у кураторов, тщательно зашифровывая свои мысли, было интересно и тренировало дедукцию и аналитику, но как же, черт побери, надоело следить за каждым своим шагом, словом и жестом, как же хочется просто поболтать, поболтать ни о чем, или о том, о чем говорить нельзя... Может, они были бы более счастливы, если бы были не так умны, или

попросту не знали, что нужно опасаться и скрывать... скрывать абсолютно все, особенно свои психо-коммуникативные способности. Интересно, как чувствует себя человек неумный... Он же, наверное, не думает, что он глуп... А я вот думаю, что я глупа... я столько не знаю... Грета еще с минуту пыталась представить себя менее умной и проницательной, чем она есть, смирилась с тем, что на это у нее не хватает воображения, обрадовалась тому, что, видимо, все-таки не так уж и всезнающа... нахмурилась от последней мысли и решительно направилась к инфомодусу. В конце концов, чем еще ей заниматься сейчас, когда их полностью освободили от каких-либо общественно необходимых занятий и обязанностей?

Две недели пролетели в абсолютном погружении в инфомодусы. Девушки решили, что анализ их предыдущего поведения должен был привести кураторов к выводу о том, что честь вступления в Совет они примут с особой ответственностью. А справедливо считая, что в Совет принимают только самых основных, самых знающих, индивиды должны бы с еще большим рвением, чем прежде, устремиться к получению информации, касающейся не только своих специальных областей знания, но всего спектра возможных сведений. Пару раз девушки еще перекидывались ничем не значащими, на первый взгляд фразами, делалось это для того, чтобы скорректировать тематику обрабатываемых ими информационных ресурсов тогда, когда способ «рассуждения вслух»

не мог быть использован. Так, например, Брита ни за что не могла себя заставить вслух проговаривать тему, связанную с половыми отличиями человеческих видов мужчины и женщины и тем, как это объясняла современная наука, хотя запросто оперировала терминами дозародышевого развития человека и животных. Грета же, ничуть не смущаясь такой тематикой, закипала при изучении темы древней мифологии. Ее рассуждения при изучении трудов современных ученых по христианству, исламу и другим религиям старого мира были настолько ироничны и желчны, что первый же опыт комментирования этой информации, выслушанный Бритой благодаря их устройствам связи, вынудил ее почти выбежать из своего бокса и наорать на Грету:

– Ты не могла бы осваивать информацию не таким... громким способом? – Брита была действительно возмущена. И хотя то, что она пеняла Грете на слишком громкое комментирование вслух, было слишком неправдоподобным – вряд ли из своего бокса она могла слышать ее, Брита была больше обеспокоена тем, до чего еще могла бы договориться Грета, не останови она ее именно сейчас.

От такой неосторожной и неожиданной выходки Грета оторопела, но оценила ситуацию и безапелляционно заявила:

– Ты бубнила с утра, теперь моя очередь. Если хочешь побубнить еще, занимай очередь, – и ушла в модус. Правда, теперь уже молча.

Брита вернулась к себе, ее немного трясло – она чуть не прокололась! Грета снова спасла их. Но что она говорила? Разве можно высказывать вслух такие...такие...такую ересь?! Хм..., – улыбнулась про себя Брита, – бубнить, хм..., будем теперь по очереди с бубном стоять, – она тихо порадовалась своей шутке и успокоилась.

Кроме этого недоразумения во время их карантина больше происшествий не было, а шутку с бубном они с удовольствием и даже злорадством пользовали как личный прецедентный текст.

Карантин закончился ожидаемо, но все равно несколько нервно: вечером последнего дня, когда обе девушки сидели за своими модусами, используя последние часы их относительной информационной свободы. Вдруг звук и картинка замерли, затем экраны потухли, а когда снова зажглись – с экрана на каждую из них смотрело огромное лицо Агаты. От неожиданности Брита аж отшатнулась, Грета только вздрогнула, но сдержалась.

- Карантин окончен. Ячейкам быть готовыми завтра с утра предстать перед Советом. Заседание назначено на время 8-00. Лицо исчезло, а на экране остались только огромные цифры, показывающие обратный отсчет .

Девушки заметили, что во время трансляции объявления, текст из одного модуса несколько запаздывал по отношению к тому, что было слышно из другого модуса. Тогда они не придали этому особого значения, просто отметив для себя

эту особенность как мало поддающуюся объяснениям, но эта мелочь впоследствии оказалась недостающим звеном в цепочке других несвязанных, на первый взгляд, между собой фактов.

Посвящение

Совет прошел, на удивление, скучно. Процедура принятия в Совет была отработанным мероприятием, рассмотреть, что из себя представляют новые кандидатуры старые члены Совета при желании могли заранее, но у большинства древнейших членов Совета уже давно не было никаких других хотений, кроме того, чтоб кто-то взял на себя их обязанности, а их самих, бесконечно старых и уставших от постоянной лжи, обмана и разочарований, оставили бы в покое с их милыми причудами. О причудах нескольких старейших членов совета нужно бы рассказать поподробнее, но мы еще вернемся к этой теме, в свое время.

Грете и Брите все, конечно, в этом мероприятии было любопытно и в диковину. Они еще заранее договорились о том, Брита будет запоминать последовательность проведения мероприятия, вплоть до мельчайших движений и слов каждого члена Совета в рамках процедуры, а Грета особое внимание обратит на состав участников мероприятия. Они и сами не вполне отдавали себе отчет в том, зачем им могут понадобиться эти сведения, и когда наступит момент, когда они смогут всё это обсудить, но они просто привыкли так жить – контролировать каждое свое движение и подмечать любые мелочи вокруг себя.

Итак, Совет закончился, а Грета и Брита теперь были аб-

солютно свободны де юре, но под пристальнейшим вниманием и наблюдением де факто.

Напряжение многих дней карантина, не ощущаемое ими до сих пор, теперь сказалось на их самочувствии и настроении. Брита была не так эмоционально устойчива, как Грета, и сейчас ей было труднее. Ей хотелось плакать или смеяться, но она не знала, насколько уместным это может оказаться именно сейчас, и вопросительно поглядывала на Грету, эмоции которой всегда точно соответствовали ситуации. А то, что она чувствовала в такие моменты, да и чувствовала ли вообще, понять было абсолютно невозможно, и даже Брита порой сомневалась, способна ли Грета на глубокие переживания.

Грете, однако, тоже тяжело дались все последние события – отдых в карантине, конечно, пошел ей на пользу, но перенесенная болезнь все еще сказывалась общей слабостью и быстрой утомляемостью. Напряжение всего времени, проведенного в карантине, напряжение от того, что кто-то постоянно наблюдает за тобой, прислушивается к каждому твоему вздоху, теперь, на Совете, достигло апогея. Сейчас Грете требовались нечеловеческие усилия, чтобы просто не упасть, принимая все эти лицемерные, открыто презрительные, равнодушно-безразличные, недоброжелательные поздравления и наставления. Бонусом ко всей этой болтовне был ключ, который открывает стены, как пошутила одна из старейших – некоторые перегородки в цилиндрах на самом деле не были

глухими стенами, а представляли собой нечто вроде двери, что позволяло старейшим вдруг вырастать как из-под земли в любой точке учебных или жилых помещений. Ключ представлял собой пластиковое кольцо неопределенного цвета, хотя их оповестили о том, что указанный девайс может быть модифицирован по их желанию. Грета обратила внимание на то, что кольца есть у всех, - у некоторых старейших она отметила до пяти колец на обеих руках, но ни одно кольцо не было похоже как ни на то, что сейчас держали новоиспеченные члены Совета кураторов в руках, так и одно на другое из тех, что носили остальные. Кроме колец на некоторых были браслеты – как правило один-два, и их внешний вид не отличался таким разнообразием, как кольца.

Когда они, наконец, покинули помещение, где заседал Совет, и благодаря выданным им ключам кураторов смогли дойти до своих новых комнат самой короткой дорогой, не плутая по бесконечным коридорам и этажам, открытым для всех, Брита все-таки не выдержала и стала нервно хихикать.

Девушки уже добрались до новых комнат. По их просьбе, аргументированной тем, что они еще не индивидуализировали свои системы накопления опыта и знаний и им все равно придется много общаться, прежде чем процесс отчуждения полностью закончится, комнаты для новых кураторов пока определили рядом. Они не были смежными, как в карантине, но располагались с разных сторон пространного зала-коридора, в котором были еще какие-то комнаты, но, по

всей видимости, это были не жилые, а технические помещения. Зал выглядел абсолютно пустым и даже пустынным и каким-то заброшенным, и открытые настежь двери комнат новоиспеченных кураторов только усугубляли это впечатление.

Комнаты – так назывались места проживания кураторов – не боксы – и на самом деле разительно отличались от всего того, к чему привыкли Грета и Брита. Во-первых, теперь у помещения, в котором они будут жить, были двери! Во-вторых, комната сама по себе как бы состояла из нескольких отделенных друг от друга помещений и каждое из них имело специализированное назначение – был бокс с пищевым автоматом и местом, где можно сидя принимать пищу, в нем еще располагались какие-то металлические коробки – пока не разобрать для чего. Место с кроватью, да еще с какой кроватью – на ней легко можно было разместить целую пентату одновременно (хотя ячейки всегда спали отдельно), было отгорожено от остального пространства стеной и неким подобием двери – прозрачно-пластиковая перегородка не выезжала из стены, а складывалась гармошкой. На пространстве сразу за входными дверями стояли не совсем привычные предметы – что-то вроде стульев, но огромные, низкие и мягкие, а инфомодуса не было вообще, зато был стол, на нем Грета краем глаза заметила браслет, наподобие тех, что были у некоторых кураторов. Технические помещения находились тут же внутри комнаты, за отдельными дверями, а не

так как привыкли все ячейки – отдельно от всех жилых помещений в общем пространстве рекреации.

Грета, уже готовая улечься хоть на полу, такая слабость вдруг на нее навалилась, встрепенулась и, последним усилием воли широко улыбаясь, сказала:

– Праздновать – и спать! – сработала старая привычка перестраховываться на случай прослушивания, – нам предстоит очень ответственная работа! – Грете казалось, она прокричала эти слова, но на самом деле, голос был глухим и каким-то безжизненным. Брита всмотрелась в бледное, ничего не выражающее лицо своей подруги и из глаз ее покатались слезы.

– Хоть это... – подумала Грета, осматривая зал и двери, ведущие в другие комнаты, – хоть отсюда не нужно ждать подвоха... Она нестерпимо хотела спать, даже не уснуть, а забыться, уйти из этого кошмара реальности в мир сновидений. А лучше, чтоб даже и не снилось ничего.

– О! – возглас Бриты был неестественно, преувеличенно радостным, – Грета насторожилась, – ну, что, попроедем? Брита стояла в дверях своей комнаты, спиной ко входу, Грета направилась было в свою комнату, но заколебалась, не сумев объяснить себе странного поведения Бриты. Но та уже возбужденно резво выбежала из своей комнаты и, чуть не сбив Грету, стоявшую на расстоянии нескольких шагов от своей комнаты, держась руками за косяк двери, но не заходя, практически нырнула внутрь, заглядывая вглубь комнаты:

– О! – возглас повторился! – празднуем!

Грета уже стояла в дверях и теперь поняла, что вызвало такую неестественно бурную реакцию Бриты. Посередине комнаты стоял непривычно больших размеров стол, уставленный невиданной ранее посудой и едой. Грета безо всякого любопытства устало разглядывала комнату. Все, что стояло на столе не заинтересовало ее – она уже достаточно видела и читала о том, как питались до эпохи автоматов, и сразу поняла, что означает такая сервировка. Комната тоже поразила ее – вместо привычных стандартных блоков, состоящих из кровати, рабочего места-модуса и безликого шкафа-тумбочки, ее взору предстало абсолютно безвкусное нагромождение предметов разных форм, материалов, цветов, с ручками, дверцами и без них. Все эти предметы непонятного назначения, между тем, создавали в комнате такой беспорядок и так загромождали ее, что Грета не сразу осознала огромность ее размеров. Глаза разбегались, даже усталость отступила перед недоумением и некоторой растерянностью. Грета зашла в свою комнату, на боковой стене зажегся мягкий приятный свет, и в его свете Грета разглядела еще один вход. Пока она шла к дверному проему, слышала все время восторженно-истеричные возгласы Бриты, а когда прошла в дверной проем, ожидая увидеть следующий зал, вдруг все стихло. В новой комнате, а это была именно комната, еще одна комната, тоже зажегся мягкий свет, было даже непонятно, откуда он идет, но это было... красиво! Красиво...

Грета крутила в голове новое понятие, рассматривая его и так и эдак, удивляясь ему, даже немного струсив. Посреди комнаты стояла огромная, невероятно огромная, по меркам Греты, кровать. То, что это была именно кровать, Грета вспомнила по завораживающим картинкам эпохи последнего кризиса Пятиматерикового периода. Грета приблизилась к кровати, потрогала покрывало и неловко присела на краешек кровати – с непривычки чуть не потеряла равновесие, утонув в мягком пышном одеяле. Свет понемногу начал тускнеть, Грета сама не заметила, как свернулась калачиком на нежнейшей постели и уснула самым сладким сном в своей жизни. Под утро, правда, ей стали сниться кошмары. Что именно, она не помнила, но когда проснулась, поняла, что полностью расслабиться ей мешала полнейшая тишина – она совершенно не слышала Бриты.

Брита отреагировала на комнату и предметы интерьера в ней бурно – она с возбуждением хватала каждый предмет, теребила, переставляла, присаживалась на стулья, кресла и пуфики, таскала тумбочки и гремела ящиками. Наличие еще одной комнаты с кроватью, таким образом, было обнаружено ею не сразу. Вначале она уснула прямо на полу в комнате среди разбросанной мебели, на теплом мягком ковре, только потом, проснувшись от неестественной разбросанности тела – кровати, или верней сказать, лежанки в боксах давали небольшой простор телу. Свет в комнате не горел, видимо, при отсутствии движения он гас автоматически, зато туск-

ло светился дверной проем. Спросонья Брита не поняла, что вход в ее комнату с другой стороны, и, решив проверить, как там Грета в своей комнате, просто пошла на свет. Попав в еще одну комнату, она вначале испугалась, но какие-то неведомые инстинкты толкнули ее под одеяло, и она, забыв обо всем на свете, разбросала руки по подушкам, шумно, со стоном глубоко вздохнула и на выдохе уже спала.

Когда что-то мягко, но тяжело опустилось рядом с ней, Брите снилось что-то невероятное, но очень приятное – ей снилось море. Ей и раньше снилось море, хотя она видела его только на рисованных картинах, любые другие картинки, где было бы изображено море, всегда были фрагментарными, и по ним невозможно было составить себе полную картину. Вот и сейчас ей снилось море – она не знала, какое оно на самом деле – описания моря кружили ей голову, она просто бредила морем, но это была абсолютно умозрительная идея. Она не могла представить себе, что когда-нибудь сможет увидеть и потрогать море, как делала это сейчас, во сне. Брита улыбалась во сне, и Грета, присевшая рядом с подругой, тоже невольно улыбнулась, но тут же одернула себя – она смогла хорошо отдохнуть и выспаться, несмотря на утренний кошмар, и снова уже была настороже.

Брита выныривала из сна – еще не открыв глаз, она почувствовала чье-то присутствие, но оно ее не тревожило. – Грета? – Брита достаточно быстро вернулась в реальность и, бодро вставая с этой непривычной постели, внимательно

слушала Грету.

Грета поведала ей о том, что еда так и оказалась нетронутой, кое-что испортилось, и умные бактерии уже почти закончили свою работу, что пищевые автоматы тоже не включены, и, видимо, для начала работы им необходима активация. О том, что интенсивность света можно регулировать хлопком в ладоши, о том, что облицовка стен сплошная, а модусы необычного вида и с непривычным интерфейсом в отсеке для приема пищи это холодильная установка и еще одна с микроволновым излучением, что весь их нехитрый скарб переехал в эти комнаты вместе с ними...

Брита слушала и почти автоматически «переводила» все услышанное максимально близко к тому, что на самом деле Грета доводила до ее сведения: то, что ночных соглядатаев, которые были не редкостью для проживающих в боксах, здесь нет, что подслушивание, видимо, ведется не так как в боксах – прямо со стен и других поверхностей. Это могло означать только то, что аппаратура для подслушивания здесь гораздо тоньше и чувствительнее, и что теперь еле слышный шепот в звукоизолированной комнате с кроватью будет распознан. Однако оставалось непонятным, каким образом осуществляется обработка прослушиваемых сигналов, а главное, кто может этим заниматься. Насколько им было известно, у кураторов и так достаточно занятий, чтобы не иметь, по крайней мере, желания (раз уж возможность есть) напрягаться и дешифровать чужие разговоры. Неужели каждый следит

за каждым... А кто тогда осуществляет наказание?

Вопросы возникали быстрее, чем можно было предположить вероятные ответы на них.

По молчаливому соглашению, обменявшись лишь незначительными предложениями типа: – У меня просто в глазах рябит от такого несовершенства форм и аляповатости цветов! – это была Брита. – Я не чувствую себя уверенной, когда не знаю, для чего могут быть предназначены все эти предметы, – это фирменный стиль Греты, – девушки решили пока не заниматься расстановкой мебели или перебиранием ярких мелочей, которые обнаружили в нишах и шкафах, а просто сдвинуть всё это с прохода, освободить как можно больше пространства и, в первую очередь, заняться модусами. Модусы теперь им полагались виртуальные и именно эти браслеты, которые вчера они обнаружили у себя на столах и оказались ими. Модус активировался, когда был надет на руку, прикосновением – выбрать способ прикосновения можно было самостоятельно, пока включение происходило при любом прикосновении владельца – Брита сразу проверила это – модус Греты не включался, как Брита ее не мяла.

Оказалось, что проспали девушки чуть ли не сутки, потому от вчерашнего ужина осталось немного, но то, что было еще свежим и не соблазнило бактерий-уборщиков, оказалось удивительно вкусным. Подруги еле справлялись с новыми для них эмоциями и с трудом сдерживали все увеличивающийся аппетит, в то время как их желудки очень ско-

ро запросили пощады. Не привыкшие к тому, что есть можно не только для того, чтоб насытиться, и не только до того момента, когда желание больше не чувствовать во рту пищевую массу становится сильнее неприятных спазмов в желудке, девушки никак не могли разобраться в новых для них ощущениях.

– Просто голова кругом, – думала Грета, и сама боялась своих мыслей. Ей было и смешно, оттого что она думает, как кто-то может подслушать ее мысли, и грустно, оттого что постоянное цензурирование стало неотъемлемой ее частью. Они с Бритой только несколько часов в новом статусе, а уже столько невероятных открытий! Понятия, известные им теоретически, не запрещаемые, но просто не существующие в чувственном восприятии их мира – красота, вкус, нежность, комфорт, цвет – из теоретически понятных превращались в интуитивно воспринимаемые. Это было... счастье. Не то, подсмотренное ею украдкой в старых книгах, которые когда-то давно-давно еще и печатали-то на бумаге, не то, которое было записано в Основах, а другое, неведомое, непонятное... приятное, но какое-то неполное что ли. И эта неполнота тревожила Грету. Или что-то еще...

Прошло несколько дней, девушки общались немного, только по деловым вопросам. Они освоили свои новые модусы, разобрались с системой жизнеобеспечения комнат, наладили информационный контакт с Советом. Совет поставил их в известность о том, что комплектование ячеек в их

группы почти завершено и они смогут ознакомиться с полными списками индивидуумов через неделю. Девушки разобрались с предметами мебели, обмениваясь добытыми из теперь ничем не ограничиваемого информационного поля, сведениями, и под болтовню о мебели и всяких безделушках успевали обменяться более серьезными соображениями о положении дел.

А положение было следующим. Группы ячеек для них все еще не были сформированы – из чего следовал вывод о том, что их посвящение в кураторы не было запланированным мероприятием. Но список индивидов, о котором им было сообщено после подключения к информационному модусу, постоянно пополнялся – это обнадеживало, давало зыбкую уверенность в том, что в кураторы их пустили полностью и навсегда.

Надо сказать, новая непривычная обстановка, удивительные вещицы в комнатах, а более всего огромное зеркало, обнаруженное каждой из них в отдельном санбоксе – что в свою очередь тоже было необычным делом, огромная ванна, пузырьки и бутылочки с неизвестными жидкостями и божественными запахами, – все это действовало на подруг одуряюще пагубно. Им все больше хотелось оставаться наедине с собой, все меньше тянуло друг к другу. Грета, имеющая привычку постоянно копаться в себе и других, заметила эту тенденцию к разъединению и обособлению намного раньше, чем Брита. Та, просто в силу природной, много лет задавли-

ваемой чувственности, теперь открывала в себе новые умения и знания. Брита стала капризной, что на фоне все еще не забытой, вошедшей в плоть и кровь, сдержанности и скрытности, выделялось особенно ярко и даже нелепо. Грета, напротив, стала еще задумчивее и сосредоточеннее. Она все время о чем-то думала, покусывая по обыкновению губы, поглядывала на Бриту и еле заметно вздыхала, но молчала.

Как-то совсем ранним утром Грета обнаружила, что к ней в спальню пробралась Брита, и с совершенно расстроенным и виноватым видом сидит на полу у кровати. Как раз в тот момент, когда Брита пришла к подруге, Грета отлучилась в санбокс комнату – она никак не могла уснуть, а так как понимала, что постоянное ворочание на постели не пройдет незамеченным для модуса подслушивания, то решила разнообразить звуковое наполнение этой ночи. В очередной раз неспешно сходя в санбокс, Грета, мягким полотенцем промокая умытое лицо и направляясь к кровати, чуть не наступила на Бриту. У нее было такое лицо, что все тревожные предчувствия, последние пару дней не покидавшие Грету, разом всколыхнулись и заставили ее похолодеть от ужаса. Сердце бешено заколотилось, кровь так стучала в висках, что поначалу она даже не смогла разобрать еле слышного шепота Бриты:

– Мне кошмар приснился, – Брита говорила тихо-тихо, но даже в такой беззвучной речи Грета услышала нотки страха. Она села рядом с Бритой на пол, взяла ее за руку, и через

пару минут справившись с прыгающим сердцем, пожав, отпустила, приглашая рассказывать.

– Море... море... но грязное такое... и я... и как желе, – Брита изо всех сил удерживалась в рамках беззвучного шепота, то и дело норовя сорваться на предательский свист, – задыхаюсь... проснулась ... ужас... – Брита помолчала, Грета ждала. – Понимаешь? – Брита с надеждой заглянула в глаза подруги. Грета внимательно посмотрела на нее, чуть помолчала, опустила глаза и утвердительно кивнула. Брита, как будто даже обрадовалась, она развернулась лицом к Грете, словно пытаясь разглядеть объяснение своему кошмару по выражению лица Греты. Грета не знала с чего начать. С одной стороны, причина ее тревожного состояния обнаружилась, Брита теперь была готова к тому, чтобы адекватно воспринимать анализ изменений в своем поведении, с другой стороны, время и место для таких откровений было выбрано неудачно.

Поразмышляв еще немного, Грета осторожно встала, кивком приглашая Бриту последовать за собой и, легко придерживая ее за пальцы, повела ту в большую комнату. Девушки шли, осторожно ступая шаг в шаг так, что создавалось впечатление, будто идет один человек.

Грета медленно вела Бриту по комнате, останавливаясь возле каждого предмета мебели, вынимая из ящичков разные безделушки и взглядом заставляя Бриту на них смотреть. Брита вначале почти с ужасом следившая за Гретой и

как загипнотизированная выполнявшая ее указания, постепенно стала что-то понимать. Выражение ужаса на ее лице сменилось недоумением, и только когда в широко раскрытых глазах своей подруги Грета, наконец, увидела осознание происходящего, она остановилась, одним лишь только взглядом спросила Бриту: – Ну, поняла? Ведь так и есть?! Брита все еще изображала собой снизошедшее откровение – глаза по-прежнему были огромными, но в остальном она много больше походила на ту девушку, которая несколько недель назад предстала перед Советом кураторов. Брита интенсивно закивала головой в ответ. Продолжая молчать, девушки пожали друг другу руки и так же шаг в шаг разошлись в разные стороны. Грета как можно более естественно громко вернулась в спальню, а Брита тихонько и быстро юркнула к себе.

На следующий день Грета проснулась достаточно поздно, она хорошо отдохнула и тревожные предчувствия немного отступили. Когда она вышла из спальни, и звуки из единственного жилого помещения кроме ее собственного в этом коридоре стали почти осязаемыми, она с удивлением обнаружила, что ее инфомодус, выключенный накануне вечером, передает сигнал вызова. Секунду постояв с открытым ртом перед безжизненным браслетом, Грета, наконец, сообразила, что звук вызова исходит из помещения Бриты, которая часто забывала отключить браслет и он так всю ночь и светился над тем местом, где она в очередной раз сняла браслет. На этот раз модус светился и пел из санбокса, и Брита уже сама,

сонная и недовольная, спотыкаясь, пробиралась из спальни через катакомбы мебели.

Когда модус был включен, на экране появилось крайне раздраженное незнакомое лицо. Определив, что оба новоиспеченных куратора уже здесь, лицо удивительно приятным голосом поведало им о том, что их бывшая ячейка, исполнявшая высокую миссию продолжения рода, пропала.

Грета лихорадочно соображала, что такое могло случиться со Светой, чтобы Совет посчитал возможным и даже необходимым сообщить об этом им. Так было заведено, что все связи между индивидами одной ячейки после того как пути их расходились, обрывались сразу и окончательно. Спряталась? Но где? И главное – зачем? Нет, даже не так... Почему? Почему могла сбежать Света? Между тем, лицо на экране раздражаясь все сильнее и пытаясь через экран прожечь кураторов взглядом, спрашивало, нет ли у них каких-либо предположений о возможном местонахождении бежавшей.

Ага, значит все-таки сбежала. Лицо, поняв, что проговорилось, все тем же мелодичным, но теперь с визгливыми нотками отчаяния, голосом, стало орать что-то уж совсем нечленораздельное и, обязав кураторов сообщить о любом подозрении, пригрозив им за чем-то ответственностью и помянув Основы, отключилось.

Быстро сообразив, что раз дело дошло до того, что обратились к ним за помощью, несмотря на заранее обреченную на неудачу попытку получить хоть какую-то информацию от

бывших ячеек, сумевших так высоко подняться, - ведь шансов на то, что они с высоты своей нынешней власти снизойдут до забот отправленной на миссию неудачницы даже меньше, чем ни одного, - значит положение действительно серьезно и даже опасно. Но чем может быть опасен побег ячейки? Так случилось...

Грета и Брита разошлись по комнатам, изо всех сил изображая полное безразличие к происходящему и занимаясь повседневными делами.

Бриту так ошеломила новость, что она оказалась совершенно неспособной к продуктивному мышлению, ей с трудом удавалось сохранять внешнее спокойствие. Грета, напротив, как всегда в экстремальной ситуации соображала удивительно четко и быстро. Но ей не доставало информации, были только предположения...

Побеги из ДНК-городов иногда случались, но никто никогда не прилагал каких-либо усилий, чтобы вернуть сбежавших – лишившись привычного комфорта города, индивиды либо очень быстро возвращались, предпочитая выполнение миссии продолжения рода опасностям внешней зоны, либо не возвращались никогда. Грета перебирала в памяти все известные ей случаи неадекватного поведения ячеек – побеги во внешнюю зону случались регулярно, и примерно три четверти сбежавших благополучно возвращались, судьба остальных никого больше не волновала. Побеги из миссии случались реже и убегающих искали только в том случае,

если миссионерка оказывалась беременной. Как показывала статистика, коэффициент побегов такого рода был менее одного процента на каждые сто убежавших. Таким образом за последние сто лет при максимальном количестве 7 происшествий в год миссия продолжения рода только раз пять всего беспокоила поисковые службы ДНК-города.

Раз ее ищут, значит она сбежала прямо посреди выполнения миссии. Если все еще не нашли, значит бежала не во внешнюю зону... Все это было достаточно очевидно, и Грета догадывалась, где может прятаться Светка. Она параллельно с общими размышлениями о побегах и статистике пыталась придумать способ незаметно проверить свои подозрения: действительно ли Светка прячется в их потайном месте, а если да, то как долго она там находится, все ли с ней в порядке и нужна ли ей помощь. А если нужна, то как помочь Светке, помочь ей и не навредить себе. Ничего не выдумывалось, и Грету это неимоверно раздражало. Мозг уже кипел. Девушка заварила себе кофе, свой фирменный – крепкий и густой как деготь...

Брита, почуяв запах паленого, который она каждое утро идентифицировала как запах заваренного кофе Греты, встрепенулась – не с утра Грета пила свой фирменный кофе только в особенных случаях: если необходимо было на что-то решиться или если ничего не получалось. Брита выглянула из своей комнаты – Грета стояла, прислонившись плечом к стеклянной стене. Правой рукой она держала чашку,

перекатывая остатки кофейной гущи по ее стенкам и внимательно разглядывая получающиеся пятна. По опыту прошлых лет Брита знала, что такая задумчивость не сулила ничего простого и спокойного: Грета уже все придумала и теперь решается на какой-то рискованный шаг.

Брита исчезла так же тихо и незаметно как появилась. Она вернулась к себе, зашла в санблок, умылась, снова будто бы забыла так свой браслет, а заодно и кольцо, потом бездумно побродила по комнате, переставляя с места на место мелкие безделушки, Брита зашла в спальню и легла на кровать. Она ждала.

Когда Грета произнесла сакраментальное: – Не знаю как ты, а я намерена подышать свежим воздухом, – что на только им троим известном языке означало «собираемся в нашем тайном месте», – было уже утро, и Брита поняла, что благополучно проспала подряд часов десять. Грета стояла в её комнате и говорила с Бритой через распахнутую дверь спальни. Она была тщательно одета, но казалась резко пополневшей, потом Брита сообразила, что это оттого, что на ней было надето несколько слоев одежды. Сумка через плечо казалась полупустой, но Брита заметила насколько сильно ее ремни врезались в тело.

– Пожалуй, мне тоже не помешает свежий воздух, – серьезно заявила Брита. Потом была феерия одевания, в результате которой одежда надевалась, забраковывалась как неудобная или стесняющая дыхание, начиналось передева-

ние, в результате которого неснятыми оказывались некоторые полезные вещи, которые могут понадобиться Свете. Обе девушки уже ни секунды не сомневались в том, что Света прячется в их тайном месте.

Через полчаса сборы были окончены, и девушки, окончательно запутав подслушивающую систему наименованиями конечных и промежуточных пунктов своей прогулки, направились на улицу по привычным длинным запутанным коридорам ДНК-цилиндра.

Всю дорогу они ссорились, а рассорившись, подолгу молчали, постепенно приучая возможных соглядатаев к тому, что если при заходе в слепую для слежения зону, их желчная перебранка обрывалась, то и при выходе из нее могла и не возобновиться, или наоборот, или еще больше наоборот.

Они долго, и как показалось бы со стороны, достаточно лениво и обстоятельно, хотя ужасно бестолково и непоследовательно обходили склады одежды и обуви, сервисы поставки посуды и обслуживания пищевых автоматов, они даже зашли в центр подбора домашних животных.

Этот центр располагался на одном из этажей цилиндра, в котором доживали свой век ячейки, выполнившие свою миссию и отправленные на так называемый отдых, на котором они маялись бездельем и бесцельностью существования. В сущности, именно поэтому и был организован центр домашних животных. По обращению в такой центр, ячейке или индивиду помимо его личных предпочтений и желаний по

специальной системе тестов подбирали оптимальный вариант домашнего питомца.

Все питомцы были генетически модифицированными, и не могли принести никакого вреда своим ячейкам. Для подбора питомца проводилось тестирование потребностно-психологической сфер ячейки, затем на основании полученных результатов, составлялся образ домашнего питомца. Основной задачей модификации было дополнить не востребуемые психологические потребности ячейки – иногда приходилось работать над животным с часто противоречащими друг другу характеристиками. После модификационной процедуры, животное тестировали и если оно полностью соответствовало заданным параметрам – отдавали владельцу. В общем процедура могла занимать до полутора лет; при отрицательных результатах тестирования модифицированного монстра, но навязчивом желании тестируемого все-таки иметь питомца - его одаряли электронным.

При этом во всех случаях домашнее животное записывали в ячейку с правами, равными правам самой ячейки. С одной стороны, такое решение было призвано не прививать собственнических чувств владельцам питомцев, чтоб ни в коем случае не вызвать у владельцев сильной привязанности. С другой стороны, такие правила обеспечивали чрезмерно высокий уровень ответственности за вновь принятого в ячейку члена, что далеко не все в конечном итоге потакали своему желанию завести животное, а те, кто взвалил на себя

такую обузу, уже не скучали.

Как правило, нелегкое решение принимала самая активная часть пожилого населения, неработающая, но все еще энергичная и думающая. Потому, когда лет сто – сто пятьдесят назад именно среди таких ячеек только зародилась мысль о том, что население слишком ограничено в своих желаниях, даже вот домашнее животное, как наши предки, завести не можем, на экстренном Совете Матерей сразу же было принято решение о создании центров подбора домашних питомцев. Поначалу система давала сбои, а очереди из желающих постоянно росли. Но за какие-то тридцать лет все пришло в норму и постепенно введенные правила и ограничения никому не казались нелепыми. Животное расстроило свою ячейку? Значит неверно был сделан выбор, выбор отменили – устроили тестовый подбор. Ячейка отказалась от питомца? Индивиды неправильно оценили свои силы. Эта же ячейка заявила о желании принять другого питомца – это что же, индивиды хотят выбирать? Значит нужно ужесточить первоначальную ответственность. Вот как-то так и сложилась ныне существующая система.

Молодые, работоспособные ячейки крайне редко брали питомца. Чаще это происходило в тех случаях, если кто-то из ячейки уходил – неважно куда: на миссию выполнения рода, в результате несчастного случая или болезни, сбегал – в этих случаях ячейке обычно рекомендовали взять питомца и редко кто решался отказаться от рекомендаций. Грета

и Брита решили сейчас сыграть на этом.

Они, правда, уже не были ячейкой, они были кураторами, а куратор это уже индивид, но как Грета потом объясняла, - раз они были воспитаны в такой морали, то в стрессовой ситуации, когда они только-только добились высокого уровня социального вклада, а тут вдруг их позорное прошлое напоминает о себе таким нелицеприятным образом – их бывшая ячейка, годная только на то, чтобы продолжать род, еще и бежала!?! – такой подсказанный стереотипностью мышления и поведения поступок будет расценен как положительное, хотя и бесполезное движение. Ну, и кроме того, от Центра до их тайного места было рукой подать, а уж слепых мест там хватало – никто всерьез не отслеживал внутригородские передвижения доживающих, а больше там некому было ходить. Отработавших не уважали, хотя в Основах за ними была записана Правильность.

Переругавшихся ни на шутку Грету и Бриту наблюдатели потеряли в Центре подбора животных, хватившись только тогда, когда со времени получения ими тестов на питомца прошло больше полутора часов. Грета покинула Центр еще до того, как результаты теста были оформлены, и автоматика сработала для нее инфопортрет какого-то уродца – помеси индюка с попугаем, это при том, что Грета терпеть не могла птиц вообще, а уж говорящих кого бы то ни было и подавно.

Брита проходила тестирование после Греты, предварительно огласив истерическими воплями мирно дремлющий

от безделья Центр примерно такого содержания: – Ни за что! Ни за что! Я не сяду не то что рядом, я одновременно не хочу с ней тестироваться. Тестер не найдет у нее мозгов и сломается, а что делать мне? В общем, исчезновение Греты прошло незамеченным благодаря скандалу с вдохновением и почти упоением продолженному Бритой даже и во время тестирования.

К тому, что спокойные и мало общающиеся ячейки Грета и Брита, даже в свою бытность триадой, при выходе на свежий воздух становились практически неуправляемыми, шумными и истеричными, кураторы давно привыкли. Было даже составлено психогенетическое доказательство логичности такого поведения, которое гласило, что высокий интеллект ячеек пасует перед необходимостью заниматься ненаучной деятельностью, что вызывает стресс, компенсируемый таким аффективным поведением. Когда Грета через много лет прочла этот опус, она подумала, что этот апофеоз логичности мог прийти в голову только тому, кому абсолютно наплевать на истинные причины непонятого факта, тому, для кого важнее подобрать удобное объяснение и более не возвращаться к проблеме.

Брита дождалась результатов тестирования, а когда забрала их, так стремительно исчезла, что работники Центра, обязанные сообщить об этом моменте в службу надзора еще долго не могли поверить тому, что кошмар закончился и две истерички ушли. В общем, когда они сообщили, что тестиро-

вание завершено, Брита уже истерила в хорошо прослушиваемых местах, расположенных с другой стороны от тех, где можно было бы заметить Грету, держащую путь к тайному месту.

Когда Грета, на пределе эмоциональных сил и с начинающейся паранойей, наконец-то проскользнула между стен цилиндра в потайное место и в первую минуту никого там не увидела, на глазах появились слезы отчаяния.

Она в изнеможении прислонилась к стенке и медленно сползла по ней, присев на корточки и обхватив голову руками. В простенке было как всегда тепло и сумеречно, звуки улицы приглушенными обрывками плохо определяемого шума почти не нарушали здесь глухую тишину. Сумка действительно была очень тяжелой, Грета очень устала изображать обратное и теперь, спустив ее рядом с собой на пол, с облегчением повела плечами. У противоположной стены, где сходились закругления цилиндров, что-то зашуршало. В тусклом сумеречном свете Грета разглядела неприметную, на первый взгляд, кучу каких-то веток, листьев и разного мусора, непонятно как еще не съеденного умницами-бактериями.

Сперва она подумала, что это ветер загнал сюда эти картонки, листья, остатки тряпья, и теперь все это продолжает шевелиться от его дуновения. Шорох был мимолетным, но что-то зацепило внимание Греты – это не ветер... Грета осторожно подошла ближе, куча снова зашевелилась, Грету

бросило в холодный пот – а что если это прокравшееся животное из внешней зоны? – она читала о таких случаях. Вначале слабое покашливание, потом хриплый шепот привели Грету одновременно в радостное возбуждение и растерянность: – Пить дай, уж думала, не дождусь... – куча трансформировалась в Свету. Пока Грета возилась с сумкой, разбирая принесенное, поднося к пересохшим губам Светы воду, Света уселась поудобнее и отбросила в сторону маскировочное покрывало, искусно закамуфлированное под мусор. Пока Света пила и выбирала из принесенной еды что-то только ей понятное, Грета рассмотрела ее. Со времени последней встречи Света очень похудела, конечно, и теперь ее нельзя было назвать худышкой, но большой живот и набухшая грудь резко контрастировали с осунувшимся лицом, на котором теперь выделялись некрасиво очерченные глаза и мясистый нос. Света закончила с едой и поменяла позу – вытянув ноги, она полулежала теперь на маленьком матрасике, взятом для нее сегодня среди прочих необходимостей девушками на складах.

Губы, всегда пухлые и влажные, потрескались и кровили, когда она улыбалась, но она не хотела сдерживаться. Света смотрела на Грету и улыбалась, вначале недовольно-смущенно, потом по мере того, как продуманная до мелочей заботливость Греты окутывала ее с ног до головы, умиротворенно и расслабленно. Грета теперь обрабатывала Свету биотическим чистящим раствором и одновременно с помощью раз-

ных мелких приспособлений и тестеров проводила блиц-обследование. Света плакала и улыбалась, всхлипы мешались с обрывками фраз – Грета понимала, что расспрашивать сейчас о чем бы то ни было Свету было бесполезно.

Закончив обследование, Грета вколола Свете слабое успокоительное и Света тут же уснула. Спала она недолго, минут сорок, сначала глубоко и не шевелясь, а потом вздрагивая и беспорядочно перебирая руками. Последние минуты беспокойного сна Грета наблюдала уже не одна – пришла Брита, ознакомилась с результатами анализов и аккуратно, стараясь не беспокоить Свету, сделала еще несколько дополнительных тестов. Девушки еще раз просмотрели результаты анализов, молча поглядели друг на друга, Света стала постанывать и ее решили разбудить. Но прежде все-таки вспомнили, что вышли из цилиндра одетые как многослойные полимерные пленки, стянули с себя лишнее и аккуратно обработали одежду противобактериальным раствором, во избежание проедания дыр умницами-бактериями в практически новой одежде. Всего получилось четыре пары комбинезонов, три футболки и две куртки. Еще Грета схитрила с обувью – прямо поверх легких облегающих ногу пинеток надела сапоги-дождевики, скрытые штанинами они не бросались в глаза, и теперь тоже оставила их для Светы.

Получасовой сон пошел ей на пользу – она снова поела, больше не плакала и принялась рассказывать свою невероятную историю. Надо сказать, что, если бы Грета и Брита

не пришли бы сюда в ближайшие пару дней, Светка просто умерла бы от обезвоживания – вода у нее закончилась еще вчера. У девушек просто сердце опускалось, когда Света говорила им, что нисколько не сомневалась в том, что они придут ей на помощь.

Брита все-таки не выдержала и попеняла Свете: – Мы бы пришли, конечно, мы пришли, мы достаточно хорошо друг друга знаем, чтобы это можно было предположить...но...

– Знать, – перебила ее Света – не предположить, а знать, – и доверчиво улыбнулась Грете.

– Что? – Брита горячилась, – знать, ну хорошо, знать... Но, Света, мы ведь могли просто не иметь информации о том, что ты бежала!!!

Света встрепенулась.

– Ой, как же я ...– она что-то искала, прощупывая свою «мусорную» накидку, – вот, нашла. Держите – Света вручила внимательно наблюдавшей за ней Грете какую-то скомканную тряпочку, из которой ей в руку выпал абсолютно гладкий, переливающийся всеми цветами радуги, кристаллический шарик, размером с искусственный глаз. Грета с любопытством рассматривала его.

– Они там на это записывают информацию, – пояснила Света, и, увидев с каким неподдельным любопытством рассматривает его Грета, несколько растерянно спросила – ну, вы же сможете ее прочитать?

Грета оторвала взгляд от новой вещицы и утвердительно

кивнула:

– Не думаю, что будет проблема, а сколько здесь помещается?

– Всё – просто ответила Света.

Грета недоуменно переглянулась с Бритой. Брита пожала плечами.

– Всё, что было в их автономном инфомодусе, всё есть на этой... штуке. Они бывают поменьше... их там как отличительные знаки все кураторство носит. А такие не носят – они хорошо охраняются там.

– Как же ты достала? Автономный?

– А, – отмахнулась Света, – это долгая история. Сразу всего не расскажешь, да и не объяснишь – она как-то выжидательно посмотрела на девушек, – я вот что подумала...

В следующие пятнадцать минут Света предложила им вполне разумный план дальнейших действий. Грета даже подивилась – она никогда не была близка с Светой и не разделяла восторгов Бриты по поводу умственных способностей их третьей.

– Так и порешим, – подытожила Грета, вставая и пряча в какой-то из своих бесчисленных кармашков стеклянный шарик.

Дополнительную одежду девушки и спрятали вместе с запасами воды и еды, медикаментов и биотического раствора в щели между полукружьями цилиндров. Сумки их по-прежнему были тяжелы – девушки уносили с собой результаты

анализов Светы и ее плода для более тщательного исследования, и гигиенические биоупаковки с, так сказать, отходами, которые не доели бактерии-уборщики.

– Ну, первый пошел, – Грета, как всегда, собранная и сдержанная, мельком еще раз глянув на Свету, кивком попрощалась с ней и резко шагнув к проему, ушла.

– Все-таки она железная, – проговорила Света, когда Грета исчезла в сгущающихся сумерках.

Брита тяжело вздохнула и наскоро пересказала Свете историю заражения Греты и все, что последовало за этим.

Света слушала, время от времени морщась от слов Бриты, будто они физически ранили ее. Закончив рассказ, Брита подняла на Свету полные глубокой тоски глаза:

– Теперь ты понимаешь, что информация о том, что ты бежала, могла не попасть к... кураторам... к нам.

Света задумчиво молчала. Вся ее затея была не просто рискованной, но смертельно опасной. Разрабатывая план своего побега, она не учла того, что не только ее жизнь бежит вперед бешеным галопом, но что-то меняется и у ее триады. Все-таки ей далеко до Греты, с ее аналитическими способностями видеть то и там, где никто ничего не просто не видит, но даже и предполагать не может наличие там чего-нибудь.

– Ладно, я тоже пойду уже, – сказала Брита, – так мы тебя и не послушали, что с тобой было-то?

– Это ничего, что не послушали, это хорошо даже, – улыбнулась Света, – мне так и надо сначала, чтоб вы информа-

цию посмотрели. Ведь Грета придумает же как посмотреть, чтоб не засекали? – с надеждой в голосе заторопилась она сказать, – там... ну, сами увидите... и... поймете тогда. Поймите меня... Я ждать буду.

Брита стояла, наклоняясь к полулежащей Свете и держа ее за руку, как вдруг отдернула руку и побледнела, но тут же смутилась и присев рядышком на корточки, попросила: – Ой, Свет, прости, я просто никогда вживую не видела...

Света тихо и счастливо засмеялась, поглаживая себя по животу.

- Толкается, – открытая улыбка Светы просто обезоружила Бриту. Она не чувствовала, конечно, презрения или брезгливости по отношению в Свете так, как чувствовала бы по отношению к любой другой ячейке, отправленной на миссию продолжения рода, но и отношение Светы к своему положению тоже было ей непонятно. Все время пока они разговаривали, Брита боролась с противоречивыми чувствами – она была больше привязана к Свете, чем к Грете, и была безумна рада теперь снова увидеться со Светкой. Но вот к ее теперешнему положению относилась, как бы это сказать, осуждающе, хотя понимала, что Светка тут не виновата... Как показало время, Брита абсолютно не понимала ситуации.

Пытаясь разобраться в обуревающих ее чувствах, Брита лежала на кровати и смотрела в темноту. Пару недель хватило Грете, чтобы разобраться с управлением освещением комнат так, чтобы свет горел или не горел тогда, когда ре-

шит человек, а не автоматика. Параллельно с этими преобразованиями были проверены все поверхности в комнатах на предмет сюрпризов от службы надзора. Лишняя мебель была вытащена общими усилиями с громким показательным скандалом в коридор, безделушки, по большей части, сложены в пустые ящички и шкафчики, кровати перестелены и значительно потеряли в мягкости.

Сегодня вечером, напрямую не требуя отчета в том, где они были, с каждой из них связалось как минимум два куратора с поздравлениями. Поздравляли их с первым свободным выходом – блестя глазами от любопытства и ожидания скандала. Брита не утруждала себя никакими объяснениями или оправданиями, справедливо предположив, что все объяснения уже дала Грета.

Девушки не виделись после возвращения от Светы. Грета лихорадочно соображала, как можно прочесть информацию с кристальной бусины, не вызвав подозрений. Сделать это было нужно как можно быстрее, Грете казалось, что каждая секунда, потерянная ею, ведет к катастрофе. Какой? Грета не знала, но ей было очень страшно, ужасающе страшно. Впереди она видела только темноту, страшную... и манящую. Она как будто опрометью бежала к ней, но темнота ускользала, и это приносило облегчение, а потом снова заставляло искать темноты.

Так она и уснула – всю ночь ей снились непонятные коридоры, крутые лестницы, обвалившиеся провалы перекры-

тий, какие-то квадратные, непривычные помещения, эскалаторы, темный, крутящийся лифт. Она куда-то бежала, карабкалась, что-то искала...

Проснулась Грета рано, с тяжелой головой и тревожными мыслями. Вставать не хотелось, думать тоже. Она вдруг поняла, что смертельно устала быть другой и скрывать это. Да, конечно, ей был противен тот серпентариум единомышленников (она в каких-то старых информационных пакетах встретила это выражение и из-за своей странной необычности оно засело у нее в голове), членом которого она так долго стремилась стать. Но еще отвратительнее была необходимость, скрывая свою истинную сущность, притворяться хуже и подлее тех, из-за кого приходится жить эту чужую жизнь.

Грета заставила себя встать и заварить свой традиционный кофе. На запах заглянула сонная Брита. Они изрядно перенервничали вчера и обе сегодня были не в лучшей форме.

Брита проворчала что-то вроде:

- Хорошо день начинается... так воняет, будто все модусы перегрелись... Как можно такое в рот брать...

Проводная технология, известная нынешнему поколению только по истории электрификации, могла бы подсказать ей совсем другое сравнение, но в современном Брите и Грете мира запах паленого мог быть идентифицирован только с неприятным запахом перегревшегося пищевого аппарата.

Грета не ответила – решений не было, настроение было

препоганое, тревожность нарастала, даже кофе не успокаивал; кристаллический шарик, казалось, прожигал карман. Проблема заключалась в том, что даже у кураторов, как показал опыт, модусы были подключены в общую сеть, а то, что с их помощью можно было видеть больше информации, было обусловлено специальной системой уровней доступа. Небольшие количества информации можно было просмотреть, запустив ее в сеть со своего модуса и успев отчитать до того момента, когда система защиты отловит поток на тех уровнях, где быть ему не положено. Брита с Гретой этим пользовались давно и успешно, но такое огромное количество информации, причем явно информации запрещенной, запустить со своего модуса и очень рискованно, и непродуктивно – система защиты отловит ее раньше, чем они успеют отчитать хоть сотую процента всей информации.

Решить проблему можно было, имей они автономный модус, Брита, наверняка, бы даже его собрала. Но как его хранить? Где? Как прятать? Да и времени возьмет... А времени и не было. Это был самый подгоняющий фактор. Попробовать закольцевать свой модус так, чтобы он не имел выхода на сеть? Но, скорее всего, это будет сразу замечено. Грета давно уж просто из врожденной любознательности и вьедливости пыталась найти более или менее внятное описание глобальной инфосети, но как она ни старалась доискаться хотя бы примитивных схем или алгоритмов ее работы, ничего не находилось. И было похоже на то, что эта информация была

не спрятана – спрятанное, в конце концов можно найти или сложить знание из косвенных указаний на него, этой информации вообще не было!

Грета методично вспоминала, что именно она знала или видела по вопросу архитектуры инфосети. Она так и стояла у стеклянной панели, уставившись сквозь толщу стеклобетона, почти не искажающего вида того, что было за стенами их цилиндра. На улице резко потемнело, резкий порыв ветра поднял в воздух какую-то зазевавшуюся птичку – эта геномодифицированная живность была на редкость глупой и напрочь лишенной природной интуиции, свойственной всем естественным живым существам, имеющим необходимость бороться за свое существование. За окном сплошной стеной хлынул ливень, в коридоре стало темно как ночью. Грета не двигалась с места. Взгляд ее бесцельно блуждал по темным пятнам закрытых дверей остальных комнат в этом коридоре. Вдруг тонкий, но очень яркий луч на мгновение показался под одной из дверей. Грета напряглась, через несколько секунд была еще очень короткая вспышка. Потом долгих пять минут ничего не было, но Грета продолжала смотреть на двери как замороженная. Брита подошла к проему своей двери и напрягая зрение после яркого света, который горел в ее комнатах, всматривалась в темноту в ту сторону, где стояла Грета:

– У меня модус прыгнул, – громко в темноту крикнула она, – наверно, от грозы? У тебя все в порядке?

В это мгновение, она увидела как темный силуэт Греты как-то странно шатнулся в глубь коридора, Брита перевела взгляд и смогла уловить последний отблеск третьей вспышки под одной из дверей. Она уже вышла в коридор, глаза, привыкшие к темноте, помогали вести немой разговор с Гретой.

Девушки привычно мягко подошли к одной из дверей. До этого момента им и в голову не приходило проверить, открыты ли эти двери. Это было рискованно, да и казалось невероятным. Грета аккуратно, но настойчиво толкнула дверь, прикладывая кольцо ко всем возможным точкам замка. Что-то щелкнуло, но дверь не поддалась. Она толкнула еще раз, глубже и грубее – дверь была закрыта. Так же тихо, но стремительно быстро они переместились ко второй двери – снова закрыта. Третья дверь. Перед ней Грета замешкалась на мгновение – это была именно та дверь, под которой она увидела первые две вспышки – Брита прикоснулась своим кольцом к верхнему правому углу двери... и она открылась! В комнате тоже было темно, и пахло... вареным кофе. Грета осторожно, стараясь ничего не задеть, продвигалась к точке концентрированного запаха – это был сгоревший модус устаревшей модификации.

Вернулась Брита с аккуратным фонариком, став спиной к стене, - она, как назло здесь тоже была стеклянной, Брита передала фонарик Грете. Грета профессионально оглядывала модус, одной рукой ищущая что-то в карманах, другой подсвечивая фонариком интересующие части модуса. Зажав что-

то в ладони, Грета вернула фонарик и решительно включила модус. Брита ахнула вслух, но тут же закрыла лицо руками. Модус засветился, но больше ничего не произошло, на экране не появилось привычной заставки, которая всегда появляется при присоединении к инфосети. Брита с Гретой переглянулись – обе были похожи на насмерть перепуганных нашкодивших ячеек первой линии.

– Фу-х, – перевела дух Брита. Грета как-то нерешительно поднимала руку с зажатой в ней ручкой от чашки – того самого материализатора, который сделала для нее Брита. Брита снова затаила дыхание. Грета решительно приложила материализатор к экрану. Ничего не произошло. Грета закусила губу и поменяла место касания. Ничего. Брита чуть не плакала. Вдруг экран зажегся и по нему побежала информация: картинки, тексты, – звука, правда, не было. Грета убрала руку с экрана, положила материализатор в кармашек, подняла глаза на Бриту, и девушки, обливаясь холодным потом от страха, аккуратно закрыв за собой дверь, разошлись по своим комнатам. Грета бросилась к своему модусу – нужно попробовать найти следы той информации, которую они только что запускали на чужом модусе. Это была учебная информация, находящаяся в общем доступе с определенного уровня обучения, но отличалась своей полнотой – это была тщательно отобранная Гретой информация по одной теме. Обычно такую информацию наоборот дробили и распределяли по разным уровням обучения или даже для курсов

разных специальностей. Брита уже запустила поиск на своем модуле – следов не было. Значит модуль отключился от инфосети и работает автономно!

Теперь им оставалось ждать, если инфосистема не отследит, что на неиспользуемом модуле шла информация, значит... Ну и везунчик, эта Светка! – подумала Грета, и тут же осадила себя. Еще не факт, что модуль включится снова, даже если и не отследят запуск информации...

Брита не выдержала: удостоверившись в том, что в сеть ничего не попало, она тихонько вышла в коридор и стала напротив открытой двери в комнату Греты. Грета, увидев ее, нахмурилась, но Брита жестом показала ей на стеклянную стену, за которой бушевала гроза. Казалось, небо упало на улицы города – все было черно, иногда только эту черноту прорезал отблеск молнии, стеклянная стена, будто подсвеченная изнутри, становилась сумеречно прозрачной, но через секунду все было так же черно.

По здравому размышлению Грета тоже решила, что в такую погоду, когда даже модули не выдерживают, система наблюдения не представляет большой опасности, и при разумной осторожности, можно этим воспользоваться. Она вышла.

Девушки, аккуратно захватывая стороны модуля согнутыми в локтях руками, бережно развернули его так, чтобы ни от двери, ни от стеклянной стены невозможно было понять какого рода информация бежит на экране. Правда, переме-

стить его так, чтоб совсем не было видно, что он включен, не удалось. Переносить его тоже не имело смысла – коридор был обследован ими только в той его части, где они могли подать друг другу знак из коридора в комнату.

Грете даже не пришлось прикладывать шарик к монитору, она только положила его рядом с модусом, как экран замигал, погас, снова замигал – девушки боялись вздохнуть – и информация потекла. Стараясь лишний раз не прикасаться к экрану для управления информацией, девушки жадно впитывали все, что было на экране. Уже не договариваясь – каждая знала, что обратит максимальное внимание на те куски информации, по которым у нее больше опыта и знаний – девушки, согнувшись в три погибели перед экраном, в любую минуту готовые сорваться с места, впитывали каждый информационный спин.

Стоять было неудобно, и рискованно было вообще находиться здесь, но от того, что они узнавали, у них волосы на голове дыбом становились. И даже если бы в этот момент в дверях появился Совет в полном составе, они не оторвались бы от экрана!

Они закончили не скоро, гроза давно перешла в противный мелкий дождик, косо сыплющий с серого хмурого неба свои последние капли. Экран погас. Как они поняли, этот информационный материализатор ознакомил их только с кратким содержанием того, что можно было во всех подробностях, с цифрами, фактами и графиками увидеть на нем. Гре-

та молча положила шарик в кармашек и выключила модус. Не глядя друг на друга, девушки разошлись по комнатам.

Брита прошла в ванную, не включая свет, умылась привычно теплой водой, потом что-то подрегулировав в кране, набрала в ладони ледяной воды и бросила себе в лицо, потом еще, и еще... Дрожа от холода, с красными слезящимися глазами, шмыгая носом, Брита забилась под одеяло. Накрывшись с головой и свернувшись калачиком под одеялом, она стала беззвучно плакать. Так отвратительно безысходно ей не было никогда в жизни, все страхи ее жизни: несправедливые и подлые кураторы, опасность заражения в анализ-блоках, страшный вирус, которым заразили Грету – все это показалось ей таким ничтожным, таким глупым и нестрашным по сравнению с тем, что они с Гретой увидели, узнали сегодня. Вспомнив что-то особенно ярко из полученной информации, Брита перестала плакать – ужас, давивший на нее, не выпускал слезы наружу. Она задыхалась, но не хотела откинуть одеяло. Вдруг ей в голову будто током ударила мысль о том, что все, что они сегодня просто узнали, Светка, их мягкая, доверчивая и наивная Светка, все это перенесла! И что сейчас она одна посреди ужасной стихии! Брита похолодела: – Там же нет крыши! Наплевав на конспирацию, она бегом рванула к Грете.

– Крыша!?! – безумным шепотом выдохнула она. Грета сидела за столом, уставившись в полупрозрачный экран модуса, и с абсолютно невозмутимым видом пролистывала

сводку происшествий. На вбежавшую Бриту взглянула мельком, и снова уставившись в экран, глухо ответила: – Нет, я оставляла палатку со сливом.

Брита успокоилась - Грета, как всегда продумала все детали, но как же она такое говорит вслух?! Брита стояла у входа и не решалась ни пройти дальше, ни выйти.

Грета отвлеклась от экрана и, повернувшись к Брите, пояснила:

- Синоптики предупреждали, но, им, как всегда, никто не поверил. Почитай новости: гроза – это, оказывается, остатки роскоши... Молния вывела из строя систему. Всю, – Грета помолчала. – Всю, – повторила она, потому пока работаем на старой, неголосовой.

Об этой аварийной системе они знали с Гретой еще со времен обучения на предпоследней ступени – если бы их не наметили в кураторы, работали бы они сейчас в инфоцентре, на обслуживании и профилактике спайсистем или на наблюдении.

Брита немного расслабилась, но говорить в открытую о том, что тревожило их сейчас, они все равно не рискнули, да и вряд ли были в состоянии. Только сейчас Брита обратила внимание на время – в той комнате они просидели больше шести часов... Просидели. Простояли, не замечая, насколько неудобны были принятые им позы. Теперь все тело болело, шок прошел и к девушкам начала возвращаться способность чувствовать. Брита, например, почувствовала не толь-

ко ноющие мышцы, но и бурчащий желудок.

– Есть будем? – обратилась она к Грете. Грета помотала головой, но подойдя к автомату, стала набирать какую-то новую программу.

– Думаю, что сегодняшнее меню никого не заинтересует, – Грета утвердительным кивком головы подтвердила свои слова. Между тем, автомат стал выдавать еду в упаковочной таре, так сказать «на вынос». Брита всмотрелась в содержание программы, которую обрабатывал автомат, и уже второй раз за сегодняшний вечер похвалила Грету за предусмотрительность: автомат выдавал упаковки молочного питания и специального питания для выполняющих миссию. Брита уже было рванула к своей комнате, но Грета ее остановила:

- Нет, я схожу. А ты – здесь. Будешь прикрывать.

Брита хотела возмутиться, но все-таки согласилась с тем, что Грета, как менее эмоциональный индивид, что бы там ни случилось (все замерло внутри), будет более полезна и справится с любой ситуацией четко и рассудочно.

Автомат продолжал выплевывать упаковки. Грета подхватила несколько упаковок и направилась к себе в комнату. Через минуту она уже проходила мимо Бриты в сторону выхода. За спиной виднелся рюкзак, на ногах были дождевые бахилы. Махнув в сторону автомата рукой, Грета сказала: – такое количество можно объяснить только сбоем в программе, подмигнула Брите, усмехнулась, надвинула капюшон и легко побежала по коридору.

Решение

После обрушившегося на них знания, вернувшись в свою комнату Грета очень долго вообще ничего не чувствовала, рассудок не принимал информации, душа протестовала и ныла. Грета не чувствовала ни ужаса, ни безысходности, ни отчаяния, ничего. Она даже не чувствовала, что ничего не чувствует и ей это было абсолютно безразлично. Она походила на автомат.

Присев со своим инфомодусом в удобное кресло у стола, Грета разбудила экран и увидела бегущую строку с призывом сохранять спокойствие. Сразу же запустила инфоленту с последними происшествиями. Вернувшаяся способность воспринимать и анализировать информацию стала постепенно выводить Грету из состояния безразличия. Мысли о том, что необходимо предпринять в свете последних событий текли четко, но к ним постоянно примешивались страшные воспоминания из того, что было на стеклянном шарике, особенно, если она чуть дольше задерживалась на мыслях о Свете. Она знала, что если не будет сейчас чем-нибудь занята, то сойдет с ума – рассудок не принимал информации и отказывался укладывать ее фрагменты в общую структуру знаний, анализа, постоянно происходящего у Греты в голове по самому даже незначительному поводу, не происходило.

Сейчас Грета бежала под снова заморосившим против-

ным дождиком, было мокро, холодно, темно – фонари не за- жглись, то и дело попадались оторванные ветки и трупки модифицированных животных, но Грета чувствовала себя здесь все равно лучше, чем в своей уютной комфортабель- ной комнате. Она не умела плакать, по крайней мере, не уме- ла плакать как Брита – сразу и глубоко, очищающее. Грета плакала очень редко и только от такого отчаяния, какого, не дай небо, испытывать кому-нибудь еще.

Сейчас ей было не до отчаяния, она должна была сделать все от нее зависящее, чтобы помочь Свете. Помочь, а что потом? Потом, Грета эта чувствовала, она не сможет жить со всем этим знанием, и ничего не предпринимать. Но что можно предпринять? Все-таки подкатывало отчаяние. Грета тряхнула головой и побежала быстрее. Когда в поле зрения появилось их тайное место, Грета побежала, что есть сил, чтобы физическим усилием отогнать неотступающее отчая- ние.

Прямо у входа в простенок, Грета вильнула и, сделав об- манный вираж за угол, вдруг вынырнула совершенно с дру- гой стороны и осторожно проскользнула в проем. Внутри бы- ло мокро, по одной из стен ощутимым потоком текла вода, но уклон пола не давал ей разливаться внутри простенка – разливаясь широкой лужицей, она медленно стекала сквозь много численные разломы и щели на улицу.

Пока темнота скрывала этот ручеек, не о чем было беспок- оиться, но если водопад не закончится до того момента, ко-

гда на улицу выйдут уборщики, убежище может быть обнаружено... Грета отправила обработку новой задачи на второй план, а сейчас сосредоточилась на Свете. Света спряталась от дождя, льющегося прямо на голову, в палатке, которую принесла Грета, которая как всегда подумала заранее, что в это время года бывают дожди, - и не услышала как появилась Грета.

Света никого не ожидала в такую погоду, а, зная какого рода информацию предстоит осознать ее ячейкам, вообще не ждала никого из них раньше, чем через две-три недели. После последнего посещения Греты и Бриты, она почувствовала себя лучше и даже уверенней. То, с какой заботой они к ней отнеслись, убедило ее в том, что она не ошиблась, рассчитывая на их помощь и понимание. Временами ее грыз небольшой червячок сомнения в правильности ее поступка и огромный червь вины за то, что она втянула их во что и сама еще не до конца понимала, не спрашивая об их желании. Но дело было сделано, да и, в конце концов, почему бы им стать теми, кто взбунтуется против провонявшей насквозь лужью и лицемерием системы? Когда Света доходила в своих рассуждениях именно до этого момента, ей, как правило, становилось стыдно: эти высокие слова... а ведь на самом деле, всю эту кашу она заварила только ради самой себя! Ну не себя, а своего... ребенка... Но что такое ребенок в этом мире ячеек и индексов?

Когда Грета заглянула в палатку, Света вначале очень пе-

репугалась – в темноте согнувшийся горбатый силуэт ничем не напоминал Грету. Грета, правда, сразу сказала: – Я, не бойся, – и сразу перешла к делу, – Что, как?

– Н-н-нормально все, – Света всегда пасовала перед напором Греты и никогда не успевала за ее быстрыми переходами от одного дела к другому: Грета аккуратно выкладывала упаковки с питанием.

В палатке было темно и тесно, Грета положила последнюю упаковку к силиконовой стенке палатки, включила тусклый фонарик, осветила на Свету. Остановив луч фонаря на ее животе, спросила: – Сама как думаешь, когда?

– Думаю, еще месяца два ждать... робко проговорила Света. Все-таки она побаивалась Грету, а сейчас от той веяло каким-то нечеловеческим холодом.

– Я вот удивляюсь на тебя, Света, ну как ты себе представляла житье-бытье еще три месяца?

– Это случай, просто, – потупилась Света, – я хотела только через месяц убежать. Так получилось, просто, – она подняла на Грету просительный взгляд.

- Случай, – не спросила, а будто приказала Грета.

Света замаялась, не зная с чего начинать, Грета помогла ей: – Мы уже все посмотрели, вот, только закончили. Света распахнула глаза – в этот момент, ей казалось, что перед ней сама Праматерь, такое уважение и почтение испытывала она в эту минуту к Грете. Узнать такое, и быть в состоянии что-то делать и делать как всегда рассудочно и расчетливо. Не

человек...

Грета нетерпеливо шевельнулась. Света оставила свои размышления и заторопилась:

- Ну, там, когда утилизируют, ну, вы видели, - Света искала подтверждения на лице Греты, та поморщилась, как от боли, - они некоторых же живыми приводят, если целесообразности больше нет. И обычно не сопротивляется никто уже, сил нет, да и... все равно... сил никаких уже нет... Да и некоторые из высших кураторов такое зрелище себе за развлечение считают... - Света говорила сбивчиво, но спокойно, обыденно как-то. Грета ужаснулась: ведь не может же человек к такому привыкнуть? Или может? - Вот, - продолжила Света, - а тут Сивиллу привели, а она прямо будто только для этого силы и копила, - Света рассказывала с каким-то даже воодушевлением, радостью...

- Кого привели? - прервала ее Грета.

- А, ну, Сивиллу. Понимаешь, Грета, мы там... в общем, там по-другому все, другие отношения между..., ну... - она замялась, - д...д...девочками, - проговорила и остановилась, ожидая реакции Греты. Грета лишь утвердительно качнула головой и сама твердо и уверенно произнесла: - Девушками. Я... Мы знаем, - и даже чуть улыбнулась. Света готова была кинуться ей на шею, и, если бы это была Брита, так бы и случилось, а конструктивная беседа перетекла бы в океан слез и восклицаний.

- Продолжай.

– А, ну, в общем, мы там, особенно те, кто совсем на миссию, навсегда, мы там вместе все, дружим что ли. Ну, как везде, и гадов хватает, но их быстро вычислить можно... – поняв, что сбилась с мысли, Света встрепенулась и тотчас же вспомнив, затараторила: – По именам называемся, а если одинаковые имена, то свои придумываем, но чтоб не индексы только. Там, кроме меня, еще одна Света была, уже была, когда меня... ну, в общем... Так меня там знаешь как? Огонек называли, вот как свет, только Огонек, – Светка лучилась воспоминаниями, – я ж улыбаюсь всегда, – пояснила Светка, – вот и Огонек. Она остановилась, не понимая, какую именно эмоцию выражает сейчас лицо Греты. А Грета была в недоумении, в замешательстве – значит в самых нечеловеческих условиях, подвергаясь самым невообразимым издевательствам и унижениям, можно оставаться человеком и поддерживать себя и других мелкими радостями?!

– Огонек, – как бы пробуя новое слово, проговорила Грета и неожиданно даже для самой себя, счастливо засмеялась. И тут ее прорвало, вся безысходность, тоска, отчаяние вдруг вырвались наружу и она разрыдалась, уткнувшись лицом в живот Огонька.

Что-то легонько, но настойчиво вдруг ударило ее в щеку. Она отпрянула, но плакать перестала. Света напряглась. Грета размазала слезы по щекам, шумно шмыгнула носом и осторожно положила руку на живот Светы. Ребенок больше не толкался – наверное, почувствовав силу, исходящую

от Греты, затаился. Грета ждала, ей на руку, что-то капнуло: - Светка, что с тобой? – Грета испугалась и хотела убрать руку, но Света, с мокрыми от слез глазами, удержала, накрыв ее руку своей, и тут ребенок снова толкнулся – обе девушки облегченно рассмеялись.

Грета уселась поудобнее и намного мягче попросила: - Дальше?

Света тоже почувствовала себя гораздо уютнее, не переставая про себя удивляться тому, как легко железная Грета переборола в себе отвращение к... А может, это и не сейчас произошло, да и было ли...

– Да. Сивилла до того шумела, брыкалась и все громила, что в утилизационную прибежали постепенно все, кто был тогда на дежурстве. Она и утилизатор поломать умудрилась, – грустно улыбнулась Светка, – еще пару недель для других таких же...счастливицков ... выбила. Света горько усмехнулась и торопливо продолжила: – Ну, я и вышла потихонечку, вышла, да и пошла... и ушла. И не хватились сразу, а потом уже головой думала, где есть наблюдение, где нет. Мне повезло, я на тот момент уже начала припрятывать воду и еду, чтоб сбежать. Но сама понимаешь, много еще не насобирала, думала, еще два месяца мне собирать как минимум... Потому сюда и пошла. А так бы во внешнюю зону ушла, наверное...

– Ну и накрыли бы тебя там на гравилетах через день, – раздосадовано перебила ее Грета, – а не нашли бы они, так

там и без них хватает, кому на тебя поохотиться...

Света поглядывала на Грету, гадая, можно ли ей открыть-ся... Грета заметила метания девушки, но не знала, хочет ли она действительно знать все тайны Светы сейчас.

Света решилась, – Грета, ты, наверное, происшествия просматривала... – Грета утвердительно кивнула головой, – Грета, ты не помнишь, месяца два назад... побег из ... из миссии... Света подняла глаза на Грету, в глазах было столько боли...

Грета пыталась вспомнить... Никаких громких побегов из миссии не было уже очень давно. Громких... Вот оно! Действительно, громких не было, но Грета вспомнила, что как раз перед тем, как ее свалил вирус, ее удивило небольшое уведомление в разделе происшествий – из миссии продления рода пропал индивид, мужская особь... Грета тогда не успела ни удивиться, ни проанализировать информацию... А потом забыла... Когда после выздоровления она со свойственной ей педантичностью отчитала все новости с того самого дня, когда читала их последний раз, ничего подобного ей не попадалось, потому этот мелкий фактик просто выпал из памяти...

- Мужская особь? – осторожно спросила Грета?

Света прикусила губу и кивнула.

- И? – спросила Грета. Света открыла рот, будто желая что-то сказать, развела руками и, нервно пожав плечами, вздохнула и опустила глаза.

Грета сообразила: - Свет, но было только уведомление о том, что пропал... больше не было ...ничего.

Таких огромных искрящихся глаз у Светки Грета даже не подозревала:

- Грета, Грета, небо, не нашли? Не нашли! Может, получилось? И ведь не узнать... Грета, но ты точно...ну да, ты точно...знаешь...

Света так разволновалась, что Грета забеспокоилась, и не зря...

Брита всю ночь изображала присутствие Греты в ее комнате, не забывая иногда и о своей спальне. Около трех часов ночи инфомодусы голосовым сообщением оповестили всех о том, что неполадки инфосети устранены. Это сообщение и разбудило Бриту, нечаянно заснувшую на полу в дверях своей комнаты. Спросонья она мало что понимала, но отсутствие Греты и поздний час отметила. Прослушав сообщение несколько раз, она переключила режимы и стала просматривать ленту происшествий, замирая от страха, что найдет там сообщение о Грете. Но все обошлось – на ленте ничего не было, однако она по-прежнему не представляла, что должно было такого случиться, чтобы Грета не смогла вернуться в цилиндр. Самые страшные предположения Брита отмела почти сразу. Если бы Грету или Светку обнаружили – лента бы уже кричала об этом – значит не то. Если предположить, что со Светкой что-то случилось, а Грета настолько разволновалась, что... – нет, бред...Грета разволновалась?...хм... – Бри-

та отбросила и эту мысль, – Ну, почему надо было снимать средство связи!?! Ну, правильно. Конечно, тем более, что вне цилиндра их хитрые устройства работали с большими перебоями, а уж на таком расстоянии... Но вдруг бы... Может, она не может выйти из укрытия? Слежка? Работы? Нет, все равно бы что-то придумала... – Брита терялась в догадках, постоянно переходя из одной комнаты в другую и, боясь не перепутать, когда нужно сопеть, храпеть и шаркать ногами, а когда неслышно-невидно передвигаться.

К шести утра Брита абсолютно выбилась из сил от постоянного напряжения и неизвестности. Хуже всего было то, что в семь часов официально начинался день и в любой момент их могли призвать к модусу... Брита лихорадочно придумывала, как можно скрыть отсутствие Греты, пробегая глазами инфоленту. Её внимание привлекло сообщение о сбое в системе защиты лабораторных блоков в том цилиндре, где они занимались научной деятельностью до посвящения в кураторы. Внимание привлекло не столько само сообщение, а странное несоответствие времени происшествия и времени окончания грозы – по всему выходило, что сбой произошел уже после того как не только гроза закончилась, но и неполадки были устранены.

Брита все еще терялась в догадках относительно причин такого случая, как вдруг даже не услышала, а каким-то неизвестным ей способом почувствовала, что вернулась Грета. Дрожа от волнения и боясь ошибиться, Брита спокойно вы-

шла из комнаты и направилась к Грете. Грета действительно вернулась, она была вымокшей и еле плелась по направлению к ванной. Рюкзака при ней не было.

Когда она повернулась к Брите, та чуть не ахнула – на Грете не то, что лица не было, нет, глаза ее были полны какой-то тихой радостью, но вот огромные черные круги, за одной ночь осунувшееся лицо и жуткая, бледность, которая проглядывала через разводы пыли и какой-то липкой грязи на ее лице...

Сердце Бриты закатилось куда-то так далеко, что она даже дышать перестала – у Греты всегда с собой были немалые запасы антисептической и антибактериальной жидкости, с которой она не расставалась никогда, она была чистюлей, а тут такое...

Грета, несмотря на нечеловеческую усталость, которая читалась в ее жестах и сгорбленной фигуре, вдруг достаточно громко сказала:

– Брита, хорошо, что зашла – всю ночь я промучилась. Что-то с желудком, так и не уснула до утра... Попробую принять ванную и посплю, может. – Предательски заплетался язык и хрипел голос.

Брита включилась с трехсекундной задержкой.

- Да, я слышала, что ты бродила как приведение с трех ночи. И мне спать не дала. Я тоже теперь отдохнуть хочу – так что рассчитывай только на себя.

Грета кивнула головой, она поняла, что опасаться надо

было наблюдения только после трех часов ночи. Брита, терзаясь жутким любопытством, тем не менее, доиграла до конца. Фыркнув и круто развернувшись в сторону своей комнаты, она добавила: - Смотри не утони! – и вернулась в свою комнату. Кинув безразличный взгляд на все еще бежавшую инфоленту, Брита пошла в спальню – она вдруг нестерпимо захотела просто уснуть, и будь, что будет. Грета здесь, все хорошо, – последнее, что успела подумать Брита, укладывая голову на подушку.

Тишину их сонного царства за целый день так никто и не потревожил – вчерашний шторм всем принес немало забот. Часов в пять вечера, когда уже начинало смеркаться, и стеклянная стена в коридоре больше не рассеивала мягкий дневной свет, девушки, наконец, проснулись. Первой проснулась Грета. Вспомнив все то, что ей пришлось пережить прошлой ночью, она сама ужаснулась и почувствовала, что как-то резко даже не повзрослела, она всегда была ответственной и собранной, а постарела, именно постарела. Тело хоть и отдохнуло, но болело и ломило так, будто ее всю ночь охаживали палками. Чуть привстав в кровати на локте, она глянула в угол спальни – вчера она оставила там свою грязную одежду для бактерий-мусорщиков – и улыбнулась: умницы бактерии справились. Грета снова откинулась на подушки, левая рука достала что-то из-под подушки, потом Грета отчаянно почесала ухо и снова улыбнулась – этот прием вставления устройства связи они придумали с Бритой совсем недав-

но, когда появилась необходимость время от времени снимать устройство. Брита проснулась от легкого шороха прямо в ухе, вчера сразу после возвращения Греты, она проделала точно такое же почесывание уха, которое заставило сейчас улыбнуться Грету.

Брита громко зевнула, Грета побряхтела, вставая – вот тебе и «с добрым утром» подумали обе. Обнаружив, что утро незаметно превратилось в вечер, девушки незамедлительно направились к своим модусам. Грета пренебрегла ритуалом кофепития, но прежде чем сесть за рабочий стол, прошла к пищевому автомату и ввела заказ. Дождавшись пока автомат выдаст все, что заказывала, Грета потащила свой поднос к модусу.

Брита начала первой – она уже запустила инфоленту и теперь читала ее вслух, что-то быстрее, что-то медленнее, особо четко она выделила информацию о времени устранения неполадок и о сборе в системе защиты лабораторий. Грета, набив рот какими-то хрустяшками, пробежала глазами инфоленту, а когда голос Бриты в левом ухе замолчал, задумчиво прожевала: – Лаборатория... это ж наша... и с задумчивым видом направилась к Брите, якобы обсудить новость.

– Видела? – спросила Грета от двери, все еще что-то жуя, – Не твоих рук дело? Небось, неверно набрала код защиты?

– А ты не насмехайся, я за цунами ответственности нести не могу... также как и за тупость некоторых... – Брита презрительно фыркнула, – тех некоторых, которые даже не зна-

ли никогда этого кода.

Это правда, у них было заведено – коды защиты всегда вводила Брита, Грета же не афишировала своего знания и прикрывалась прекрасной легендой о том, что никак не запоминает эти абракадабры. Это давало возможность бесконтрольно, не отмечаясь в службе защиты, приходиться Брите в лабораторию в то время как Грета из всех сил изображала их обоюдное обучение у модуса.

Грета фыркнула: – ну уж, небольшая заслуга бесполезный набор знаков вызубрить – «а фэ четыре е», корень из двух! – Грета нарочно воспроизвела два отрывка из кода и Брита поняла, что этой ночью Грете пришлось вспомнить не только эти отрывки. Но зачем?!

– Может там инкубаторы взбесились? – хохотнула Грета, – решили покончить собой из-за собственного к себе презрения?

У Бриты глаза заполнили все лицо, она не верила своим ушам. Это что же, Грете понадобился инкубатор? Ночью?! Неужели нельзя было подождать и так не рисковать – за два месяца до срока, когда у Светки должен будет.. должен ... выйти плод, они бы что-нибудь бы придумали!

– Бред, – как выплюнула Брита, – шуточки твои как всегда омерзительны. Фу, – добавила она и демонстративно пошла в коридор. Омерзительны как твое чавканье.

Грета тоже вышла. Она видела, что Брита не поняла всего, что она хотела ей сказать, но как еще объяснить? Грета

вернулась в свою комнату, взяла еще хрустяшек и снова вернулась к Брите в комнату. Брита стояла в коридоре у окна и пыталась обдумать ночное происшествие с учетом новых фактов. То, что со Светкой все в порядке было понятно просто из того, что Грета этой темы не касалась. Ну и хорошо... Только непонятно, зачем было так рисковать и почему нельзя было ее, Бриту предупредить.. Может, Грета переутомилась, она вчера уходила странная какая-то... Брита видела, как Грета зашла к ней в комнату и хихикая выскользнула из нее. Постояв еще немного, Брита вернулась.

На столе ифномодуса были рассыпаны те самые хрустяшки, которыми чавкала Грета. Брита уставилась на них с удивлением и краем глаза увидела в дверях подглядывающую Грету, которая вдруг захохотала в голос и убежала снова в свою комнату. Продолжая хихикать, она, будто себе под нос, злорадствовала: – Чавкание тебе не нравится, может, чавкать нечем? Ну, хоть несколько зубов, может, осталось? Вот тебе на каждый оставшийся зуб...

Брита вслушиваясь в предназначенное для нее бурчание, отметила, что хрустяшки рассыпаны неровной линией, а последние две лежат как бы отдельно. Та-а-к... Всего девять, семь и две, две раздавленные, остальные целые... Инкубаторы... девять... семь...

Светка выполнила миссию!?! – осенило Бриту. Она сдавленным охрипшим голосом сказала только: – Кошма-а-р! И оставив хрустяшки на бактерий-мусорщиков, опрометью по-

мчалась в ванную.

Бриту тошнило. Она представила, чем пришлось сегодня ночью заниматься Грете, она представила Светку... Она была очень привязана к Светке, испытывала к ней какое-то странное чувство – хотелось ее защитить, пожалеть... А Светкина улыбка? Брита и сейчас часто вспоминала ее в минуты грусти. И вот рядом с этими добрыми, почти нежными чувствами теперь появилось чувство брезгливости, воспитанное в ней тем обществом, где она вынуждена была лгать и притворяться, чтобы оставаться собой.

Грету очень расстроила такая реакция Бриты, но поразмыслив, она пришла к выводу, что неизвестно как бы сама она себя повела в подобной ситуации. То есть, если бы ей не пришлось брать на себя ответственность за жизнь Светки и рисковать безопасностью не только своей, но и Бриты, думая только о том, как поступить в следующий момент, когда совершенно не до эмоций или этической оценки происходящего.

Света чувствовала себя нормально. Когда вчера к ней снова пришла зыбкая надежда на то, что выведенный ею из миссии продления рода полгода назад Юно жив, она так разволновалась, что начались схватки и им с Гретой пришлось импровизировать. Больше, конечно Грете.

Всю ночь Грета работала на пределе своих интеллектуальных и физических возможностей. Она была в своей стихии – экстремальная ситуация, в которой от скорости принятия ре-

шений зависели и жизни, и сама необходимость дальнейших действий, – она совершала такие поступки, на которые никогда в обычной жизни не смогла бы решиться. Но рядом с беспомощной Светой, растерянной и почти обезумевшей от боли, Грета была и судьбой, и провидением, и счастливой случайностью, и стечением обстоятельств. Ночь, ливень, неполадки в системе безопасности – все эти чрезвычайные происшествия, в обычное время доставившие девушкам немало неудобства, сейчас казались вовремя организованными отвлекающими мероприятиями.

Грохот ливня заглушал то и дело вырывавшиеся вопли боли и отчаяния – специальных обезболивающих средств, применяемых в таких случаях, у Греты, понятное дело, с собой не было, а тот минимум анестетиков, который она носила с собой, никогда не был полным, даже по норме хранения таких лекарств в обязательной для ячейки аптечке. Еще в детстве Грета обнаружила у себя удивительную способность чувствовать боль не так остро и сильно как другие, а то и вообще не замечать неприятных ощущений, доставляемых организмом. Наблюдавшие за их ячейкой кураторы любезно и ненавязчиво подсунули триаде информацию о повышенном болевом пороге, и, наверняка, удовлетворенно усмехались, отследив, с каким восторгом озарения она была принята. Но Грету еще тогда не удовлетворило такое объяснение, что-то продолжало заставлять ее сомневаться в таком объяснении. Она даже экспериментировала, используя свое

тело в качестве опытного материала, пытаюсь только усилю мысли уменьшить или увеличить силу боли.

Научившись обманывать наблюдателей и даже саму инфосеть и получив доступ к разнотематической нецензурированной информации в старших линиях обучения, Грета как-то натолкнулась на сведения о духовных практиках, совсем непонятных и не близких ей, но именно в них описывалось умение управлять телесными ощущениями, в частности, не чувствовать боли. Прочитанное тогда и обрадовало, и расстроило Грету одновременно. Обрадовало потому, что теперь она поняла, что именно такое объяснение верно, но расстроилась оттого, что раньше такое умение казалось ей чем-то настолько особенным, что не могло встречаться ни у кого раньше – она никому не говорила об этом, но в глубине души очень гордилась такой особенностью. А теперь оказалось, что в далекие, почти дикие времена какие-то непонятные люди, абсолютно не встроенные в общество и не занимающиеся ничем для этого самого общества полезным, с легкостью проделывали такие чудеса управления собственными ощущениями, какие Грете даже и не представлялись не то что возможными, но и потенциально любопытными. Она долго раздумывала над рациональностью такого существования и полезностью такого опыта, но так ни к чему и не пришла, а со временем позабыла. Ситуаций, настолько некомфортных для того, чтобы вспомнить свои умения притуплять ощущения, у Греты, как и у абсолютного большинства

обитателей ДНК-полисов, практически не случилось, аптечку с собой она носила больше из привычки всегда быть готовой ко всему, даже самому невероятному.

Ночью, когда Светка с уродливо перекошенным лицом противно и тревожно кричала, у Греты где-то на заднем плане мыслительных процессов снова поднялась недодуманная информация. Единственное, что вырвалось наружу сейчас, это удивление и недоумение по поводу того, что, как она помнила, те люди, которые тратили жизнь на обуздание ощущений и эмоций, были мужчинами... Им-то зачем, – подумала Грета, – вон как Светка мучается... ей бы такое умение.

Вообще вопрос о том, почему миссия продолжения рода сопровождается абсолютными неудобствами и деградиционными процессами, всегда ставил Грету в тупик. Она никак не могла взять в толк, почему такое необходимое, с точки зрения выживаемости человечества как вида, действие сопровождается столькими испытаниями.

Сейчас она понимала это меньше всего. Она вколола Светке последнюю неприкасаемую порцию обезболивающего и выскочила под дождь. Теоретически она, конечно, помнила, как добраться до корпуса с лабораториями, попадая в поле зрения камер видео наблюдения только таким образом, чтобы было непонятно, куда же именно направляется индивид. Но что могла делать ячейка в такую погоду глубокой ночью на улице? Как потом это объяснить? Ничего даже отдаленно правдоподобного в голову не приходило, и Грета, ре-

шив, что что-нибудь потом придумается (и при этом отчетливо понимая, что ничего придуматься не может) побежала к лабораторному корпусу, даже не озаботившись скрыть маршрут продвижения.

Уже на следующий день, после того, как Грета узнала о том, что система безопасности была неисправна, а значит, именно в то самое время, когда она бежала под проливным дождем по улице, ее никто не видел и все обошлось, у Греты захватывало дух от такой безрассудности, и она обессилела от ужаса.

Исчезновение инкубатора и сопутствующих инструментов и реактивов из лаборатории прошло абсолютно незамеченным – за этим лабораторным оборудованием никто особо не следил, так как оно мало кому было нужно. А уж работать с ним по своему желанию, а не приказу, кроме как Грете и Брите, наверное, вообще никому не приходило в голову. Заказ молочного питания с пищевого автомата девушек, да еще и в таких количествах, был принят за сбой системы, но вызвал такой шквал едких замечаний и колкостей в их адрес, что новоиспеченные кураторы показали всем свои острые зубки, весьма сочно и с нехорошими подробностями поминая специалистов-техников.

С той памятной ночи прошло уже три дня, Грете и Брите указали ячейки, надзор за которыми теперь был их непосредственной обязанностью и поглощал почти все их время. Они по-прежнему старались работать вместе, но абсо-

лютно новая для них деятельность пока не позволяла им делить свое внимание. Обе постоянно держали в памяти Светку – Бриту беспокоило здоровье Светы, Грета больше переживала о том, чтобы слишком рьяные уборщики, все еще навыводившие порядок внутри города после шторма, случайно не обнаружили тайного убежища беглянки.

Жизнь и здоровье нового индивида их совершенно не заботила: Брита всякий раз морщилась как от неприятного запаха, продумывая планы перемещения Светы из убежища, которые даже на уровне замысла каждый раз срывались из-за того, что Света была не одна. В какой-то момент Брите даже подумалось, что всем стало бы намного проще, если бы ребенок умер. Тогда появилась другая проблема – как утилизировать тело, Брита даже искала соответствующую информацию в модусе, но совсем не удивилась, когда наткнулась на уже сформированный по недавнему запросу той же тематики инфопакет с фирменной подписью Греты.

Эта привычка, составив инфопакет по той или иной теме, подписывать его специальным кодом, видимым только очень искушенному в информационных сетях специалисту, появилась у Греты ровно тогда, когда она стала таким специалистом. С тех пор этот способ помечать информацию как проверенную и достойную внимания закрепился у Греты на уровне автоматизма – через ее голову и руки прошло столько разнокалиберной нецензурированной информации, что по некоторым вопросам она уже не рискнула бы доверять сво-

ей памяти – та могла подкинуть неприятный сюрприз в виде неверных утверждений и фактов, запомнившихся Грете только потому, что она так и не смогла объяснить себе их существование. В таких случаях Грета больше доверяла инфопакету со своей подписью, нежели самой себе – в конце концов, на то, чтобы составить такой инфопакет у нее уходило от нескольких часов до нескольких недель, в зависимости от глубины и сложности запроса, а рыться в своей памяти, восстанавливая последовательность аналитических операций, часто бывало некогда.

Прошла неделя. Девушки втянулись в свою работу, выполняли ее без воодушевления, но тщательно, чтобы не вызывать подозрений или нареканий. Поняв, что по одиночке никак не справиться с наблюдением сразу за всеми ячейками – их количество и качественная наполненность строго рассчитывались с учетом параметрической таблицы психосоматических и интеллектуально-эмоциональных особенностей конкретного куратора, – девушки решили, по крайней мере, свести своих подопечных хотя бы на время обучения в одни и те же линии обучения. Для этого им приходилось, вслушиваясь в бестолковую болтовню своих подопечных, выискивать в их скачущих с темы на тему разговорах то, что могло обратить на себя их внимание во время просмотра инфопотока. К такой небольшой и часто совсем незначительной темке приходилось привязывать более серьезную информацию, сделав ее понятной, доступной и в то же вре-

мя не совсем полной, для того чтобы ячейка самостоятельно захотела разобраться в данном вопросе, узнать чуть больше и глубже. Это была каторжная работа – Брита справлялась с ней чуть быстрее и лучше, чем Грета, потому что Грете было очень сложно перейти с того высоконаучного языка, на котором она даже думала теперь, на общедоступный, как называла его Брита.

Девушкам понадобилось что-то около трех недель, чтобы разобраться с новой для них системой обязанностей и прав – к концу первого месяца своего кураторства в их паре Грета как обычно занималась анализом поведения их обеих групп и прогнозированием информационного голода, а Брита адаптировала инфопотоки для курируемых ими ячеек.

За это время Грете только однажды удалось буквально на минутку забежать к Свете. Они даже толком не успели поговорить – Грета выходила из цилиндра за очередной порцией кофе и задерживаться надолго, привлекая внимание все еще интересующихся их продвижением в кураторском деле членов совета кураторов, ей не хотелось. Грета внимательно осмотрела и Свету, и ребенка, задавая по ходу уточняющие вопросы о здоровье и безопасности, оставила для них медикаменты и немного еды, и только уходя, вдруг поняла, что отвлекало ее все время визита, что обратило на себя ее внимание. Грета, несмотря на безумную ночь родов, точно помнила что, когда и в каких количествах она принесла сюда в тайное место. Теперь же ей на глаза попадались предметы,

назначение которых было ей даже и не совсем понятно, а уж предположений о том, откуда они могли взяться не было и вовсе. Грета потом поделилась своими сомнениями по поводу увиденного с Бритой, намекая ей на то, что неплохо было бы и ей разведать ситуацию, но Брита изо всех сил делала вид, что намеков не понимает.

Брите было очень тяжело смириться с мыслью о том, что ее Светка, добродушная и наивная Светка не стала бороться со своей незавидной участью продолжательницы рода, да еще и приняла такое положение вещей чуть ли не с радостью. Когда случилось так, что миссия оказалась выполненной вне стен ДНК-блока, Брита ни секунды не сомневалась в том, что все предосторожности той ночи – инкубатор для демо-индивида, запасы питания для него – все предосторожности только для того, чтобы Света не была обнаружена до того момента, когда Грета придумает способ незаметной утилизации плода. Прошло уже несколько недель, но ни Света, ни даже Грета не дали и намека на то, что такое развитие событий вообще предполагалось. Брита была в недоумении и растерянности. В ее понимании демо-индивид – а так называли младенцев во время генных проверок и повторного анализа прогноза социализации с момента их рождения до момента, когда индивид либо становился таковым, получая полный индекс имени, либо утилизировался как непригодный – был чем-то вроде неприятной, но неизбежной болезни, от которой организм в состоянии избавиться самостоятельно. И уж

если такое освобождение произошло, то - у Бриты просто в голове не укладывалось – для чего теперь эту «болезнь» пестовать и обихаживать?!

Тем не менее прошло уже почти два месяца, и судя по количеству переданного Свете медицинского оборудования и медикаментов, питания, одежды и невообразимого разнообразия предметов обихода, Светка не только не собиралась утилизировать демо-индивида, но и прилагала все усилия для того, чтобы обеспечить его жизнедеятельность.

- ...понимаешь, такое ощущение, что к ней приходит кто-то еще! Но ведь это же невозможно?! Или... – Грета, насколько это было возможно для шепота, восклицала и пожимала плечами.

Брита не отреагировала на озадаченный вид Греты:

– Ерунда, Светка всегда все разбрасывала, вспомни ...

– Да нет же, ты пойми, я такого... даже не знаю где и взять! – Грета продолжала удивляться.

И тут Брита решилась.

– Грета, – Брита прервала сосредоточенное пожимание плечами и нахмуренное возмущение своей подруги, – скажи, а почему вы не утилизировали... это?

Грета не сразу поняла, что ЭТО, она вообще ничего не поняла, ей показалось, что Брита спрашивает о чем-то, абсолютно не связанном с тем пространственным рассказом о самочувствии Светки и ее питомца (Грета сама придумала так его называть, а от Бриты других предложений до сих пор не

поступало). Грета уставилась на Бриту – непонимание сменилось удивлением, потом озадаченностью и, наконец, какой-то, абсолютно несвойственной выражению лица Греты, беспомощностью.

Грета раскрыла рот, хотела что-то сказать... Помолчала, глядя в пол, будто что-то стараясь припомнить, и поразмыслив немного таким образом, вдруг вскинула глаза на Бриту, искренне широко улыбнулась и сказала:

– Он такой... смешной!

Брита поначалу даже не уловила смысл сказанного, ее поразила улыбка, с которой на нее сейчас глядела Грета – это была абсолютно наивная, даже какая-то глупая улыбка, но в ней была какая-то радость, глубокая и удивительно искренняя. Хотя преобладающим выражением лица оставался конечно же исследовательский интерес.

Грета, легко вернув своему лицу привычную серьезность, взяла Бриту за руки и, заглядывая той в глаза, почти попросила:

– Сходи к ней, а? Вы же... я с ней никогда так не ладила, как ты. Она скучает, спрашивает про тебя все время. Ну, переживает, конечно... – Брита начала какое-то движение, чтобы под любым предлогом отказаться от предложения, но Грета, уловив начало жеста, заторопилась – Н-нет, нет... ты сходи, обязательно сходи! А-а... он... он и правда смешной – Грета снова заглянула Брите в лицо, сжала ее руки, отпустила и, делая шаг назад, будто предлагая Бриту сию минуту

отправиться в укромное место, еще раз повторила, растягивая слова – про-о-сто – смешно-ой. И снова улыбнулась.

Брита не была настроена столь лучезарно, кроме того, ее почти напугала манера поведения Греты – такого не было никогда – именно это обстоятельство, в конечном итоге, и стало определяющим в ее решении навестить Светку.

Никакого умиления Брита не почувствовала ни тогда, когда демо-индивид вдруг улыбнулся ей, издав при этом непонятный звук, чем вызвал дикий восторг Светки, ни уж тем более тогда, когда Светка стала подробно рассказывать Брите об успехах младенца и демонстрировать его умения. Светка с таким самозабвением отдалась этому нехитрому занятию, полностью раскрепостившись в обществе Бриты, чего не могла позволить себе в приходы Греты, что не сразу заметила мягко говоря непонимания, отраженного на лице Бриты.

Брите не было противно, нет, она переборола в себе это чувство, ей не было неинтересно – она отмечала особенности развития индивида и автоматически сравнивала их с нормой – это они все изучают, как правило, в третьей линии -, но ей не было и безразлично! Брита была раздражена, но раздражение ее было направлено не на маленький комочек розовой плоти, издающий непонятные звуки и действительно смешно размахивающий тем, что когда-то станет руками и ногами, нет, она почти злилась на... Светку! Светка, её Светка, после яркой радости первых минут встречи с Бритой, цели-

ком отдала свое внимание и все эмоции этому ... непонятно чему...

Светка вдруг резко замолчала, уловив, наконец, повисшую в воздухе напряженность: – В общем, у нас все нормально, – она как бы погасла и почти виновато поглядывала на Бриту, ища ее взгляда и одновременно боясь встретиться с ней глазами.

Брита не знала, как себя вести – Светка ее раздражала, раздражало в ней все: и ее новая манера говорить «мы», и короткие простенькие предложения, неизменно заканчивающиеся апеллированием к младенцу «да, мой хороший!?!», и то, как непривычно плавно двигалась теперь Светка, как бережно обращалась с демо-индивидом, как по малейшему изменению мимики некрасивого беззубого лица начинала суетиться и как радовалась, что угадала желания этого ... нечто.

Младенец вдруг начал будто кричать, Светка полностью переключилась на заботу о нем и Брита, даже не попрощавшись, потихоньку ушла.

Она не сразу вернулась в кураторский блок. Долго бродила по улицам ДНК-полиса, словно заново рассматривая цилиндрические строения, прислушиваясь к разговорам встречных ячеек. Несколько раз она подходила к пищевым автоматам и, кажется, что-то пила. Один раз ей показалось, будто какая-то сторбленная фигура преследует ее, но, когда она все-таки стряхнула с себя задумчивую рассеянность, в которой пребывала последние несколько часов, и привыч-

ным зорким сосредоточенным движением только глаз попыталась идентифицировать индивида, тень, постоянно маячившая на периферии зрения пропала как не была. Тогда Брита отнесла это к шуткам своего расстроенного воображения.

Она вернулась глубокой ночью. Ей не хотелось встречаться с Гретой, и она очень тихо пробралась в свою комнату. Грета, не на шутку обеспокоенная долгим отсутствием второй, услышала, что та вернулась, но решила пока не беспокоить ее. Грета просто вышла в коридор к пищевому автомату, набрала там что-то незначительное и мягко вернулась в свою комнату. Брита была очень благодарна Грете сейчас и за то, что она тревожилась о ней, и за то, что не стала именно сейчас лезть в душу.

Следующие несколько дней ни Грета, ни Брита не заговаривали о Светке. Все шло своим чередом – накатанная дорожка работы с ячейками давалась все легче и легче, оставляя девушкам все больше и больше свободного времени. Они еще не обсуждали дальнейших планов, но каждая понемногу задумывалась о том, как использовать преимущества кураторской жизни, и, главное, для чего?

До тех пор пока их целью было кураторство как возможность бесконтрольного использования информации и свободы перемещения, все их помыслы, умения, хитрости – все было направлено только на достижение заветного статуса. Теперь же, когда цель достигнута и все наработанные прие-

мы как будто больше не нужны, девушки оказались не готовыми к тому, что теперь они вольны в своих действиях и решениях. К этому было привыкнуть нелегко. Грета постоянно ловила себя на том, что даже в тех немногих случаях, когда можно принять решение, не отвечающее стереотипу или неписанному правилу, она, все равно, почти автоматически склоняется именно к выбору привычного метода, не изобретая ничего нового. Это очень беспокоило ее. Конечно, она понимала, что годы, проведенные в системе в качестве мельчайшей молекулы этой системы, не отступают так легко и быстро, и что именно на такой эффект, строго говоря, и рассчитана сама система, но ведь она – Грета! Грета злилась на себя, на Бриту, даже на Светку, хотя именно Светка, как это ни странно легче, чем они с Бритой оторвалась от стереотипа системы и всем своим поведением являла пример того, что можно и по-другому. Можно... вопрос в том, нужно ли...

Грета почти неотступно думала об этом. То убеждала себя в том, что именно такое отношение к демо-ячейке – верное и продуктивное, и что система навязывает другое для того, чтобы стирать индивидуальности, которым по силам разрушить систему. То вдруг почти впадала в панику, пытаясь представить себе мир, в котором нет ячеек, и каждый индивид по собственной воле и желанию решается не только выполнять миссию продления рода, но еще и добровольно идет на то, чтобы самые продуктивные годы своей жизни потратить на черную работу воспитания. Она металась от крайно-

сти к крайности – обе точки зрения ее не устраивали. Первая – тем, что это та система, которая существует теперь и для изменения которой она и шла к высшему статусу, вторая – тем... чем ей не нравилась вторая точка зрения, Грета никак не могла понять. Она исключила эмоции и как могла отбросила стереотипы, навязанные ее обществом, но все-таки не могла согласиться сама с собой в том, что тот хаос, который предполагается вторым вариантом устройства общества, хоть чем-нибудь лучше уже существующего.

На помощь пришел его величество Случай.

Через несколько дней абсолютного замалчивания проблемы Светки и ее «хорошего», Брита вдруг объявила:

– Знаешь, а ведь мне тоже показалось, что там кто-то еще бывает... Эти ... шумные такие ... как ложки...

Грета оторвалась от утреннего лицезрения улицы через стеклянную стену под вдумчивое потягивание крепчайшего кофе:

– Ложки?...а, там... Да, я тоже не совсем поняла, что это за приспособление...

– Сходим? – как-то лениво-буднично спросила Брита.

– Ну, пошли, – Грета оттолкнулась плечом от окна, – минут еще пятнадцать мне надо, – добавила она перед тем, как зайти в свою комнату.

– Ладно, – Брита все это время стоявшая там, где ее оставила Грета, энергично развернулась в сторону своего входа и широкими шагами решительно направилась к себе.

Грета была готова ровно через пятнадцать минут, даже минутой раньше, но Брита, как всегда, еще копалась – она умела собираться быстро, но у нее очень редко получалось не опоздать. В их троице, когда они еще были триадой, полностью все умение делать все вовремя досталось исключительно Грете – она и приходила всегда немного раньше назначенного срока, чтобы осмотреться и проникнуться духом места, как шутила Светка, и не так уж была далека от истины в этом своем замечании. Брита, если приходит всей триаде одновременно не было обязательным условием, обычно являлась с точностью до секунды ровно к назначенному сроку, опаздывала редко и по мелочи – пару минут, не больше. Светка же обладала удивительной способностью, начав собираться раньше всех или даже отправившись к месту вместе со всеми, немилосердно опаздывать или вообще забывать прийти. В таких случаях остальные две ячейки были вынуждены бросать свои занятия и разыскивать ее. Почти всегда им удавалось ее найти, но обнаруживали они ее в таких необычных местах, куда по своей воле и разумению никогда бы не забрели. Если поиски не увенчивались успехом, и блудная ячейка возвращалась сама, их куратор являлась собственной персоной в их бокс и выливала на головы бедной триады столько мерзости и гадости, что после ее ухода они долго молча сидели, прижавшись друг к другу под тяжестью какого-то невероятно тяжелого груза, будто и вправду на них вылили огромную емкость с грязью. Ругать и воспи-

тывать Светку в этом случае абсолютно не представлялось возможным, и Грете с Бритой в скором времени снова приходилось бегать по ДНК-полису в поисках пропажи.

Ровно в ту же секунду, когда, запыхавшаяся от интенсивности сборов Брита выскочила к уже минут пять стоявшей в рекреации Грете, их инфомодусы почти в унисон проиграли сигнал связи с Советом Матерей. Девушки знали о существовании такого способа общения с высшей властью их системы благодаря блоку информации по кураторству, но никогда прежде им не доводилось ни слышать этого сигнала, ни, тем более, получать его. Обе замерли от неожиданности. Сигнал означал, что всем кураторам, его получившим, необходимо незамедлительно прибыть на верхнюю площадку ДНК-цилиндра, где представитель Совета Матерей передаст им распоряжение. Распоряжения Совета Матерей всегда были только устными, никогда в инфомодусах не было даже упоминания об их распоряжениях или какой-либо другой деятельности, даже косвенных – вся информация, которую можно было почерпнуть из инфосети об этой властной структуре содержалась в единственной фразе, записанной в Основах: «Есть Совет Матерей и по его воле все делается».

Все-таки глубоко в них засела система! Когда первый шок прошел, обе, опрометью бросились за оставленными перед походом к Свете кольцами, побросали собранные сумки и рванули к кураторскому проходу, ведущему к лифту, и только попытавшись одновременно двумя кольцами открыть од-

ну и ту же дверь, девушки остановились и словно проснулись.

– Н-да... – Грета глубоко вздохнула, поглядела прямо в глаза Брите – у той еще на лице держалось бездумно преданное выражение – и, махнув головой в сторону двери, с какой-то безысходность бросила: – Открывай...

Брита все еще держала мягкий кулак прижатым к двери, и когда Грета сказала ей открывать, посмотрела на свой такой же, как на совершенно посторонний предмет, неизвестно откуда взявшийся здесь. Выражение лица ее стало осмысленным и даже злым, она дернула рукой, будто пытаясь спрятать ее, но остановила себя еще до начала движения и почти всем телом прислонила еольцо к кодусу. Кодусы неприметно располагались у некоторых закрытых дверей бесконечных коридоров ДНК-цилиндров, и, как в свое время поняли девушки, содержали в себе разгадку того, что иногда кураторы умели появляться в совершенно неподходящее время, с совершенно неожиданной стороны и так же незаметно исчезать после воспитательных пассажей.

Девушки оказались на крыше, там их уже ожидал гравилет, который за какие-то сорок минут перенес их к месту назначенного собрания. Это тоже была крыша какого-то цилиндра - для собраний каждый раз выбирались разные крыши. Огромная крыша ДНК-цилиндра от края до края была заполнена гравилетами, из которых на крышу спускались кураторы со всех уголков планеты – это было заметно и по от-

личиям в одежде, внешности, и по поведению. Некоторые команды прибывших были настолько организованы, что не теряли четкости построения, даже выпрыгивая из гравилета. Другие, напротив, вынужденные все время полета находиться в непосредственной близости друг с другом, теперь шаркались друг от друга в разные стороны.

Крыша была размечена линиями и малозаметными, но понятными значками, указывавшими места посадки гравилетов и построения кураторских представительств.

Похоже было на общее собрание кураторов и Совета Матерей. По сведениям, почерпнутых из инфосети, Грета знала, что такое массовое собрание было лет тридцать назад – тогда в связи с кончиной одной из Матерей всех тоже собирали в какой-то другом ДНК-полисе и тогда их кураторов не было почти целый день. Сейчас грандиозность того события была прочувствована Гретой с большой глубиной и торжественностью момента.

Грета и Брита держались вместе, поглядывая друг на друга и робея перед грандиозностью мероприятия, девушки терялись в догадках о том, что могло вызвать необходимость полного сбора, какие могут быть преимущества в том, что собрание проводится не в их ДНК-полисе – везение ли это или наоборот сулит проблемы. Прошрое такое собрание аукнулось массовыми нарушениями в системе, – Грета вспоминала, – тогда по всему миру целые партии новых индивидов не получили необходимых генетических модификаций,

несколько десятков ячеек бежали за пределы полисов и только троих из 47 бежавших смогли отыскать во внешней зоне.

Грета задумалась – раньше ей не приходило в голову сопоставить такие очевидны факты – их троица, как подсказала Светка, была немодифицированной... Значит именно в такой же день, почти тридцать лет назад... Интересно, где-то хранятся записи времени рождения индивидов, собираемых в ячейки? Грета как раз закончила выстраивать логические рассуждения о том, где можно найти сведения днях рождения ее ячеек, как вдруг в самом центре огромной крыши образовалось светящееся пятно, искрящийся серебряный шар, в котором, казалось, переливаясь всеми цветами радуги, появилась фигура Матери.

На вид фигуре было не больше 20 лет, она была правильной...нет, это ложь, она была прекрасной! Описать ее оказалось совершенно невозможно, потому что, как оказалось уже после собрания, каждый видел Матерь по-разному – разный цвет волос, глаз, рост, одежда, даже голос, который проникал в сознание и оставался в нем сладкой мелодией без слов – каждый видел и слышал что-то свое, сокровенное, и яростно отстаивая свое мнение, ни за что не хотел слушать других. Таким хитрым способом Совет матерей добивался того, что каждый, одновременно видевший и не видевший Матерь человечества, сохранял это видение на всю жизнь и не желал ни с кем им делиться. Разговоры о собрании, о Матери, о Совете Матерей, таким образом, пресекались в самом заро-

дыше.

Когда Грета и Брита пытались обсудить явление Матери, они тоже вначале поругались – быть может, впервые за все годы, но именно этот факт, в конечном итоге, заставил их задуматься. Первой пришла в себя Грета – как более рассудительная и неэмоциональная, она со свойственным ей педантизмом и скрупулезностью разложила все виденное, слышанное и прочувствованное ею по аспектам и нюансам и с этим анализом пришла к Брите. Брита изображала оскорбленную невинность, потому что тот образ Матери, который представился ей, был не просто не похож на то, о чем говорила Грета, он был настолько другим, насколько может различаться оригинал и карикатура. Постепенно, сравнивая деталь за деталью, девушки пришли к неутешительному выводу – все, что они видели, все, что они слышали, все, что они чувствовали – всего лишь наваждение. Ничего этого не было, то есть вообще ничего и никого.

– Ну, конечно! – Грета хлопнула себя по лбу, – она же стояла в центре круга! да еще и так далеко от нас!

Брита непонимающе хмурилась, – я...не понимаю...и что?

Грета молчала, выжидающе смотря на Бриту и позволяя ей додуматься самой. Наконец, не выдержала:

– Ну, ты ведь заметила даже седые волосинки, даже то, что ресницы были закручены, а мне увиделось, что над губой есть небольшая родинка... Ну?!

Бриту осенило:

– Мы не могли бы разглядеть деталей, если б на самом деле там стоял человек! Погоди... а каким же образом каждый, стоявший в круге, видел ее в лицо?

Грета даже расхохоталась – Ну, вот! Вот же. Вот! И я об этом же!

Они и сами не понимали, что их так развеселило, но почему-то было легко-легко – они катались по пушистому ковру комнаты Бриты и смеялись, непонятно отчего.

Разгадка того факта, что их контакт с Вечной Матерью на самом деле был лишь актом массового гипноза, сначала повеселила их, но чуть позже заставила глубоко и непросто задуматься о том, сколько еще закрытой информации и невероятных, непредсказуемых и неприятных открытий их ждет, и как мало, они в сущности понимают даже в устройстве такого, как им казалось, понятного мира ДНК-полисов.

По возвращении с собрания, перед тем как заслуженно выспаться после почти восьмичасового бдения на крыше девушки все же решили сбегать к Светке. Собрались довольно быстро – еда, вещи, медикаменты уже были упакованы в сумки...

– Ты чего? – Брита с недоумением наблюдала, как Грета, уже наверное, в пятый раз перепроверяет сумки, пересматривает расписание кураторской связи и перезапускает программу мониторинга ячеек.

– Не знаю, беспокойно как-то... – Грета уже не в первый раз в их триадной жизни говорила эти слова, и Брите они очень не нравились. В самый первый раз, когда Грета произнесла эту сакраментальную фразу, они со Светкой высмеяли ее и все равно потащили с собой в витриум – слушать какие-то невероятные истории выжившей из ума ячейки. Тогда все закончилось невероятным скандалом и общественным порицанием. С тех пор к заветному беспокойству Греты прислушивались всегда. Так было и в тот день, когда Грета во что бы то ни стало решила идти к Светке, так было еще много раз до этого дня и после него, а сколько раз еще так было, но кроме Греты никто об этом не знал...

– Что именно? – Брита остановилась и посерьезнела.

– Не могу понять... – Грета будто мучительно пыталась что-то вспомнить. – Нет, не понимаю... Ладно, пошли, все равно.

– Точно? – Брита сама теперь сомневалась, как лучше поступить.

– Все равно идти надо, как ни крути, сто лет там не были... Там ... что-то...

– Там? – Брита побледнела, – ей стало страшно оттого, что может быть там – что-то со Светкой? Ее нашли? А может, это их там поджидают? Брита остановилась. Она занервничала. Самое противное, что пугала ее не сама по себе, например, смерть Светки. Она поймала себя на том, что ее невероятно раздражает и как-то опустошает сама мысль, что

с этим нужно будет что-то делать, а потом жить, думая, что Грета считает их виновными. Или даже о том, что из-за глупости Светки, они, нет, Брита сейчас не думала *мы*... она думала: *я*. Я из-за чьей-то прихоти, глупости, или как угодно, могу потерять все, что заслужила долгими годами постоянного напряжения, самоконтроля и жесточайшей дисциплины. Да, мне все это надоело, наконец! С Бритой что-то произошло на крыше... то как она бежала по зову сигнала, то как они обе молча летели молча и отрешенно глядя в потолок гравилета, то как она самозабвенно потом отдалась созерцанию Матери - ее голос до сих пор звучал в ушах Бриты, то как в восторженном восхищении без умолку рефлексировала по этому поводу по дороге обратно...

– Может, я сама схожу? – Грета предложила это только из чувства самосохранения того *мы*, которое уже теряла Брита. Ведь останется хотя бы одна, значит сможет помочь, – так рассуждала Грета. Но мысли, молнией сверкнувшие только что в голове Бриты, обескуражившие ее своей искренностью и очевидностью, казались мерзкими, потому Брита, побоявшись пронизательности своей ячейки, решительно замотала головой и еле сдержалась, чтобы не предложить в такой ситуации Грете остаться:

– Нет, нет, давай... сходим... идем вместе.

Грета слишком была занята анализом своих предчувствий, чтобы заметить некоторую скованность и неестественность в поведении Бриты. Она только отметила про се-

бя, что ей стало еще гаже и безысходнее после того, как они решили идти вместе. Возле самого тайного места девушки все-таки разделились, и Грета должна была войти к Светке первой.

– Нету ее там, – вдруг услышала Грета знакомый старчески хрипловатый голос, – сама утром искала. Грета оглянулась.

Глава 7

Грета оглянулась. Неподалеку от нее, опираясь на идеально пропорциональное и правильно желтеющее дерево, стояла ее неуловимая старуха. Она говорила тихо и как будто сама с собой, глядя куда-то в сторону:

– Думаю, они во внешнюю зону подались...

Грета похолодела. Но противное давящее чувство неотвратимости неприятностей ушло. Сейчас ей было одновременно и хорошо и плохо. Хорошо оттого, что неопределенность предчувствий больше не мешает ей нормально дышать, что проблема, подкинутая им Светкой, и казавшаяся нерешаемой, сама по себе разрешилась, но так плохо... Чего ж так отвратительно на душе?! Она вдруг в секунду обесилела, настороженность крадущегося зверя, всегда присутствовавшая в ее движениях, пропала, Грета, всегда подтянутая, готовая каждую секунду сорваться с места, словно натянутая пружина, вдруг обмякла, ссутулилась, потухла. Она огляделась по сторонам, будто впервые увидев это место, выбрала другое дерево и, устало подойдя к нему, опустилась на землю. Раскидав ноги, прислонившись спиной и откинув голову, она смотрела в безупречную листву:

– Ты давно к ним ходишь? – Грета подтянула сброшенную с плеча сумку и стала что-то в ней искать.

Старуха усмехнулась, и в ее ответе Грете послышался

какой-то дополнительный смысл, отыскать который сейчас Грета не могла. – Сюда – с первого дня ходила.

– Жить буде... будут? – Грета запнулась, но исправилась.

– Будут, будут, там их наши подберут... Подобрали уж, думаю. Ждали их. Позже, не сейчас, конечно. Но справятся, даст бог.

Грете осталась непонятно фраза «даст бог», но еще больше ее интересовало, какие такие «наши» и где «там». Она переспросила:

– Там, ваши?

Старуха медленно отошла от дерева и, проходя мимо Греты, еле внятно пробормотала:

– И во внешней зоне люди живут. Помогут им. Не вини себя.

Пока Грета расшифровывала и осознала сказанное, старуха исчезла как не была. А вместо нее над ней стояла раскрасневшаяся от бега и от возмущения Брита:

– Ты чего? Сидишь?! Ты... была? Там пусто!

Грета смотрела на Бриту и будто не узнавала – что-то изменилось... то ли в Брите, то ли в самой Грете:

– Нет... Но я знаю, – ответила Грета и снова обратившись к своей сумке, извлекла оттуда воду, – Будешь?

Брита смотрела на нее как на сумасшедшую...

– Не хочешь? – Грета вяло, но словно выполняя ответственную работу, стала пить. Брита, наклонившись к ней в самом начале разговора, так и застыла, в недоумении и с

опаской глядя на Грету.

Грета напилась, потом посмотрев Брите прямо в глаза серьезным, привычно-вдумчивым взглядом, махнула рукой, приглашая сесть рядом с собой:

– Садись... ушли они...

Брита села, еще ничего не понимая, но немного успокоившись и, честно говоря, в глубине души обрадовавшись тому, что этой проблемы у них больше нет. Но тут же встрепенулась: – Они?

– Ну, Света. С ребенком, – размеренно, продолжая вертеть в руках бутылку с водой. От слова ребенок Бриту снова предрнуло, и она еле сдержалась, чтоб не скривить лицо, а еще вдруг почувствовала, что вовсе и не хочет сдерживаться и что ей действительно противно, и что она совсем не скупает по Свете...

Помолчали.

– Погоди, ты их что, видела? – спросила Брита, она сообщила, что в укромное место заходила одна.

– Старуха сказала, – пояснила Грета и добавила, – та старуха, что с кофе... Она и к Светке ходила... Потом, будто что-то смекнув, резко обернулась в Брите: – Светка к ней убегала?

Брита, размышляя примерно в таком же направлении, пожала плечами и обиженно фыркнула: – Ни словом, ни полсловом никогда...

Каждая думала о своем. Брита пыталась угадать, о чем

сейчас думает Грета. Теперь, когда ничего особо страшного, вытекавшего из Гретиных предчувствий не случилось, Брита проанализировала свое поведение и понимала, что будь Грета не так заиклена на своих переживаниях, она уже проводила бы с ней душещипательные объяснительные беседы, во время которых Брита обычно чувствовала себя исключительной дурой и даже предательницей. Брита ни минуты не сомневалась в том, что Грета что-то заметила и ждала отповеди.

– Вот же! – вдруг воскликнула Грета, и Брита вся напряглась и даже приготовилась защищаться, – забыла спросить! – Грета, смущенно улыбаясь, обернулась к подруге.

Брита абсолютно запуталась, что-то произошло с ней, или с Гретой, или с ними обеими, но сегодня она решительно не понимала свою ячейку.

Грета, продолжая глупо улыбаться, пояснила: – Ну, те штуки, помнишь, как ложки? Я же могла спросить, что это!

Брита не выдержала: – Ты все-таки ненормальная. Пошли уже, – она встала и, сделав пару шагов в сторону их ДНК-блока, остановилась, хлопнула себя по лбу и убежала. Грета неспешно встала, оставив емкость с остатками воды на земле у дерева, медленно пристроила сумку на плечо и, не оглядываясь, побрела к блоку. Брита нагнала ее почти сразу – на ее плече тоже висела сумка, но теперь она казалась не такой тяжелой. Брита проследила за взглядом Греты и подтвердила:

– Оставила питание там, бактерии уберут, а мне куда девать?

Грета одобрительно махнула головой.

До своих комнат они дошли в абсолютном молчании, и уже стоя в своих дверях, Грета в последний раз за сегодняшний день обескуражила Бриту:

– Сла-ва бо-гу... – произнесла она по слогам, как бы пробуя на вкус фразу, – бо-га сла-ва... – улыбнулась и исчезла в сумраке своей комнаты.

Грета спала очень крепко в эту ночь, а вот Брита так и не смогла уснуть. Не то, чтобы ее беспокоила судьба Светки, или не давали уснуть дневные странности Греты, ее беспокоило другое. С тех пор, как они стали кураторами и имели почти абсолютную свободу, позволявшую им больше друг с другом говорить, не боясь сказать лишнего, они все меньше и меньше понимали друг друга. Раньше им хватало полвзгляда, полвдоха, чтобы с точностью до сотых процента определять настроение, ход мыслей и эмоциональное состояние друг друга. Теперь было не так. Но не так было не только то, что взаимопонимание уже таковым не являлось, но в большей степени то, что они многое оценивали слишком по-разному. Раньше, когда их объединила одна цель – достичь кураторства – они не замечали того, насколько все трое разные. Даже когда поступок Светки указал им на разницу в их взглядах, они и то не были так далеки друг от друга, как теперь, когда все решилось само собой и должно быть все по-прежнему. И особенно резко все эти изменения проступили сразу после сеанса общения с Матерью всех Матерей.

Брита понимала, что по-прежнему не будет. Что-то разладилось... Но почему?! Это самое почему не давало ей уснуть, и она по старой привычке пришла к Грете, ожидая увидеть и ее в сомненьях, раздумьях и бессоннице. Но Грета спала. Это совершенно обычное обстоятельство поразило Бриту сильнее, чем все сегодняшние выходки Греты. Она закончила тем, что, вернувшись в свою спальню, разревелась и уже на рассвете уснула, обиженная на Грету, на Светку, на весь мир.

Грета тоже спала очень долго, потому не обратила внимания на то, что и Брита проснулась поздно. Все, казалось, было как обычно. Они занимались своими ячейками – Грета мониторила разговоры и ключевые слова, отобранные спайсетью, а Брита готовила учебные материалы.

Памятное общее собрание кураторов на крыше их ДНК-блока запомнилось какой-то благодатью и радостью, но зачем их собирали и нужно ли теперь проводить какие-то дополнительные мероприятия со своими ячейками, было непонятно. Грету это беспокоило. Ее открытие того, что осознаваемая всеми как реальность встреча с Матерью всех Матерей, на самом деле была очень здорово сделанным гипнозом, заставляло сомневаться и в самой себе. Неужели никто никогда этого не замечал? Не может же быть, что Грета первая, кто увидел очевидное? А если есть и другие, те, кто поняли... И что теперь? Пока такая уникальность знания приносила ей только страдания и сомнения, новые вопросы и

абсолютный кавардак в понимании жизни. Грета чувствовала, что нужно что-то делать, что пришло время обновить их цель, понять свою миссию в этом мире. И она понимала, что Брита ждет от нее решения этой проблемы. Так уж сложилось в их троице, а потом и в их паре, что концептуальные задачи и пути их претворения в жизнь всегда обдумывались и предлагались как готовые Гретой. Но сейчас она не знала, что делать. Да, что там! Она даже не знала, что думать! О чем думать...

Потом через много-много лет Грета вспоминала эту неделю как время, когда она потеряла Бриту. Нет, она ни в коем случае не винила себя в этом, она вполне ясно осознавала, что Брита просто оказалась слишком другим человеком для того, чтобы разделить с ней ее, Гретины, идеи. Но она вспоминала это время, как зимой вспоминают не лето, а осень, потому что и осень была хороша, потому что не была еще зимой.

Месяц прошел незаметно в повседневных делах и заботах. Грета продолжала размышлять и искать смысл жизни...

Море

– Я решила посмотреть на море, – Брита стояла в дверях Гретиной комнаты. Она была как-то странно одета: вместо привычного комбинезона с бесчисленными карманчиками на ней было надето что-то легкое, воздушное, похожее на кимоно, каким его видели девушки на древних рисунках в инфосети.

Грета оторвала взгляд от монитора и уставилась на Бриту:
– Море?

– Ну, да, – Брита улыбалась беззаботной и несколько насмешливой улыбкой, – всю жизнь мечтала!

– Я помню, – Грета нахмурилась. Что-то новое и чужое было в облике Бриты, и это что-то отталкивало Грету, заставляло ее напрягаться и чувствовать себя некомфортно.

Брита же, словно не замечая настроения Греты, была весела и беззаботна, она покрутилась вокруг своей оси и спросила:

– Ну, как тебе? Нравится? – и не пережидая ответа, продолжала, – ой, в этой штуковине так легко, так просторно! А главное, так приятно коже! Хочешь себе такое? Белого нет, а других цветов можно найти – там есть в сети один ресурс – я тебе покажу, – и она, подбежав к инфомодусу Греты, схватила ее за руку и водя ею по воздуху стала открывать на экране какие-то ресурсы один за другим.

– Та-а-к.. это не то, это тебе не понравится... А, вот!

С экрана на Грету смотрели какие-то абсолютно бесполое существа, облаченные в разноцветные хламиды. Все они стояли в неестественных позах и с застывшим выражением абсолютного безразличия на лицах.

Брита выжидательно смотрела на Грету. Грета как всегда вдумчиво и абсолютно безэмоционально изучала новую информацию.

– Ой, ну, какая же ты нудная! – не выдержала Брита. Разве можно на это так смотреть, как ты? – Брита засмеялась. – Ладно. Ты мне скажи, со мной полетишь?

Грета уже вернулась в реальность из своих околонучных изысканий и пыталась подстроиться под настроение Бриты:

– Ты думаешь, что я тоже могу такое надеть? А там есть карманы?

Брита хохотала настолько искренне, что невозможно было не смеяться вместе с нею.

Грета поддалась настроению Бриты и через минуту уже примеряла какой-то балахон, который привез бесшумный автомат. Балахон был ярко желтого цвета, настолько легкий, что, если бы не щекочущее ощущение от прикосновения ткани к икрам и бедрам, Грета вообще сомневалась бы, а действительно ли на ней есть одежда.

Потом они вприпрыжку, хохоча и болтая всякие глупости, бежали по кураторским путям к крыше, на которой их ждал гравилет.

– Гре-э-э-та?! – Брита захлебывалась смехом, – ты, неисправима, ну это ж надо было все испортить своей бессменной сумкой!

Грета и правда не забыла взять с собой сумку, без которой никогда никуда не выходила – в ней всегда можно было найти и еду, и воду, и медикаментов на небольшой анализ-блок, ну, и пару десятков разнокалиберных электронных штучек, из которых, при желании и умении, можно было собрать портативный инфоблок, браслет Грета, как правило, оставляла в санблоке, во избежание отслеживания.

Перемещение показалось обоим просто мгновенным – раньше, когда их, еще в их бытность ячейками на гравилетах их доставляли во внешнюю зону, им приходилось лететь несколько часов, и все равно дальше пустырей непосредственно за полисной стеной их не высаживали. Теперь же им удалось добраться до береговой линии всего за минут семь. Летели они молча, с любопытством таращась в модусы передвижения – в своем собственном гравилете им никто не мог этого запретить. Слева от гравилета тянулась стройная цепочка разноцветных ДНК-блоков, чем дальше они улетали от полиса, тем нереальнее становилась картинка. Под ними простирались огромные пространства буйствующей зелени и выгоревшие участки земли, кое-где виднелись какие-то, по всей видимости, искусственно созданные сооружения то ли из камня, то ли кусков бетона. Так высоко было не разглядеть.

Потом уже Грета поняла, что на самом деле, когда их возили на практические экзамены, их гравилеты специально летали кругами над самой окраиной полисов, просто для введения в заблуждение, будто до внешней зоны далеко. А кураторы всегда оказывались на месте быстрее их именно потому, что им такой маскарад был ни к чему.

Когда вдалеке показалась сначала мутная сине-голубая полоса, которая становилась все больше и больше, увеличиваясь во все стороны сразу, а потом ярко-изумрудная сверкающая на солнце миллионами бликов волнующаяся гладь, ни Грета, ни Брита сначала не поняли, что это и есть море. И только когда, зависнув над границей между бело-желтым и сине-зеленым, гравилет начал снижение, Брита ахнула, всплеснула руками и посмотрела на Грету, ища у нее поддержки. Грета взяла Бриту за руку – они так и вышли из гравилета, держась за руки. Бело-желтое, по которому они сейчас ступали, было рыхлым и неустойчивым – девушки знали, что это песок, но чувствовали его впервые; идти было неудобно, то одну, то другую ногу все время подворачивало, в обувь насыпалось и теперь неприятно натирало.

До кромки воды было метров пять. Они остановились, все так же держась за руки и вертя головами во все стороны. Дул ветер, их легкие одежды трепало во все стороны, волосы путились и лезли в лицо. Брита освободила руку и медленно, даже как-то бережно направилась к воде.

Грета не стала мешать таинству знакомства Бриты с ее

многолетней мечтой – морем. Она опустила прямо на песок, песок был горячим, слишком горячим. Грета поерзала, стараясь уместиться на одежде. Возилась она недолго, а когда снова посмотрела на Бриту, обнаружила, что та стоит по пояс в воде лицом навстречу висящему над горизонтом еще яркому горячему солнцу, а ее белые одежды ветер катает по берегу, с каждым порывом рискуя обмакнуть и их в поблескивающую солнечными зайчиками влагу.

Грета вскочила и неуклюже побежала выручать Бритины одежды. Вдруг Брита вскрикнула и, держась за лицо, широкими шагами стала выбираться на берег.

– Ай, как печет! Солнце сильнее клонилось к горизонту, ветер заметно усилился, и у берега море уже не было таким спокойным – то там, то здесь поднимались небольшие бестолковые волны.

Брита яростно терла глаза своей одеждой:

– Водой плеснуло, – объяснила она. Брита села на песок и накинула на себя платье. На ее кожу, покрывшуюся мурашками, ветер навевал песок, песчинки смешно приклеивались к коже, задерживались на торчащих волосках, глаза покраснели и слезились. Она казалась разочарованной.

Грете стало жаль ее, и она тоже решила войти в море. Море никогда не было не то чтобы ее мечтой, оно даже не входило в ее перечень любопытных вещей, требующих изучения или хотя бы ознакомления, но теперь, когда она вдыхала этот необычный резкий запах, когда она смотрела в эту

бесконечную синеву, сливающуюся с небом, когда слушала неразборчивый, но настойчивый и самоуверенный шум, ей казалось, что море знает что-то такое, чего никогда не понять ей самой.

Решительно, но осторожно и даже как-то уважительно, Грета начала заходить в воду. Вода была очень теплой и приятной, будто шелковая постель, которую им постелили в первый день кураторства. Войдя в воду по колено Грета остановилась, - когда волны всплескивали и доставали до торса, было немного неприятно. Постояв немного и привыкнув к воде, Грета вошла глубже. Теперь ей казалось, что вода теплее, чем воздух, и хотелось полностью оказаться в теплой нежной воде, укутывавшей тело и ограждающей от порывистого колючего ветра, вызывавшего озноб. Волны все усиливались и теперь удерживать равновесие, стоя на неровном дне, было очень сложно. Оказавшись по плечи в воде, Грета подогнула ноги, как она видела на рисунках в каком-то архаичном материале по плаванию. И засмеялась. Тихим счастливым смехом.

Море раскачивало Грету, и висеть в воде, отдавшись на волю волн, оказалось намного проще и легче, чем пытаться противостоять силе стихии, изо всех сил упираясь ногами в неровное песочное дно.

Грета прислушивалась к своим ощущениям... пару раз море плеснуло ей в лицо, но горько-соленый вкус только добавил очарования новому открытию Греты. Здесь, в воде,

звук моря, его шум казался совсем другим. Грета уже могла различать всплески волн и чуть слышное шипение пузырьков вспенившейся у самого берега воды, волны еще не обрушивались на берег, но будто примерялись к тому, чтобы занять побольше прибрежного пространства и захватывали все больше и больше сухого песка. Ей даже на миг показалось, что море что-то шепчет ей...

Какой-то новый звук заставил Грету оглянуться. Это была Брита, она медленно, тщательно отворачивая от волн лицо, шла к Грете...

Когда девушки вышли на берег, солнце ярко красным диском медленно уходило в море. Ветер поднялся нешуточный, девушки вмиг замерзли и как были мокрые, собрав разлетевшуюся одежду, бегом побежали к гравилету. Очутившись наконец-то в своих комнатах, ринулись смывать с себя присохший песок и едкую соль.

После ваннных процедур обе вышли в рекреацию. Грета в привычном и таком родном комбинезоне, стояла на своем обычном месте – у стеклянной стены, и пила кофе. Брита тоже вышла с чашкой в руках, она была в халате и с полотенцем, наверхенном тюрбаном на голове.

Они рассмеялись. Давно им не было так хорошо. Просто хорошо. И всё.

Ночью Грета спала беспокойно, сначала она не могла долго уснуть, пеняя на вечернюю неурочную чашку крепкого кофе, кроме того, как только она закрывала глаза, ей сразу на-

чинало казаться, что ее качает на волнах, кружилась голова и путались мысли. Она открывала глаза, но качание не прекращалось. Она то засыпала, то вдруг вздрогнув или вскрикнув во сне, просыпалась, сама себя будя. Утром Грета была уставшей и измученной нехорошими предчувствиями – перед неприятностями она, как правило, очень плохо спала.

Брита напротив очень хорошо выспалась и выглядела отлично. Когда Грета только-только выползла со своим кофе к окну, первое, что она услышала, это как Брита задорно и не без гаденького властолюбия распекала свои ячейки по кураторскому каналу.

Из содержания изобилующей сарказмом и уничижительной иронией речи Бриты Грета поняла, что пока они вчера плескались в море, их ячейки, их же усилиями сведенные в единое нечто, потянуло на подвиги во имя Основ. Сути самого подвига Грета никак не могла уловить – кого-то там они изобличили. Она вслушивалась в желчные слова Бриты и все сильнее и сильнее тревожилась, пока еще не понимая сама отчего.

– О нас гудит вся инфолента, – зло, но с какой-то даже гордостью, или Грете только показалось, начала Брита, стремительно выходя из своей комнаты. Но тут с разницей в доли секунды из обеих их комнат донесся сигнал связи с Советом кураторов. Грета похолодела и чуть не выронила чашку, Брита же, напротив, задорно подпрыгнув и развернувшись в прыжке, побежала в комнату.

На связи была одна из Матерей. Она елеино улыбалась и, выразив им благодарность за правильность служения основам, довела до их сведения решение Совета кураторов, которое гласило, что нарушителя Основ, которого изблчили их ячейки, отдадут Грете и Брите для вынесения приговора.

Грете пришлось самой прийти к Брите в комнату, потому что та так и осталась сидеть у инфомодуса, глядя на погасший экран.

– Я все пропустила? – спросила Грета, присаживаясь прямо на ковер напротив Бриты.

– Я бы и сама все пропустила, – зло ответила Брита. Ей очень не хотелось быть вестником плохих вестей, и она тянула время, надеясь на то, что кураторы не преминут выполнить распоряжение о доставке им нарушителя максимально оперативно.

Дверь в глубине их рекреации бесшумно открылась и в осветившемся проеме дверей на секунду показалась чья-то сгорбленная фигура. Брита не видела – обзор был открыт только Грете, которая сидела лицом ко входу и по тому, как поблдна Грета, Брита безошибочно угадала, что нарушитель уже доставлен.

Грета не верила своим глазам – к ним медленно подходила старуха, та самая старуха, которая на протяжении многих лет занимала мысли Греты и, как оказалось, не только Греты...

Старуха спокойно и как-то устало шла, глядя куда-то мимо Греты и Бриты. Позади, в дверном проеме ждала пригла-

шения войти одна из ячеек Бриты.

От нереальности происходящего время для Греты будто растянулось. Ей казалось, что старуха почти не движется, а резкий несколько наигранный разворот Бриты с одновременной попыткой принять соответствующую моменту позу казался плавным, почти танцевальным па. Брита, настроенная увидеть кого угодно и вполне возможно уже набросавшая планчик обличительной речи, всплеснула руками, выпучила глаза, и неловко закончив театральный разворот, тарасилась на старуху, хватая ртом воздух.

Грета внутренне улыбнулась – Брита в ее медленном танце была похожа на встревоженную морскую птицу, точь-в-точь такую как они видели недавно на море. Море... На Грету даже повеяло морским запахом. У нее сейчас было столько времени для анализа своих ощущений, что она даже успевала оформлять мысли словами, произносить их внутри себя. И она подумала: «Старуха пахнет морем». Подумала и сама удивилась – как же такое может быть? Чуть погодя она почувствовала в запахе моря, въевшегося в сморщенную от старости и морской соли, сожженную загаром кожу старой женщины, еще какой-то знакомый, тревожащий запах... Грета никак не могла уловить его отдельно, он звучал как оттенок более сильного и стойкого запаха солнца, волн, криков смешных птиц. Она сосредоточилась на нем и волшебство замедленного действия пропало.

Обрывком исчезающей мысли, она еще успела подумать о

том, что имя ячейки Бриты, голова которой торчала в проеме двери, удивительно подходило моменту – ячейку звали Мойра, Атропа, Клота и Лахета.

Она твердо посмотрела на Бриту, потом, скользнув взглядом по лицу старухи, боясь заглянуть в ее глаза, кивком головы пригласила ячейку войти, и не давая никому ни секунды на принятие собственных решений и обдумывания ситуации приступила к допросу.

Вопросы Греты были жесткими, четкими, она пристально смотрела на ячеек и, задавая простые вопросы, казалось, подзревала их в нарушении Основ. Вопросы были логичными и последовательными, но как-то так выходило, что то одной, то другой ячейке приходилось по нескольку раз отвечать на одни и те же вопросы, они терялись и, в конце концов, запутались, стали сами себе противоречить, испугались, начали привирать, нервничать: у самой взрослой из них вдруг задрожал подбородок, в интонациях появились визгливые всхлипывающие нотки – и только тогда Грета остановилась, причем сделала это нарочито резко, из-за чего пауза зазвучала такой абсолютной тишиной, что стало нестерпимо всем.

– Хватит! Хватит! Хватит! – Брита почти визжала, топая ногами, закрывая уши руками и наступая на ни в чем не повинную Клоту. – Надоело! Все это враньё – все это виляние. Какая пакость, какая мерзость! Гадость! Гадость!

Грета с удивлением посмотрела на Бриту – реакция была странной, но вполне укладывалась пока в партию Греты. Бо-

ковым зрением Грета видела, что старуха смотрит на нее с нескрываемым любопытством и даже воодушевлением – или это только показалось Грете – она так и не сумела заставить себя столкнуться взглядами со старухой:

– Выйти, – низким, твердым голосом Грета, старательно избегая каких-либо интонаций, обратилась к ячейке. Те, чуть не бегом, толкаясь, кинулись к двери. – Ожидать. – последняя фраза настигла Мойру, когда она уже последней протискивалась в полуоткрытую дверь, и заставила ее споткнуться, словно это были не слова, а выстрел в спину. Мойра издала странный стонущий звук и скрылась в сумраке рекреации. Дверь бесшумно закрылась.

Старуха как-то странно тряхнула головой, и казалось, сейчас заплодирует, или это только казалось Грете, которая по-прежнему пыталась, хотя не могла и не смотреть на нее.

Не давая никому опомниться, Грета продолжала действо: – Ты! – Грета указывала на старуху, но смотрела прямо в широко раскрытый рот Бриты. Теперь – ты! А мы, – она подняла глаза в глаза Бриты, – слушаем.

Брита захлопнула рот, и казалось, снова задышала, она завертела головой, будто что-то ища. Грета уцепилась за этот жест и по-прежнему не разворачиваясь лицом к старухе, вытянув обе руки вперед, пригласила всех зайти в свою комнату. Естественнее и ближе было пройти в комнату к Брите, но Грета боялась, что «свои стены» придадут Брите сил для новой истерики. Все трое, торопясь, почти спотыкаясь, бо-

ьясь вынужденной паузы, вошли в комнату Греты. Брита сразу почти упала в кресло – единственный предмет роскоши, на который, в конце концов, Грета согласилась, договорившись сама с собой. Грета села на свое привычное место у экрана и только теперь сообразила, что больше мест для сиденья у нее в кабинете нет.

«В конце концов, она нарушитель, а мы судьи», – промелькнуло в голове. Справившись с минутным замешательством, Грета, собрав всю смелость и всё безрассудство, на какие была способна, наконец, подняла глаза на старуху:

– Итак, слушаем, – слова не получились весомыми и устрашающими, Грета проглотила окончание фразы, голос дрогнул и в первое мгновение старухе показалось, что Грета к ней просто обратилась, мол, слушай.

Старуха мягким, спокойным, каким-то даже убаюкивающим голосом пересказала им всё ту же историю, которую они уже слышали от Мойры, почти теми же словами. Но почему-то теперь вся эта история не казалась такой чудовищной, потрясающей Основы:

Давно не живу я в цилиндрополисах, живу там, – старуха махнула рукой куда-то через головы девушек, но сделала это так просто, что обозначение «там» легко закрепилось за страшным понятием «внешняя зона», – ну, а вот теперь стара уж стала, так и пришла, по глупости только, по слабости своей человеческой. А тут вот ваши... – старуха замялась, видно было, что она подбирает слова и никак не может ре-

шиться на слово, – они, вот, – так и не решившись на что-то закончила старуха.

Все помолчали. Грета делала вид, что ждет продолжения, Брита была безучастна и обессилена, она смотрела в пространство прямо перед собой и пока ни на что не реагировала.

– Значит одной, без ячеек, жить трудно? – стараясь избегать вопросительной интонации и любых эмоциональных проявлений иронии или ехидства, сказала Грета.

Старуха полувопросительно взглянула на Грету – она никак не могла поверить, что Грета на ее стороне, хотя до сих пор все свидетельствовало именно об этом:

– Без ячеек сложно, да, сложно, – старуха будто причитала.

– И ты не встречала там никого больше, – продолжала Грета безэмоционально-констатирующим тоном.

– Да, где уж, – старуха пристально следила за выражением лица Греты, и начинала заметно нервничать. Она не могла понять, к чему клонит Грета, и как ей себя вести. Кроме того, ее начинало беспокоить блаженно расслабленное выражение лица Бриты, которая, казалось, начинала ухватывать суть происходящего.

Грета чувствовала, что теряет контроль над Бритой, но не могла сейчас, именно сейчас, отвести взгляд так долго и мучительно не поднимавшийся на старуху. Она словно договаривалась о чем-то с ней, просила, почти умоляла ее о чем-

то. О чем? Старуха была в замешательстве, да и сама Грета, попроси ее тогда словами оформить это просьбу-мольбу, вряд ли смогла бы сформулировать то, что только сейчас складывалось помимо воли и желания присутствующих. Было что-то мистическое в том, как сложились обстоятельства. Грета никак не могла избавиться от ощущения, что смотрит на ситуацию будто со стороны и абсолютно не управляет ею. Это было внове для нее, привыкшей все просчитывать на несколько ходов и комбинаций вперед, вести ситуацию и выигрывать ее.

– Зачем ты пришла? – вопрос прозвучал утвердительно и двусмысленно. Эту двусмысленность уловила и Брита, и прежде чем старуха смогла что-то сказать, вскочила с кресла и неожиданно для всех, резко подскочила к самому лицу старухи и почти прошипела:

– Куда ты ходила?

Грета испугалась ни на шутку – информации о том, что старуха бывала в полисе и раньше еще никто не озвучивал и до сего момента, считалось, что старуха пришла в полис первый раз после побега из полиса в своем далеком-далеке.

– Ты приходила посягать на Основы! – Грета тоже встала, и отстраняя Бриту, сама приблизилась к старухе. Грета была несколько выше Бриты и чувствительно выше старухи, так что теперь, когда она приблизилась к ней со страшным обвинением, старухе пришлось несколько отступить назад, чтобы посмотреть на Грету. Она уже вполне уверилась, что

девушка пытается помочь...

Брита, отстраненная и сбитая с толку, снова уселась в кресло, но настроена она была уже более решительно и совсем не так, как развивала ситуацию Грета.

Оказавшись совсем рядом со старухой, Грета снова вдохнула просоленного морского воздуха и еще чего-то так и не опознанного, Грета вдруг, отследив странный, словно защищающийся жест, поняла, что тем же жестом Светка пыталась защититься в первые их встречи там, в потайном месте, когда Грета со свойственным ей напором и серьезностью помогала, чем могла. Грете на долю секунды пахнуло Светкой – сладко-приторным запахом маленького существа, которое она прижимала к себе одной рукой и пыталась закрыть-защитить другой... Запах! Вот чем еще Грете пахнуло от старухи – Светкой, ее потайным убежищем!

Пазл сложился – неизвестный посетитель и помощник Светки стал известен, куда делась Светка вместе с ребенком теперь тоже стало понятно. Лицо Греты как-то сразу прояснилось, ситуация перестала существовать вне ее, больше не было взгляда со стороны. Грета вернулась в свою стихию – она стала управлять ситуацией. Ей во что бы то ни стало необходимо было теперь предотвратить утечку даже крошечки сведений, по которым можно было бы выйти на Светку и тех, кто там. Грета теперь уже ни минуты не сомневалась, что есть другие. И еще. Грета теперь уже знала, что она решила, и решила давно – быть с ними. Там.

Грета посмотрела на Бриту – на минуту сердце сжалось – будто оторвали по живому – Брита вела себя как престарелые матроны-кураторы. Брезгливо морщась, картинно закатывая глаза и всплескивая руками, она сопровождала все дальнейшие вопросы и ответы восклицаниями:

– Ну, да-а-а-а... Что вы говорите! ... Это же бред! ... Как удивительно! – и все в таком же духе.

Грета же продолжала задавать вопросы таким образом, чтобы потом, когда и старуху и их будут спрашивать на совете матерей – а это неизбежное продолжение инцидента – истории их совпадали.

Грета чувствовала, что давит, что Брита не хочет ей подыгрывать и не хочет соглашаться с ней. Более того, Грета ясно осознавала в тот момент, что если сейчас передавит, то былого взаимопонимания им уже никогда не вернуть.

В последнее время они так часто не сходились во мнениях, что старались как можно реже обсуждать общие дела – делали, что каждая могла и считала нужным, а потом просто ставили друг друга перед фактом. Каждая принимала свершившееся с достойным спокойствием, но недовольство друг другом, а что еще хуже – недоверие друг к другу, досада и обида друг на друга накапливались. Они все реже делали что– то сообща, и хотя Грета по-прежнему в своих поступках пыталась учитывать позицию Бриты, последняя стала все чаще и чаще давать волю своей эмоциональности. Эмоциональность прорывалась авторитарностью, злопамят-

НОСТЬЮ...

Грета до конца жизни считала себя отчасти виноватой в том, что в момент появления первых признаков истеричности натуры Бриты, не обратила должного внимания на выплески хвастовства и неумемного честолюбия своей ячейки. Краткий период единения их душ был ярким, но кратким – Брита, как более слабое и эмоциональное звено их союза, не вынесла высокого напряжения открывавшейся ей Власти.

И сейчас Грета сделала сложный выбор. Она могла принести в жертву старуху, могла исхитриться и вывернуть все так, чтобы спасти себя и Бриту, но выдать Светку, могла подставиться сама... Но любой из этих вариантов был бессмысленен в той перспективе, к которой она теперь жила – теперь сама, без Бриты.

Она все еще рассматривала себя и Бриту как одно целое, но почти физически ощущала, как Брита отдаляется, отрывается от нее. Решив, что должна сейчас извлечь максимум выгоды из сложившейся ситуации, потому что второго шанса жизнь может не дать, да и сколько его еще ждать! – Грета, тем не менее, снова и снова сомневалась. Но времени не было, – она чувствовала, что как только пройдет замешательство и первое эмоциональное потрясение, Брита сорвется, и не знала – так непривычно за многие годы – как себя поведет ее половинка.

Внезапно зажегся экран браслета на руке Бриты. Одна из Матерей спокойным презрительным тоном уведомила, что

разбирательство по инциденту запланировано на сегодняш-
ний вечер, как только соберется кворум.

С одной стороны, такая поспешность была на руку Грете – она, конечно, не успеет ничего толком подготовить к возможному уходу Туда прямо сейчас и сразу, но и продумать такой вариант Совету тоже будет некогда, да и не ожидают от Греты этого. С другой стороны, Грета прекрасно знала, что «как только соберется кворум» – время неточное и настолько растяжимое, что бывали случаи, когда заседание с сегодняшнего вечера переносилось чуть ли не на неделю.

- Хм, поглядим, – адреналин помогал мыслить быстро, четко, но какое-то странное умиротворение снова овладело Гретой, и она с удивлением отметила, что снова начинает наблюдать ситуацию будто со стороны.

Брита вскочила с кресла, она выглядела растерянной, испуганной – зачем-то схватила за руку старуху и потащила ее к креслу, пытаясь усадить на свое место. Ей никак не удалось заставить ту сесть, старуха спокойно, но твердо отказывалась – эта странная сцена окончилась тем, что старуха вдруг очень по-молодецки браво уселась скрестив ноги прямо на пушистый ковер. Брита все никак не отпускала руку старухи, для того, чтоб удерживать ее руку в своей, Брите пришлось неуклюже наклониться – казалось, она хочет поднять старуху – и, нелепо вертя головой, взглядом стала просить помощи у Греты.

Грета только махнула рукой, мол, оставь, и направилась

в коридор к пищевому автомату. Брита сразу же отпустила старуху и сначала ринулась вслед за Гретой, но выбежав за ней из комнаты, вдруг резко остановилась и побежала назад. Залетев в комнату и почти споткнувшись о сидевшую на полу неподалеку от дверей старуху, вдруг отпрыгнула в сторону, словно испугавшись какого-то гада, на секунду замешкалась и как-то крадучись по большому кругу обойдя сидящую, пробралась к креслу. Взгромоздясь на кресло, она обняла руками колени...

В таком положении – забившуюся в самую глубину кресла, насуспенную, исподлобья сверлящую взглядом пленницу – Грета застала ее, когда вернулась в комнату с двумя разными подносами. Один поднос она протянула старухе, и та приняла его просто, будто у своей давней знакомой. Положив его на колени, она какое-то время рассматривала его содержимое, потом потыкала некоторые блюда пальцем, стала отрывать кусочки руками и класть в рот: столовые приборы, которые были в подносе, она проигнорировала.

Брита с каким-то животным страхом наблюдала за старухой, и когда та стала есть руками, сначала сделала порывистое движение, пытаясь указать ей на приборы, но потом с отвращением отвернулась и приняла прежнее положение. Грета поднесла второй поднос Брите – на ней стояли чашка с какао и чашка кофе – Брита сначала отказалась, брезгливо передернув плечами и скорчив гримасу величайшего презрения, но поддавшись очарованию умиротворенности Гре-

ты, взяла напиток. Грета медленно, намеренно стараясь не делать резких движений, взяла с подноса вторую чашку и так же плавно убрала поднос на стол, мягко отступив к стулу у экрана.

На несколько минут в комнате воцарилась тишина, звуки приема пищи не столько нарушали ее, сколько делали какой-то уютной, по-домашнему привычной.

Увидев, что Брита немного успокоилась, Грета все также аккуратно поставила чашку с недопитым кофе на стол и двинулась к выходу. Брита следила за ней глазами, но настороженность взгляда и словно затравленность общей моторики больше не возвращались. Грета вышла из комнаты и направилась снова к пищеблоку, получив из него еще несколько чашек на подносе, она прошла вглубь к той двери, за которой все еще ждала решения своей участи ячейка Бриты. Брита и думать о ней забыла, но когда те, сопровождаемые и ободряемые Гретой, с чашками в дрожащих руках нетвердой дерганой походкой добрались до комнаты, Брита обрадовалась им как родным, вскочила с места, приобняла, потащила к креслу, усадила их вокруг себя и завела самый обыденный разговор, суть которого водился к обмену сведениями о том, какие напитки нравятся ячейке.

Грета видела их словно в полусне – одна Грета сейчас была где-то далеко, ее занимали совсем другие материи, она на какой-то сверхсветовой скорости обдумывала все то, что произошло и еще могло произойти сегодня, что может быть

и должно быть завтра и, главное, чего же ей на самом деле хотелось... Другая Грета зорко следила за каждым движением всех, кто находился в комнате, слышала каждое слово, каждый вздох – пассаж о кофе, который «такая гадость, как это можно давать людям» особо порадовал Грету.

Брита и Мойра нашли точки соприкосновения, и сейчас это было снова на руку Грете. Она просчитала, что сможет сыграть на симпатии Бриты к своим подопечным, и выторговать особые условия для старухи. На секунду Грета, та которая была далеко, словно вернулась и сердце сжалось от горькой мысли о том, что другая Грета рассуждает о Брите, как об одной из ненавистных им раньше кураторов... Но сразу та же самая Грета подумала о том, что негоже называть старуху на ты, не достаивая ее именем. Другая Грета ухмыльнулась и пристально разглядывая пленницу, которая окончив трапезу, со знанием дела отставила поднос в сторону на съедение умным бактериям, решала, какое может быть имя у этого существа, и стоит ли спрашивать ее саму об этом. А еще Грета подумала, что каким бы не было имя этой женщины, для нее она стала надеждой... и обе Греты решили называть ее именно так....

События следующих трех дней, как ни пыталась Грета впоследствии восстановить в памяти, вспомнить хотя бы последовательность самых значимых, слились в один фантастический полусон-полуявь.

Так, Грета четко помнила, что имела со своей пленни-

цей-спасительницей длинную беседу, из которой Грета узнала, что вне полисов есть много крупных и помельче поселений по всему миру, и что одно из крупных поселений как раз находится недалеко от их цилиндрополиса... Еще она помнила, что старуха никак не хотела указывать точное местоположение поселения, и что Грета, предположив, что поселение обитает где-то на побережье, долго не могла добиться от старухи подтверждения или опровержения этому предположению... Помнила, что была сильно удивлена тем, что такая прочная система защиты сети цилиндрополисов, оказалась открытой для обитателей поселений как книга, хотя, конечно, с техническим обустройством у них не все так просто....

Надежда, как отрекомендовалась ей старуха, предлагала потом в виде воспоминаний совершенно иное – она утверждала, что у них с Гретой не было и пары минут наедине, чтобы так подробно и долго о чем-нибудь говорить, и что единственная информация, о которой она все-таки решилась, в конце концов, намекнуть Грете, были как раз таки координаты поселения, из которого Надежда приходила в полис. Был такой момент во всей этой истории, когда свобода и даже жизнь Надежды висели на таком тоненьком волоске, что еще и еще раз перепроверять, действительно ли Грета сочувствует поселенцам или просто искусно выпытывает информацию, у Надежды не было, и она, полагаясь только на какую-то свою глубокую внутреннюю убежденность в искренности Греты, решила рискнуть и рассказала о том, что

поселенцы стараются держаться неподалеку от побережья.

Грета и Надежда потом подолгу вместе просиживали целыми вечерами на берегу моря, вслушиваясь в шум волн, пытаясь привести в соответствие их такие разные версии происшедшего, но каждая осталась при своих воспоминаниях. И только море, которому они поведали свои истории, наверняка, знало, что же было на самом деле...

Для Бриты эти дни ничем не выделились в истории жизни. Её вполне устроило то, что Грета повернула всю эту историю так, что, хоть и старуха не получила всего заслуженного наказания, но и ее ячейка, показания которой были путаны и непоследовательны – и на то были свои причины, – не получили ни взысканий, ни поощрений, только опыт, только жизненный опыт...

Брита не вдавалась в тонкости и хитросплетения той игры, которую вела Грета, позиция стороннего наблюдателя, а не активного участника и создателя ситуации, как ни странно, пришлась Брите очень по вкусу. Она так устала все время все замечать, за всем следить, просчитывать наперед и анализировать случившееся...

Ко всему прочему именно в эти дни в инфоленте появилось сообщение о какой-то выскочке из всего-то четвертой линии, сделавшей небольшое, но достаточно значимое открытие в области вирусологии. Открытие! То же мне открытие! Это же настолько понятно и естественно, что и говорить нечего об этом! Брита ужасно досадовала на эту вы-

скочку, что той повезло угадать то, к чему она, Брита шла многие-многие годы упорным трудом, досадовала на себя, за то, что вовремя не известила федерацию научной вирусологии об этом открытии, а хотела еще кое-что доделать, проверить и потрясти весь мир своими достижениями в этой области. Но больше всего она злилась на Грету – если бы не та болезнь, если бы Брите не пришлось бросить свои научные опыты! – ведь она уже почти договорилась с вирусами, она уже понимала их язык, они настолько привыкли к ней, что открыли ей свои тайны, доверились ей, а она так вероломно поступила с ними, спасая свою... ячейку.

После того как Грета выздоровела, сколько Брита ни пыталась снова попасть в тот необычный настрой, который позволял ей беседовать с вирусами и узнавать их секреты, у нее никак не выходило, и она, сначала бессознательно, а потом и вполне осознанно обвиняла Грету в своих неудачах.

После сообщения в инфоленте Брита вдруг уверовала в то, что если она теперь откажется от Греты – в угоду вирусам, то они простят ее и снизойдут до бесед с нею. Она даже как-то высказала все это Грете. Грета не могла поверить, что Брита говорит это серьезно, но понимая, насколько важна научная работа для ее подруги, даже предложила помощь. Реакция была настолько бурной и непредсказуемой, что Грета, наверное, впервые в жизни, так и не смогла собраться с мыслями, понять и исправить ситуацию. Да, и не до того ей было... Так и осталась в памяти пятящаяся и будто защища-

ющая искривленное ужасом лицо Брита.

Еще долгие годы мысль о том, что она не смогла, не успела, не захотела найти времени для того, чтобы постараться все прояснить в их отношениях мучила Грету и она почти безнадежно пыталась представить себе ситуацию, когда она, пускай через многие годы, сможет все объяснить Брите, тогда ей хватит обычного понимающего взгляда, они сядут рядом и помолчат обо всем на свете, как раньше...

Часть 2

Нервная система Греты, казавшаяся непоколебимой, дала сбой.

Две недели после трех дней невероятного напряжения и нечаянно удавшегося побега Грета провалялась в сильнейшем бреду. Иногда ей казалось, что какие-то лица наклоняются к ней и что-то ей говорят, иногда ей слышался ритмичный, нестерпимо громкий шум какого-то работающего прибора, и она просила выключить его, чувствовала, что ее не понимают, металась и снова забывалась в тяжелом горячечном сне. Пару раз ей привиделась Светка – такой, как она запомнила ее – испуганной, изможденной, но со сверкающими решимостью глазами, несколько раз она слышала скрипучий голос Надежды, и не могла понять, снится ли ей все это или это обрывки яви.

– Ну, дай ты ей кофе, раз просит-то. Может, привычное ей будет, да и поможет, уж две недели как в бреду – долго. Пора б уж...

– Вот кофе ей только еще... Нада, ты вот глупости только не говори... Ну, когда это больного этой гадостью лечили?!

– Да... тебе б уж только б микробов в бульоне разводить... Да, не пихай ты ей суп этот – еще захлебнется!

Грета сквозь какой-то шум слышала, как два голоса – один скрипучий и очень знакомый, а другой глубокий и незнако-

мый пререкались – и почувствовала возле губ что-то металлическое и мокрое, дернулась и застонала.

– Уж прямо утонет... О, опять стонет... Как ее лечить прикажешь?

– Говорю, кофе ей дай – раз просит, – настаивал знакомый голос.

– Да что ты привязалась-то! – возмутился глубокий незнакомый тембр. – Она вот еще и просила шум выключить, так что прикажешь, море ей осушить? Чтоб не мешало...

Море? Море... да, наверное, это море шумело. Громко как... Все это время ей казалось, что тысячи голосов шепчутся между собой – она не могла разобрать ни слова, но она знала, что это важно, очень важно! Шепот то отступал, то становился сильнее... Значит я на море. Значит у меня получилось... Но что оно шепчет? а может оно просто думает... шепотом, - с этими мыслями Грета внезапно и глубоко уснула. Ей больше ничего не снилось, не казалось, и когда она проснулась, веки оказались привычно легкими, а не свинцово неподъемными как во время болезни.

Грета глядела в сумрак и глаза, постепенно привыкая к полумраку, начинали различать детали. Грета приподнялась на локте – она лежала на достаточно комфортном невысоком лежаке, который был задвинут к дальнему краю чего-то среднего между палаткой и шатром. В сумраке раннего утра это непривычное глазу сооружение казалось нутром какого-то огромного мифического животного – ветер обдувал шатер

и изнутри казалось, будто он дышит. Грета попыталась присесть, но обнаружила, что к ее рукам и ногам присоединены какие-то веревки. Она откинулась на подушку и стала ощущать себя – медленно, опознавая прикрепленные к ней медицинские приспособления. Катетер, капельница, еще катетер, наклейки, провод от Грета снова приподнялась на лежаке и старательно вглядывалась в темноту, пытаясь рассмотреть аппарат, к которому тянулись провода от ее тела, но у нее никак не получалось. Порывы ветра и привычный уже шум волн стали стихать – Грета лежала с закрытыми глазами и вслушивалась.

Вдруг резкий порыв ветра рванул ткань, которая, видимо, выполняла роль дверей, и резкий соленый запах прохладной волной заполнил ее убежище. Грета распахнула глаза и с удивлением обнаружила, что за те, как ей показалось, пару минут стало совсем светло. Ткань-дверь медленно сползла с округлой стенки шатра и все снова погрузилось в таинственный сумрак. Только теперь Грета смогла рассмотреть все вокруг – все казалось серо-черным, другие цвета угадывались с трудом. Грета поняла, почему с самого начала не смогла разглядеть медицинский прибор, который следил за ее состоянием благодаря датчикам, наклеенным на ее тело – такой модели Грета не видела никогда – казалось, кто-то, пытаясь совместить в одном приборе функции разных, хорошо известных Грете, приборов, поставил целью сделать вновь собранный агрегат как можно более неуклюжим. С другой

стороны, на приборе отсутствовали такие привычные Грете большие экраны и управляющая панель. Грете уже удалось присесть – она аккуратно отклеивала датчики.

Освободившись от медицинского надзора, Грета вполне уверенно встала, огляделась. Она была одета в странного вида рубашку – свободную и достаточно жесткую на ощупь, рядом с медицинским агрегатом стоял еще один лежак, он был не застелен – на нем Грета обнаружила свою одежду, в которой она была последний раз. Одежда была несомненно ее, только какая-то жесткая, как и рубашка. Странно, что ношенную одежду, пролежавшую без обеззараживателя не съели вездесущие умницы-бактерии... Грета все еще с интересом рассматривала свою одежду и пыталась строить предположения об этом чудесном феномене своего нового местонахождения, как дверная ткань зашуршала и в лучах яркого, но ее не ослепляющего солнечного света появилось осунувшееся и посмуглевшее, немного озадаченное лицо Светки.

Выражение лица Светки изменилось, она только открыла рот для слов приветствия и радости, а в дверной проем уже проталкивались еще какие-то люди, и у каждого из них озадаченное выражение лица тут же сменялось на радостное. Шатер заполнился людьми, которые похлопывали Грету по плечам, некоторые даже обнимали, и все – все улыбались и наперебой говорили. Двое из них подошли к аппарату и, не переставая улыбаться и что-то весело и возбужденно говоря Грете, производили над ним какие-то непонятные ей мани-

пуляции.

Грету захлестнуло волной доброжелательности, неподдельной радости – настолько необычны ей были эти эмоции, что она совсем не разбирала слов. Она так и стояла посреди шатра с одеждой в руках, смотрела во все глаза на окружавших, нелепо улыбаясь в ответ, и вдруг... расплакалась. Слезы брызнули из глаз непроизвольно, Грета даже сама не ожидала – остальные растерялись и кинулись к ней, усадили на лежак, снова что-то говорили, несколько пар рук гладили ее по голове, по спине, по плечам, по рукам – Грета ревела навзрыд, не сдерживаясь, не таясь, не стесняясь, размазывая по лицу слезы и сопли, тычась лицом в подставляемые плечи обнимающих...

– Ну, догадались тоже... А, ну, кыш все! – голос был настойчив, но в нем слышалась улыбка, – кыш, кыш! Переполошились, чего переполошились?

Грета сквозь рыдания слышала, как оправдывались те, кто только что принес ей столько радости и света; не разбирая слов, она угадывала в интонациях заботу о самой себе и от этого понимания хотелось снова разреветься.

Грета терла глаза, пытаясь сдержать всхлипывания – в шатре стало тихо, шум переместился за пределы палатки и стал глуше – рядом с ней стояла старуха и держала в руках чашку с любимым Гретой кофе по-черному. Аромат этого напитка, вмиг заполнивший собой все свободное пространство, не оставлял никаких сомнений.

Грета молча взяла чашку из рук старухи, привычно подула на поднявшийся помол и отхлебнула. Стало и вправду легче – слезы все еще наворачивались на глаза, но неудержимые всхлипывания постепенно прекратились. В молчании Грета выпила весь предложенный ей кофе. Старуха все это время сидела напротив – на незастеленном лежаке и что-то словно искала в своей котомке. Когда Грета сделала последний глоток, она была уже полностью спокойна, удивление и любопытство снова вышли на первый план.

– Оденься, да и выходи. Только потихоньку выходи – воздух тут дикий – скрипучий голос старухи был строг и мягок одновременно.

Это утро Грета всегда вспоминала потом с щемящим чувством несбывшегося счастья, которое должно было случиться непременно, но то ли Грета его проморгала, и не поняла, то ли изменчивая фортуна в последний момент изменила свое решение и счастье так и не случилось с Гретой.

На воздухе все оказалось еще более удивительным, непривычным и по большей части непонятным для Грета. Она находилась сейчас в диком поселении сбежавших из близлежащих ДНК-полисов индивидов – поселение было основано давно, и, как потом поняла Грета, постоянного местоположения не имело. Совет матерей время от времени устраивал облавы на дикие поселения, хотя это и не афишировалось официальной инфолентой, и людям приходилось постоянно кочевать.

Не имея ничего постоянного и привычного в своем нехитром быту, поселенцам удалось создать стройную систему общежития с его простыми обычаями и неписаными правилами, которые каждый выполнял так, будто никогда не задумывался о том, а можно ли по-другому?

Основную часть группы составляли молодые женщины старше Греты лет на пять – десять. Грета потом вспомнила, что когда ее ячейка была только-только сформирована и их заселили в новенький, еще необжитый, цилиндр вместе с другими наскоро сформированными ячейками, ходили упорные слухи, просочившиеся с других этажей, куда поселили ячейки постарше, что из полиса был совершен массовый побег на дикие просторы, что удалось им сбежать именно из-за проводившегося по плану перемещения жителей целого цилиндра из здания, которое приглянулось кому-то из вновь избранных в Совет матерей. Грете и потом еще попадались обрывочные сведения об этих событиях, но она никогда не уделяла им какого-либо специального внимания – беглецов, не успевших выбраться вглубь дикой зоны, как правило, возвращали и отдавали на пожизненное исполнение миссии. Однако о том, что отдельные группы и поселения все-таки существуют на диких просторах Грета знала и тогда: об опасности, исходящей от диких поселенцев полунамеками – чтобы предупредить, но при этом ни в коем случае не подтверждать, что поселенцы существуют, – их предупреждали перед тестами в дикой природе.

В поселении было несколько старых, но не одряхлевших до полного маразма, как это было принято в привычном Грете обществе, женщин, которые, собственно говоря, и основали эту группу, несколько детей разного возраста, родившихся уже здесь, на диких пространствах, и, что было самым необычным для Греты, здесь были мужчины. Их было немного – двое пожилых, очень похожих на старуху и друг на друга, бородатых и лысых, трое разновозрастных, еще относительно молодых, индивида и четверо мальчиков, не достигших еще даже подросткового возраста.

Грету сразу поразила разница в отношениях между мужчинами внутри их небольшого мужского коллектива – они, в основном, работали обособленно от женщин – отношения были чем-то похожи на те, которые сложились в ее небольшой ячейке, отношения такого взаимопонимания, когда слова почти не нужны – достаточно жеста или взгляда.

Поначалу Грета не понимала, почему женщины не стремятся к чему-то подобному, почему, напротив, в поселении приняты временные ситуативно обусловленные организации женских индивидов, при этом поощряется привязанность младших к более старшим и наоборот. Прожив с этой группой несколько месяцев, Грета поняла, что такая система отношений – своего рода оборонительная реакция этого небольшого сообщества против въевшихся в психику почти на уровне инстинктов принципов поведения ДНК-общества, где каждая ячейка призвана быть единым организмом,

способным выделиться среди ему подобных и преуспеть так, как если бы это был один человек. При этом научиться чему бы то ни было группа могла только сама – кураторы только моделировали ячейки под общественно принятый шаблон, оставляя поиск верных путей и правильных знаний на откуп самой ячейке, жестоко карая отступления от нормы.

Тут было несколько иначе – старшие передавали знания и опыт младшим, объясняли, рассказывали, помогали – это было здорово, но младшие все равно делали не так и не то. Их наказывали, конечно, это было своеобразное наказание – подростку или ребенку объясняли, что именно было неверно в его поступке, а потом, добиваясь осознания им своего промаха, предлагали ему самому отказаться от того, что казалось ему в тот момент наиболее привлекательным.

Грета частенько наблюдала, как отдельные хитрецы с видом полного раскаяния придумывали себе такие наказания, которые могли считаться таковыми только с точки зрения взрослых, детям же отказ, например, от посиделок вечером, когда у костра собиралась вся группа, не причинял никаких неудобств. Ей было неясно, почему взрослые, отлично понимая, что ребенок схитрил, потакают такому обману и не выводят его на чистую воду – старуха объяснила ей, что даже если ребенку ничего не стоит отказаться от такого мероприятия, то уже одно понимание его высокой общественной ценности формирует у ребенка систему приоритетов и структурирует картину мира.

Грета, впервые услышавшая от старухи такие глубоко научные речи, вначале даже несколько растерялась – она-то думала, что эта необычная женщина просто не нашла себя в ДНК-обществе из-за низкого коэффициента интеллектуальной значимости и потому предпочла быть необходимой в таком, своего рода, первобытном обществе, чем середнячком в высокотехнологическом ДНК-обществе. Потом Грете стало стыдно, а стыд сменился самоедством с оттенком презрения к самой себе за ту гордыню и самоуверенность, с которой она считала себя умнее и лучше приютивших ее людей. Грета тогда несколько дней ходила мрачнее тучи и додумалась даже до того, чтоб уйти из поселения куда глаза глядят, но тут ей помогла Светка.

Светка во времена ячейки побаивалась и недолюбливала Грету – она казалась ей какой-то неживой. Спокойствие и рассудительность Греты, ее постоянная готовность к непредвиденному и невообразимому, умение в сложных ситуациях действовать собранно и стремительно, маниакальная тяга к новой информации, постоянный анализ не стоящих внимания мелочей, – эти черты ленивой, легко увлекающейся и так же быстро отвлекающейся Свете казались нечеловеческими, она даже какое-то время думала, что Грета – информационный организм и следила за ней.

В то время Света, решив разобраться в интересующей ее задаче – человек ли Грета, узнала много нового и интересного, перелопатив кучу информации по анатомии человека

и информационной теории. У этой истории был своеобразный побочный эффект – не имея навыка поиска информации, Света часто вместо искомого получала что-то абсолютно несуразное и не относящееся к теме своего поиска, но как человек эмоционально лабильный впитывала эти сведения, странным образом преломляя непонятные ей научные постулаты в некую мифологию, понятную только ей.

Именно в тот период у Светки появились первые сексуальные фантазии и закрепилось, извращенное с точки зрения того общества, продуктом которого она была, отношение к продлению рода – Светке всегда хотелось испытать чувство физической и эмоциональной трансформации, сопровождающей исполнение миссии; ей казалось, что исполнение миссии может дать индивиду какие-то необыкновенные способности и ощущения, иначе почему их изолируют от ячейки? А у некоторых, была уверена Светка, эти способности закрепляются и не исчезают даже после исполнения миссии, и именно по этой причине некоторые ячейки навсегда лишались своих членов.

Такое восторженное отношение к продлению рода сохранилось у нее даже после ужасов пребывания в миссии – даже сейчас она была абсолютно уверена в том, многочисленные умения, открывшиеся у нее в поселении – умение готовить пищу – пищевых автоматов тут не было, пищу готовили из натуральных материалов, составлять одежду, приручать небольших диких зверьков – появились у нее имен-

но благодаря материнству. Кроме того, доброжелательность и открытость Светки, ее искренность и умение радоваться жизни притягивали к ней людей – и даже ее абсолютное неумение держать в тайне чужие секреты не мешало людям часами рассказывать ей о своих проблемах, печалях и радостях.

- Грета, Грета! – Светка бежала по берегу моря, вглядываясь в изрытый волнами прибрежный песчаник, она знала, что найдет Грету у моря. Вот уже второй день Грета с утра уходила из поселения в мрачном настроении и приходила, когда все улягутся спать. Еда, оставленная ей поселенцами, оставалась нетронутой – ее находили аккуратно сложенной в вакуумные контейнеры, которые поселенцы использовали для хранения пищи – Грета брала только воду.

- Грета-а-а! – Светка, наконец-то увидела Грету в тени между двумя обломками песчаного берега, похожих издали на камни, стала махать ей рукой, и не заметила, что на берег накатывает волна – не успев отскочить, Светка взвизгнула от неожиданности и расхохоталась. Грета, уже второй день не откликавшаяся на Светкин зов, была раздражена до предела, но устоять перед беззаботным, светлым и искренним смехом Огонька она не могла никогда. Перепады настроения Светки – резкие, непредсказуемые и вместе с тем абсолютно естественные и не наигранные – восхищали Грету своей непостижимостью; та легкость, с которой испуганная или расстроенная Светка вдруг становилась абсолютно счастли-

вым человеком и наоборот, что было, кстати говоря, реже, была недоступна пониманию Греты, необъяснима и недостижима, и всегда выбивала Грету из колеи. Вот и сейчас Грета с любопытством наблюдала за Светкой, которая, смешно подпрыгивая и айкая, спешила к Грете по раскаленному от дневного солнца песку. Самоедство, ввергавшее Грету в депрессивный ступор, на минутку отступило, и в эту минутку Грета посмотрела на себя словно со стороны – досадливо чертыхнувшись (она знала за собой такие затмения), Грета уже была готова поделиться со Светкой всеми своими переживаниями.

- Он в тебя влюбился! – без приветствия и каких-либо этикетных «как дела» начала орать Светка, перекрикивая шум ветра и моря, еще с полпути до Греты. Она была возбуждена, глаза блестели так же, как солнце на волнах, ветер растрепал волосы, и под его порывами они взлетали пушистым светящимся нимбом вокруг ее головы, - представляешь? Он мне сегодня утром рассказывал! Он, знаешь, пришел, вроде помочь даже, ну, я с утра там с рыбой возилась на обед... Ой, так все и бросила... Слушай, пошли, я тебе все по дороге расскажу, а то я прямо все так и бросила, вот черт... – Светка прикусила губу и даже на секунду нахмурилась. Но тут же, подняв глаза на Грету, снова воодушевилась, шагнула к Грете, положила ей на плечи руки, заглянула в глаза, – Ты понимаешь? Понимаешь, что я тебе говорю?! – резко плюхнулась на песок, потянув за собой Грету, и начала тараторить,

перескакивая с одного на другое, перебивая и запутывая сама себя.

Через минут двадцать она снова опомнилась и, не дожидаясь никакой реакции от Греты, подняла ее и потащила за собой в лагерь. Весь путь до лагеря Светка продолжала восторженно и сбивчиво повторять все уже сказанное, пытаясь сопроводить эту информацию советами и предостережениями. Грета безропотно следовала за Светкой и в те моменты, когда Светка, забывая, почему ей необходимо вернуться в поселение как можно быстрее, вдруг останавливалась и начинала повторять Грете какие-то избитые истины, требуя от той вдумчивого «угу, ясно», Грета мягко разворачивала Светку в сторону поселения и настойчиво подталкивала, напоминая, что надо идти. Она уже оправилась от депрессивного состояния, а досада на себя, обычная для Греты в такой ситуации, отступила перед любопытством и замешательством от того, что рассказала Светка.

Суть многословного и многоэмоционального рассказа Светки можно было бы изложить в одном предложении. Один из мужчин среднего возраста, в самом расцвете сил, как выражалась Светка, грубоватый и замкнутый, появившийся в их поселении тоже совсем недавно, а до этого существовавший самостоятельно и одиноко, почувствовал в Грете родственную душу. Это судьба, – тараторила Светка, – пойми, он ведь осознанно почти двадцать лет жил совсем один, потому что был против любых человеческих общежи-

тий! Он ведь и когда пришел к нам, пришел не потому, что понял наконец-то, что человеку без людей никак, а потому что слабым себя посчитал, решил, что не справился, что вконец испорчен той системой, которая его взрастила! Это он говорил, понимаешь, Грета! И вот, он тут, с нами, непонятно для чего и почему остается, ни с кем дружбы не водит, – и тут на тебе! То-то я смотрю он вдруг вроде будто посветлел весь – пару дней назад ко мне приходил, чтоб я ему новую одежду составила – представляешь, и так при этом стеснялся, так, прямо, оправдывался, – хохотала Светка, – прямо умора-заглядение! А это он, оказывается, для тебя хвост-то распустил!

Грете немного коробили непривычные и не всегда понятные выражения Светки, подобные выражения были в ходу в этом поселении и часто встречались в речи, а самое главное, ей абсолютно неясным было слово, с которого Светка начала – что значит *влюбился*, Грета так и не поняла...

Грете пока не удавалось принять новые слова в свой лексикон и от этого, когда она пыталась просто поболтать с кем-нибудь, ее речь выглядела искусственной, неживой какой-то. Лучше ей удавались небольшие поучительные беседы и уроки, которые ей предложили вести со взрослой частью поселения – общение с детьми ей не удавалось вовсе. Так и закрепилась за Гретой такая специализация – либо маленькие, еще не умеющие толком разговаривать, дети – она легко управлялась с ними, либо взрослые, сложившиеся люди,

которые хорошо знают, когда можно и нужно говорить.

К этому времени Грета жила в поселении уже полгода, и люди к ней привыкли. Привыкли быстрее, чем она к ним. Грете было тяжело и отсутствие привычных мелочей, и невозможность планировать свое время только по своему собственному усмотрению, потому что всегда нужно было принимать в расчет интересы и потребности окружающих ее людей, но больше всего ее мучал информационный голод.

В поселении не было инфомодусов, то есть какая-то электронно-кристаллическая аппаратура была, но поселенцы модифицировали ее таким образом, чтобы из ДНК-полисов было сложно отследить инфоактивность. Это было важным требованием безопасности поселения, и Грета даже не заикалась о том, что неплохо было бы иметь обучающий модус.

В последние два дня, когда она уходила из поселения, подыскивая место для одинокого проживания в прибрежной полосе, она несколько раз натыкалась на следы пребывания людей, находила брошенные впопыхах вещи. Как объяснила ей еще раньше старуха, все вещи, которыми пользуются поселенцы, в обязательном порядке пропитываются морской водой или специальным образом заращаются кристалликами морской соли, иначе вездесущие бактерии-умирицы уничтожат все ношенные или использованные вещи. Поэтому до тех пор, пока одежда, приборы, другие вещи были необходимы для использования и их нечем было заменить, за их просоленостью тщательно следили, а когда надо бы-

ло их утилизировать, просто переставали просаливать. Тяжелее всего было во времена дождей. Палатки, в которых жили поселенцы, были достаточно старыми, для того, чтобы бактерии в первую очередь принимались за них – дождь не успевал еще закончиться, как они проедали дыры в верхних, отмывшихся от соли слоях ткани. Приходилось, невзирая на ливень, поливать палатки морской соленой водой, запасы которой всегда заготавливались поселенцами неподалеку от лагеря. Забытые вне палаток инструменты и даже заготовки из дерева или травы, оказывались надъеденными ровно настолько, насколько частички человеческого пота могли проникнуть в них.

В то утро, когда Света нашла ее, Грета наткнулась на небольшую пещерку в каменистом берегу на достаточно большом расстоянии от того места, где сейчас располагалось поселение. Она и раньше находила небольшие уютные пещерки, в которых угадывались останки аппаратуры и инструментов, которыми могли пользоваться люди, но в этой пещере ее внимание привлек уже порядком проржавевший, но все еще узнаваемый по общим очертаниям инфомодус, точнее корпус инфомодуса, внутренности его были, видимо, вынуты, а не подчищены бактериями, потому что пазы и ниши для крепления инфочипов были кое-где будто оплавлены – там, где к ним прикасалась рука человека, бактерии потрудились на славу. Созерцание этого пустого саркофага навело Грету на две удивительные мысли – первую, о том, что ме-

таллический корпус для инфомодуса – это возможный выход из ситуации, когда воздействие внешней среды агрессивнее, чем бактерии, которые только довершают уже начатое влажным воздухом и пыльными ветрами разрушение пластмассового корпуса, и вторую, о том, что инфомодус и дикие просторы вещь не такая уж и не совместимая.

Она как раз размышляла над обеими, когда Светка все-таки углядела ее в однообразном прибрежном пейзаже.

– Ты слушаешь меня? – Светка остановилась и укоризненно уставилась на Грету, – ты совсем не хочешь задуматься о той ответственности, которая теперь ложится на твои плечи!

Такая нотациоподобная фраза из уст Светки выдернула Грету из того тумана удивления, непонимания, любопытства и одновременной отстраненности, в котором она пребывала последние сорок минут, пока они возвращались в лагерь. Но что-то еще, что-то неприятное и навязчиво знакомое, вдруг заполнило ее сознание и заставило ее вернуться в привычное состояние полного самоконтроля и придирчивого анализа окружающей обстановки.

Светка все еще стояла с выпученными глазами и возмущенной физиономией, когда Грета вдруг поняла, что привлекло ее внимание. Резко задрав голову вверх, Грета, словно локатором окинула небо пристальным взглядом, и далеко над горизонтом отметила несколько черных, медленно увеличивающихся точек.

Схватив Светку за руку, Грета, как во времена их юности,

стремительно и целеустремленно неслась к лагерю. Светка, несколько ошарашенная таким поворотом развития ситуации, вначале пыталась что-то хотя бы спросить, но забытое чувство полного подчинения воле сильного властного члена ячейки, которым всегда была Грета, захлестнуло ее способность мыслить, и она просто неслась рядом с Гретой со всех ног. Когда до лагеря оставалось метров сто, Грета стала сухим, словно потусторонним, голосом отдавать краткие приказы:

– Детей собери – где меня нашла – там можно спрятаться – туда гравилеты не подойдут – ветер. Вещи не бери – не успеешь. Старухе скажи – пусть смывает соль – не мелочится – жизнь дороже.

Светка запомнила все дословно, но поняла только свою часть приказа. Однако спрашивать не стала по старой отработанной годами бытности ячейкой привычке, и, несмотря на усталость – она с раннего утра была на ногах – побежала к самой большой палатке. Было чуть за полдень и в лагере в самую жару все, как обычно, отдыхали. В большой палатке старухи не было, дети спали... Света на секунду замешкалась – искать старуху или собирать детей?

Она выглянула из палатки. Грета уже успела оббежать несколько палаток с самыми старшими и тем же глухим, страшным голосом продолжала отдавать команды. Светка всегда поражалась этой способности Греты – сосредоточиться на решении проблемы настолько, чтобы и другие полно-

стью подчинились твоей воле, принимая ее как свою. Мужчины беспрекословно выполняли ее указания, некоторые женщины попытались было делать по-своему, но, остановленные укоризненными взглядами, а то и жесткими окриками своих же, без лишней суеты, четко и слаженно выполняли распоряжения Греты.

Светка уже подняла и одела всех взрослых детей, спавших в палатке, когда подоспела старуха с остальными старшими – они куда-то уходили от поселения и вернулись точно также обнаружив на горизонте блуждающие гравилеты. Также молча и собранно, как Грета, одна из них распорядилась:

– Грудных бери, отнесешь к ближайшей пещерке, дальше не иди – надорвешься, толку не будет, – проговаривая это, она помогала Светке завязать три длинных платка – два на груди и один на спине, в которых они вместе умостили все еще спящих младенцев.

Малышей на этот момент в лагере было четверо: две трехмесячные девочки-двойняшки и два младенца мужского пола полутора и двух лет. Двухлетний мальчик был слабеньким и его до сих пор прикармливали детской молочной смесью, полуторагодовалый ребенок, ребенок Светки, напротив, был крепким, сбитым, и когда Светка попыталась поднять и его, то почувствовала, как тяжелы и остальные трое, уложенных в платки, детей.

Старуха взяла крепыша на руки:

– Иди, и смотри, чтоб не пищали там...

– Соль... – начала было Светка, но старуха резко остановила ее запрещающим жестом и повторила:

– Беги!

И Светка побежала. Весь лагерь был похож на развороченный муравейник, из которого время от времени отделялись одна-две фигуры, торопливо убежавшие в самых разных направлениях. Гравилеты широкой спиралью неизбежно приближались к ним. Обычно операции по прочёсыванию дикой зоны проводились непосредственно у окраин полиса перед испытаниями ячеек и так далеко вглубь дикой зоны не заходили, иногда предпринимались обследования свалок отходов ДНК-полисов, которые тоже были выведены в дикую зону – огромные мусорные кучи, образуемые сбросами мусора все с тех же гравилетов, достаточно быстро уничтожались умницами бактериями – пластик, ткань, животный материал – все это было их любимым лакомством.

Света пересекла лагерь и нигде не увидела Греты, но удивляться ей было некогда, звук подлетающих гравилетов был уже слишком отчетливо слышен. Светка вначале решила бежать самой краткой дорогой, но, вспомнив Грету и ее наставления далекой полисной жизни, решила запутать следы. Минут через пятнадцать быстрого бега, Светка поняла свою ошибку – море было еще далеко, а груз, с которым она бежала, был уже неподъемным. Внезапно стало намного легче – спина распрямилась, боковым зрением Света отметила какое-то движение – испугавшись, что уложенный в платок на

спине малыш попросту выпал, Света попыталась притормозить и оглянуться.

– Вперед, не останавливаться, – Грета грубо толкнула Светку, уже замедлившую движение, и последняя увидела, что Грета бежит, пригнувшись, одной рукой сжав ноги сидящего на шее крепыша, а второй обхватив поперек туловища перекинутого через бедро мальчишку из спинного платка Светы.

Близость Греты воодушевила Светку, у нее открылось второе дыхание, и уже через каких-то десять минут они были на побережье. Грета провела Светку в неизвестную ей ранее в этом отрезке береговой линии пещерку, расположила там ее с детьми, привалила выход обломком песчаника, словно приготовленного заранее неподалеку от пещерки, и, бросив, – Приду, – куда-то убежала.

Следующие несколько часов, проведенных в этой пещерке, Светке показались вечностью и стоили ей не одной седой пряди. Гравилеты, несмотря на сильный прибрежный ветер и сложный рельеф береговой линии, пытались зависнуть над морем или даже приземлиться на узком песочном пляже. Дети плакали, но в шуме ветра, моря и кружащих гравилетов их бы все равно никто не услышал. Однако в какой-то момент в криках прилетевших Светке почудились интонации, с которыми охотник приветствует свою жертву, загнанную в угол – прилетевшие ячейки стали спускаться с гравилетов на индивидуальных флаерах на песок. Оцепенев от ужаса и безыс-

ходности, Светка закрыла глаза и, царапая ногтями песчаник, беззвучно звала:

– Грета... Грета... Грета...

Совсем рядом что-то громко ухнуло, потом несколько глубоких всплесков отчаяния и страха... Наверное, в какой-то момент Света потеряла сознание, а когда очнулась, в пещерке было совсем темно. И тихо. Светка попыталась встать и поняла, что ее ноги привалены чем-то тяжелым, но поняла это не потому, что почувствовала боль – нет, боли не было совсем, она вообще не чувствовала ног, просто пытаюсь передвинуться туда, где лежали дети, упираясь в колкий песчаник локтями, у нее никак не выходило, словно кто-то держал ее за ноги. Глаза никак не привыкали к темноте, Света хотела потереть их и обнаружила, что и руки, и голова – вся она присыпана слоем песка. Светку бросило в холодный пот, забыв об отсутствии чувствительности ног и не обращая внимания на расцарапывающий до крови острый песчаник, Света все-таки смогла продвинуться в том направлении, где, как она помнила, Грета тщательно уложила детей. Дотянувшись рукой, Света стала ощупывать глубокий выступ, в глубине которого, словно специально выдолбленные рукой человека, располагались две невысокие ниши. В одну из них Грета положила крепыша, а в другую всех, кого несла Света. Рука нащупала ткань, Света осторожно потянула уголок ткани, он поддавался с трудом. Света пыталась услышать сонное сопение, но шум ночного моря был настолько сильным,

что, казалось, заглушал даже мысли. Света потянула еще, ей почудилось какое-то движение, потом кто-то взял ее за руку. Света резко дернулась и снова забылась.

Очнулась она оттого, что ее лицо протирали влажной холодной тканью.

– Грета? – все еще было сумеречно, но очертания женского силуэта уже можно было различить и Света узнала свою ячейку.

– Все целы, возвращенных не взяли ни одного. Детей я отнесла. Тебя привалило. Пока была без сознания, переносить не стали. Боль есть? – Грета как всегда была лаконична и деловита.

– Грета, ты - умница, – разулыбалась Светка и попыталась приподнять голову. Резкая боль пронзила все тело и Свете показалось, что ее ноги обхватил сильными щупальцами ядовитый гад; ноги жгло, холодный пот выступил на лбу, лицо скривилось в гримасе боли. Однако, открыв глаза, она увидела улыбающееся лицо Греты – Грета была так искренна в своей радости, что Светка тоже снова стала улыбаться, несмотря на очень медленно стихающую боль.

– Боль есть, – радостно провозгласила Грета, – а это знаа-чит...

– Что пациент скорее жив, чем мертв, – вяло продолжила Света и попыталась рассмеяться вместе с Гретой. Грета, тем временем, аккуратно осматривала Светкины ноги. Сильные ушибы превратили их в две распухшие колодки, многочис-

ленные мелкие царапинки уже не кровили, кровь подсохла, и казалось, что ноги покрыты жесткой сеткой. Грета аккуратно повернула Свету на бок и убежала:

– Я щас, полежи.

Через какое-то время Света стала беспокоиться, что Греты нет достаточно долго, но послышался шорох песка и в пещерку по одному пробрались три человека. Грета помогла Свете приподняться, и она, опираясь на плечи мужчин-близнецов, попыталась встать на ноги. Из-за долгой неподвижности все тело Светы затекло, а ноги горели, будто в огне, и отказывались нормально повиноваться. Кроме того, почему-то кружилась голова, и ужасно шумело в ушах.

Все члены поселения временно расположились в нескольких небольших песчаниковых пещерах, расположенных достаточно далеко от лагеря, но ровно настолько, чтобы ищущие их в зоне расположения лагеря не добрались до них, а пытающиеся обнаружить их далеко от бывшего месторасположения – не смогли бы и подумать о том, что на самом деле беглецы имели наглость остаться под самым носом у ищеек.

Помимо Огонька были и еще раненые – несколько человек, так же, как и Светка, пострадали от гравитационной волны, две молодые женщины подвернули ноги, а один из мальчиков-подростков сломал руку. Все вели себя сдержанно и тихо, в основном, были спокойны и доброжелательны.

Это весьма неприятное событие сплотило группу, и вопреки опасениям Греты не вызвало ни у кого желаний предъ-

явить претензии Грете, хотя, конечно, все понимали, что именно ее присутствие в группе было причиной того, что Матери организовали такую серьезную вылазку в дикие пространства. Напротив, к своему немалому удивлению, Грета отметила появление к себе в группе какого-то трепетного сочувствия и участия.

Ей была совершенно непонятна такая реакция на происшедшее, только со временем она поняла, что подобные встряски были необходимы этому и подобным ему сообществам, потому что, как странно бы это ни прозвучало, отсутствие внимания инфомира угнетало их сильнее, чем пристальное к ним внимание.

Эти люди жили только повседневными заботами, да еще воспоминаниями. Воспоминания сначала придавали им силы для строительства своей новой жизни, вызывая отрицательные эмоции – возмущение, гнев – потом воспоминания стирались, оставались только какие-то фрагменты. Некоторые фрагменты становились милыми сердцу, другие в отрыве от ситуации теряли остроту, прошлая жизнь переосмыслялась, некоторые моменты даже идеализировались. Поселенцы, каждый в свой срок переживали восторг обретения свободы, крушение надежд, раскаяние в совершенном, бесильную злость на тех, кто отпустил, и тех, кто принял, отчаяние от невозможности все вернуть, страх перед неведомым будущим, примирение с собой и другими...

Каждый раз все было по-разному. Кто-то уходил из груп-

пы в группу, ища себя или кого-то, кто будет рядом. Кто-то перемалывая в себе сомнения и страхи, становился спокойнее и мудрее. Кто-то грезил возвращением в полис и невозможностью вернуться. Встречались и те, кто жил самостоятельно, вне группы. За все время пребывания Греты в группе однажды только наблюдала она сошедшего с ума индивида – это была девочка-подросток третьего поколения, выросшего на воле. Наслушавшись рассказов только что прибывших об «ужасах», как описывали это они, инфомира, она просто заболела тем миром, и в один из налетов, которые, как правило, и случались-то только после более или менее массовых побегов в дикую зону, выбежала навстречу гравилетам – сдаваться. Она бежала к этим людям, прилетевшим по небу – никто из ее знакомых так не мог, – с таким оголенным чувством счастья, что презрительный смех и струя горячего жара гравитационной пушки, которым эти гладкие, белые люди, в мягкой, цветной одежде встретили ее, как водяной поток на электрический провод, спровоцировал страшное короткое замыкание – рассудок этой девочки повредился окончательно.

Но эти удивительные люди все, что бы ни произошло, умудрялись истолковать себе на пользу. Попытавшись применить к лечению девочки полузабытые инфопрактики, без необходимого оборудования и специалистов, дикие люди очень быстро оставили девочку в покое, предоставив ей существовать вне общности и одновременно в любой из них.

Между поселениями, образовывавшимися и распадающимися, кочующими с места на место особой дружбы не существовало, не существовало и каких бы то ни было правил и законов, которые бы регулировали отношения между ними, но насчет тех, кто тронулся рассудком, как-то само собой сложилось негласное правило. Таких индивидов всегда принимали, помогали, чем могли, легко отпускали и никогда не наказывали, если случалось им что-нибудь испортить или унести из поселения. В каком-то смысле поселенцы даже были рады редким приходам сумасшедших: взрослые – потому что это было наглядным пособием к тем ужасам, которыми устрашали юную дикую поросль, никогда не видевшую инфомир и потому полагающую его светлым, уютным миром с предсказуемым и даже распланированным «завтра». Юная поросль – потому что эти необычные люди вносили разнообразие в их привычную однообразную и одновременно непредсказуемую жизнь.

Парадоксально, но этим сообществам нужны были трудности, обусловленные вторжением в их жизнь инфомира. То, что инфомиру было до них дело – повышало их значимость перед самими собой, а то, что вылазка гравилетов была спровоцирована не дерзким групповым побегом, как бывало обычно, а исчезновением одной единственной ячейки – вызывало у членов поселения чуть ли не гордость.

Осознание этого пришло Грете в сложный период ее вольной жизни. Мужская особь, о чувствах которой так радостно

рассказала Света в канун первого в жизни Греты налета, оказалась совершенно невозможной для построения таких отношений, к которым привыкла Грета, и которые безуспешно пыталась навязать практически каждому, кто вдруг проявлял к ней интерес – и ей было абсолютно все равно – мужчина это или женщина, молод или стар индивид. Грета хотела общих чувств, общих знаний, понимания с полувзгляда, она хотела нуждаться в чьей-то помощи и дарить заботу только так, как это умела Грета...

После налета Свету пришлось долго выхаживать – Грета делала это самозабвенно. Она вспоминала потом эти полгода своей жизни как единственно счастливо деятельные во всей ее жизни – у нее была насущная необходимость использовать все свои знания, проявить все свои умения и таланты для того, чтобы поставить Свету на ноги.

Грета оборудовала мобильный медицинский блок-шатер, она собирала немислимые приборы и модифицировала то, что удалось найти на свалке еще недоеденным бактериями, она снова окунулась в исследовательскую деятельность, так любимую ею. Конечно, приходилось приспособливаться и к отсутствию необходимых материалов, и к катастрофической нехватке информации. Многие знания оказались неконкретными и невозпроизводимыми в отсутствие опорной информации из инфосети, многие навыки остались неприменимыми, а новые приходилось нарабатывать долгими часами повторений элементарных действий. В этот период ей очень

помог Ной – так звали мужскую особь, проявившую интерес к Грете – опыт жизни во внешней среде делал его в глазах Греты почти всемогущим. В какой-то момент ей даже казалось, что она его полюбила. Точнее даже сказать – Грета очень хотела, чтобы то чувство безмерного удивления и глубоко уважения, которое сопровождало ее общение с Ноем оказалось любовью. Она не понимала даже значения этого слова, попытки прояснить для себя что-то в этом вопросе только еще больше ее запутали. Да и как тут не запутаться, если одни при вопросе о любви с грустью и сожалением пожимают плечами, потому что еще не испытали этого чувства, другие впадали в возбужденно-восторженное состояние, при этом теряли дар речи и с сияющими глазами и идиотической улыбкой, неуклюже жестикулируя, с такой безнадежностью всматривались ей в глаза, повторяя бессмысленное «Понимаешь??», что Грета не решалась на отрицательный ответ, что тем не менее понимания не прибавляло. Третьи – долгожители внешней зоны – уклончиво говорили: «Это нельзя описать, у каждого по-своему бывает... но если с тобой случится – поймешь».

И Грете казалось, что она «поняла».

Когда вопрос о выздоровлении Светы стал только вопросом времени, Ной предложил Грете образовать пару – в поселении на тот момент было три пары: две среднего возраста и одна пожилого. Пожилая пара представляла особый интерес для Греты – ее всегда удивляла их нарочито-грубая манера

общения друг с другом, и особенно – отвратительно несмешной юмор старичка и та радость, с которой все эти абсолютно несмешные шутки отражались на лице его старушки.

Не меньшее удивление вызывало нарочитое, на ее взгляд, и навязчивое внимание мужчин двух остальных пар к своим женщинам. Ной тоже все время пытался вести себя по отношению к Грете подобным образом, и Грета в свойственной ей жесткой командной манере пыталась регулировать его поведение. Она, такая проницательная и всегда чувствительная к эмоциональному состоянию других, столкнулась с тем, что ей не удастся верно интерпретировать его слова и реакции.

Сначала ее это удивило, потом она с интересом исследователя анализировала его поступки и их мотивы, и, в конце концов, разочаровалась, когда не нашла в них привычной глубины, подтекста, многомерности и еще черт-те чего, о чем и не задумывалась раньше, общаясь со своими ячейками.

Ной был хорош – он был умен, умел, он был намного сильнее, чем Грета, он старался угадывать все ее желания, иногда это даже у него получалось, Грете было приятно с ним работать, она ждала каждого утра, чтобы снова оказаться в оборудованной ими исследовательской пещере... и Грета пришла к выводу, что к ней пришла любовь.

Но то шестое чувство, которое никогда за всю ее жизнь не обмануло ее, все-таки удержало ее от немедленного ответа Ною, когда тот предложил Грете образовать пару. Огонек

была Грете не советчик. Поначалу ее восторженное представление совместного будущего Греты и Ноя развлекало Грету, но когда Света дошла до совершенно невероятных описаний совместной жизни и быта, и отвратительных предположений о ребенке, Грета окончательно поняла, что безвозвратно потеряла Свету как свою ячейку и даже подругу.

– Ты не представляешь себе, какая это радость, какое волшебное, просто волшебное чувство, – захлебывалась от восторга вспоминания, балаболила Света, – это просто фейерверк эмоций! Тут не всем там везет, чтобы постоянная пара была, многие так – от случая к случаю перебиваются... Света полулежала на специально оборудованном лежаке с поднятыми на специальных подвесках ногами и, яростно жестикулируя, раскрасневшись, пыталась передать Грете свои эмоции. Грета снимала показания с прибора контроля состояния Светы и в качестве поддержания беседы изображала взглядом удивление и понимание. Сосредоточившись на показаниях и проводя нехитрые расчеты, Грета слушала Свету невнимательно и до ее сознания доходили только некоторые фрагменты ее восторженной речи, потому она не сразу поняла, о чем именно идет речь в настоящий момент.

– ... и ты понимаешь, ты просто, ну, вот, будто прозреваешь...нет, неверно, будто всю жизнь именно его и знал..., что это твой, полностью твой..., – Грета слишком резко обернулась к Свете, – м-мужчина, – упавшим голосом, толь-

ко для того, чтобы договорить, закончила Света, наблюдая как Грета сначала с огромными от удивления глазами, а потом с искаженной отвращением гримасой вдруг всем корпусом подалась по направлению к выходу и пулей вылетела из пещеры.

В следующую секунду влетел Ной и кинулся к Свете и приборам – все было в порядке:

– Что случилось? Ты в порядке? – Ной выглядел абсолютно растерянным. А Грета? Что случилось?

– Я... я..., – Света была ошеломлена не столько поступком Греты, сколько осознанием его причин, и пониманием того, что только что сделала что-то ужасное, – я в порядке. Д-да, – попытка улыбки ей не удалась.

– Что-то с Гретой? – это прозвучало почти как утверждение.

Грету тошнило, ее бесчеловечно выворачивало наизнанку, – она старалась отбежать как можно дальше от людей на берегу, предупредительно выбрасывая ладонь, будто защищаясь от тех, кто поначалу направился к ней. Через время ей удалось уединиться и она, размазывая по лицу слезы и сопли, пыталась успокоить взбесившийся желудок.

Грета ушла так далеко по береговой линии, что перестала различать силуэты поселенцев. Внезапно берег моря показался ей знакомым – как будто именно здесь они с Бритой впервые увидели море – Грета всматривалась в очертания

пляжа и поймала себя на мысли, что ищет взглядом Бриту. Горько усмехнувшись самой себе, Грета устроилась в тени небольшого песчаникового камня и задумалась о Брите – как она сейчас там, что подельывает. Шепот волн навеивал воспоминания об их с Бритой жизни, полной исканий, треволнений и неожиданностей... Грета почему-то испугалась того, что море может подумать, что она скучает по той жизни... Грета попыталась стряхнуть с себя эти мысли... и проснулась.

Солнце уже село. Грета всегда любила сумерки – быстро привыкнув к полутьме, поднялась по склону от берега и увидела несколько светящихся точек.

Поселенцы всегда под вечер закладывали несколько костров на разном расстоянии от места поселения, а сами собирались только у одного из них – ближайшего. В случае чего – а ночью звуки гравилетов слышны на многие километры – костер продолжал гореть, а меняющие почти каждую неделю место ночлега поселенцы уходили к морю. Необходимость этого ритуала так и осталась загадкой для Греты – ведь в распоряжении ДНК-служб были подробнейшие спутниковые данные, но, видно, правила этой игры были приняты обеими сторонами.

Скрываясь в неровностях береговой линии, поселенцы переживали очередной налет, иногда даже оставаясь в укрытии на ночлег, потом либо возвращались в лагерь за вещами, либо, если гравилетам удавалось обнаружить их стоянку,

уходили на другое место, с нуля налаживая нехитрый быт.

Гравилеты, как правило, сбрасывали на поселения кассеты с колониями умниц-бактерий, и, хотя благодаря соленой защите, они не наносили серьезного ущерба имуществу поселенцев, последние предпочитали не рисковать и возвращались за имуществом только в крайних случаях. В крайних редких случаях использовались гравитационные пушки небольшой мощности – их волны сминали и дробили оборудование и ландшафт...

Грета вдруг отчетливо поняла, что ей никогда не приходило в голову, что если в поселениях есть дети, родившиеся вне полисов, значит на выполнение миссии продлении рода (а Грета никогда не слышала, чтобы на диких территориях так говорили), индивиды шли добровольно и осознанно... Грета была достаточно просвещена физиологическими, молекулярно-биологическими и технико-физическими особенностями этого процесса, но никогда не задумывалась о нем, и уж тем более не представляла себя в роли участника этого процесса... Желудок снова подбросило к горлу и на глазах выступили слезы, Грета закашлялась...

– Ной! Ной! Да стой же! – Света еле успела остановить его решительное движение. Ной вернулся от выхода, лицо его выражало крайнюю степень озабоченности и беспокойства.

– Оставь ее, не надо ее сейчас трогать – тоном знатока заявила Света.

– Да, что случилось-то? – почти выйдя из себя, воскликнул Ной.

– Все нормально, все живы, здоровы. Успокойся, – Света возвращалась в свое благодушно-восторженное состояние, – успокойся. Хорошо, что так, и хорошо, что сейчас.

– Да, ты можешь мне объяснить, что все-таки произошло? – он повысил голос. Ной отличался от других мужчин их поселения удивительно спокойным отношением ко всему, что бы ни происходило, но сейчас у него было такое выражение лица, что Свете пришло на ум, что Ной изо всех сил сдерживается от того, чтобы не ударить ее, – что с Гретой?

– Я рассказывала ей... ну, про любовь, – ну... ты понимаешь?..

Его непонимание длилось почти целую минуту. Света пыталась почти силой мысли внушить Ною, как именно надо понимать ее слова, делая большие глаза и пожимая плечами, – он никак не понимал, а потом вдруг схватился за голову обеими руками и выбежал из пещеры.

– Уж лучше я!.. сейчас... чем потом! – крикнула ему вдогонку Света.

На душе у нее было отвратительно и гадко. Но ведь она хотела как лучше... Света откинулась на подушки и внезапно мгновенно уснула.

Изгнание

Проснувшись, Грета почувствовала, что продрогла – все тело затекло в неудобной позе, песок уже отдал все свое дневное тепло и теперь забирал тепло ее тела. Поселенцы всегда купались в море прямо в одежде – заодно и просаливали, но сейчас Грете захотелось как тогда, в первый раз, почувствовать мягкость волн всем телом, да и зябко было бы потом выйти из воды. Грета знала, что ночью вода в море казалась еще теплее, чем ночью, и без колебаний, решительно скинув с себя одежду, сразу от берега плюхнулась в воду.

Соль щипала глаза, и першило в воспаленном горле, но Грете было тепло и уютно – ветра почти не было, и море нехотя плескало волнами о берег. Грета легла на спину, уши погрузились в воду и ей казалось, что она подслушивает тайны морских глубин, и еще немножечко и сможет, наконец, понять, о чем думает море.

Сверху на нее внимательно смотрело темнеющее звездное небо, качаясь на волнах, Грета время от времени выхватывала слухом звуки окружающего мира – это было странное ощущение: тишина и одновременно гул подводного мира сменялись такой же насыщенной тишиной мира воздушного, как вдруг эту тишину нарушил обрывок чьего-то зова. Грета перевернулась в воде и обнаружила, что пока она отдыхала на воде, море отнесло ее достаточно далеко от бе-

рега. Стараясь не паниковать, она плавно поплыла к берегу на звук голоса. Плыла она легко – море было спокойным, но воспоминания прошедшего дня – она узнала голос: Ной звал ее – постепенно тяжелым грузом наваливались на нее и плыть становилось все труднее и труднее – Грета то и дело пыталась нащупать ногами дно. Ощувив, наконец, под ногами неверное морское дно, Грета почувствовала себя такой бесконечно уставшей и разбитой, что с минуту стояла, раскачиваясь по воле волн в воде и только передохнув побрела к берегу.

Ной заметил Грету, когда она уже выходила из воды, и побежал ей навстречу, чем-то энергично размахивая. Грета не сразу сообразила, что предстанет сейчас перед ним совсем без одежды, и выйдя из воды почти до пояса снова плюхнулась в воду. Ной остановился на берегу напротив Греты, молча положил на песок, как сообразила Грета, ее одежду, и, отвернувшись, отошел на приличное расстояние.

Грета оделась очень быстро – было холодно, и еще она очень боялась, что снова придет этот тошнотный позыв.

Света проснулась от ворчания Надежды:

– Ну, разве это дело, выдумали тоже...

Приоткрыв сонные глаза, Света увидела Грету и Надежду, суеющих у приборов. Под прикосновениями рук Греты как обычно щелкали и пищали кнопки, а старуха занималась «засолением». Говорили они мало и очень тихо, так что

Свете не удалось разобрать больше ни слова.

Неприятное воспоминание о происшедшем утром накалило на Свету и она пошевелилась и шумно вздохнула.

– А, соня, проснулась? – Грета стояла лицом к монитору прибора, вполоборота к Свете и радостно-зловещий тон, с которым Грета произнесла утреннее приветствие, насторожил Свету.

– Мы же договорились с тобой на небольшую прогулку к морю? – не отрываясь от манипуляций с приборами, сказала Грета, – или... как самочу? – она повернулась, лицо ее излучало заботу и приязнь.

Грета использовала их словечко «самочу» и у Светы отлегло от сердца. Она замотала головой в знак абсолютного согласия и с энтузиазмом принялась за еду, принесенную тем временем старухой. Та продолжала ворчать себе под нос, изредка поглядывая то на одну, то на другую.

Когда Света закончила есть, Надежда собрала приборы, внимательно посмотрела на Грету и удалилась.

С этого момента и до их появления на входе в пещеру заливи́стый хохот Светы и сдержанный ироничный смех Греты не прекращались ни на секунду. Устраивая Свету на удивительно неказистое, но весьма функциональное подобие инвалидной коляски, собранное заботливыми руками Ноя, девушки, пытая и сталкиваясь головами и локтями, все-таки смогли устроить Свету с удобством.

Дурачась и подхихикивая, они выходили на песок. Непо-

далеку от входа в пещеру стоял Ной с ребенком Светы на руках и еще два подростка, Света сначала испугалась, но увидев, как спокойно и открыто взглянула в их сторону Грета, кивком головы приглашая их подойти, очень быстро успокоилась.

Так они и гуляли – впятером – по берегу моря, пытались перекричать шум волн и хохот друг друга. Мальчишки по очереди толкали коляску по утрамбованному прибоем песку, в перерывах бегая вокруг коляски и забегая в море, обдавая всех морскими брызгами. Ной то нес ребенка на плечах, то подбрасывал его в воздух так, что у Светки дух перехватывало, то держа его за ноги, делал вид, что окунает в море... Светка верещала, тянула руки к сыну, оглядываясь на Грету, пыталась вовлечь ее во всеобщее веселье, растормошить, забыться... И все хохотали!..

Грета потом пыталась проанализировать свое состояние в эту их прогулку – у нее осталось твердое осознание того, что именно тогда, именно в эти полтора часа она была счастлива. Через всю свою долгую, нескончаемо долгую жизнь она пронесла память об этом ощущении – ощущении абсолютного счастья. Но почему она чувствовала себя счастливой, так никогда и не смогла понять. Наверное, в этом и заключается загадка счастья.

Солнце красным, словно шипящим, шаром опускалось за горизонт – в море, когда компания вернулась к пещере. Там их уже ждала Нада. Что-то бубня себе под нос, по своему

обыкновенно, она помогла Грете приготовить Свету ко сну, и осталась с ней на ночь, отослав Грету отдыхать. Прогулка далась Свете непросто – горячее солнце и хлесткий порывистый береговой ветер утомили ее неокрепший организм, и она болезненно быстро уснула.

Среди ночи Свету разбудили какие-то голоса. Они то были слышны очень отчетливо, то полностью заглушались шумом моря. Света прислушалась, долго не было ничего слышно, и она задремала, но вдруг порывом ветра принесло обрывок фразы.

- Не могу я, тошно мне... - ну, ты же жила, что же я... - не буду...

- Не поздно... никогда не поздно

Интонации были убаюкивающими и Света то и дело проваливалась в забытие, потом, будто спохватываясь, снова слышала голоса и угадывала фразы...

- Спасибо тебе, Нада... хорошо... наверное...

Начала и концовки фраз терялись в шуме моря, потому общий смысл разговора был абсолютно скрыт от Светы, но со временем она узнала голоса: разговаривали Грета и Нада.

Разговор затих и Света глубоко провалилась в сон под убаюкивающий шум волн.

Грете быстро наскучил образ жизни поселенцев. Поначалу ей казалось, что эти люди, не прижившиеся в ДНК-мире, знают что-то о жизни такое, что недоступно тем, кто не за-

хотел вырваться. Она даже пыталась спрашивать, но столкнулась с недоумением и даже неудовольствием поселенцев. Они просто жили. У них не было стремления улучшить свой быт, они максимально легко расставались с добытым рискованными вылазками в полис оборудованием, даже просаливание вещей, чтобы их не разъели умницы-бактерии, оказалось не более чем способом оградить себя от лишних забот по добыванию пищи и одежды. Поселенцы каждый день делали только то, что было необходимо для этого дня.

Много времени проводили за разговорами и рассказами, песнями у костра, детей ничему специально не обучали. Одно время Грета пыталась передать хоть толику своих знаний, ее с интересом слушали, но совершенно не понимали, зачем объяснять, почему то или иное действие вызывает тот или иной результат – ведь вполне достаточно знать, что именно это действие вызывает необходимый результат.

Вместе с тем, это были удивительно заботливые и трудолюбивые люди! Все, что они делали, они делали с упоением, наслаждаясь деланием – в сообществе никто никогда не спешил, размеренность бытия отразилась и на способе мышления – думали редко, медленно, легко теряя нить размышлений. Сосредоточенная задумчивость Греты, которая была для нее жизненно важным состоянием, резко контрастировала с их деятельным безразличием. Она так до конца и не поняла – как на самом деле относились к ней эти люди.

Они легко соглашались с тем, что предлагала Грета – но

только в том случае, если ее объяснения необходимых действий были настолько детальны, чтобы можно было работать, не задумываясь ни о результате, ни о том, для чего вообще производятся те или иные действия. Легкость, с которой они приступали к любой понятной им работе, органично перерастала в легкость, с которой они забрасывали любое дело, если был неясен порядок дальнейших действий. Достижение цели воспринималось ими даже как будто с некоторым безразличием, а порой Грете казалось, что и с грустью: им нравилось именно быть занятыми, что-то делать, размеренно и неспешно, - результат не был ценен сам по себе.

Так же легко они относились и к болезням, и к смерти.

Долгие размышления по этому поводу и даже желание проникнуться этой нехитрой философией существования сначала вызвали в Грете абсолютный восторг, затем восторг сменился раздражением непонимания, а затем и разочарованием, невозможностью жить так, как предлагало это сообщество. Грета не судила ни этих людей за полное отсутствие любознательности и каких-либо желаний, кроме насущных, ни себя за постоянный поиск чуда там, где его нет, она приняла этот образ жизни в его безыскусности, но не мыслила себя частью этого наивного существования.

Когда Света проснулась, день был в разгаре, потому что солнце объемными плавными волнами загоняло в ее пещерку теплый воздух. Она была одна, шум волн был по-дневно-

му негромким и каким-то ленивым, голосов было не слышно. Света еще немного полежала, вслушиваясь в звуки дня, и попыталась сесть в кровати. После случая с гравилетами, когда ей придавило ноги, прошло уже месяца три, а может и больше, но чувствительность ног так и не вернулась. Тех манипуляций, которые Грета проводила с помощью тех крох технических и информационных ресурсов, которые удавалось спасти из мусорных гор, а также препаратов, которые приносила из полиса Нада – она была главным и единственным добытчиком такого рода в этом поселении, - было недостаточно для того, чтобы поставить Светку на ноги.

Светка приняла это несчастье спокойно – за то небольшое время, которое она провела здесь, видела и не такое – живя здесь без привычных и незамечаемых в полисе благ, складывающихся из отсутствия необходимости добывать и готовить пищу, беспокоиться о воде, последствиях перегрева или переохлаждения, из постоянной скрытой корректировки самочувствия и состояния здоровья посредством той же пищи и воды, и другими более радикальными методами, люди оказывались абсолютно беспомощными перед теми неожиданностями, которые подкидывало им их собственное тело.

Люди болели – подолгу, тяжело, страдая от боли; нередко были переломы, психические заболевания тоже были нередки... Болезнь, любую болезнь оставляли на самотек, ухаживая за больным только в той мере, в которой он не мог, находясь в забытии или в горячке, заботиться о себе сам. Таким

образом выживание индивида оказывалось его собственной проблемой и заслугой. Не справившихся с этой задачей относили к морю и затапливали подальше от берега – море само уносило их на глубину.

Светка повидала и немало калек, даже Нада прихрамывала на левую ногу из-за давнего перелома, который, недиагностированный и нелеченный, изуродовал ей бедро. К своему положению Света относилась спокойно, а когда рядом была Грета, то даже и с уверенностью в том, что еще немного времени, и она встанет и побежит...

К Свете заглянула Нада:

- вот и правда, соня! – легкая ли улыбка, непривычная для лица Нады, или нежелание встретиться с ней глазами, поспешное тараторенье, так не похожее на старуху, насторожила Светку, но когда Нада ушла, оставив ей одежду, еду и вывалив на нее краткий обзор текущего момента, неприятное, тревожное чувство словно расплзлось по всему телу. Внезапно Светка вспомнила ночные голоса, отметила, что из всей информации, которую вывалила на нее Нада, ни слова не касалось Греты...

- Нада-а-а! Нада-а-а-а! – заорала Света. Тишина. Еще через минуту Света попробовала снова. И снова.

Зашел Ной:

- Чего орешь? – по его лицу нельзя было ничего прочитать, но то, что он спокойно среагировал на ее истерический вопль. Подсказали Свете, что он уже знает причину ее исте-

рики, более того, он и остальные, скорее всего, ожидали этого и Ной – парламентарий, который уполномочен уведомить ее о том, что Грета ушла.

- В смысле? Куда ушла? В другое поселение? – Света не верила своим ушам, - Одна?! Что вообще происходит?!

Ной спокойно и открыто смотрел на Свету и абсолютно искренне и уверенно отвечал: – Просто... ушла, это было ее решение, его надо уважать.

Помолчали. Светка растерянно посмотрела на свои неподвижные ноги и вдруг разревелась в голос...

Небытие

Поговорив с Надой, Грета смогла даже еще пару часов поспать, а под утро, когда небо только решало – светлеть или оставить рисунок звезд нетронутым, - Грета и Нада двинулись в сторону полиса.

Добрались они без приключений, дорога по жаре далась Грете относительно легко – она вполне привыкла к постоянному нахождению на воздухе, привыкла к дикой природе и постоянному чувству голода – она никогда раньше не замечала, как много она ест...

- Пей, – Нада подсунула под нос Грете емкость с противной теплой водой... Грете не хотелось пить, но сделав пару глотков, она ощутила себя бодрее, и она с благодарностью вернула старухе емкость.

Шли несколько дней. Вообще в распоряжении у поселенцев были старые флаеры, которыми они пользовались в случае одиночных вылазок в полис или на свалку, если нужно было очень быстро перебраться только что выброшенный мусор, иногда использовали флаеры и в чрезвычайных случаях – для перевозки больных к чудо-зонам, или как было с Гретой – бежавших из полиса к месту поселения. Флаеры были рассчитаны на одного, но небольшие модификации позволяли разместиться умещалось двоим или одному с объемным грузом – обычно это были медикаменты, реактивы, еда, вода,

одежда, - словом, все, что можно было взять в автоматических распределителях. За Надеждой, как главным поставщиком всего необходимого, значился такой флаер, и она могла и сейчас, прихватив Грету, воспользоваться им. Но они в ту ночь решили по-другому.

Вообще, это было решением Нады – пройти весь путь от мест поселений до инфополиса пешком - она хотела, чтобы Грета запомнила путь на тот случай, если к назначенному для возвращения времени и месту Грета не успеет вернуться, но все-таки сможет уйти. Во-вторых, Наде показалась безумная затея Греты абсолютно невыполнимой, и она надеялась, если уж не отговорить ее за эти несколько дней путешествия, так хотя бы вместе с ней осмыслить все до мельчайших деталей.

Задумка Греты была дерзкой.

Грета знала, как поднять на ноги Светку, ей просто был нужен один вирусный препарат – она делала такое в своей лаборатории с мышами и даже с младенцами – исправляла побочку от некоторых генных модификаций. Но там, в диких поселениях, у нее не было этого препарата и, главное, не было никакой возможности его достать. Ей нужно было проникнуть в их с Бритой экспериментальные блоки и взять этот самый аппарат. Вообще весь расчет этой вылазки Греты строился на лояльности к ней Бриты, в которую она в глубине души совершенно не верила.

Своим циничным рациональным умом Грета просчитала,

что польза от того, чтобы оставить ее визит в полис в тайне, чем от того, чтобы донести о том, что она посмела прийти к Брите, для последней будет гораздо более весомой. Кроме того, Грета все-таки надеялась на сентиментальность Бриты в отношении Светки, а препарат-то ей нужен именно для нее...

Пока они шли по диким просторам Нада постаралась поделиться своим бесценным, чуть не вековым опытом вылазок в полис. Нада, оказывается, ушла в поселение с шестой линии, когда у нее на фоне отрицательных результатов обучения, нашли дефект модификации и направили на вечное исполнение миссии продолжения рода. Дыры в системе обеспечения миссии и ее охрану были во все времена, вот и тогда, ей и еще целой группе таких же бракованных удалось уйти из полиса. Их спасла сама природа – как только стало известно об их исчезновении и были составлены поисковые отряды, начался ужасный ураган, который с некоторыми просветами длился целых три дня. Как это ни странно, но пережить ураган в дикой местности оказалось намного более простым делом, нежели бороться с ним и его последствиями в полисе. Для них, оказавшихся на природе – это был просто сильный дождь, с громом и молнией, теплый, крупный, но незлой, порывы ветра иногда даже помогали – словно толкая их в противоположную от полиса сторону; в то время как в полисе было просто стихийное бедствие – сорванные крыши, поломанные деревья, снятые куски газонов и разбросан-

ные по всему периметру искореженные информационные и технические приборы... Насквозь промокшие, уставшие от нервного и физического напряжения, но живые и невредимые ветераны того поселения, из которого они теперь шли в полис, стали организовывать свой быт неподалеку от берега моря.

К разрыву в ограждении, сплошь заросшему деревьями – со стороны полиса модифицированным кустарником, который словно был захвачен ветвями сильной дикой гледичии со стороны диких просторов, Нада и Грета подошли ранним утром, но входить пока не стали. Нада ничего не объясняла, да и Грете и без того было ясно, что смешаться с толпой днем, конечно, предпочтительнее, чем ранним утром, шалясь от наблюдения, привлекать внимание спайсисистемы. Прямо внутри миничащобы нашлось укромное местечко, в котором только-только поместились двое. Оборудовано оно было по последнему слову техники – здесь, в непосредственной близости от полиса можно было использовать блага цивилизации, не боясь быть отслеженным по инфоактивности. Здесь был портативный модус, пищевой автомат и санблок, из тех, что расставляют в дикой зоне на время прохождения испытаний – наверняка, время от времени кураторы не досчитывались их после испытания.

Через несколько часов отдохнувшие и готовые к вылазке Нада и Грета уже были в полисе. Нада особым раствором

нанесла на лицо Греты несколько еле видимых глазу точек, которые были призваны обмануть распознаватель лиц, если вдруг таковой окажется рядом, - со своим лицом она также привычно произвела эти же манипуляции. О том, что Грета может быть отслежена по моторике Нада даже не переживала – образ жизни поселенцев вносил свои коррективы – привычным движениям добавлялось стремительности, гибкости и даже какой-то своеобразной грации.

В полисе уже каждая была сама за себя – Нада как обычно пошла за продуктами и вещами, а Грета отправилась на встречу с Бритой.

Дерзость ее задумки была в том, чтобы заявиться непосредственно в свой кураторский блок, конечно, была опасность, что Брита не проникнется заботами своей бывшей напарницы, и сдаст ее Совету Матерей, но что-то подсказывало Грете, что сам факт того, что Грета сразу придет в Брите и остановит последнюю от такого шага – слишком подозрительной покажется Совету опрометчивость такого поступка.

Чужие

Бриты не было, и дверь в ее бокс была закрыта. Двери в бокс рядом, в котором раньше располагалась Брита, был пуст и Брита, чтобы не маячить в рекреационной, зашла в свои бывшие комнаты. Кругом было пусто – ни единого предмета мебели, в санблоке даже все сервисы были отключены.

Грета присела прямо на пол в бывшей спальном комнате так, чтобы был виден вход в бокс Бриты.

Грета не заметила как забылась, из забытья ее выдернул еще незабытый звук сигнала инфомодуса. Она открыла глаза, но не пошевелилась – было сумеречно, в рекреации уже был включен свет и дверь бокса Бриты была открыта. Грета, продолжая сидеть на полу внимательно всматривалась и вслушивалась, пытаясь понять – есть ли кто-то в боксе, и Брита ли это. Сигнал инфомодуса замолчал и чей-то недовольный голос надменно и почти раздраженно соблаговолил:

- я слушаю вас, - Грете показалось, что она узнала голос Бриты, но интонации были абсолютно чужими, она попыталась разобрать, о чем говорили, но коммуникация была очень короткой и кроме первой громко сказанной фразы, остальная часть диалога звучала настолько тихо, что Грета и не сразу поняла, что разговор закончился.

Сразу после сигнала окончания инфосеанса Брита стремительно вылетела из бокса и вначале направилась к кура-

торским выходам, но вдруг резко повернула к боксу, где сидела Грета и включила во всех его помещениях свет.

Она, казалось, нисколько не была удивлена, увидев там Грету, даже, напротив, ей показалось, что она ожидала ее увидеть.

- Ну, наконец-то... Долго же ты заставила себя ждать... – небрежно бросила Брита и отвечая на несколько удивленный взгляд Греты, продолжила: - мне только что сообщили о проникновении в цилиндр. Ты отстала от жизни – в цилиндрах теперь есть датчики количества движущихся объектов – один объект оказался лишним.

На лице у Бриты не было ничего, кроме высокомерия и какой-то усталости. Она говорила так, будто ей было нестерпимо скучно: - Вставай, я еще не ужинала, - она развернулась и пошла в свой бокс.

Грета конечно же не ожидала, что Брита встретит ее с распростертыми объятиями, но ожидала хотя бы каких-то эмоций – ненависти, обиды, страха, злости, ну, чего-нибудь! Но это словно была и не Брита вовсе. Она была высокомерно-презрительна и безразлично-равнодушна.

Когда Грета зашла в бокс к Брите, та сидела в кресле и брала кусочки какой-то неизвестной Грете еды со столика, стоящего рядом. Беглый осмотр удивил Грету – аляповатость убранства комнаты, неисчислимое множество бесполезных и абсолютно несочетающихся друг с другом предметов от совсем малюсеньких – меньше ногтя, до достаточно внуши-

тельных просто сбивало с толку и не давало сосредоточиться.

- Угощайся, - Брита небрежным жестом указала Грете на кресло с другой стороны столик и еду на столе. Грета села в кресло, но есть не стала. Так сидели несколько минут.

- Ну, и что ты мне можешь сказать в свое оправдание? – вдруг произнесла Брита так, будто она разносила свои ячейки и сопровождала этот пассаж наигранно-высокомерным поднятием головы. Она сидела расслабленно развалившись в кресле, помахивая закинутой на одну ногу другой, нехотя и даже как-то развязно пережёвывая маленькие кусочки чего-то, что она манерно держала большим и указательным пальцем, оттопырив оставшиеся.

Грета сидела тоже достаточно свободно, опустив и чуть наклонив голову так, будто что-то обдумывала. Когда Брита позволила себе снисходительный тон, которого раньше в их общении никогда не было, Грета медленно подняла на нее сначала глаза, а затем, не отводя взгляда, подняла лицо так, чтобы глаза оказались полуприкрытыми. Она смотрела на Бриту решительно-равнодушным взглядом уверенного в себе человека, каким всегда смотрела на мир, но было сейчас в этом взгляде что-то такое, что заставило Бриту поменять позу и выпрямиться в кресле. Нет, во взгляде Греты не было ни сожаления, ни ненависти, ни зависти, ни раскаяния, ничего из тех чувств, хотя бы отблеск которых хотела бы сейчас поймать на ее лице Брита. Грета смотрела на Бриту как на

чужого, абсолютно чужого человека, как на какой-то давно известный ей прибор, аппарат, робота – достаточно привычного, чтобы уже ему не удивляться и не заинтересоваться его функционалом и абсолютно бездушного, чтобы испытывать по поводу его появления хоть какие-нибудь эмоции.

Грета изначально сидела в кресле ровно держа спину, и сейчас, уже после попытки Брита выпрямиться, все равно смотрела на нее сверху вниз. Смотрела равнодушно, спокойно, молча. Пауза затягивалась.

- Зачем ты пришла? – Брита не выдержала первой. Пытаясь справиться с замешательством, Брита встала с кресла, чтобы убрать со стола поднос с едой. Как только она встала с подносом, от стены бесшумно отделилось два робота – один бросился навстречу Брите, чуть ли не выдирая поднос из рук, а второй расплылся на стол, где стояла еда, бактериальную взвесь и затем словно пылесосом очистил поверхность. Брита занервничала еще сильнее – в их прошлой жизни они вместе смеялись над теми, кто пользовался подобными услугами и в каком-то смысле жалели их, и вот Брита – одна из них...

На лице Греты не изменилось ни единой черточки – она сопровождала взглядом Бриту и, казалось, не обратила никакого внимания на роботов. Но Брита знала, что ничего, ровным счетом ничего не ускользнуло от пытливого внимания Греты, и ужасно нервничала по этому поводу, потому что, несмотря на то, что все это время, пока Греты не было,

Брита с удовольствием меняла свой образ жизни, подгоняя его под принятый в кураторской среде, укору совести вперемешку с сожалениями по прошлой жизни – непростой, но искренней и неприхотливой, мешали ей в полной мере наслаждаться властью и вседозволенностью.

Бриту буквально спас сигнал инфомодуса. Браслет на ее руке завибрировал и заиграл простенькую мелодию из новосредневековой семинотной традиции. Брита присела у другого – рабочего – стола и включила модус, расположив его проекцию так, чтобы собеседнику не было видно Грету.

Это была Агата. Грета узнала ее скрипучий голос, и отметила, что та заметно сдала и отталкивающе постарела.

- В вашем цилиндре было нарушение – спросила Агата, произнеся фразу утвердительно.

- Да, как всегда ... питомцы – небрежно, почти зевая протянула Агата. Надо чтоб уже в конце концов наши специалисты подкорректировали эти датчики. Сколько можно дергать! – Грета почти залюбовалась Бритой – сейчас она самозабвенно врала и делала это настолько чисто и уверенно, что Грета чуть не засомневалась – а действительно ли она здесь сейчас находится или это просто фокусы сна?

- Покажи комнату – Агату в отличие от Греты уверенность Бриты не убедила...

- Ты боишься, что я плохо вижу? -спросила Брита, не меняя ни позы, ни выражения лица, не отводя взгляда от лица Агаты ни на секунду.

Агата еще помолчала, пристально изучая Бриту, и отключилась.

Грета вдруг поняла, что была на волосок от разоблачения, от сиюминутного разоблачения – ведь, возможно, она уже разоблачена Бритой.

Брита вернулась в кресло, по пути сделав какой-то хитрый жест рукой, по которому дверь в бокс бесшумно закрылась.

- Мы знали, что ты придешь. Ждали. Ждем... Ждут до сих пор... - сказала Брита уже проще и привычнее. Она подняла глаза на Грету и стала ее разглядывать, но не вызывающе, а с доброжелательным любопытством.

- Ты изменилась... Грета и правда даже физически теперь чувствовала себя другим человеком – сильное подтянутое тело, смуглая от загара чистая кожа, коротко стриженные волосы – до середины уха - делали ее еще стройнее и моложе.

Брита тоже изменилась, но она напротив, стала рыхлее как-то, лицо округлилось, веснушки расплылись и поблекли, поменялись выражение лица и моторика – угловатая Брита стала медлительно-плавной и небрежно-неуклюжей. Обычно подобные изменения происходили с ячейками, пару раз исполнившими миссию продления рода, но Грета отвергла это предположение, причины таких изменений смотрели на Грету со всех сторон – всевозможные мягкие поверхности для сидения и лежания, совершенно бесполезные фигурки и коробочки на всех поверхностях блока – мельтешили в глазах и мешали Грете сосредоточиться. Она снова поймала се-

бя на ощущении нереальности происходящего, она словно спала...

- Нам нужна твоя помощь, - Грета сказала это твердо, но легко, - Свете, точнее. Гравиволной ей повредило спинной мозг, ног не чувствует. Своими ресурсами исправить не можем.

- Ты, и вдруг чего-то не можешь? – Брита ухмыльнулась... Упоминание о Свете почти не тронуло ее, ну, может, совсем чуть-чуть, и это чуть-чуть вызвало в ней раздражение, которое и вылилось в сказанную фразу.

Грета молчала и ждала. Спокойно, уверенно и твердо.

- Хорошо, - снова первой не выдержала Брита, - как ты себе представляешь, должна ей помочь?

- Ты не должна, но можешь, - Грета приняла свой покровительственный тон, который и раньше так раздражал Бриту, а сейчас, она просто захлебнулась раздражением:

- Я, - она выделила это слово настолько, что, казалось, можно больше вообще ничего не говорить, - я теперь все могу... в отличие от тебя... в отличие от всех вас... там!

- Я – могу! Но к тебе это теперь никак не относится... Ни к тебе, ни к ней!! – Брита визгливо выкрикнула это, выпуская всю накопившуюся обиду, все злорадство, с которым она все это время представляла себе своих бывших ячеек, умирающими в диких просторах и молящих ее о помощи, их, оставивших ее одну, их, которые никогда не были близки настолько, насколько она была близка со Светой, и с Гретой,

они обе предали ее, обе бросили ее!..

Когда исчезла Света, а потом и Грета, Брита еще какое-то время ждала, что они будут нуждаться в ней, что они подадут ей знак, что она спасет их. Подобные переживания очень помогли ей в самом начале, когда ее лояльность сообществу кураторов и та высокая честь, которой ее удостоили, была поставлена под сомнение. Она целыми днями лежала на кровати и предавалась мечтаниям о том, как она, жертвуя собой... а почему, собственно говоря, она должна жертвовать всем, чего они, между прочим, все они! желали?! Почему это их нужно жалеть, а ее, оставленную на съедение этому паноптикуму желающих ее сожрать благожелателей, кто пожалеет?! Кто позаботится о ней? Кто вообще подумал о том, что будет с ней здесь?!

Для Бриты исчезновение Греты было таким же неожиданным, как и для других, и так искренне были ее удивление и растерянность, а потом отчаяние и злость, что Совет Матерей не стал применять к ней чрезвычайных мер, а просто оставил под наблюдением. Сначала при ней всегда находился включенный модус с невидимым, но неусыпным оком совета Кураторов, через три месяца он был локализован в рекреации, а потом... Все эти месяцы она надрывалась, доказывая всем свою основность, она тащила на себе обе ячейки – и свои, и Гретины, в их образовании и основности она достигла таких результатов, что Совет Матерей не смог не отметить этого и с Бриты была снята опала – отныне она пользова-

лась всеми утерянными было привилегиями. А потом была вылазка на гравилетах. Идею о том, что Грету можно найти у моря, Брита предложила, находясь, как ей показалось потом в каком-то экстатическом возбуждении, на том Совете Кураторов, когда ей объявили о том, что снимают с нее все подозрения.

Сначала ей было стыдно, она не понимала, почему так поступила, потом была сама вылазка на гравилетах... Азарт погони разбудил в ней какие-то животные, доселе дремавшие и тщательно закамуфлированные необходимостью постоянного контроля эмоции. Вначале она в составе группы облетчиков-дискаверов высматривала следы пребывания людей и любые движущиеся предметы, методично и скучно по спирали прочесывая дикие пространства, начиная от стены. Потом передовые ряды дискаверов засекали какое-то движение далеко впереди. Это могли быть перекатываемые ветром недоеденные куски мусора или отслужившие срок работы – такое случилось, поэтому последовательный спиральный облет продолжался.

А потом вдруг она сама разглядела бегущих людей! С ней что-то случилось в этот момент, она во что бы то ни стало захотела поближе рассмотреть этих людей и, рванувшись вперед, расстроила построение группы так, что несколько гравилетов чуть не столкнулись. Те несколько минут, которые понадобились группе облетчиков, чтобы снова построиться, а потом и перестроиться для преследования, видимо, и спас-

ли Грету и тех, с кем она жила – они успели добежать до пещер в прибрежной черте.

В задачу дискаверов входило лишь обнаружение беглецов и сброс пакетов бактерий-умниц на места их обитания, для этого были переоборудованы стандартные пушки с гравиволнами, которыми были снабжены все гравилеты на случай непредсказуемых погодных проявлений – функцию высвобождения гравиволны в них оставили, но теперь волны выдавались своеобразными очередями волн малой мощности, вместо одной объемной.

Когда по сети группы облетчиков прошла команда: - Сброс! – и начался отсчет сброшенных пакетов: первый – пустой, второй – пустой... - Брита вдруг нажала на панели гравилета команду, отвечающую за экстренное высвобождение гравиволны. Остальные в группе, чтобы уравновесить себя в воздухе и не оказаться раздавленными и отброшенными далеко в море, тоже вынуждены были запустить гравиволны. Малообъемные гравиволны группами по четыре то здесь, то там вздымали волны песка и брызги воды – вода и песок перемешались и все это месиво словно стояло над тем, что чуть раньше было береговой линией. Это зрелище привело Бриту в состояние отчаянной ярости – она что-то кричала, визжала и хохотала и все пыталась выпустить еще одну гравиволну, и еще... и еще – к счастью для всех гравилет Бриты был заряжен только одной порцией гравиволны.

Потом, когда Брита вспоминала этот облет, она... его не

помнила... просто не помнила и все. Смутные очертания каши из песка и воды и ужасный шум в ушах – это все, что осталось в ее памяти. Но вернулась в полис она совсем другим человеком. Куратором.

Этот облет, а точнее ее поведение при облете, полностью оправдали ее в глазах кураторов и Матерей – ей поручили общее кураторство. Оказывается были и такие кураторы, которые не несли ответственности за конкретных ячеек, а были обязаны перепроверять все ячейки, другими словами, это была своеобразная служба внутренней безопасности, которая призвана была контролировать качество работы кураторов. Брита стала одной из них. Никто из этих кураторов друг друга не знал, и, возможно, слушая рекреации и боксы, она слушала и кураторов, подобных ей, а они слушали ее.

Но эта работа позволила ей составить полную картину спайсети полиса. В боксах ячеек и рекреациях были только «уши» – устройства фиксации и калибровки звуков – можно было слушать онлайн весь звуковой шум, а можно было, выделив тот или иной канал или сделав привязку к голосу, слушать только его. В коридорах, открытых для свободного перемещения кое-где, кроме «ушей», попадались «глаза» – но так как, в основном, в коридорах всегда был полумрак, разглядеть кого-то там было сложно, в отличие от улицы. Уличные «глаза» в основном находились у мест наибольшего скопления ячеек – центров распределения, у витриума, кое-где «глаза» были установлены прямо в деревьях в непосред-

ственной близости от стены, но они часто сбоили. Удивило Бриту то, что у центра продолжения рода практически не было ни «глаз», ни «ушей», но она пока не стала задумываться о том, с чем это могло бы быть связано.

Кроме кураторской работы, Брита по старой привычке занималась наукой. Она любила свои вирусы. Только с ними она была счастлива, спокойна и умиротворена, они снова слышали ее и отвечали ей.

Однажды слушая одну из ячеек шестой линии, Брита узнала, что некоторые ячейки вместо модифицированных питомцев держат немодифицированных птиц, пойманных у границы с дикими просторами. Незамедлительно по ее донесению было организовано изъятие всех питомцев – для генетического анализа модификаций. Вначале она, взяв в помощники еще пару ячеек, с большим энтузиазмом кинулась исследовать питомцев, и даже нашла двух немодифицированных птиц, но скоро ей это наскучило, и завершение этого нелегкого мероприятия она отдала на откуп ячейкам. Кажется, они и до сих пор исследуют всю эту прорву питомцев... Ни к чему было изымать всех, вполне достаточно было визуального осмотра и отбора наиболее подозрительных... но это бы нарушило конфиденциальность мероприятия. Как наказали или не наказывали провинившихся Бриту не беспокоило вовсе, а вот настоящих, немодифицированных птиц она с удовольствием забрала себе в лабораторию и проводила на них опыты.

В общем, как-то так все сложилось, что Брита, экспериментируя с вирусом, которым когда-то заразили Грету, вывела такой штамм, который уверенно вступал в уверенное противостояние с некоторыми штаммами, вызывающими гибель мужских особей после пубертата.

Это открытие вызвало огромный интерес и на расширенном Совете Матерей, где Брита всему миру продемонстрировала свои выводы и достижения, было принято решение продолжить собственно экспериментальную часть исследований в нескольких точках мира.

Брите создали все условия для продолжения экспериментов – в цилиндре Института продолжения рода ей выделили несколько боксов. В одном из них расположили несколько разновозрастных особей мужского пола – для экспериментов. Эта часть цилиндра была тщательно изолирована от остальных помещений таким образом, чтобы даже роботы уборщики или линии пищевых автоматов ни в коем случае не сообщались с тем же в основном цилиндре.

В конечном итоге Брита была почти счастлива – она обрела власть, свободу и занималась любимым делом. И вот в тот момент, когда она только начала наслаждаться таким положением вещей, появилась Грета, которая конечно же, ничего этого не знала. Об исследованиях, которыми занималась Брита и еще несколько лабораторий по всему миру каждый день в инфоленте не сообщали, а те новости, которые успела почерпнуть Брита, читая допотопный модус у стены полиса

имели отношение к последним происшестввиям того полиса, который был когда-то Грете родным.

- Я дам тебе вирусные модификации, которые помогут убрать паралич, - сказала Брита, но только это, ни в чем другом не стану помогать... - с самого начала, когда только Брита увидела Грету, сидящей на полу в пустом боксе, она поклялась себе ни за что ничем не помогать ей, а то что Грета пришла за помощью сомнений не вызывало. Но после слов Греты о том, что причиной паралича Светы была гравиволна, Брита почувствовала что-то слабо напоминающее укор совести – она еще помнила, что это такое.

- И естественно помогу тебе исчезнуть... Но ты понимаешь, что это должно быть абсолютное исчезновение – полное и окончательное. Грета не верила своим ушам: сейчас Брита угрожала ей тем, что если она, Грета, еще раз появится в полисе, то будет... Грета побледнела, но ничего не сказала.

Брита продолжала: - я совершила прорыв в вирусологии, - она никак не могла удержаться от того, чтобы не похвастать, и сделала небольшую паузу, выжидая реакции Греты, - потому хватит только одной инъекции, которую я и дам.

Грета с абсолютно бесстрастным лицом дослушала Бриту, отвернулась и вперив взгляд прямо перед собой, спросила:

- Где мне тебя ждать!

- Здесь, конечно, – Брита была разъярена, она сорвалась с места и чуть не снесла медленно отъезжающую дверь.

Возвращение

Когда Брита ушла, Грета позволила себе пойти в санблок и провести необходимые процедуры – все-таки как ей не хватало хотя бы минимальных удобств... Она вообще, как оказалось, соскучилась по полису, по боксам и шуму коридоров цилиндра, по еде из пищевых автоматов, и главное, о чем она категорически запрещала себе думать, по лабораториям, по исследованиям, по инфомодусам и обсуждениям экспериментов... У Греты задрожал подбородок, когда она вспомнила, как Брита гордо, и, Грета была уверена, не без оснований, заявила, что совершила прорыв в вирусологии... Конечно, совершила... да и Грета совершила бы тоже какой-нибудь переворот... О чем она думала... о чем она думала, когда поставила на карту все, что ей нравилось ради чего?! Ради права распоряжаться собой по своему усмотрению? Но разве сейчас она сама распоряжается своей судьбой, разве она все равно не обусловлена в своих поступках тем, что считаем для себя должным?! Должное, какое же дурацкое слово! Грета справилась с наворачнувшимися на глаза слезами и с наслаждением приняла душ.

Выйдя из санблока Грета обнаружила Бриту сидящей в кресле в позе нетерпеливого ожидания. Рядом с ней стояла небольшая сумка, вроде тех, которые раньше нравились Гре-

те, а через спинку кресла напротив была перекинута одежда, на которую Брита немедленно указала рукой.

Грета оделась и потянулась за сумкой.

- Подожди, - с какой-то даже досадой попросила Брита, - ну, поешь... хоть из пищевого автомата... Только теперь Грета поняла, что так привлекло ее внимание у пищевого автомата, когда она, выходя из санблока, краем глаза увидела его: на подставке стояла ее чашка... - Немного позже пойдем, не сейчас... - заторопилась оправдать свою минутную слабость Брита.

Грета подошла к автомату и стала вводить заказ, пока автомат выплевывал заданное, она решала, как поступить: забрать чашку или проигнорировать этот жест Бриты. На самом деле чашка не вызвала у Греты никаких эмоций, она не была ей больше дорога, ни тем, что была подарена Надой, ни тем, что теперь могла напоминать о днях, проведенных в полисе.

Грета взяла поднос с едой, наполнила чашку чаем из автомата и присела в кресло напротив Бриты.

- Не составишь компанию? – миролюбиво-вежливо спросила Грета.

- Ну, если только чаю... - Брита была почти благодарна Грете за предложенный тон. Она подошла к одному из многочисленных шкафчиков и извлекла из него красивую большую чашку, вроде той, из которой сейчас пила Брита, но не так потрепанную жизнью. Пока она доставала ее, Брита уви-

дела, что там же у нее хранятся небольшие упаковки, скорее всего чая. Секундное замешательство Бриты – заварить себе свой чай или пить вместе с Гретой чай из автомата, Грета отследила и была почему-то довольна тем, что Брита выбрала второй вариант. Брита налила себе чаю из автомата и вернулась к столику.

Пару минут они сидели молча, Грета изо всех сил стараясь не торопиться, заглатывала еду, практически не жуя, Брита словно грела руки о чашку, время от времени поднося ее к губам, но не отхлебывая. Обычно в автоматах горячие напитки были такой температуры, чтобы нельзя было обжечься, но автоматы в блоках кураторов имели более опций и предполагали возможность регулирования в том числе и температуры. На автомате Бриты для горячих напитков был установлен кипятик еще с тех самых пор, когда они с Гретой заваривали чай и кофе горячей водой из автомата.

Сделав пару глотков, Брита не выдержала: - У меня же конфеты есть!

Грета знала. Что такое конфеты – это слово пришло к ним среди прочих в самом начале их карьеры кураторов, но видела она их только однажды – они были среди диковинных блюд, которыми был уставлен стол в самый первый их пир, накрытый для них в их новых комнатах. В тот раз их съели умницы бактерии.

Брита подошла к другому шкафчику и специальным приспособлением, исключаящим касание, извлекла оттуда без-

опасную упаковку, в которую не могли проникнуть бактерии. Самораспаковывающиеся безопасные упаковки Грета раньше использовала только в лаборатории – когда было необходимо обеспечить неприкасаемость деталей эксперимента, и не видела она их ровно столько, сколько не была в нормально оборудованной лаборатории. Непроизвольно она вздохнула.

Брита истолковала этот вздох по-своему:

- У меня есть несколько таких упаковок – я положу их тебе...

Грета была удивлена, но отказываться не стала, решила, что потом подумает, почему или зачем Брита решила так поступить. От еды Грету разморило, ей было приятно находиться в состоянии покоя. Она просто кивнула Брите, отодвинулась от подноса - к нему тут же словно подскочил робот – и откинулась на спинку кресла. Брита еще пила чай вприкуску с третьей конфетой:

- Попробуй, это вкусно, да и теперь съесть надо, сама знаешь...

Грете было лень двигаться, и она хотела что-то изобразить лицом, как вдруг Брита, не справляясь с любопытством, спросила:

- А это правда, что там нет бактерий? – и на удивленный встречный взгляд Греты пояснила: - ну, говорят, что там нет умниц бактерий, потому вы и можете там жить, а то оставались бы голыми и голодными...

Когда она говорила – там, Грету это не беспокоило, но ко-

гда она из уст своей, еще своей Бриты, услышала «вы», она почему-то жутко разозлилась:

- А мы, - делая акцент на этом самом «мы», - там, - Грета показала бровями на воображаемое «там», - их сами жрем... разводим и жрем... - поняв, что зря сорвалась, Грета вдруг, первый раз за весь визит, широко и открыто улыбнулась.

Брита покраснела от замешательства, когда Грета стала делать акценты на местоимениях, но к концу фразы, рассмеялась:

- Не слишком-то отъелись...

Они посмотрели друг на друга, и на миг каждой показалось, что вот сейчас можно, нет, вот только что было можно, нет, уже... уже никак...но можно было все забыть, все исправить, все начать заново...

Грета собралась, сонная истома сытого желудка прошла, и она снова выпрямилась в кресле:

- Пора? – в голосе предательски прозвучало сожаление, но оно было искренним, и Грете показалось, что Брита благодарна ей за это.

- Да, думаю, можно идти...

- Вирусный материал в сумке? – уточнила Грета.

- Д-да, да... - Брита хотела еще что-то сказать, но передумала.

Они прошли по общим коридорам цилиндра, Грета обратила внимание, что попавшиеся им по пути ячейки при виде Бриты старались слыться со стенами, а если была возмож-

ность свернуть или зайти даже в чужой блок – так и поступали. Какая-то гадливость снова подобралась к горлу, мимолетное ностальгическое чувство пропало... теперь насовсем.

Они дошли почти до стены – вела все время Брита и теперь, когда она резко остановилась, Грета чуть не влетела ей в спину.

- Дальше сама. У стены не оставайся, сразу уходи...те...

- Брита заговорила так, будто всю дорогу репетировала эту речь, сделала шаг в сторону, обогнула Грету и ушла.

- Спасибо. – Грета сказала это негромко, но твердо и убежденно искренне. Она знала, что Брита услышала.

Встань и иди

На полпути обратно их встретил Ной и отвел в новое место для поселения, где они заново налаживали быт. Новое место находилось в километрах пяти южнее того места, где они находились раньше. Ближе было никак нельзя – в трех километрах от них уже был поселенческий лагерь, а так близко друг к другу поселенцы никогда не рисковали селиться. Светку перевозили в самодельном кресле, отключив приборы, что было рискованно, да и заняло целый день, - она очень устала и несколько дней чувствовала себя хуже. Когда Грета и Нада пришли в лагерь, Света еще спала, хотя солнце было почти в зените. Грета уставшая физически и морально, собрав всю свою волю в кулак, пошла осмотреть Свету. Проверив показания приборов, злясь на весь мир и этих долбанутых путешественников, которым приспичило... прямо... вот...будто пару дней нельзя было подождать...идиты... Грета уже собралась подключать капельный навес с вирусным препаратом, который ей приготовила Брита, как Света открыла глаза:

- Ты виделась с ней? – Света внимательно вглядывалась в лицо Греты.

-Да, это тебе от нее, - Грета двумя руками держа гирлянды капельного навеса, лицом показала него, и тут же стала сосредоточенно прилаживать его к приборам. Слишком со-

средоточенно...

Света замолчала, потом закрыла глаза и до окончания манипуляций с приборами и ее телом не проронила ни звука.

Грета была на грани истерики. Ее раздирали противоречивые чувства – ей хотелось обратно в полис, и хотелось на свободу, ей хотелось с кем-то поговорить, довериться кому-то, просто услышать слова ответного сочувствия и понимания, и она не хотела никого видеть, она хотела восхищения своей смелостью и не хотела даже одобрения от этих безразличных людей, наконец, она хотела спать, и не хотела сдаваться усталости и сну...

Она не хотела сдаваться. Не могла. Да и не умела. Просто не умела.

Грету разбудил Ной:

- Света в бреду... горит вся...

- Грета приоткрыла один глаз – вокруг была непроглядная темень, в мозгах стучало так, будто все громы и молнии мира собрались в этот момент у нее в голове:

- Это нормально... Не трогай ее, ничего вообще не трогай... никто не трогайте... Это же вирус...- Грета придерживая разрывающуюся на части голову еле-еле ворочала языком.

- Последнее слово насторожило Ноя:

- Вирус?! Мы ей пить дали... Как это вирус?!

Грета больше не могла сдерживаться. Неистребимое неве-

жество этих наивных поселян и их абсолютно несвоевременные приступы заботливости переполнили ее чашу терпения. Приподнявшись в кровати, качаясь от головной боли и придерживая голову рукой так, будто лоб сейчас отделится от черепа, Грета с нескрываемой ненавистью в голосе медленно, делая паузу после каждого предложения, проговорила:

- Я все сделала. Зачем...зачем вы всегда лезете?! Куда вы всё лезете... Вы же абсолютные идиоты! Зачем?! Я разве сказала, что нужна вода?! Я разве о чем-то хоть кого-то попросила?! Неужели даже после того, как все сделано, я не могу просто выспаться?! – к концу фразы Грета перешла на истерический вопль, перед глазами Греты плыли яркие разноцветные круги, она ничего не видела, и кажется, даже не слышала себя.

Она остановилась. Взяла голову двумя руками и хрипло добавила:

- Просто. Оставьте. Её. В покое... - она произносила каждое слово отдельно. – И меня.

Проснулась Грета, когда едва рассвело. Пульсирующая боль в голове сменилась ноющей тупой опоясывающей болью. Грета покопалась в сумке – Брита все-таки пожалела ее и снарядила ей ее привычный набор препаратов и прочих милых сердцу необходимых мелочей, доступных только жителям полисов. Нашла препараты от боли и приклеила к затылку кусочек лечебного пластыря. Чуть посидела, закинув голову, в ожидании, когда начнет действовать препарат

– боль стихла, но Грета все равно чувствовала себя совершенно разбитой. Ей до слез не хотелось выходить сейчас на свежий утренний ветер, но нужно было проведать Свету.

По дороге к Светиной палатке Грета никого не встретила, чему несказанно была рада – головная боль отступила, и она вспомнила свою вчерашнюю истерику. Сказать, что ей было стыдно? Нет, ей не было стыдно перед этими людьми, и да, ей было стыдно перед самой собой. Ей было стыдно за то, что привыкнув обманывать всех и вся еще в полисе и убежав от этого в дикие поселения, Грета все так же продолжала обманывать всех и вся, только теперь, обманывая этих людей в том, что они хорошо и верно живут, что они могут на нее положиться и она сделает все от нее зависящее, чтобы помочь им, Грета испытывала к обманутым ею людям жалость, жалость и презрение. Презрение к их недалекости, к полному отсутствию познавательного интереса, презрение к их образу жизни диких животных на выпасе. Когда она ненавидела и, что ни говори, боялась кураторов, и потому врала, она была более честна сама с собой – чувство самосохранения было ей в том порукой. А теперь? Теперь, когда причиной обман превратился в самообман, а недовольство собой в презрение к людям, которые приняли ее и теперь нуждаются в ней... Нуждаются... Ей всегда непременно хотелось быть нужной. Нужной науке – ее оригинальный взгляд на привычные вещи, ее аналитический пытливый ум не раз вызывали восхищение научного сообщества; нужной своим ячейкам –

ее рассудительность, ее дедуктивные способности и их доверчивое ожидание выводов, которые после ее объяснений казались такими очевидными, их восхищение... Зачем?! Зачем все это? И вот она здесь. Здесь все ее знания, наработанные умения обесценились настолько, что она и сама поверила вдруг в то, что это никому не нужно. Здесь нужно было другое – добывать еду, готовить ее, вовремя просаливать нехитрый скарб, петь у костра и на завтра шарить по мусорным кучам в поисках недоеденных бактериями благ цивилизации... Но почему же тогда, как только случается то, что не под силу человеку, все эти люди, которые умеют делать обычные дела лучше ее, которые так легко принимают ее помощь, не давая ничего взамен, почему они приходят именно к ней? ...

- Потому что я схохну, но сделаю... - горько усмехнувшись, ответила Грета своим мыслям.

Света еще спала, рядом с кроватью, неудобно пристроившись к подставке под приборы, спал Ной. Грета, стараясь никого не разбудить, сняла показания, кое-что подправила в капельном навесе, пару трубочек, выполнивших свое предназначение удалила, и тихонько пошла на выход.

Было еще очень рано, в палатку, в которой кроме Греты спало еще трое поселенцев, ей возвращаться не хотелось, и она решила пройтись к морю.

Когда она дошла до моря, солнце уже поднялось, но ветерок все еще был свежим.

Грета как была в одежде вошла в воду. Она стояла, раскачиваясь под рваными ударами волн, подняв голову к небу и щурясь закрытыми глазами на солнце. Вода была теплой, как в тот раз, как в первый в ее жизни раз... Грета попыталась вспомнить то ощущение блаженной безмятежности, которое тогда охватило ее... и не смогла. Это была просто теплая соленая вода. Грета сама ужаснулась тому, как бессердечна, как скучна она стала. И тут она разозлилась. Разозлилась на Бриту, на Светку, на Наду... На себя...

Грета широкими трудными шагами вышла из воды, ветер обдувал ее мокрую одежду, но она не чувствовала холода - внутренний жар согревал ее тело и наполнял ее решимостью. Грета сняла одежду нарочито медленно, и аккуратно сложила ее. Солнце припекало теперь сильнее и когда она снова пошла в воду, вода уже не показалась ей такой теплой. Грета шла и шла, волны то обнимали ее с ног до головы, то вдруг оголяли до колен. Глаза щипало от соли, в уши набралась вода. Грета зашла довольно глубоко - здесь волны были намного сильнее, и она еле удерживалась на ногах. Вдруг что-то коснулось ее плеча... Что-то прохладное и гладкое, Грета резко повернулась и волна, словно обрадовавшись ее неловкому движению, сначала накрыла ее с головой, а потом потащила на глубину. Отфыркиваясь и отплеываясь Грета подпрыгивала на волнах, с трудом доставая до дна, чтобы оттолкнуться. Щуря слезящиеся от соли глаза, Грета всматривалась вдаль. Она на какой-то момент потеряла ориентацию

и не могла понять, где же берег. Что-то снова толкнуло ее в спину, мягко, но настойчиво. Еще... и еще... Наконец Грета поняла, что устойчиво стоит на морском дне и попыталась оглядеться. Расплывчатые очертания чего-то ловкого, быстрого, серо-синего то появлялись над водой, то пропадали и снова появлялись в другом месте.

Грета медленно пошла по направлению к берегу, время от времени осторожно оглядываясь в надежде снова увидеть серо-синие очертания... Когда волны стали не такими сильными и вода едва доходила ей до локтей, Грета развернулась лицом к морю, ветер высушил глаза и соль больше не мешала смотреть - Грета увидела вдалеке своего спасителя - это был небольшой дельфин. Абсолютно невероятно. Невероятно и удивительно! Грета стояла и улыбалась. Улыбалась искренне и беззаботно. Просто солнцу, просто морю, просто дельфину и себе!

Постояв еще какое-то время, Грета пыталась разглядеть других дельфинов, справедливо полагая, что они должны жить небольшим сообществом, но в море был только один дельфин. Он тоже, казалось, наблюдал за Гретой, не уплывая с того места, где они встретились, и не приближаясь. Потом Грета помахала ему рукой, повернулась и пошла к берегу. Когда она вышла на берег, сколько ни всматривалась в морскую даль, дельфина больше не было видно.

Весь этот день она провела на берегу. Ходила вдоль береговой линии, обследовала брошенные пещерки, один раз

чуть не спугнула какую-то парочку, но вовремя их заметила и ретировалась, хотя тошнотный позыв не заставил себя ждать. К вечеру Грета так устала, что одна только мысль о том, что надо идти в поселение, а там придется разговаривать со всеми этими людьми, повергла ее в такое уныние, что она сразу почувствовала себя неизлечимо больной и забравшись в одну из обнаруженных днем пещерок, уснула.

Рано утром Грету разбудил какой-то странный звук – точнее звука даже не было. Был образ звука. Грета прислушалась к себе, к морю... Ничего. Но выспалась она. Наконец-то, отлично. Легко поднялась и пошла к морю – греться в воде. Солнце уже встало, но сегодня было не разобрать, где именно это солнце – все небо было затянуто матовой, подсвеченной солнцем плотной песчаной сеткой, и она с каждой секундой опускалась все ниже и ниже. Ветер уже с утра не давал прохлады, а к полудню обещал стать хлестким и обжигающим как само солнце... Вот почему так болела голова, – подумалось Грете. Зато море словно кто-то разгладил – небольшие волны собирались только у самого берега и лениво выкачивали редкие пенные пузыри. Грета сняла одежду и зашла в воду – вода была теплая и какая-то густая... Грета медленно, рассекая почти ровную гладь, углублялась в море. Море было тихим-тихим, умиротворенно-безмятежным, и Грете пришло в голову, что, наверное, сегодня море ни о чем не думает.

Грета поплыла. Она плыла достаточно долго, когда снова

ей почудился тот образ звука, который разбудил ее с утра. Она остановилась, зависнув в воде и тут увидела своего вчерашнего знакомого – он плавал неподалеку от нее и снова был один. Грета ждала, что он подплывет к ней, но спасатель, помелькав еще немного над морской гладью, снова издал то, что Грета назвала образом звука и уплыл. Грета уже порядком устала в воде, но море было спокойным, и она также спокойно поплыла обратно к берегу. Когда она вышла на берег, ее немного пошатывало – было очень жарко, и песочная сетка опустилась совсем низко над морем и берегом. Грета забрала вещи и вернулась в пещерку.

Она уже практически решила больше не возвращаться в свое поселение, но ей было еще немного страшно остаться вот так одной, без своей неизменной сумки, особенно теперь, когда Брита снарядила ее как следует. Просто было жаль оставлять столько добра тем, кто так и не научился пользоваться им.

Немного передохнув и остро ощутив голод, Грета побрела в сторону поселения. Она пришла к вечеру, когда поселенцы уже готовили костры вечерних посиделок. Сегодня у них был особый повод – Света, почти два года пролежавшая без движения, снова училась ходить.

Лихорадка первого дня прошла и вместе с ней ушли все недомогания, Света стала чувствовать ноги, смогла ими шевелить, и когда весь капельный навес исчерпал себя, и за него стали приниматься умницы бактерии, Света попробо-

вала встать. Это было сегодня в обед, к вечеру, она, при поддержке Ноя, вышла к костру.

Грета при всеобщей суматохе практически незамеченной зашла в свою палатку. Привыкнув к сумеречному освещению, нашла свою сумку, с неудовольствием обнаружила, что кто-то уже похозяйничал и в ней не хватает нескольких маленьких колбочек с антисептическим раствором – вообще поселенцы редко пользовались им, но сами эти колбочки были похожи на гладкие блестящие камни – дети играли пустыми колбами до тех пор пока соль не разъедала блестящую поверхность, а потом и бактерии саму колбу, и сейчас Грета была больше чем уверена, что именно дети и позарились на них.

В палатке был необходимый для каждого из жильцов сменный набор одежды и нехитрая обувь – в специальных ямках в полу лежали хорошо просоленные вещи. Грета забрала все четыре комплекта, потом пошла в палатку с остатками приборов, модусов и всякой другой технической ерунды, как называли все это поселенцы, но исправно таскали все это с мусорных куч по просьбе Греты. Правда модус собрать ей так и не дали...

Грета долго провозила в технической палатке, аккуратно отбирая и складывая с положенные Бритой самораспаковывающиеся пакеты все рабочие детали и элементы. За этим занятием и застала ее Нада. Зачем она заглянула в палатку? Модус, который у стены-то – совсем плох стал. А как в полис

пойдешь, если даже не можешь ленту посмотреть?

Грета подумала и отдала Наде кое-что из того, что отобрала для себя. Нада взяла все молча и так же молча ушла. Правда вернулась через пару минут с портативным пищевым автоматом, с которым они ходили тогда в полис.

- Спасибо. – наверное, Нада была единственным человеком в этом поселении, с которым Грете было жаль расставаться. Надежда, даже не смотря на свой значительный возраст, была энергична, любознательна...и как она тут уживается с ними...

- Я тоже уходила, - сказала Нада, - вот видишь, вернулась все равно... но это, конечно, все равно самой надо решить. Нада снова ушла, но нагнала Грету, когда та направилась в сторону моря – сначала она решила попробовать пожить в пещерке, а потом уже решать нужно ей куда-то уходить, и если да, то куда.

Нада протянула ей что-то типа котомки из густо просоленной ткани – котомка была объемной, но не очень тяжелой. Грета хотела открыть ее, но Нада жестом остановила – не нарушай, солено все. Это кофе... твой. В полисе когда были, я взяла. Грета поняла, что Нада сейчас отдает ей и свой запас любимого напитка, и чуть не разревелась от счастья и обиды одновременно. Почему же теперь, именно теперь, когда она решила уйти, чтобы искать себя не в нужности кому-то, а просто саму себя, она, наконец, находит родственную душу, в которой так нуждается сама?!

Нада отдала пакет и ушла. Вот так просто, не говоря ни слова, ни отговаривая, ни поощряя, просто... Грета даже прямо с каким-то облегчением вспомнила, что все-таки забрала тогда у Бриты свою чашку. Чашку, которую ей подарила Нада, и которую не ели бактерии.

До конца жары Грета жила в прибрежных пещерах, несколько раз меняя их из-за естественного разрушения или из-за того, что поселенцы вдруг оказывались слишком близко к ее убежищу – они приходили собирать устриц и ловить рыбу, некоторые парочки искали уединения в прибрежных пещерках; однажды Грета даже заметила Ноя и Светку, поразились нелепости их движений и вспомнив восторженные рассказы Светы про любовь снова долго и вдумчиво боролась с приступами тошноты.

Вообще, не считая этих маленьких приключений, в ее жизнь все было весьма однообразным -за все это время она пару раз уходила вглубь диких просторов за материалами для ее технических экспериментов и сырьем для пищевого автомата. Этот портативный вариант в еду мог переработать любую массу – разве что из песка не вышло бы приготовить обед, но для обогащения получавшейся после переработки растительной или животной массы была нужна дополнительная кассета с концентратом витаминов, микроэлементов и геноусилителей. Такие кассеты часто выкидывали целыми партиями из-за брака или из-за того, что снова распоряже-

нием Совета Матерей перечень генных модификаций изменился и те геноусилители, которые были заложены в огромных партиях плюскассет (они так назывались), оказывались вне Основ. А так как подобные распоряжения поступали с завидной регулярностью, то главное было просто успеть сразу после выгрузки мусора, потому что и умницы бактерии не дремали.

За все лето Грета накопила достаточный запас плюскассет и усовершенствовала немного пищевой автомат – теперь он не только мог перерабатывать морскую воду в пресную, но и предлагал три вида напитков – кофейный, лимонный и чайный. Правда кофейный был ужасен и на вкус напоминал жженный хинин, но Грета слишком привыкла с утра пить хоть какой-нибудь кофе, а того запаса, что оставила ей Нада при ежедневном употреблении хватило бы от силы на пару месяцев, поэтому Грета чередовала.

В выборе еды она всегда была неприхотлива и безо всякого сожаления о естественном меню, которое преобладало в поселении, снова, как в былые времена, перешла на пищевую массу. Ее автомат был еще из той старинной линии, которая предполагала не геометрические фигуры, а симулировала формы естественной пищи – рыбки, птички, разные овощи – это очень разнообразило быт Греты, она с удовольствием играла в эту игру.

За это время ей удалось собрать довольно приличный инфомодус, хотя опробовать его в полной мере она опасалась

– конечно предположение о том, что полисы мониторят побережье было маловероятным, но рисковать безопасностью поселения Грета не хотела. Поселение после последнего налета немного расслабилось и все лето находилось на одном и том же месте, и даже когда Грета направилась вдоль побережья на запад, поселенцы не собирались покидать насиженного места.

Думала ли она о Брите? или о Свете? Вспоминала ли? Жалела? Грустила? Конечно, бывало всякое... Но теперь ей было сложно представить, что присутствие кого-то рядом с ней руководит ее существованием – сейчас ею руководила только погода. У нее не было ни планов, ни задач... Это было очень непривычно, но поначалу не было и времени, задумываться об этом – все время отнимало налаживание одинокой жизни и приготовление неизбежного путешествия. Зимой береговая линия становилась непригодной для жизни – пещерки затоплялись, осыпались, ветер на побережье был таким, что и удержаться на ногах не всегда удавалось, а от воды вело влажным промозглым холодом.

Бриту она вспоминала несколько раз, снова и снова обращаясь к помощи тех мелочей, которые та упаковала ей в сумку. Грета вспоминала Бриту напыщенной и обиженной, злопамятной и самодовольной, и никак не могла понять ее поступка – так заботливо и предусмотрительно упакованной сумки... Несколько самораспаковывающихся пакетов с конфетами Грета скормила своему пищевому автомату и изред-

ка пила сладкие напитки, остальное содержимое сумки каждый день проверяла на предмет бактериальной эрозии и тщательно следила за тем, чтобы все что можно было просолить – было просоленным, то, что просаливать было бы жаль, пока были запаси антибактериальной эссенции, обрабатывала ею.

За лето она сносила тот комплект одежды, в котором она ушла из поселения, и в первые пасмурные и прохладные дни, в новой одежде, полностью оставившая любые воспоминания как о поселении, так и жизни в полисе, Грета направилась на запад, вначале по побережью, а потом, когда берег повернул на север, углубилась в дикие просторы. По дороге натыкалась на поселения и останавливалась на время – поселенцы принимали ее как свою, она уже давно не выглядела как беглянка, теперь она была старожилом диких просторов. Иногда издалека видела огромные спирали цилиндров ДНК-полисов - они мало чем отличались друг от друга, подходить ближе Грета не рисковала, - все необходимое при желании можно было или найти в мусорных кучах и отвоевать у умниц-бактерий, или сделать из найденного все в тех же кучах.

Так она кочевала из поселения в поселение, ни с кем особо не сходилась. Обычно Грета оставалась в поселении до тех пор, пока ее помощь поселенцам не оказывалась для них жизненно необходимой. Как только появлялись первые признаки такого к ней отношения, она вначале предлагала научить кого-нибудь тому, что знает сама, но поселенцы обыч-

но искренне удивлялись – разве можно научить другого тому, с чем так легко справляется она? Зачем же? Ведь она уже делает это. Вначале Грету это выводило из себя. Она даже пыталась объяснять что-то этим людям, но потом просто уходила в другое поселение. Так за несколько лет она ушла далеко-далеко на запад. Прошла море по отмели, прошла горы, прошла холмы и поля...

Чем дальше она уходила от того места, где был ее полис и ее первое поселение, тем непонятнее были люди. И она была непонятной для них. Не только язык и свои особые ритуалы, которые считали своим долгом отрабатывать эти невежественные люди, не только правила общежития и удивительные требования к еде и одежде... Было еще одно обстоятельство, которое в конечном итоге заставило ее повернуть обратно – от поселения к поселению она встречала все больше мужчин всех возрастов и все меньше женских особей. Смерть многих из них происходила на ее глазах – и что-то во всем этом было странное.

Огонек в ночи

Этим утром, зимним дождливым утром, Грета долго просыпалась. Она несколько раз пыталась открыть глаза и сбросить с себя жалкие влажные тряпки, которыми укрывалась от ночного холода, но не могла. Она знала, что все равно надо встать и идти, потому что на этот раз она остановилась слишком близко к границам какого-то полиса, так близко, что иногда до нее порывами ветра доносились объявления на каком-то странном наречии – сейчас по всему миру говорили практически на одном и том же языке, однако особенности произношения и специфические словечки были в каждой местности свои.

Вот и сейчас ее разбудили доносимые порывами ветра звуки, словно кто-то силился что-то сказать, но выходило только мычание. Грете показалось сегодня это мычание как-им-то особо тревожным.

Несколько ночей она провела в полуразвалившемся подземном строении – это были узкие коридорчики и небольшие ниши, выложенные природным камнем, таким чистым, как будто только вчера его натирали уборщики. Видимо, эти подземные переходы достаточно долго использовались людьми и даже теперь, когда это полуразвалившееся нечто давно необитаемо, умницы бактерии все равно находят здесь, чем полакомиться. По тому как был уложен камень

Грета сделала вывод, что эти строения относятся к древнейшей эпохе, и даже в новосредневековый период, когда собственно и начался отчет их Основ, эти камни уже были старинным напоминанием о том, что так было не всегда.

Недавно в этой местности бушевал ураган – Грета наблюдала его со стороны, он-то, скорее всего, и оголил эти забытые всеми строения. С некоторых пор Грета завела у себя привычку вести метеонаблюдения: все, что она отмечала самостоятельно и все, что подсказывал ей инфомодус – он все-таки очень ее выручал – позволило сделать ей вывод, что буйство стихии обычно происходит по одному и тому же сценарию – ураган, обычно, начинался именно на дикой территории, потом, набирая силу направлялся на полис, после чего где-то там в самом полисе и умирал. После этого, он собирался снова, но уже в другой точке диких пространств, и снова шел на полис, и опять, и опять. Таким образом выходило, что количество и качество проявлений стихии в полисе напрямую зависело от того, чем окружен полис – если это вода, то поднималось цунами, если это поле – налетал ураганный ветер или полис заваливало всевозможными мертвыми букашками, а то и дикими птицами, если это горы – полис закидывало камнями и сухими молниями, лес – иголки, сухие листья и ветки ураганным ветром и ливнем заполняли переходы от цилиндра к цилиндру, пустыня – пыль и песок забивали самые мелкие отверстия и выводили из строя наружную технику: дождь, снег, град, жара, ветер – все это, за-

рождаясь на диких просторах, демонстрируя естество и величие природы, со всех сторон как магнитом притягивалось полисом, и там превращалось в бессмысленное и беспощадное разрушительное действо.

В этих каменных переходах было спокойно и безопасно, но сыро, промозглая погода очередной зимы, проведенной Гретой в скитаниях по диким просторам, угнетала ее, она так соскучилась по солнцу, она даже была готова терпеть нестерпимую жару, но только бы проснуться утром и увидеть, как встает солнце; как оно целый день беспощадным раскаленным кругом висит над головой, как от земли поднимается марево... Грета поняла, что снова задремала, когда нестерпимая жажда выдернула ее из забытья. Все тело ломило, двигаться не хотелось, но в горле пересохло так, что, казалось, даже течение мысли остановилось, не в силах продрагаться через пересохшие пути.

Грета попыталась открыть глаза – веки распухли и не открывались – она поднесла руку к глазам и ощупала их – веки за ночь заросли коростой, которая и не давала глазам открыться. Пить хотелось нестерпимо, и она попыталась наощупь найти емкость с водой. Движение руки и попытка поменять положение тела на лежаке вызвали у нее откровенную боль – ей казалось, что кто-то выкручивает ей руки, а в спину впились тысячи тонких игл. Она хотела закричать, просто закричать – выплеснуть отчаяние, выплеснуть безысходность своего добровольно-вынужденного одиноче-

ства, но даже в крике ей было отказано – пересохший рот изобразил какие-то потрескивание, и Грета отключилась.

В следующий раз она пришла в себя, когда вокруг было уже темно. Грета проснулась от холода – размякшую влажную одежду и те тряпки, которыми она укрывалась прошлой (наверное, прошлой!) ночью доедали умницы бактерии. Тепло все так же ломило, но теперь боль не была такой резкой. Грета, ледяными, одеревеневшими от холода пальцами разлепила глаза – засохшая короста царапала нежную кожу век, но эта боль была ничто по сравнению с безысходностью тупой ноющей боли, которая овладела всем телом Греты. Грета медленно приподнялась на лежанке – сухие ветки, на которых она лежала – просели, видно, тоже проедены, - мелькнуло в голове, - подтянула к себе сумку – сумка всегда была неподалеку и попыталась раскрыть ее – руки не слушались. Все тело Греты сотрясала какая-то странная внутренняя дрожь, мелкая и противненькая, она лишала ее сил и способности соображать, дышать, Грете казалось, что она не помнит, как это – дышать. Грета пока оставила сумку и взглядом поискала емкость с водой – воды не было, а недоеденная емкость валялась под тем возвышением, на котором она устраивала себе лежанку.

- Сколько же провалялась...- обычно емкости без обработки хватало на два-три дня – их специально делали из особого материала. В сумке была еще одна емкость с водой, Грета снова попробовала ее открыть. Пальцы не слушались, и

она попыталась растереть их рука об руку, но каждое движение руки делало безысходность боли еще более невыносимой. – Вот и хорошо, вдруг подумалось Грете, - она даже улыбнулась где-то глубоко внутри себя, - вот и хорошо... Она попыталась подтянуть под себя ноги, чтобы остаться в своей любимой позе, ей даже показалось, что это у не получилось, - прислонилась к стене, и закинув голову вверх к каменному чистейшему потолку, закрыла глаза.

Ей грезилось море. Оно шептало так громко и неразборчиво, что Грета перестала слышать... А еще дельфин, он снова толкал ее в спину, - Грета была несказанно рада – дельфин снова подплыл к ней... Только вода была очень холодной – чистой, удивительно прозрачной, и нестерпимо холодной. Грета смотрела на дельфина и видела, что он издает звук, она ждала, она хотела услышать тот самый образ звука, который так поразил ее однажды, но звук был другим – странным, воющим, дребезжащим...

Грета вынырнула из сна – ее каменное убежище сотрясало как будто от гравиволн, резкие звуки пролетающих гравилетов резали воздух пронзительным механическим дребезжанием, из полиса доносилось завывание сирен.

Грета попыталась встать – ноги затекли и не хотели слушаться, тело была крупная дрожь – она была абсолютно голой – все лохмотья уже были подчищены умницами. Поискав глазами сумку, Грета не сразу ее заметила, потому что все вокруг и сумка в том числе было засыпано пылью, которая

продолжала сыпаться с потолка и стен. Стряхнув пыль с сумки Грета негнуздимися синеющими пальцами после нескольких неудачных попыток все таки открыла сумку – герметичность сумки нарушена не была и это давала надежду на то, что Грета сможет восстановиться. Первым делом Грета достала согревающий препарат и наклеила его на ключицы и на ноги чуть повыше щиколоток. Потом достала воды и сделал несколько небольших глотков – вода вызвала тошноту, но так как Грета несколько дней ничего не ела, вернув природе эти несколько глотков воды и закашлявшись, Грета решила пока больше не экспериментировать. Воду она употребила на то, чтобы умыть залипшие глаза, затем обработала их антибактериальным спреем, обработала горло, долго справлялась с рвотными позывами, снова обрабатывала глаза от выступивших на них слез... Согревающие пластыри сделали свое дело – несмотря на то, что окружающая температура была далеко не комфортной, Грете было тепло. Она осмотрела свое тело, провела автопальпацию, обработала тело антибактериальным спреем, изведя на это целый баллончик, которого при обычных условиях ей бы хватило на полгода, и оделась в новый – последний из тех, что она унесла из своего первого поселения – комплект одежды. Тело уже не болело, но было каким-то странным, Грета то и дело ловила себя на ощущении, что оно ее не слушается – будто временно ей выдали другое тело - оно и правда, как показал осмотр, стало каким-то иссохшим и дряблым. – Обезвоживание...сколь-

ко же тут провалялась... Но больше ее интересовали звуки извне, уже, впрочем затихающие. Грета включила инфомодус – новостная лента была представлена одной повторяющейся новостью – полис № 34 принимает Матерь всех Матерей!

Грета выключила модус и погрузилась в воспоминания – ей вспоминался ее первый опыт созерцания Матери всех Матерей, она вспомнила удивительную радость открытия и разочарование фальсификацией, гордость за себя и свою проницательность и раздражение Бритой, ее нежеланием поначалу видеть очевидное... Брита... Наверняка Брита тоже в одном из этих гравилетов и сегодня будет здесь...

Грета попыталась найти в себе хоть какую-нибудь заваливающую эмоцию по этому поводу, но нет... Ни добрых ностальгических чувств, ни сожалений, ни зависти, ни злости, ни жалости, ни разочарования... Ни-че-го.

Грета осторожно достала из сумки еще два препарата, назначение которых был ведомо только ей одной, наклеила на себя очередные лечебные пластыри и стала тщательно паковать сумку так, чтобы все осталось в целости и сохранности внутри нее. Закончив с этим, Грета перебрала остатки лежака ветку за веткой в поисках соли – у нее в карманах комбинезона всегда были большие и не очень куски соли, которые она использовала для просоления того, что можно было просаливать – соль нашлась, правда, некоторые куски почти растворились от сырости и белесой кашицей лежали на кам-

нях – эту кашу Грета употребила на то, чтобы просолить поверхность сумки, остальные снова рассовала по карманам.

Отсюда надо было уходить. И сейчас самое время – все силы, в том числе и дискаверы, скорее всего, брошены на обеспечение безопасности высокого собрания и границ полиса. Грета даже не стала дожидаться темноты – закинула за спину сумку и пошла на восток – в сторону своего полиса.

В последние годы привычка ходить стала для Греты потребностью, даже тогда, когда она могла оставаться на одном месте, но ей необходимо было подумать, Грета долго бродила по лесам, полям, лугам... Идти и думать, идти и думать... Нет, она не заставляла насильно себя думать, да и вряд ли кто-то другой, загляни он в голову Грете, назвал бы это думанием, или размышлением. Скорее всего он нашел бы голову Греты в состоянии первозданной чистоты, в которой нет никаких мыслительных потоков, нет образов, нет желаний... С первым шагом Грета впадала в удивительно блаженное состояние прозрачной ясности – если бы кто-то ее спросил, о чем она думала, когда шла – она бы ответила: – Обо все и ни о чем, - и не соврала. Если бы кто-то спросил ее, как же ей удалось сделать такие удивительные и верные выводы из той обрывочной и искажённой информации, которой она располагала, она бы сказала, что все слишком очевидно чтобы цепляться за разрозненные детали и придавать значение фактам.

Грета шла по ночам и отсыпалась в укромных местечках

днем, больше не примыкая ни к одному поселению. Она уже знала, что поселенцы вымирают от какого-то вируса. Еще она знала, что тогда в катакомбах она должна была умереть, но выжила, благодаря тому, что в ее организме нашлись антитела к вирусу-уничтожителю... А это значит... а это значит, что вирус-уничтожитель – прямой наследник того штамма, которым ее проверяли перед посвящением в кураторы, и который смогла победить Брита... То есть Брита... Брита... скорее всего и есть... мать нового вируса...

Грета резко остановилась и лихорадочно стала доставать из кармана инфомодус, запустив его – схватила глазами всю новостную ленту, уместившуюся на небольшом экранчике, озадаченно хмыкнула себе под нос и выключила его.

На секунду Грете показалось, что они с Бритой оказались виновниками глобальной катастрофы, человечество вымирает и то собрание, звуки которого вернули Грету к жизни (какая это была бы ирония!), как раз и собиралось по этому экстренному поводу. Но в инфоленте, наоборот, говорилось о новом прорыве глобальной научной мысли, благодаря которому человечество сможет восстановить популяцию своего второго вида – популяцию мужчин.

И действительно, опыты Бриты в конечном итоге привели к созданию такого вируса, который, выстраиваясь в ДНК мужской особи, обеспечивал ее витальность и на фоне гормональных изменений.

Только неясно, почему умирают поселенцы... И тут Гре-

та вспомнила, что среди умирающих, умерших и заболевших почти никогда не было мужчин... в одном из поселений среди заболевших, но выздоровевших были совсем маленькие девочки, которые были выкрадены из миссии продолжения рода поселенцами незадолго до того, как к ним присоединилась Грета... Одна только, наверняка, останется неразвитой... слишком высокая температура... слишком долго они не могли ее сбить... Из всего этого вытекает, что вирус работает только в отношении женских немодифицированных особей. Грета тоже была немодифицированной особью, но она уже была знакома с этим вирусом. Они все втроем оказались немодифицированными... Надо же Светка это как смогла разузнать... Светка...

Грета похолодела – она даже сама не ожидала, что предположение, правда вполне обоснованное, но все же предположение, о том, что Света может... быть... не быть... повергнет ее в такое отчаяние.

Обрекая себя на добровольное одиночество, Грета все-таки не была одинока – она держала в голове и сердце Свету, Наду, даже Бриту – иногда представляла, чем бы они могли быть заняты в тот или иной момент, спорила с ними, советовалась, помогала сочувствием... Они были с ней, потому что ей и в голову не приходило, что кто-то из них может уйти... уйти насовсем!?

Грета прибавила шаг, и чуть не побежала, но скоро выдохлась, но не физически, нет. Просто ей пришлось понима-

ние того, что она не в силах остановит неизбежность конца, и что даже если она успеет застать последние дни, часы, минуты жизни тех, кто стал частью ее, это не спасет ее от саморазрушения, и будет ли она только догадываться о том, что их больше нет, или своими глазами увидит, как они уходят, - этих частиц ее личности не станет... зачем же она пустила их так глубоко? Зачем позволила им стать необходимыми себе?! Она, которая всю жизнь стремилась не быть нужной другим, чтобы не связывать других собою, сама оказалась связанной оставленными ею людьми...

Небо уже серело и нужно было искать какое-то убежище, но Грета не могла сейчас остановиться – она чувствовала, что если остановится сейчас, то остановится навсегда... Зачем куда-то идти, если все, что тебе нужно всегда с тобой? Зачем уходить, если ты и так один?! Зачем возвращаться, если те, кто был с тобой все эти годы давно уже не те, а возвращение к ним другим принесет только боль и разочарование...

И Грета решила вернуться... Если Нада и Света... если их нет, то они навсегда будут такими, какими придумала их она, Грета! Через пару дней пути Грета вышла на берег моря и ещё пару дней шла вдоль берега.

В один из ярких весенних дней на берегу ей встретилось двое подростков – они были угловаты и нескладны, но полны здоровья и сил и никак не походили на тех хилых, аморфных существ, которых тогда Грета и Брита видели на бусине

Светки. После того раза Брите ни разу не удавалось встретить в послениях именно подростков, она встречала молодых и зрелых мужчин и даже одного старичка – там, глубоко на востоке, встречала маленьких мальчиков и девочек в том возрасте, когда пол не имеет никакого значения, нескладных девочек подростков... но мальчиков-подростков видела впервые.

Они шли ей навстречу, оживленно что-то обсуждая, причем говорил, в основном один, а второй время от времени одобрительно кивал головой, но делал это с таким чувством собственного достоинства, что Грета невольно остановилась, посмотреть на это. Этот второй (или даже скорее первый!) выглядел несколько более складно по сравнению со своим сверстником, несмотря на то, что последний был несколько выше и шире в плечах. Стараясь идти не так неуклюже, как это предполагал глубокий песок, подросток вышагивал почти степенно, держа голову высоко поднятой и лишь немного щурил глаза, хотя солнце слепило нещадно.

Он с какой-то мудрой грустью, несколько нелепой на юном лице, слушал своего собеседника, изредка одаряя его полукивком головы. Второму эти одобрения казались практически небесным благословением и он каждый раз после кивка с еще большим энтузиазмом, размахивая руками, что-то вдохновенно говорил, время от времени срываясь на дискант и то и дело спотыкаясь и подпрыгивая, потому что идти полубоком по рыхлому песку было неудобно.

Грета подумала, что можно было бы спросить у них, есть ли неподалеку поселение, да и про самих поселенцев кое-что расспросить, но неожиданно для себя обнаружила, что не знает, как к ним обратиться? Дети? Они уже не дети... Люди? Поселенцы? Мужчины? Грета не была уверена и пока она размышляла, они поравнялись.

Первый, тот, чью степенность отметила Грета, остановился, и снизойдя до брэнного мира, слегка наклонив голову, обратился к Грете:

- Мать, ты из какого поселения? – Грета обдумывала обращение «мать» и продолжала изучать подростка: что в его манере держаться и говорить показалось ей смутно знакомым, но она не могла уловить всплывающего где-то на краю памяти образа, который вспомнился Грете.

- Я давно не была здесь, - ответила Грета, и вдруг отметила перемену в своем собеседнике – он всем телом и взглядом выражал максимальную заинтересованность в ней: - Как давно? – вопрос был задан не ради праздного любопытства или из вежливости, в вопросе слышалась какая-то почти мечта...

- Грета задумалась и над тем, что услышала в голосе подростка и над тем, как долго она отсутствовала на этом берегу, и вдруг поняла, что один из этих подростков, а именно тот, который с такой надеждой ждал от нее ответа – Огонек-младший! Вот чью манеру интонировать и чью плавность движений она увидела в нем!

Теперь, всматриваясь в него с какой-то почти жадностью,

она находила в нем и другие Светкины черты – нет, внешне он совсем не походил на белотелую крупную Свету – смуглый, невысокий, с хорошо развитой мускулатурой, с овальным чуть вытянутым лицом, с которого на мир смотрели глубоко посаженные темные глаза. Выдающийся острый нос с горбинкой, колкий цепкий взгляд и массивный подбородок делали его образ воинственным, но в тот миг, когда он с надеждой в голосе обратился к Грете, она уловила образ той удивительной доверчивости и почти наивности, с которой Светка всегда обращалась к миру.

Грета заколебалась – с одной стороны, все было очевидно, это Светкин сын, и значит она достигла цели своего путешествия, с другой стороны, она не знала, жива ли его мать, живы ли те, с кем она когда-то начинала свою свободную жизнь...

- Мать жива, - неожиданно для самой себя спросила Грета?

Буря чувств пронеслась по лицу подростка – боль, удивление, надежда, сомнения... Не давая ему опомниться Грета представилась:

- Я Грета...

Огонек, казалось, верил и не верил – он стоял в замешательстве глядя на Грету. Второй же, напротив, после того как Грета представилась, запрыгал вокруг обоих и затараторил:

- Вот это да, я думал, что это сказочка на ночь! Слушай, Хим, я думал, ну, выдумали, ну... Хим, а она...ну, теперь

же уже не умрет? Вот это да, и это со мной случилось! Не, ну, конечно это ты, с тобой, но я-то, я-то был тоже, я ведь тоже ее встретил?!

Из всего этого восторженного словоизвержения Грета поняла три очевидные вещи. Первое – ее ждали и ее возвращение сложилось в легенду. Второе – женщины поселения, в том числе Светка, и скорее всего Нада, умерли от вируса. И, наконец, третье, Огонька звали непонятным именем Хим.

По дороге к поселению Хим рассказал Грете еще не растаявшую в памяти историю скоропостижной смерти практически всей женской части их поселения, и Грета прикинула, что примерно в это же время, когда она валялась в каменном подземелье, мужчины этого поселения сносили тела своих женщин и девочек в море. Рассказал о том, что все это время его мать ждала Грету и верила, что та вернется. Этой верой она заразила и детей, они как чудесную сказку слушали ее рассказы о чудесной Грете, которая могла исправить и наладить все, что угодно, знала все на свете и смогла ее, безнадежно парализованную, поставить ее на ноги.

Мужчины поселения скептически относились к возможности возвращения Греты, хотя тоже, кажется надеялись, потому что и правда, после ухода Греты, нашлось тысячу мелких дел, которые оказалось некому сделать, потому что раньше их незаметно и легко делала Грета. После того, как в поселении умерли все девочки и женщины, кроме одной вновь прибывшей беглянки, и в других поселениях случилось то-

же самое, мужчины всячески избегали разговоров о чудесной Грете и не поощряли на такие беседы детей. Нескольким поселениям пришлось объединиться и теперь заново налаживать жизнь. В бытовом плане проблем не было – каждый в поселении независимо от пола имел навыки выживания в диких просторах, но вот посиделки у костра, которые мужчины с упрямой настойчивостью затевали снова и снова, потеряли свое очарование. Никто не пел, не рассказывал сказки и истории, теперь у костра собирались помолчать...

Сегодня как раз и был один из таких дней, когда разжигали несколько костров и сами собирались за самым уютным. Грета в сопровождении подростков вышла как раз на этот костер. Точнее это еще не было костром – тут только велись приготовления: собирали ветки, приминали по-весеннему буйную зелень и расчищали место для сидения, приносили просоленные ткани, на которые потом будет выложено угощение...

Грета смотрела на привычные действия поселенцев и снова почувствовала себя беглянкой, только попавшей в дикие просторы.

- Грета, - Ной не сказал, не удивился, не обрадовался, он выдохнул ее имя. Да, это была она, снова все с той же сумкой, но теперь уже полупустой стояла посреди поредевших рядов поселенцев. Все дружно побросали свои дела и окружили ее, и тут ее снова как тогда, когда она в первый раз оказалась среди поселенцев, окутало такой доброжелательностью и ра-

достью, что она снова не удержала и разрыдалась на плече у Ноя.

О чем она плакала? Обо всем и ни о чем... Обо всем, что можно было бы сделать не так, и о том, что ничего не изменишь, да и нужно ли, обо всем, что случилось с ее родными людьми без нее и о том, чего не случилось бы с ней, останься она здесь, а еще о том, что она снова не одна, и о том, что, стремясь к одиночеству, она никогда по-настоящему не хотела быть одинокой и боялась этого...

Ной отвел Грету в палатку, забрал из нее кое-какие вещи, и сказав, что это теперь ее личная палатка, оставил ее одну. Успокоившись, Грета достала из сумки антибактериальные салфетки и привела себя в порядок. Это был последний самораспаковывающийся стерильный пакет, салфетки были суховаты и Брита поинтересовалась датой выпуска салфеток. Оказалось, что этим салфеткам чуть больше, чем стаж Греты-беглянки. Этот паке, и вообще последние несколько пакетов с разными необходимыми мелочами, которые Брита снарядила в их последнюю встречу, имели несколько иной вид, чем те, в которых были упакованы необходимые для путешествия в зону и лечения Светы препараты. Эти пакеты были старой модификации, более привычной для Греты... А-а-а... просто Брита сложила мне сумку еще до того, как стала другой, она ждала меня и желала помочь, она готова была поддержать... а я не пришла... А я ведь даже не удосужилась не то, что предупредить ее о своем уходе или хотя бы как-

то сообщить о том, что жива... мне ведь даже в голову не пришло узнать, а что же собственно говоря стало с ней... Все еще всхлипывающая Грета чуть снова не разревелась, теперь уже от собственной жестокости и эмоциональной тупости...

Как всегда в палатке был запасной комплект одежды – Грета оделась и пошла к костру.

У костра царило напряженное ожидание – все ждали ее рассказа... Грета нашла глазами Огонька и села рядом с ним. Ему было приятно - Грета была для поселенцев чем-то вроде мифологического героя, и то, что она почтила своим вниманием подростка, безусловно льстило ему.

Больших разговоров в этот вечер не получилось – слишком разнородной была аудитория: мужчин интересовало, знает ли она причину внезапной эпидемии унесшей жизни почти всего женского населения, и главное, закончилась ли она; подросткам не терпелось расспросить ее о тех невероятных знаниях, которыми, как они были уверены, располагает Грета; те, кто помнил Грету хотели бы вспомнить с ней тех, кого помнила и она, а вирус отобрал, те, кто только понаслышке знал о Грете, хотели просто поболтать с ней о тех чудесах исцеления и технической сноровки, о которой им рассказывали старожилы поселения.

Глава 8

В этот раз Грете удалось все то, что не получилось в первый раз. Новое поколение детей было любознательным и пытливым, а мужчин все-таки удалось уговорить на то, что наличие в поселении инфомодусов необходимо по многим причинам. Сначала мужчинам пришлось смириться с тем, что Грета пользовалась своим инфомодусом, потом, когда они один за другим стали время от времени приходить к ней за свежей порцией новостей в мире (Грете казалось, что она где-то об этом читала... о гендерной привязанности мужских особей к глобальным проблемам), они сами организовали вылазку к мусорным кучам и принесли огромную кучу всякого технического барахла, из которого Грета с трудом наскребла на один инфомодус. Но они быстро обучались. Пока она собирала модус, вся работа в их поселении стояла – каждый хотел увидеть как и из чего она это делает, так что Грете приходилось работать всего по три-четыре часа в день и модус она собирала целую неделю вместо того, чтобы справиться за день.

В дальнейшем каждое пополнение мусорных куч, за которым теперь зорко следили все без исключения поселенцы, сопровождалось исчезновением практически на целый день и бурным возвращением с необходимыми деталями и просьбами «собрать инфомодус». Грета постепенно стала пору-

чать некоторые виды технических работ самым сообразительным, среди которых была пара молодых мужчин, оба подростка, которые встретили ее тогда на берегу и девушка-беглянка, появившаяся в поселении, незадолго до возвращения Греты. Вообще эта девушка была просто находкой для Греты. Лина, как называла она себя, сбежала из седьмой линии, после того как одну из ее квадрии вдруг ни за что ни про что послали на миссию продолжения рода, подготовка к которой могла выявить, что у всей ячейки есть дополнительные генетические модификации, которые теперь, когда они уже дошли до седьмой линии, оказались вне Основ.

- Ничего не меняется, - думала Грета, слушая Лину. Все та же неразбериха и произвол... Лина смогла убежать во время тренировки на диких просторах – она просто не явилась на гравилет, а сопровождающие, видимо, даже не удосужились подсчитать вернувшихся ячеек и улетели без нее. Несколько дней она плутала по диким пространствам, никого не встретив, хотя среди ячеек ходят рассказы о жизни вне полиса, и обессиленная уснула прямо у мусорной кучи, где ее полуголую, голодную и насмерть перепуганную нашел Ной. Лина особо выделяла Ноя среди других мужчин, и когда вдруг появилась Грета и Ной стал уделять ей такое внимание, на которое раньше мог рассчитывать только Хим, Лина запаниковала. Она стала вести себя по крайней мере странно и непонятно для Греты, поэтому Грета повела себя так, как только могла повести себя Грета – позвала Лину к себе и прямо

обо всем расспросила. Лина, ошарашенная такой прямоотой и равнодушной любознательностью, все ей и выложила. Грета по привычке скривилась, и успокоила Лину, мол, ничего такого, никогда, и уж точно не Ной...

Точно не Ной. Но вот чтобы никогда... Грета немного покривила душой – в одном из самых дальних поселений ей пришлось лечить взрослого мужчину, его звали очень длинно – Философ, и вряд ли это было его именем, скорее прозвище. Но все их знакомство свелось только к трем дням его горячечного бреда – какое-то дикое животное пометило его когтями, раны воспалились и не собирались заживать – Грета обрабатывала раны и следила за работой капельного навеса. Он иногда выпадал из бреда и задавал Грете осмысленные вопросы, настолько осмысленные, что она терялась, а когда наконец, находилась с ответом, он снова впадал в горячечный бред. Через трое суток, когда стало понятно, что он пошел на поправку, его поселение решило сниматься с места, потому что нападения диких животных возобновились, и хоть больше пока никто не пострадал, испытывать судьбу не хотелось. Поселенцы собирались уйти вглубь пустынной зоны, а для Греты это был шаг назад, и она не пошла с ними... Не пошла, может быть, даже назло самой себе, потому что очень хотела остаться... Остаться и быть нужной... Нет... Она не хотела быть нужной никому из этих людей, никому... а тому, кто лежал в горячечном бреде она вообще была не нужна. Ему было нужно что-то другое, какие-то

экзистенциальные вопросы все не давали ему покоя, и он все спрашивал ее, а она все не находилась, что отвечать.

Сняв последний пластырь и отсоединив капельный навес, Грета, вглядываясь последний раз в спящего Философа, вместо прощания сыронизировала: - Будут вопросы, приходи – поговорим...

То, что он выздоровел, не вызывало сомнений, но вот помнил ли он ее... Ей почему-то очень хотелось, чтобы помнил... чтобы вспоминал...

Грета тряхнула головой, словно физически отгоняя воспоминания. Теперь Лина была ее самым верным соратником. Лина была хороша по всем параметрам. Во-первых, она была образована – седьмая линия обучения - это очень весомо. Во-вторых, она так же, как и Брита все схватывала с полуслова, без лишних просьб и объяснений выполняла необходимые действия и вообще... шевелилась! В отличие от мужской части обучаемых и помогающих, которым Грете то и дело приходилось напоминать: «Шевелимся, шевелимся!». И наконец, она была женщиной, а это как раз то, что позволяло Грете общаться так, как она привыкла – иронично, иногда жестковато и непредсказуемо. Мужчины пытались было разобраться в такой манере общения их единственных дам, но только больше запутывались в причинах и следствиях, оценках и эмоциях, - так что оставили все, как есть.

В течение полугода в поселении организовали своеобраз-

ную линию обучения. Лина пыталась внедрить привычные ей методы самостоятельного обучения по модусам, но Грета, зашедшая несколько дальше в своей полисной жизни и понимающая основные нюансы эффективности такого обучения, предпочтение отдавала живым объяснениям и поощряла вопросы... вопросы... вопросы...

Хим, со временем Грета выяснила откуда у Огонька такое удивительное имя – и это была просто история абсурда. В очередную вылазку к мусорным кучам вместе с разными техническими деталями в поселение попали тонкие металлические пластинки с выдавленными на них надписями – надписи были сделаны на английском языке новосредневекового периода, помимо надписей на пластинках были еще звездочки и какие-то то ли цветочки, то ли листики... В общем, как поняла Грета, в мусор выкинули старый хлам какой-то старушенции из кураторов, а то и из Матерей – последние были совсем древними, и запросто могли хранить новосредневековые раритеты, милые сердцу безделушки их ранней и давно забытой юности.

Но пластинки были до того красивыми, что поразили воображение не только детской части поселения, но и очаровали Светку. Она смогла прочитать надписи и кое-как объяснить Огоньку их назначение. На одном листике было написано «I love Him», а на втором «I'm waiting for Him». Как справедливо рассудила Света, это были примитивные гадательно-заклинательные ритуальные действия, направленные

на мужскую особь, которая не называлась. Для Светки такое объяснение было вполне очевидным, а вот Грета, после того как Хим показал их ей, задумалась более глубоко.

Уже потом, когда все свершилось, Грета много раз задумывалась о том, что возможно тогда перемудрила, и наивное объяснение Светы было единственно верным?

Грета, всегда хорошо запоминая идеи, поведала Химу о том, что в доновосредневековый период по всему миру распространилось несколько верований, которые назывались... она не помнила как они назывались, но суть была в том, что есть что-то большее, чем человек, чем полис, чем ДНК, и это-то всемогущее что-то и есть причина, и тело, и результат всего происходящего в мире. Так, вот, в период нового средневековья... А, вот еще... эти верования, называя эту всемогущую и непознаваемую сущность, все-таки соглашались с тем, что непознаваемое неосвязаемо и не может быть понято ограниченным человеческим умом, а потому придумали переходную сущность – которая наполовину человек, а наполовину все то же всемогущее существо... Так, вот, в период нового средневековья, у людей возникло стойкое ожидание того, что вот эта самая переходная сущность вдруг появится в мире и разом решит все проблемы человечества...

- И что, эта сущность явилась? – Хим обычно не перебывал Грету, впитывая все, что она рассказывала, и только через время задавал дополнительные вопросы, по которым Грета заключала, что осмысление полученной информации

у него протекает глубоко и серьезно.

- Нет, нет, конечно... Это ведь образ, пойми, просто мечта человека, навязанная ему своим же собственным умом и иллюзией ограниченности. Хим, пойми, на самом деле, человек и сам всемогущ, только не хочет этого понимать и тем самым ограничивает себя... Потому и вот тут тоже кто-то написал, что ждет какого-то непонятого Его... который сможет явиться на земле осязаемым... Но для этого надо его любить... вот эту часть я уже плохо помню...

Хим молчал в таких случаях, но про себя думал, если бы я был так всемогущ, как ты говоришь, разве умерла бы мать...

Таким образом, имя Хим оказалось ни чем иным, как местоимением. Но Огоньку версия про непознаваемую сущность понравилась больше.

Так вот, Хим оказался очень способным и усваивал материал быстрее других, из чего Грета сделала вывод, что Света все-таки, несмотря на общую настроенность поселенцев знать только необходимое, передала своему ребенку все, что смогла вспомнить. Через полтора года Хим помогал Грете наравне с Линой, которая к тому времени добровольно (все-таки они тут ненормальные!) приняла на себя миссию продолжения рода и на какое-то время выбыла из общественной жизни.

Все шло своим чередом: поселение разрослось, к ним примкнули еще несколько групп мужчин с детьми, нашлись две беглянки; линии обучались, поселение технологизирова-

лось, уже было собрано несколько пищевых автоматов, примитивный, но тем не менее заметно облегчающих изматывающую гонку за пищевым разнообразием... Как вдруг произошло удивительное, знаменательное событие, приведшее в конечном итоге к катастрофе.

В вылазках к мусорным кучам как правило участвовали взрослые, которые уже теперь знали, что ценно, а что нет, и лишнего ничего не брали. Но вот однажды со взрослыми увязались дети – конечно, ничего серьезного им не доверили ни искать, ни нести, да и никто, в общем, не обращал внимания на то, что они делают в мусорных кучах. Единственной заботой взрослых было хорошенечко просолить одежду юных мусорщиков и все, что они возможно притащили с собой, во избежание прикармливания на своей территории умниц-бактерий. Поэтому детей сразу отвели к морю, и прямо в одежде, со всем содержимым их карманов просолили в морской воде.

Все, что нашли для себя интересным и полезным дети, так бы и осталось в их полном распоряжении, если бы не по-прежнему непревзойдённая внимательность Греты.

Прозрение

Грета шла по берегу и вдруг взгляд зацепился за что-то до боли знакомое, нагнувшись, Грета подняла из песка ...бусину... такую же бусину, как тогда им добыла Света, с огромным объемом информации о миссии. Грета осмотрелась по сторонам и взрыхлила песок ногой... вдруг блеснула еще одна бусина... Грета опустилась на колени и аккуратно разгребая песок руками, стала прочесывать таким образом пядь за пядью...

За этим занятием ее застал Философ. Боковым зрением она отследила приближающуюся тень и привычно резко командовала: - Стой! Не мешай!

Грета не знала, кто это, видно, кого-то из мужчин уже послали за ней на берег, куда она ушла со всеми купаться и вот уже полчаса как все вернулись, а ее еще не было.

- Не мешай, - повторила она уже не так сердито, но глаз от песочного берега так и не оторвала, - Что? Говори!

- А что говорить? – поинтересовался собеседник, но Грета не разобрала голос.

- Зачем пришел, говори, - уже почти миролюбиво уточнила Грета.

- Ну, ты сказали приходи – поговорим... Я пришел.

Грета уже совсем было хотела подумать над сказанным, как вдруг из руки вместе с песком выпали еще две бусины:

- Ого! – издала победный клич Грета и кратко приказала:
- Ищи! – все так же не отрывая глаз от песка и вытянув вперед руку с бусиной в горсти.

Тень послушно опустилась на колени и тоже стала водить по песку руками. Грета просеивая песок между пальцев, приближалась к сидящему на коленях поселенцу. Бусин, как видно больше не было, у Греты уже болели глаза, и она наконец-то оторвалась от своего увлекательного занятия и обратила внимание на того, кто составил ей компанию.

Философ сидел на коленях, рассеянно водя одной рукой по песку, а вторую держа перед собой и перекачивая в ней две бусины. Взгляд был отстраненно отрешенным - он смотрел в даль моря, или в себя, или в никуда... Грета не была уверена. Она была ошеломлена.

Как же она любила этот берег! И первая тихая радость свободы, и дельфин, и Хим, ведь и Хим встретился ей на берегу, и вот... А еще бусины...

Философ повернулся к Грете и задал очередной неотвечаемый вопрос:

- А оно мыслящее? Море?

Грета не могла подобрать слов, чтобы рассказать о том, что да, конечно, море думает, она даже слышит его, и еще спросить... - и тут Философ снова спросил:

- А что это? – и поднимаясь, протянул ей бусины.

Грета словно вернулась в реальность и привычно выдала информацию:

- А, это инфоносители, должны быть большого объема. Надеюсь, они еще читаемы. - Грета только сейчас поняла, что до сих пор стоит на коленях и стала подниматься, отряхивая одежду.

- Куда идти? – просто спросил Философ.

Грета махнула рукой в направлении поселения и оглядев Философа уточнила: - А ты что, вот так, просто, без...

- Ага...не... была с собой еще сумка, но разоспался под шепот волн, проснулся – съедено, - он говорил просто и так спокойно, как будто объяснял, что то, что произошло, именно и должно было произойти, и что именно в этом-то и состоит смысл всего в этом мире.

В поселении уже и правда беспокоились о том, что Грета не возвращалась, но зная ее, просто ждали, собравшись у самой крайней палатки поселения.

Очутившись в своей родной стихии, где любой ждал ее команды, одобрения или замечания, Грета наконец справилась с замешательством и кратко представила своего спутника встретившим их мужчинам:

- Философ. Имя. – жестом показав на него, тут же запустила руку в один из многочисленных карманов своего комбинезона.

И почти без перехода:

- Кто-нибудь видел это на берегу? – на ладони Греты лежало семь красивых переливающихся бело-синим блеском бусин.

К группе поселенцев, среди которых был и Ной, тем временем подошла Лина с ребенком на руках:

- Так у нас все дети с этими шариками играют! – Лина, пытаясь успокоить раскапризничавшегося ребенка, передала его на руки Ною, и продолжила: - Они это с мусорных куч притащили – вчера им устроила экспроприацию, а то малыш чуть не задохнулся – все же в рот тянут...

- Где? Где они? – нетерпеливо перебила ее Грета.

- Сейчас принесу, - пожалала плечами Лина и забрав с рук Ною замолчавшего ребенка, обратилась к Ною:

- Идем, принесешь...шарики...

Ной кивнул и уже сделал шаг вслед за Линой, как резко остановился и раздраженно выкрикнул:

- Да что это, в конце концов?!

Грета поняла, что ее серьезность ввела всех в заблуждение и даже, наверное, напугала, потому она, лучезарно улыбнувшись, причем больше тому, что рядом стоял Философ, чем тому, за что часом раньше она бы легко отдала остаток жизни:

- Это информация! Если наши модусы смогут их прочитать, мы будем обладателями огромной информационной базы!

Все загалдели, разобрали бусины из рук и с удивлением рассматривали их. Ной нагнал Лину, и они вместе направились к своей палатке.

Грета взяла Философа за руку и потянула за собой, выйдя

из толчеи, Грета крикнула, пытаясь перекрыть общий гул:

- Все материализаторы в инфопала-а-а-тку-у!

Грета привела Философа в свою палатку, в которой по-прежнему стояло четыре лежака, несмотря на то, что занимала ее только Грета, и огледев ее вокруг, будто впервые видит, вопросительно-утвердительно произнесла:

- Разберешься?! – пожалала плечами и ушла заниматься информацией.

Ей ужасно хотелось остаться с Философом, но она ужасно робела в его присутствии, словно она ячейка третьей линии и ее застали за подсматриванием в чужой модус...

Всю ночь Грета провела в инфопалатке, пересматривая материализаторы. Не все они были пригодны для использования – некоторые были повреждены, но и того, что удалось с них прочесть, было более, чем достаточно их поселению. Информация была, конечно, не последней свежести, последние достижения научной мысли датировались прошлым годом, но Грета нашла то, что давно не давало ей покоя – открытую информацию по вирусу, вживление которого остановило летальность пубертата для мужских особей.

Вначале с ней вместе работали еще несколько энтузиастов, но скорость с которой Грета просматривала инфоматериализаторы, очень быстро разогнала всех любопытствующих.

Под утро в палатку зашел Философ:

- О, я тебя нашел. Ну, что есть что-нибудь стоящее?

- Да!

Третье пришествие

Пока собранные в линии поселенцы изучали научную информацию и делились на направления, Грета отошла от руководства всей этой затеей – там всем заправлял Хим, а Ной играл роль своеобразного арбитра в возникающих конфликтах. Конфликты неизбежно возникали, потому что собранные модусы были несовершенны и часто просто отключались, и тогда оставшиеся без информации пытались навязать свое общество тем счастливицам, которым больше повезло с модусами. Основным препятствием было то, что им так и не удалось наладить сеть, в которой могла бы крутиться информация с материализаторов, а огромные объемы информации на материализаторах не позволяли продублировать ее на модусах. Приходилось занимать очередь и работать непосредственно с «бусиной», а потом переходить к закреплению полученной информации в экспериментах или упражнениях, если, конечно, в процессе работы не отключался модус...

Грету беспокоили, только если возникали споры по собственно научным вопросам – она выступала как эксперт. В остальное время она занималась, насколько это позволяла ей допотопная и собранная ею же исследовательская аппаратура, разработкой вирусного штамма, который устранив летальность мужского пубертата, начал выкашивать немоди-

фицированные женские особи.

О том, что отбор происходит именно по этому принципу Грета догадалась сама – официальная инфолента буквально каждый день сообщала о смерти какой-нибудь из Матерей или старейших кураторов, случайных ячеек... Официальная версия гласила, что штамм забирает самых основных, самых верных Основам, тех, кто в самые страшные времена нашел в себе силы противостоять пагубному воздействию вируса Захария. То есть все было вывернуто таким образом, будто вирус Захария, о котором слышали все, но знать толком редко кто знал – его давно уже не разрабатывали, работали только с его последними модификациями – как будто бы в стародавние времена воздействовал не только на мужские, но и на женские особи. И вот те, кого сейчас косило как деревья в ураган, будто бы заслонили собой женскую часть человечества, взвалив на свои хрупкие плечи неподъемную ношу сопротивления страшной напасти, преградили, практически, собственными телами победное шествие вируса и спасли человечество от вымирания...

Из-за нелепости официальной версии никакой научной информации по разработкам нового штамма в инфоленте не было, что, конечно, замедляло работу Греты в этом направлении - ей приходилось отрабатывать все возможные варианты штамма самой, пересчитывать тысячи симуляций, и конца и краю этой работе видно не было.

Грета уже почти уверилась в полной бесполезности своей

работы – то, что она пыталась сделать здесь одна, там, в полесе скорее всего делают целые команды исследователей, и даже если ей просто повезет, и она сможет найти необходимую симуляцию, вырастить живой вирус и проверить экспериментально его действие у нее не будет никакой возможности.

Размышляя подобным образом и не встречая поддержки ни в ком, кто бы мог с ней разделить взваленную ею на себя работу, Грета, наконец, отчаялась. Ее отчаяние выглядело примерно так...

Одним пасмурным промозглым зимним вечером, улыбающаяся, энергичная Грета, вихрем влетев в инфопалатку, выдала примерное такое:

- Лю-у-уди-и-и! Ну, что вы уставились в свои экраны, ну, что там есть такого, что могло бы заменить вам мир!? Вы! Имеете такую возможность просто смотреть в небо, просто слушать море, узнать все его мысли! просто ощущать ветер в волосах! Зачем вы тратите жизнь на искусственный мир?!

Она говорила с таким азартом, с таким энтузиазмом, что когда Грета вдруг исчезла, пока последнее слово еще растворялось в воздухе палатки, все как по команде встали из-за своих модусов и дружно вывалили из палатки...

Погода была по-настоящему зимней – то ли морось, то ли туман висели густой кашей в воздухе, а те редкие порывы ветра, которые были призваны разгонять эту влагу, пронизывали насквозь противным мокрым холодом. На улице бы-

ло темно, что называется хоть глаз выколи – не то что звездочки, не было даже намека на луну, и вообще, понять, где небо можно было только приняв за аксиому, что раз человек стоит на земле, то задрал голову вверх, весьма вероятно увидит небо. С моря доносился такой грохот разбивающихся прибрежные песчаниковые пещерки волн, что можно казалось, будто огромное чудовище, шлепая огромными водяными лапами, наступает на лагерь, и если пока оно еще не обрушило свой вес на поселение, то только потому, что не видно ни зги.

- Н-да, что-то со звездами Грета погорячилась... – наконец-то разорвал всеобщее замешательство чей-то голос.

- Да и с морем, видимо, тоже... - добавил другой...

- Ну, а так-то, конечно-то, чего?! Приро-о-о-да, пого-о-ода, - не сдерживая улыбки поучительным тоном завершил Философ – он подошел к палатке к началу Гретиной речи, и когда она, вылетев, чуть не растянулась на скользкой от дождя траве, успел поддержать ее. Так что, когда вся инфопалатка высыпала на свежий воздух, они с Гретой оказались чуть сбоку от основной группы и сейчас смеялись вместе со всеми.

На том и закончилось Гретино отчаяние – мужчины вернулись в инфопалатку, а они с Философом ушли в свою, где Грета снова села за пересчет симуляций.

И Грете повезло! Весна бурно отцвела и лето уже заявляло свои права, когда одна из симуляций вдруг дала стопроцентное соответствие по всем параметрам. Грета, боясь спугнуть

удачу, буквально затаив дыхание, еще раз перепроверила результаты, и да! У нее сложилось! Получилось!

Она была рада, безумно рада, но что же теперь делать? Ведь вырастить по этой симуляции штамм в условиях поселения она не сможет...

И тут с безумной, по мнению Греты, и весьма изящной, по собственному определению, идеей появился Хим. Его затея была, действительно, настолько простой и очевидной, что вполне могла считаться обречённой на удачу. Конечно, оставалась небольшая вероятность того, что результат будет не так сногшибателен, как сейчас представлялось, но рискнуть стоило.

Хим два последних года тщательно прорабатывал мировую инфоленту и проштудировал все научные работы по теории обществ и полисному порядку, какие мог только найти. В это же время среди его сверстников сложился небольшой кружок любознательных ценителей Основ – начали они с критики, но, чем больше работали с их заветами, тем красноречивее и глубокомысленнее становились их защитительные речи в пользу основной идеологии. Мало того, в конечном счете эта веселая компания распалась еще на две противоборствующие группировки, одна из которых, отколовшаяся от основной и основной, базируясь только на собственной интерпретации обрывочных сведений о религиях и идеологиях новосредневекового периода, провозгласила неизбежность рождения Мессии. Эти клоуны даже математическую

модель, доказывающую, что пришествие избавителя человечества от горестей и бед, о котором так или иначе говорилось в древних верованиях, как раз совпадает с текущим историческим периодом.

Взрослые мужчины снисходительно относились к «забавам» молодых и не видели в таких заблуждениях особой беды, полагая, что с возрастом «мозги встанут у них на место». Грета, в силу занятости с поиском симуляции, вообще как-то упустила тот момент, когда информация, которая должна была наполнить их природное существование гармонией знания, превратилась в меч в руках ребенка. Она несколько раз пробовала говорить с Ноем и предостерегала его снисходительное потворство подростковым заблуждениям, но никто из старших мужчин не видел в «мальчишеском озорстве» большой проблемы.

Хим, безусловно, был одаренным существом, но при этом в нем могли сочетаться абсолютно несочетаемые качества. Он был удивительно доверчив и добр, а в некоторых случаях почти наивен, и вместе с тем проявлял просто чудеса недоверия к тому, что не соответствовала его представлениям о мире. Он мог быть хитрым и легко врал, при этом в самых незначительных жизненных ситуациях вдруг мог показать такую стойкость убеждений и твердость характера, что даже самая маленькая ложь казалась ему преступлением и он решительно и смело заявлял об этом – он смело говорил о своей некомпетентности, о своей нерешительности или даже

трусости, о том, что намеренно лгал или намеренно избегал выполнения тех или иных обязанностей... Он категорически отрицал возможность снисхождения к тому, кто обещал и не сделал, кто взялся и не смог, кто мог, но не стал... И одновременно легко позволял себе не сдерживать обещания, полениться, забыть...

Вместе с тем, если какая-то идея увлекала его, он был способен озаботить решением поставленной им проблемы буквально всех – самая невероятная идея, провал которой был очевиден при любых допущениях, в его устах превращалась в удивительное приключение и храбрый поступок, вызов, экзамен на характер! И они шли за ним! Они шли вместо него! Они давали ему то, что он хотел, то, что он просил и даже то, о чем он только мог бы подумать!

Он был напорист и ленив одновременно, он был упрям и легко бросал только что начатое дело... Ной говорил, что перерастет... Философ относился к такому прогнозу скептически, но всегда был готов защищать право человека на собственный опыт. Грета понимала, что оба они правы, и винила себя в том, что очаровав этих, по сути, детей природы, бессистемным набором научных фактов, не помогла им выстроить более или менее адекватной реальности картины мира.

И вот, Хим, наслушавшись подросткового бреда своих «соратников», надергав одному ему понятных идей из ответов Греты на его обрывочные рассуждения или необусловленные вопросы, решил... ни много ни мало, быть тем са-

мым мессией, который придет через Золотые ворота Гефсиманского сада и принесет миру – мир.

В целом, в его рассуждениях была большая доля здравого смысла.

Современный полисный мир, возглавляемый древними и по большей части выжившими из ума старухами, возглавляемый, но не управляемый – колесо ДНК-полисов крутилось само по себе. Матери, их Совет, их постоянные добавления и исправления в Основы и принципы генной модификации, подсовываемые им нечистыми на руку Старейшими кураторами, за мышинной возней сведения старых счетов не замечающих остального мира, не могли больше считаться ни достойными уважения, ни вызывающими желание продвигаться вверх по иерархии. Да и сама иерархия, откалибровавшая женские особи по индексам, рушилась при попытке применения такой системы по отношению к мужским особям.

Вся наука, нацеленная только на обеспечение функционирования самой полисной системы, давно буксовала и не давала никакого нового знания. Прикладной характер исследований полностью исключал возможность интегрального подхода к проблемам хотя бы одного самого узкого научного направления. Некоторые области научного поиска вообще канули в лету, и дилетантизм специалистов в смежных с ними сферах тормозил решение задач междисциплинарного характера.

Об этом Химу рассказала сама Грета, и теперь он бил ее

ее же аргументами.

Попытка обрисовать каждой особи четкие рамки того, что она может, а чего нет, что вообще случается, а чего быть не может, призванные искоренить в человечестве первобытную веру в чудо, с самого начала могла считаться провальной! Ведь с самого начала и сами ДНК-полисы, и удивительные технические и генетические достижения были этим самым чудом. И даже то, что чудо это было санкционировано Матерью всех Матерей и создано руками и умами самих ячеек, не умаляло его чудесности!

Человечество по-прежнему ждет чуда! Человек готов к чуду всегда! Да, не готов, может быть, не готов ко всякому чуду, но к тому-то, которого он хочет... готов ведь?!

А чего хочет человечество? Чего хочет житель полиса? – исцеления! Исцеления и свободы! А чего ждет поселенец? – свободы! Свободы и исцеления! И ведь они могут обрести это легко и непринужденно! Могут! Но не умеют сделать этого сами! Им обязательно нужен Другой, который скажет: - Я сделаю это для тебя! Я! - и тогда они побегут к нему и станут спрашивать, что сделать нам, чтобы ты сделал это для нас!? И я стану говорить им обычные вещи, и они сами сотворят чудо, но не поймут этого, потому что будут верить, что чудо это от меня!

Грета слушала Хима и не могла избавиться от ощущения, что когда-то все это уже было, стойкое ощущение дежавю возвращало ее в каменное подземелье, в котором она прова-

лялась, борясь с вирусом... Будто там был кто-то еще... Грета поделилась своими сомнениями с Философом, на что он, по своему обыкновению, ответил, что все уже когда-то было, и мы были другими, и вообще ничего нет. Все иллюзия. Когда он так говорил, Грета на какое-то время переставала переживать и беспокоиться, принимала проблему в том виде, в котором она существовала в настоящем, и не пыталась искать причин ее возникновения или просчитывать возможное развитие событий.

Вот и сейчас Грета, вначале бросившаяся развенчивать бредовые идеи молодежи и переубеждать новоявленного Мессию, просто отпустила ситуацию: были вопросы – отвечала, обращались за помощью – помогала... в той мере в которой это не усугубляло абсурдности ситуации.

Все более или менее могущие считаться взрослыми в их поселении безусловно поддержали Хима в его затее. И почти месяц их поселение было похоже на муравейник перед дождем: у каждого было свое задание, которое необходимо было выполнить на благо общего дела, но так как задания раздавал сам Хим, и логика его поручений была понятно только ему, то постоянно возникали дополнительные вопросы, ответить на которые мог только сам мессия. Его добровольные помощники целый день дергали его уточнениями, предложениями и предположениями. Хим раздражался очень легко, но потом отходил и признавал свою неправоту, но когда он злился, никому не хотелось оказаться даже на линии его

взгляда. В связи с этим к концу третьей недели охотников что-нибудь уточнить сильно поубавилось, а к концу месяца – не стало и совсем. Но это не значит, что все всем было понятно, нет, вопросы все еще оставались, и народ потянулся к...Грете.

Началось все с визита Ноя – он пришел Грете пожаловаться на то, что этот малец, толком ничего не объяснил, а когда спрашиваешь, делает такое лицо, что чувствуешь себя последним идиотом...Грета поинтересовалась, с каких пор Ной так внимателен и трепетен к выражению лиц, - не могла себе отказать в этом маленьком удовольствии, но совет по решению проблемы дала, и проблема решилась. На завтра к ней потянулись и другие. В каком-то смысле Грету даже устраивало такое положение вещей, потому что так она, во-первых, была в курсе всех приготовлений Хима, а во-вторых, могла мягко подкорректировать эту безумную затею. Философ не поддерживал Грету в ее серокардинальстве и предлагал оставить как есть, но Грета пока еще так не могла.

Просчитанную Гретой симуляцию представили в виде фрактала, который разворачивался огромной в человеческий рост голограммой. Для этого пришлось по несколько дней дежурить в точках возможного выброса мусорных куч, чтобы успеть отвоевать у умниц бактерий необходимые составляющие к такой инфотехнике. Когда все было готово, и запустили прогон, даже Философа впечатлило величие момента: Хим, запускал голограмму с инфобраслета, при этом

руку ладонью вверх держал немного впереди себя так, что голограмма раскрывалась у него с ладони. Сама симуляция в виде семьи фракталов поражала своей красотой даже тех, кто не имел никакого понятия об информации, которую несли эти изображения.

Основная задача была решена. Теперь нужно было решить, как пройти к Золотым воротам, а точнее тому месту, которому исторически соответствовало это название, такой огромной толпой, которая жаждала сотворить чудо со своим самоназванным мессией. Еще нужно было выбрать подходящее время... И возникла еще одна проблема, которая вызвала больше всего разногласий – в чем должен предстать перед жаждущим его прихода человечеством мессия?!

Перемещение непосредственно к стенам полиса такого большой группы, даже если они будут собираться в оговоренном месте поодиночке, безусловно, не сможет остаться незамеченной. Поэтому после долгих споров решили, что мессия пойдет с одним помощником, который сможет симулировать группу поддержки тоже с помощью голограмм. Тут же возникла чисто женская, но удивительно полезная идея, это предложила Лина – раз уж все равно симулировать вход, то и Золотые ворота сделайте! Легче сказать, чем сделать. На построение голограммы Золотых ворот и группы последователей, которых, впрочем, оцифровали с реальных поселенцев, ушло еще не менее месяца.

Но время еще было, потому что самым удобным момен-

том для пришествия мессии был выбран день праздника нового года, праздновавшегося в конце лета жителями этих земель в почти доисторические времена. Это был первый день нового года по одной из календарных систем. Хим остановился именно на ней не только потому, что с этим календарем было связано все, что должно было произойти по его задумке в Гефсиманском саду, но и просто потому, что ему понравился символизм цифр года – это был 6444 год по очень-очень старому летоисчислению и 2683 год по юлианской, так и оставшейся актуальной, системе, день – 13 сентября.

Сложнее всего оказалось решить ни где, ни когда, ни даже что – сложнее всего оказалось выбрать – в чем! Обсуждающие разделились на две непримиримые группы – одна часть спорящих ратовала за то, что само величие момента и завораживающая красота Золотых ворот и фрактальной голограммы призваны остановить любые споры и признать, что все равно, как будет одет мессия, главное, что он явит миру. И Грета была среди них. Ей противостоял Ной, который вместе с другой частью настаивал на том, что такая немаловажная деталь как внешний вид способна разрушить любое, самое чудесное действо. Так как дальше отстаивания своей позиции ни те, ни другие не шли, и никаких конкретных предложений по поводу внешнего вида не было, а споры только становились все горячее, пригласили в качестве арбитра Философа. Он как всегда сумел удивить: не дослушав ни одних, ни вторых – все равно в этих бестолковых выкриках

разобрать ничего было нельзя – просто отмахнулся: - Не знаешь, что надеть, иди голый, - чем вызвал всеобщее негодование и объединение противоборствующих групп против такого мнения... - а что, жара такая... ну, тряпочкой прикройся... После такого святотатства его с позором изгнали из собрания и еще потом еще долго до хрипоты доказывали друг другу, что, ну, уж это совсем, ну, ни в какие ворота...

Но Химу такая идея понравилась, и он решил, что тряпочки будет вполне достаточно, и что, может, это, конечно, и ни в какие ворота, но вот в Золотые – самое оно.

Еще оставалось несколько недель до знаменательного события, ажиотаж первых месяцев подготовки ушел, но теперь все жили предвкушением чего-то удивительного и находясь в постоянном возбуждении совсем забросили свои привычные дела. Быт совсем разладился, линии обучения тоже рассыпались, инфомодусы разобрали по палаткам, зато нельзя было пожаловаться на отсутствие посиделок – были и посиделки, и постоялки, и невозможно было призвать всю эту растревоженную толпу к спокойствию и вернуть к обыденности.

Грета снова тяжело переживала все эти изменения. Они же ждут одной минуты, ну, пяти, ну, и ведь, неизвестно еще, как все пройдет, а потом? Что будет? Они что себе думают? Теперь только и будут в золотые ворота проходить с утра до вечера?! Грета горячилась и нервничала, бросалась налаживать быт, но ее личных усилий было явно недостаточно, что-

бы вернуть поселение в то состояние, от которого оно, заметьте, абсолютно добровольно, отказалось.

- Ну, что ты молчишь? Ну, скажи, что я не права, что не надо так близко к сердцу! Давай! Скажи! – Грета снова горячилась после очередной неудачной попытки заставить поселенцев хотя бы заправить пищевые автоматы!

- А давай будем жить в пещере... у моря... будем на него смотреть...

Ну, вот как ему это удавалось?! Куда делся праведный гнев Греты на бесхозяйственность и безответственность поселенцев? О чем она переживала? Зачем?!

Но она продолжала ворчать:

- Такая зима была... прошла, ты вспомни – все разбило. А уже осень...

- Придет зима, будем думать про зиму, найдем пещеру подальше от берега, – как маленькому ребенку выговаривал Философ, – сейчас-то еще не зима...

- Сейчас не зима, - согласилась Грета, разулыбалась и стала собирать свою неизменную сумку.

О чем думает море

Ни то, чтобы никто не заметил исчезновения Греты и Философа, заметили, конечно, но это было их решением, которое на фоне грядущих перемен казалось каждому из посвященных в эти перемены таким незначительным, что на нем не задерживалось внимание.

То, что пришествие состоялось и удалось Грета узнала из инфомодуса через день или два после самого события, потому что их прибрежная жизнь измерялась теперь совсем иными временными отрезками – не было ни дня, ни ночи, ни утра, ни вечера, ни завтрака, ни обеда, ни времени для учения, ни времени на отдых. Теперь было время говорить и молчать, собирать ракушки и готовить еду, смотреть на море и слушать ветер.

Несколько раз к ним прилетал Хим – приглашал жить в полис, соблазнял удобствами и достатком, но они отказались. Они были достаточно стары для того, чтобы, однажды отказавшись от полиса, снова пускать полис в себя.

Грета еще время от времени горячилась и сетовала на то, что ничего не меняется в мире, и как могли эти дети...они же видели море!...сунуть свои головы... добровольно?! О чем они думали?! – Грета присела рядом с Философом на горячий песчаный камень и требовательно взглянула на него.

- А море? Как ты думаешь, о чем думает море? - Философ наклонил голову вперед и вбок, чтобы заглянуть в лицо Грете, которая очень сосредоточенно и сердито смотрела прямо перед собой.

- Море? – сосредоточенность ушла, на миг возникло замешательство, но и оно сменилось светлой улыбкой и тихим умиротворением... Грета подняла левую бровь, в глазах мелькнула хитринка:

- Ну, уж точно не о нас...

18082017

Вместо эпилога

Я раньше горела и воздух пила,
Как будто все мало мне было!
Я ветер любила,
Я дождь прогнала,
Я море умиротворила.
А ночью я глаз не смыкала, боясь
Закрыв, темноту преумножить.
И тьма отступала, лениво струясь,
Чтоб больше меня не тревожить...

Я раньше летала и чуда ждала!
Я миру осанну воспела!
Но музыка песню мою предала -
Душа моя заледенела.

Теперь, когда небо качаю в руках,
И солнце сияет и жарит,
На миг вдруг покажется – я в облаках,
А это лишь дым ... от бывшего пожара.

27.12.2011